

М. А. Поляковская

**ВИЗАНТИЙСКИЙ
ДВОРЦОВЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ XIV В.:
«ТЕАТР ВЛАСТИ»**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Научно-образовательный центр «Византиноведение»

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

**ВИЗАНТИЙСКИЙ
ДВОРЦОВЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ XIV В.:
«ТЕАТР ВЛАСТИ»**

Научный редактор Т. В. Куш

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

УДК 94(4)“04/14”

ББК ТЗ(0)4-9

П542

Рецензенты:

Г. Е. Лебедева, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского
государственного университета;

И. П. Медведев, член-корр. РАН, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института
истории РАН

Поляковская, М. А.

П542 Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр вла-
сти» / М. А. Поляковская ; науч. ред. Т. В. Куш. — Екате-
ринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 334 с. : цв. ил. [14 с.]

ISBN 978-5-7996-0644-2

Книга посвящена исследованию поздневизантийского церемониала, транслировавшего через сложившуюся практику ритуалов имперскую политическую идеологию, ориентированную на концепцию «вечного Рима». В рамках церемониального пространства Влахернского дворца представлен многообразный мир императорского двора — от праздничных приемов до траурных обычаев. В центре исследования находится церемониальный образ императора. Презентация структуры власти включает характеристику реальных и декоративных функций придворной элиты и чинов различных рангов. Антураж церемоний, их «зрительный ряд» дополняют характеристику византийской придворной культуры, предоставляя также материал для компаративных наблюдений.

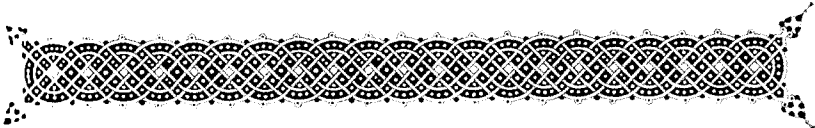
Книга адресуетя представителям гуманитарной среды, а также всем, кого привлекает своеобразный образ Византии и ее место в истории средневековой европейской цивилизации.

УДК 94(4)“04/14”

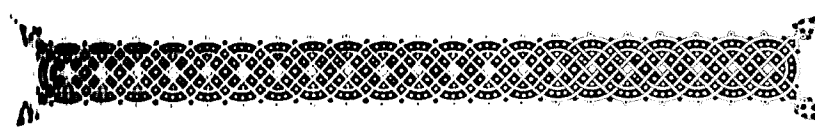
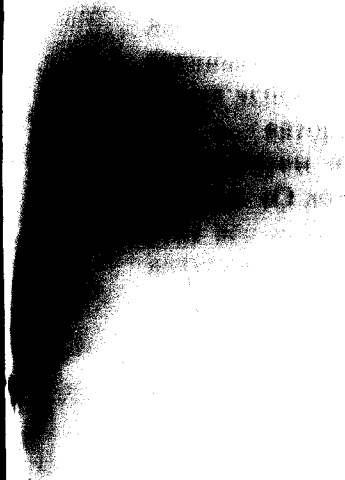
ББК ТЗ(0)4-9

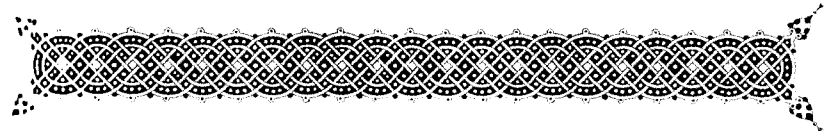
ISBN 978-5-7996-0644-2

© Поляковская М. А., 2011

*Свою последнюю книгу
посвящаю моей большой семье.
С любовью и благодарностью*

*Книга подготовлена при финансовой поддержке
Министерства образования и науки Российской Федерации
в рамках федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009—2013 гг., НИР «Византийская империя в периоды
расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение»,
ГК 02.740.11.0578*

«Мир погибал, а моя жена наряжалась» (ὁ κόσμος ἐποντίζετο καὶ ἡ ἐμὴ γυνὴ ἐστολίζετο) — эти слова известной греческой пословицы не раз приводились византинистами для характеристики Византийской империи эпохи Палеологов¹. В труднейшие для страны времена, когда все, казалось бы, готово было рухнуть, в залах императорского дворца, где почти ежедневно проходили церемониальные приемы, придворное общество блистало яркими многоцветными одеждами, звучала торжественная музыка, были слышны прославления в адрес императора.

Если определить придворный церемониал как «театр власти», то следует обратиться к его сценарию, исполнителям ролей, их ролевым функциям, репликам, а также к предусмотренным сценарием костюмам и декорациям. Сценарием дворцовых «спектаклей» является церемониальная книга середины XIV в., автором которой был некий Псевдо-Кодин, которого мы именуем не более как канцеляристом, протоколистом. Его трактат «О должностях» позволяет воссоздать в «театре власти» все — от ролей и их исполнителей до костюмов и всего антуража сценического действия.

Современному человеку, ориентированному на прагматическое восприятие происходящего в мире, церемонии византийского двора могут показаться нелепыми, не ко времени пышными, чопорными, а порой даже смешными или малопонятными.

¹ См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897. S. 425; Васильев А. А. История Византийской империи от начала крестовых походов до падения Константинополя / пер. с англ. Н. Г. Грушевого. СПб., 1998. С. 399.

Стоит ли реконструировать эти ритуалы, искать в них смысл? Может быть, это было для правящей элиты лишь способом спрятаться от тягот той жизни, которая была за стенами дворца? На эти вопросы придется ответить в этой книге.

Обычно в конце научной стези ученый издает свою «книгу жизни». Такой образ не может быть отнесен к этой книге. Скорее, для ее автора книгой жизни были его «Портреты византийских интеллектуалов». Но так случилось, что последние годы были отданы изучению темы «Церемониал и власть», хотя сердцу по-прежнему были ближе интеллектуалы, а не чиновники. Впрочем, каждый византийский интеллектуал мечтал о должности, чтобы чувствовать себя уверенно при дворе и в жизни.

Мое обращение к новой проблематике можно, пожалуй, разделить на три этапа. Назовем первый этап «приближением» к теме. В конце 1980-х гг. в секторе византиноведения Института всеобщей истории Академии наук готовился к изданию третий том «Культуры Византии». В соответствии со структурой предыдущих томов нужна была глава о быте и нравах поздней Византии, которую кто-то должен был написать быстро. Этим «кто-то» суждено было стать мне, приехавшей в Москву со своими научными планами. Эту вызвавшую у меня ошеломление новость (я же никогда этим не занималась!) я узнала из уст близкой мне московской коллеги, автора соответствующих глав в предыдущих томах «Культуры Византии» Александры Алексеевны Чекаловой. Пережив в ее доме бессонную ночь (перебирала в памяти византийские письма, где встречалось что-то подходящее для новой темы), с утра, дав согласие, я из чувства долга бросилась в омут «быта и нравов». Глава, разумеется, получилась (*qui querit, reperit*), а вскоре из наших с А. А. очерков получилась скромно изданная книга все с тем же названием — «Византия: быт и нравы» (потом, объединив наши главы, их издали в Литве и Сербии). На этом этапе работы я лишь немного познакомилась с Псевдо-Кодином, поскольку официальные костюмы архонтов не так уж важны для темы. Но микрофильм с текстом трактата я все же сделала, чтобы,

вернувшись домой, проверить те несколько ссылок на Псевдо-Кодина, которые я сделала в главе. Спасибо нашим университетским археографам, что они сохранили старую технику для чтения микрофильмов. Но на этом все могло бы и закончиться...

Следующий этап («вхождение» в тему) был связан с переездом к нам в Екатеринбург из Вены крупного ученого доктора Ханса-Файта Байера, так много сделавшего для уральского византиноведения. Заметив, что я проявляю интерес к тексту трактата Псевдо-Кодина, он купил для нашего кабинета «Античная древность и Средние века» его парижское издание и вдобавок 12-томник австрийского «Просопографического лексикона времени Палеологов», одним из соавторов которого доктор Байер был в пору его работы в Венском институте византистики. Ну как после этого не заняться поздневизантийским церемониалом? Правда, еще в течение нескольких лет «проскальзывали» статьи по риторике, но это было уже прощание с прежней темой.

В первые годы нынешнего тысячелетия начался этап «погружения» в тему: Псевдо-Кодин окончательно победил, и все мои научные помыслы были связаны с византийским церемониалом. На этом этапе работы моим верным спутником в странстве исследовательских штудий стала моя ученица, коллега, а также первый и беспристрастный читатель всех моихopusов Татьяна Викторовна Куш. У нас сложился прочный научный тандем, явно повышавший градус обоюдной заинтересованности в результатах наших изысканий, хотя исследуемые каждой из нас темы объединяет только поздневизантийская эпоха.

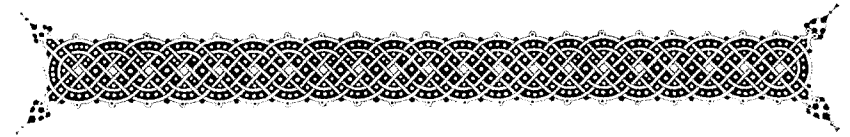
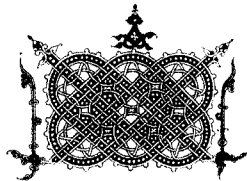
Дополнительным побуждающим к работе импульсом были успехи российских медиевистов по изучению средневекового церемониала. Круглые столы, прекрасные тематические сборники статей, доклады и монографии — и все это очень плотно во времени. В немалой степени исследовательская активность медиевистов вдохновляла, не позволяла чувствовать себя одиночкой на своем византийском поле. Церемониал как элемент

культуры и идеологии в византистике почти забыт, но есть предощущение, что скоро произойдет некий прорыв. Однако, думаю, он вряд ли коснется Псевдо-Кодина: Константин Багрянородный как источник эффективнее.

Если в целом оценить итоги «погружения» в тему, представлявшего для автора третий этап исследования им проблемы «церемониал и власть», то «погружение» и было единственно плодотворным: именно в это время были написаны многочисленные статьи и доклады, которые легли в основу этой книги.

Итак, читателя ждет встреча с парадной жизнью императорского двора эпохи Палеологов. Пройдя через презентацию самых различных ритуалов, он, возможно, обнаружит смыкание двух взаимосвязанных явлений — «церемониала власти» и «власти церемониала».

М. А. Поляковская

ВВЕДЕНИЕ ВЛАСТЬ И ЦЕРЕМОНИАЛ

Византия: сущность и этапы ее истории

Византия, начавшая свою историю как Восточно-Римская империя, в течение почти тысячи лет (395—1453)¹, испытывая подъемы и падения, постепенно становилась одним из государств средневековой Европы, совершенно особым и, более того, уникальным. Любое другое государство эпохи Средних веков, даже при наличии в его структуре типологических особенностей, имело совпадающие с другими государствами структурообразующие признаки. Византии же нельзя найти аналога. Она на всех этапах своего развития была «самой собой».

Это своеобразие Византийской империи было порождено тем, что она была богатой наследницей. Византия получила свои гены прежде всего от Римской империи с разделением ее в 395 г. между двумя отпрысками правящего римского дома — Аркадием (Восточный Рим) и Гонорием (Западный Рим). Римское наследство Византии — это право, бюрократия и административная структура, политическая идеология, латинский язык, книжная культура, система школьного образования («семь свободных искусств»). Это наследие Византия хранила в течение всей своей жизни, за исключением латинского языка как официального и диоклетиановой² системы

¹ См.: Beck H.-G. Das byzantinische Jahrhundert. München, 1978.

² Диоклетиан (284—305) — римский император.

административного и государственного управления, которые сохранялись только до середины VII в., когда с эпохой «темных веков» придет пора самоидентификации византийцев как эллинов (так называемая грецизация).

В полученном Византией древнегреческом наследстве самым большим богатством, пожалуй, был аттический греческий язык, на котором, в отличие от народного «койне», будут говорить и писать византийские интеллектуалы и императорские канцеляристы до конца существования империи. Огромное влияние на византийскую книжную культуру оказали труды греческих философов и писателей. Древнегреческое философское понятие «таксис» (упорядоченность) вошло в набор интеллектуальных критериев как исконно византийское. Политическая концепция городской общины-полиса оказала влияние на формирование полисного стержня византийской культуры.

Третьим истоком византийской цивилизации является наследие греческих восточных государств, наследие эллинизма. Именно в «басилее» раскрывается эллинистическое понимание «царства» как культа обожествляемого правителя с его неограниченной властью, пышностью двора и роскошью дворцовых церемоний, сильной армией и бюрократией. Эта часть эллинистического наследия могла бы напомнить восточную деспотию, если бы не греческое начало «упорядоченного управления» с опорой на законы. Важной частью наследства был воспринятый византийцами утонченный культурный пласт эллинизма.

Своеобразие Византии было порождено не только ее генетическими корнями, но и географическим положением. Будучи страной европейской, она обладала (при возникновении и в отдельные периоды своей истории) восточными землями — Малой Азией, Сирией, Палестиной, Северной Африкой. Морская полоса шириной менее километра отделяла европейский берег византийской столицы от побережья Малой Азии.

Олицетворением Византии была ее столица Константинополь. Этот морской торговый порт-эмпорий, расположенный на берегу Мраморного моря (Пропонтиды), между проливами

Дарданеллы и Босфор, был вызывающе богат и красив, в то время, когда Европа находилась еще в варварском состоянии. В течение тысячи лет Константинополь всегда был византийской столицей, в то время как Париж во времена Франкской империи, созданной Карлом Великим, уступил место Ахене, испанская столица из Толедо переместилась в Мадрид, а в Германии и Италии просто не было столиц в силу их децентрализованности. Уникальным фактом является также и то, что город Константина имел как свой день рождения — 11 мая 330 г., празднуемый как государственный праздник (День города), так и день смерти — 29 мая 1453 г., когда турки, захватив столицу Византийской империи Константинополь, назвали этот мегаполис Истанбулом — в соответствии с их боевым кличем «Εἰς τὴν πόλιν» («На полис!») на искаженном греческом языке.

В тысячелетней истории Византии самым ярким (и изученным) является, пожалуй, ее ранний период, называемый переходным (IV—VII вв.). Именно в это время была проведена кодификация законов и появился принесший славу Византии Свод гражданского права. В результате активной строительной деятельности правителей империи столицу украсили Большой императорский дворец, состоявший из многих зданий, и главная святыня столицы храм Св. Софии. В 425 г. в Константинополе была открыта первая в Европе высшая школа — Аудиториум. На территории страны велось военное строительство. Империя располагала великолепным флотом, хорошо обученной армией и конницей.

Центром политической жизни империи был императорский дворец. На проводимые там церемонии собиралась политическая элита, высокие чиновники и пригреваемые властью интеллектуалы. Приемы во дворце отличались почти восточной пышностью. Главной фигурой всех дворцовых ритуалов был император, почитание которого составляло доминанту всех церемоний.

Народ столицы обсуждал волновавшие его вопросы, собираясь после конных заездов на ипподроме, который в какой-то

мере выполнял роль форума. Поквартальные организации жителей столицы — димы, имевшие названия по цвету плащей любимых возниц в конных заездах, нередко высказывали свои претензии по вопросам, имевшим отношение к сфере власти. Иногда выступления димов достигали высокого социального накала. Димоты и поддерживающие их жители города скандировали свои претензии в форме организованных выкриков-аккламаций.

Как же можно определить сущность политической системы ранневизантийской эпохи? По определению Г. Л. Курбатова, «ранняя Византия представляла собой... неограниченную монархию с элементами конституционных начал, сильную именно своей государственной, этактистской традицией, а не личностно-деспотической властью»³. Известно, что конституции как основного закона государства в Византии не было⁴. Скорее, следует говорить о конституционных идеях, не нашедших отражения в определенном документе, но присутствующих в разрозненном виде в различных сочинениях. К примеру, можно привести, вслед за И. П. Медведевым, слова византийского писателя XII в. Иоанна Зонары, обращенные им в адрес императора Алексея I Комнина, поскольку тот «вел государственные дела так, как если бы это были его частные дела, то есть не как их управляющий, но как их господин, и все, что принадлежало обществу и фиску, рассматривал как свою собственность»⁵.

Несомненно, определенный элемент демократичности существовал в византийском монархическом устройении — это право сопротивления, право высказывать свою точку зрения. В византийских источниках нарративного характера можно найти множество фрагментов с явной критикой императора⁶.

³ Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии, IV — первая половина VII в. М., 1984. Т. 1. С. 90.

⁴ См.: Медведев И. П. Была ли в Византии конституция? // Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 29—42.

⁵ Там же. С. 35—36.

⁶ См.: Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

Обратившись к вопросу специфики государственной власти в Византии, не обойтись без оценки приписываемых империи характеристик, давно уже ставших клише: это авторитаризм, теократия и цезарепапизм. Именно эта «триада» дефиниций и составляет основу «черного мифа» о Византии.

Действительно, в титулатуру византийского правителя входили определения его как василевса и автократора. В русской традиции слово «αὐτοκράτεια» переводится как «самодержавие», а форма правления как «самодержавная».

Существует оценка автократии как деспотии, тирании. Поскольку подобная оценка подкреплена устойчивой традицией, следует обратиться к этимологии слова: αὐτοκράτεια по-древнегречески — не только «сам», но и «один»⁷. Это позволяет перевести это слово как μοναρχία (власть одного правителя). Можно предположить, что всякая средневековая европейская монархия в той или иной степени автократична. Однако, оставив в стороне этимологические поиски, признаем, что сами византийцы понимали автократию как империю. Да, при своем возникновении это была великая держава. Но реальная история византийской государственности не позволяет рассматривать ее как деспотию, поскольку в Византии были не подданные, а граждане, а также существовали закон и право критики.

Конечно, за тысячи лет византийской государственности можно найти двух-трех монархов, злоупотреблявших властью и скверно относившимся к окружающим престол людям. Среди них пальму первенства, пожалуй, можно отдать Юстиниану I, ослепленному как «морская язва» его придворным историографом Прокопием Кесарийским в сочинении «Тайная история».

Понятие «теократия» применительно к характеристике византийской государственности время от времени встречается не только в энциклопедических статьях, но и на страницах трудов ученых-византинистов⁸.

⁷ В новогреческом языке слово αὐτός не имеет значения «сам», но только «он».

⁸ См., в частности: Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974.

Теократией называют государство, где власть принадлежит духовному лицу и духовенство является наиболее влиятельной частью элиты. Так ли было в Византии? Действительно, император имел духовный сан, самый низкий в церковной иерархии — иподиакона. Разумеется, в титулатуре правителя этот духовный чин не упоминается. Трудно представить, что такой влиятельной империей мог управлять низший диакон! Василевс мог причащаться как священник и, входя в алтарь, склонял голову⁹. При посещении храма сразу же, в небольшом помещении у входа, снимал головной убор, шествуя далее в помещение храма с обнаженной головой. Разумеется, он не был священнослужителем на троне. Если же говорить о соотношении фигур императора и патриарха на властном поле, то все зависело от значимости личности. Чаще это соотношение строилось в рамках «симфонии», но мог лидировать либо василевс, либо патриарх (как, например, при патриархах Николае Мистике или Афанасии I).

Иногда проблему теократии соединяют с идеей святости правителя. Да, личность василевса во властной сфере была отмечена ее сакрализацией. По обряду коронования василевс был свят. Степень святости правителя менялась век от века. Доминантной в этом отношении была поздневизантийская эпоха. О причинах повышения градуса святости, а также об их формах пойдет речь в этой книге. Святость монарха не была сугубо византийским явлением, это характерно для многих государств древности и Средневековья¹⁰.

Вопрос о византийском цезарепапизме как форме государственной власти, где установлен примат духовной власти над светской, снимается теми же аргументами, которые высказаны

⁹ См.: Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843—1453). Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003.

¹⁰ См.: Хачатурян Н. А. Король — sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 19—28.

в отношении определения «теократия». В целом, вопрос о цезарепапизме может считаться снятым после появления исследования Ж. Дагрона¹¹.

Отклонив возможность определять власть василевса в ракурсе понятий «теократия» и «цезарепапизм», попробуем дать византийской государственности по возможности объективную характеристику и отметим все положительные и отрицательные проявления во властной сфере. Определенно положительным является то, что делало Византию цивилизованной страной: централизованность, наличие сложившегося управленческого аппарата, более или менее упорядоченная налоговая система и кодифицированное право. Это несомненно ставило Византию вплоть до X—XI вв. на несоизмеримо более высокую ступень развития по сравнению с пребывавшей еще в варварском состоянии Европой.

Однако все эти параметры характеристики византийской государственности должны быть дополнены определением «более, чем следовало бы». Действительно, централизация страны достигла того абсолюта, когда империю представляла столица, от которой зависело множество провинций. Вершиной административного управления был императорский дворец. Не случайно империю называли Константинополитанией¹².

Армия чиновничества, организованная в логофисии (министерства), была представлена множеством находившихся в Константинополе контор. Византийская империя была единственной страной классической бюрократии в средневековой Европе¹³. Византийскому чиновничеству были присущи те же болезни этой социальной категории, которые не имеют локальной и темпоральной принадлежности, — взятки,

¹¹ См.: Dagrón G. Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1996.

¹² См.: Fenster E. Laudes Constantihopolitanae. München, 1969. (Miscellanea Byzantina Monacensia ; Нf. 9).

¹³ См. об этом: Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 122—134.

подношения, клановость, стремление обрести милость правителя¹⁴.

Налог с работающего населения во все века существования империи был основной статьёй дохода казначейства (геникона). Развитая система налогов¹⁵ могла бы быть гордостью Византии. Однако умелые манипуляции с налогообложением адаптировали все ростки нового к существующей системе.

Правовая зрелость Византии породила такое количество законодательно оформленных препонов, что решение даже простых вопросов затягивалось надолго.

Однако наряду с перечисленными недугами, выросшими на цивилизационных достижениях империи, следует вспомнить об отдельных примерах ее положительного опыта. Византия вела достойную социальную политику в отношении необеспеченных слоев населения. Существовали дома престарелых, приюты для сирот и детей малоимущих. В школе для сирот, созданной в XI—XII вв., преподавали тахиграфию (скоропись), знание которой позволяло в будущем получить место в какой-нибудь из многочисленных контор. Педагоги и ученики в такой школе находились на полном государственном обеспечении. Мальчики, чьи отцы погибли на поле боя, получали бесплатное военное образование.

К положительным моментам в истории Византийской империи следует отнести присущую ей религиозную толерантность: здесь не было жестокого преследования инакомыслящих, ведовских процессов, костров, подобных инквизиционным. Ответом на провозглашенную анафему был чаще всего всплеск богословских споров.

Что же касается внешнеполитической сферы, то Византия всегда ощущала себя империей и вела великодержавную политику, даже утратив после X в. свое лидерство в Европе.

¹⁴ См.: Поляковская М. А. Мир поздневизантийской бюрократии // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2010. № 3 (79). С. 15—16.

¹⁵ См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 196—236.

Определив характер государства и власти в империи, вернемся к началу ее тысячелетия, представленного эпохой Юстиниана, казавшейся расцветом, но обернувшейся стагнацией и закончившейся глубоким кризисом, присущим в целом римскому миру. Эпоха «темных веков» (середина VII — середина IX в.) была тем кризисом, который обрекает на перемены. На фоне упадка экономики утвердилось сельское хозяйство, в обществе появился некоторый «вкус» к обладанию землей, началась миграция (через куплю-продажу) земельной собственности. Это приведет далее в эпоху Македонской династии (867—1056) к некоторым переменам, напоминающим слабую феодализацию (парикия, прония, экскуссия). Однако Византия с ее генами полисного устройства останется страной городов, где должность всегда будет цениться выше земельной собственности.

Эпоха Македонской династии получила в науке название реконсолидации¹⁶, поскольку были возвращены многие из утраченных в «темные века» территорий, упорядочилась экономика, расцвели искусство и архитектура.

В последующие века, особенно к моменту воцарения провинциальной династии Комнинов (1081—1185), процесс поверхностной феодализации продолжался, но чаще следы «вестернизации» проявлялись совсем не в аграрной сфере: представители элиты женились на итальянках, процветала итальянская мода на привозимые ткани, проводились военные турниры, называемые по-итальянски — джостра. Эпоха Комнинов — это скорее формирование новой византийской знати и бюрократии. Можно заключить, что феодализм в Византийской империи не состоялся и не мог состояться, поскольку эта форма общественных отношений возможна лишь в странах с аграрной экономикой и по преимуществу в период оформления их государственности. Византия же, невзирая на пережитый ею кризис эпохи «темных веков», была совершенно цивилизованным

¹⁶ См.: Kazhdan A., Epstein A. W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1985. P. 11—23.

государством с преимущественно городским типом хозяйства. Комнины, однако, не проявили должной дальновидности, чтобы позаботиться об отечественном ремесле, составлявшем основу византийской экономики. Итальянцам за помощь в борьбе за возвращение малоазийских земель были предоставлены правителями династии Комнинов торговые льготы, что позднее привело к падению византийского ремесленного производства, не выдерживавшего конкуренции с итальянским купечеством.

На международной арене Византия в этот период уже не блистала. Два страшных поражения от турок понесла империя в 1071 г. — при Манцикерте и в 1176 г. — при Мириокефале. Турецкая тема с этого времени станет одной из главных для Византии до конца ее жизни.

Крестовые походы внесли свои коррективы в византийскую историю. Алексею I Комнину удалось с помощью крестоносцев временно вернуть часть малоазийских земель, но за помощь пришлось расплачиваться очень дорого — предоставлением унизительных для империи льгот. Четвертый крестовый поход оказался роковым для Византии. Крестоносцы, жаждавшие наживы, откликнулись на просьбу восстановить на византийском престоле свергнутого правителя из дома Ангелов и, не получив за это достойного вознаграждения, начали грабеж византийской столицы, опустошая храмы и дворцы. Многие памятники искусства, книжные фолианты навсегда покинут страну, будучи вывезены латинянами. После драматических событий 1204 г. империя на несколько десятилетий прекратила свое существование. Константинополь остался в руках крестоносцев, а на территории византийского государства возникла Латинская империя (1203—1261). Только три византийские территории — Никея, Трапезунд и Эпир — сохранили свою независимость. Никея, ставшая «очагом греческого патриотизма»¹⁷, стала инициатором реставрации Византийской империи. Это произошло

¹⁷Irmscher I. Nikäa als «Mittelpunkt des griechisches Patriotismus» // BF. 1972. Bd. 4. S. 117—119.

Кристофоро Буондельмонте. Вид Константинополя. 1420
Национальная библиотека Марциана, Венеция

План Константинополя периода около 1200 г.

в 1261 г., когда никейский правитель Михаил VIII Палеолог стал императором восстановленной Византийской империи.

Эпоха Палеологов (1261—1453), о которой пойдет речь в книге, была завершающей в истории Византии. Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация (турки!), внутренние распри и борьба за власть, кризисное состояние городской экономики, религиозные распри и одновременный всплеск интеллектуальной жизни¹⁸ — вот те параметры, в которых приходится измерять палеологовскую эпоху.

В трудное для империи время власть в целях самосохранения обращалась прежде всего к идеологической составляющей ее политики. Основной акцент делался на традиции авторитета власти. Император, именуемый в официальных документах василевсом и автократором¹⁹, находился в центре всей политической системы империи, называвшейся государством римлян (ἡ πολιτεία τῶν Ῥωμαίων)²⁰. Византия, в свою очередь, мыслилась ее жителями как центр ойкумены, как *Rex Byzantina*, *Rex Christiana* — в развитие римской идеи *Rex Romana*²¹. Столица империи, ставшая «вторым», или «новым», Римом, наследовала авторитет Древнего Рима. Империя укрепляла его тем, что, провозглашая себя очагом христианства, была

¹⁸ См.: Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth Century // XIVe Congrès International des études byzantines. Rapp. 1. Bucarest, 1971. P. 7—30; Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов : три очерка. СПб., 1998.

¹⁹ См.: Schreiner P. Zur Bezeichnung «megas» und «megas basileus» in der byzantinischen Kaisertitulatur // Byzantina. Thess. 1971. T. 3. P. 175—192; Treu K. Byzantinische Kaiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften // BZ. 1972. Bd. 65. S. 9—34; Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ : Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978.

²⁰ Beck H.-G. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat // Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972.

²¹ См.: Zakythinos D. Byzance et les peuples de l'Europe du sud-est: La synthèse byzantine // Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 3. P. 10; Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи... С. 22—23.

ориентирована на официальную концепцию ойкуменизма²². Поддержанию значимости идеи императорской власти и империи служил в значительной степени придворный церемониал.

Значение и смысл церемониала

Церемониал — это система сложившихся и ставших традиционными ритуалов презентации власти. В древности церемониалы различных стран и различных эпох в смысловом предназначении имели много общего, будучи всегда подчинены прежде всего идее власти.

В Европе государственный церемониал сложился ранее всего в Византийской империи, бывшей огромным островом цивилизованности в варварском мире. По мере успехов процесса централизации в каждой из стран европейского Средневековья определились свои стереотипы демонстрации авторитета власти через ритуал. Имея огромное количество запечатленных в церемониале специфических обрядовых деталей, страны христианской цивилизации в целом были приближены друг к другу: в пределах церемониального пространства складывалось синкретическое единство традиций Древнего Рима, христианства и — для стран бывшего варварского мира — отдельных черт германских обычаев.

На начальной стадии становления церемониального стереотипа Западная и Центральная Европа были ориентированы на Византийскую империю²³, поражающую европейский мир совершенством и торжественностью своей церемониальной системы. В межгосударственных отношениях получение в качестве дара византийского василевса императорского одеяния, короны или каких-либо символов власти было желанно для всех государей средневековой Европы. Вспомним, что установление

²² Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 51.

²³ См.: Ронин В. К. Византия в системе ранневизантийских представлений раннекарolingских писателей // ВВ. 1986. Т. 47. С. 85—86.

в 826 г. в зале королевского дворца в Ахене собственного органа было для франков поводом для самоутверждения, т. к. до этого времени на Западе считали, что этот музыкальный инструмент был исключительной принадлежностью византийского двора²⁴.

Церемониал как форма презентации власти многофункционален. Можно рассматривать идейный, политический, социальный, этический и эстетический его аспекты. Определяющими были, без сомнения, идейное и политическое проявления ритуального комплекса.

Византийский церемониальный «сценарий»²⁵, вне зависимости от ситуационного фона (прием во дворце, выход «в народ», коронавание, свадьба, введение в должность), многократно «тиражировал» официальную концепцию величия империи и торжества императорской власти, создавая через эффект ритуального действия харизматический идеал правителя²⁶. «Театр власти» был в значительной степени сакрализован, особенно в эпоху Палеологов, когда снижение авторитета Византийской империи (не только в контактной зоне, но во всей Европе и в странах Передней Азии) компенсировалось возвышением ее значимости через достигший к этому времени своего апогея православный литургический ритуал. Сакральная аура способствовала созданию образа императора, стоящего над миром, выше мира, связанного незримыми духовными нитями с Верховным Правителем — Господом. После литургии коронавания василевс воспринимался как «облаченный властью», как «помазанник Божий»²⁷. Ритуальное признание особых достоинств коронуемого («Свят!», «Достоин!») создавало высокий уровень

²⁴ См.: Ронин В. К. Указ. соч. С. 93.

²⁵ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра I до смерти Николая I. М., 2002.

²⁶ См.: Geertz C. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages / ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13—16.

²⁷ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 30—108.

сопричастности каждого к литургическому действию, а это способствовало эффекту репрезентации в умах подданных идеи священной империи и Божественной императорской власти.

Постоянно, каждодневно длящийся ритуальный спектакль — в больших или малых его формах — укреплял особое, мифическое, отношение к василевсу и империи. Веками создавался как церемониалом, так и всеми средствами коммуникативности политический миф о высоком предназначении власти. Восприятие власти имело некий этический характер, не оставлявший места каким-либо сомнениям и вопросам («так было всегда»). По замечанию исследователя византийского церемониала О. Трайтингера, в церемониале «политическое возвышено до мифического и религиозного уровней...»²⁸. Не случайно список сановников императорского двора середины XIV в. завершается не соответствующей политической ситуации фразой: «Дай Бог, чтобы империя расширилась и император стал мировым властителем (κοσμικός αὐτοκράτωρ)!»²⁹. Византийский автор конца XIV — начала XV в., осознавая, что империя территориально стала небольшим государством, писал, однако, в духе идеологии своего времени: «...если кто-то хотел бы идти до границ ойкумены, он услышал бы, что везде упоминается один патриарх вселенной, который в Константинополе, и только один император, который в литургии!»³⁰ Французская исследовательница Э. Арвейлер определила византийскую политическую идею палеологовского времени как «национальную утопию»³¹.

²⁸ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken: zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956. S. 3.

²⁹ Pseudo-Kodinos. Traité des offices / introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1976. P. 340 (далее — Ps.-Kod.).

³⁰ Dietsen J. L. van. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // Zeitschrift für Historische Forschungen. 1979. Bd. 6, Hf. 1. S. 4—5.

³¹ Ahrweiler H. L' idéologie politique...

Церемониал позволяет увидеть общество в структурированном виде: василевс — элита — остальные подданные. «Сердцевину общества»³² составляли члены императорской семьи и высокие сановники. Придворная элита, принимая участие в церемониальных актах, выполняла свою социальную функцию по возвышению образа василевса, что одновременно повышало и ее собственное самоощущение в политическом мире империи. Та ступенька, которую занимал тот или иной участник отдельного ритуала в церемониальном «спектакле», влияла на оценку его социального статуса и открывала его возможности в придворном мире. Высокие сановники находились в «силовом поле» василевса, являясь участниками «театра власти». В силу этого они ощущали себя причастными к управлению империей, что давало им основание в значительной степени дистанцироваться от остальных подданных. Последним же было отведено определенное место в церемониале — быть зрителями во время императорских выходов и проявлять свое эмоциональное состояние восторженными криками, что соответствовало общему контексту церемониала.

Социальное назначение церемониала заключалось прежде всего в создании ощущения стабильности и уверенности в могуществе правителя и империи, гармонии в отношениях государства и церкви, единения василевса и подданного ему народа.

Церемониальная культура несла в себе определенный этический заряд. Праздничность церемониальных актов создавала положительный, умиротворяющий эффект, порождая как у зрителей, так и у участников обрядов самые просветленные и жизнеутверждающие эмоции.

Придворный ритуал создавал значимые этические ориентиры формируя нормы поведения, общения, являя в церемониальных спектаклях образцы «высокого стиля» отношений.

Определенный нравственный акцент имела презентация наряду с василевсом и членов его семьи. Это создавало иллюзию

³² Elias N. The Court Society. Oxford, 1983. P. 117—129.

иской родственности, исходящей от императора в отношении подданных³³.

В культуре Византийской империи такой ее сегмент, как церемониал, имел огромное эстетическое наполнение. Многоцветие парадных одежд, блеск золота в многочисленных украшениях и декоре помещений дворца и церквей, музыка и праздничное пение, сияние света — все это создавало необычайной силы эстетическое воздействие. Архитектура императорских дворцов и храмов, фрески, мозаики, декоративные шелковые занавеси были великолепным фоном церемониальных спектаклей. Праздничная риторика включала слово как средство воздействия на аудиторию. Словесная эстетика энкомиев оказывала влияние как на зрителей, так и на участников ритуала. Церемониальное зрелище было ориентировано на некое созвучие в его восприятии всеми свидетелями. Это созвучие восприятия церемониального действия должно было отражать гармоничную структуру мира³⁴.

В исследовательской литературе в отношении церемониалов различных стран и эпох утвердились понятия «театр власти», «сценарий власти». Очень точным является наблюдение Д. Кэннедайна: «Ритуал — это не маска власти, а тип власти»³⁵. Церемониал, будучи объектом исследования, позволяет точно определить место презентуемой им власти на шкале эволюции государственности.

³³ По замечанию Р. С. Уортмана, комментировавшего коронацию русского императора Николая I, императорское семейство становилось «метонимическим выражением постоянных, самозабвенных, чистых чувств, привязывавших слуг и подданных к престолу» (Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 382)..

³⁴ См.: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société a Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines a Venise en septembre 1968. Venise, 1971. P. 219.

³⁵ Cannadine D. Introduction : The Divine Rites of Kings // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies. Cambridge, 1987. P. 19.

Византийские церемониальные книги

Источником для изучения византийского «театра власти» являются прежде всего церемониальные книги. Их в истории Византии две — X и XIV столетий. Последний из названных обрядников и лежит в основе наблюдений автора этой книги. Однако внимание ученых уже давно обращено прежде всего к обряднику X в. в силу его большей детализации ритуалов и яркости в их описании.

Обрядник X в. — это «Книга церемоний»³⁶, записанная при Константине VII Багрянородном и отражающая ритуалы как ранневизантийской эпохи, так и последующего времени, вплоть до X в. Этот сборник придворных обрядов некоторое время находился в библиотеке члена городского совета города Франкфурта-на-Майне Конрада Уффенбаха. Известно, что он сообщил о принадлежащем ему свитке, содержащем византийский придворный чин, Альберту Фабрициусу. А полвека спустя, в 1751—1754 гг., этот труд был издан филологом Яковом Рейске (с его примечаниями)³⁷. Позднее этот ценный источник по истории придворного церемониала V—X вв. был переиздан в Боннском собрании³⁸.

«Книга о церемониях», состоящая из 97 глав в ее 1-й части и из 37 глав во 2-й, касается многих сторон жизни двора. Некоторые главы (частично 55-я, а также 56-я и 57-я) утрачены, и о них можно судить по их названию в оглавлении.

Появление этого яркого источника затмило на время другую церемониальную книгу, известную ученым задолго до «открытия» «Книги церемоний» времени Константина VII Багрянородного, — сочинение «О чинах Константинопольского двора

³⁶ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / e rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829—1830. Vol. 1—2 (далее — De cerim.); см. также: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies / texte établi et trad. par A. Vogt. Vol. 1—2. P., 1935—1940.

³⁷ См.: Васильевский В. Обзорение трудов по византийской истории // ЖМНП. 1888. Сент. Ч. 259. С. 163—173.

³⁸ См.: De cerim.

и должностях Великой Церкви», впервые изданное в 1588 г. (а затем — в 1596, 1625, 1647, 1839 гг.)³⁹. Современное издание с французским переводом, комментариями и приложением подготовлено Ж. Верпо⁴⁰. Издателем перенесена в приложение та часть сочинения, которая касается церковной службы, т. к. в некоторых рукописях этот материал был лишь дополнением.

Хотя сравнение по объему и охвату тем явно не в пользу второго из названных обрядников, однако именно он является основным источником информации о жизни императорского двора эпохи Палеологов.

Композиционно обрядник XIV в. состоит из 12 глав, которые подчинены идее последовательной характеристики иерархии придворной знати и чиновников, ритуалов инвеституры, инсигний власти, а также приемов во дворце, выходов императора за его пределы и различных обрядов, прежде всего связанных с праздниками. Специальные главы посвящены коронации императора и избранию патриарха. В приложении параллельно содержащемуся в обряднике списку должностей даны сохранившиеся другие списки — из «Шестикнижия» Константина Арменупула, по Матфею Властарю, а также анонимный список (всего шесть списков). Завершает приложение описание коронации Мануила II Палеолога анонимного автора.

Автором обрядника XIV в. в первых его изданиях был назван куропалат Георгий Кодин, но позднее было признано, что это предположение ошибочно⁴¹. Несомненно лишь, что авторство принадлежит человеку, близкому к императорскому двору. За автором обрядника — в связи с его анонимностью — утвердилось имя Псевдо-Кодина⁴².

³⁹ См.: Codini Curopalatae de officialibus palatii Constantinopolitani et de officiis magnae ecclesiae liber / ex recog. I. Bekkeri. Bonn, 1839.

⁴⁰ См.: Ps.-Kod.

⁴¹ См.: Verpeaux J. Introduction // Ps.-Kod. P. 25.

⁴² См.: Ibid.

После тщательного исследования вопроса о датировке обрядника последним его издателем установлено как *terminus a quo* 1347 г.⁴³ с некоторым возможным временным допуском до конца 60-х гг.⁴⁴.

Любопытно отметить, что автор обрядника XIV в. время от времени апеллирует к древним обычаям (преимущественно в одежде) ассирийцев, мидийцев, упоминает имена Кира, Дария, Александра Македонского, Константина Великого, но нигде нет и намека на сравнение с «Книгой церемоний» времени Константина VII Багрянородного. Возникает мысль, что он не знал ее⁴⁵. Может показаться, что сочинение Псевдо-Кодина было не реальным обрядником, а лишь литературным произведением. Но совпадение ритуала коронации с данными анонимного автора, описавшего коронацию Мануила II Палеолога, а также впечатления русского паломника Игнатия Смоленского, присутствовавшего на этой коронации, свидетельствуют в пользу того, что перед нами реальная церемониальная книга. Утрата же прямой последовательности с «Книгой церемоний» времени Константина VII Багрянородного вполне объяснима, ибо правление латинян прервало связь времен. Можно допустить, что сочинение Псевдо-Кодина имеет никейские корни, поскольку инициатива реставрации Византийской империи принадлежала правителю Никеи. Равным образом церковным уставом в восстановленной империи стал не студийский, как при Комнинах, а иерусалимский, который был принят в Никейской империи. Так и в церемониале, видимо, преваляровали скорее никейские акценты.

«Трактат о должностях» в то же время не является архаичным, оторванным от своего времени. В его тексте упоминаются ситуации, связанные с такими известными людьми XIV в., как императоры Михаил VIII и Андроник II Палеологи, Иоанн

⁴³ Ps.-Kod. P. 29.

⁴⁴ Ibid. P.29—30.

⁴⁵ См.: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 196.

Каптакузин, Иоанн и Мануил Асаны, Феодор Метохит, Музалон, Михаил Тарханиот, Никифор Хумн и др.

По охвату сюжетов две названные церемониальные книги значительно отличаются друг от друга, хотя игнорировать возможность их сравнения было бы неправильно. Во всяком случае, издатели текста сочинения Псевдо-Кодина не исключают такой возможности⁴⁶.

Хотя, как уже отмечалось выше, «Книга церемоний» значительно полнее по описанию обрядов, но в «Трактате о должностях» содержится самое детальное описание коронационного акта (и именно он был заимствован русским церемониалом). В отличие от обрядника времен Константина Багрянородного, сочинение Псевдо-Кодина содержит перечень всех придворных санов и должностей⁴⁷. Привлекает внимание исследователей трактата XIV в. подробное описание костюмов придворных, а также многие другие детали, которых нет в «Книге церемоний». Материал для параллелей ритуала XIV и X вв., а также более ранних столетий возможен, но далеко не по всем параметрам: он может быть скорее исключением, чем правилом.

Если обратиться к вопросу изученности византийского церемониала, то прежде всего следует назвать исследование немецкого ученого Отто Трайтингера «Восточноримская императорская и имперская идея по ее отражению в придворном церемониале», изданное в 1938 г.⁴⁸ и затем дважды переизданное⁴⁹ в Германии без каких-либо изменений, что само по себе

⁴⁶ См.: Verpeaux J. Introduction // Ps.-Kod. P. 40; Vogt A. Commentaires // Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies. P. XXIII—XXIV.

⁴⁷ Этот список близок к трапезундскому (см.: Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 162—163).

⁴⁸ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee : Verlag der Frommannschaften Buchhandlung, Jena, 1938.

⁴⁹ Treitinger O. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken // Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa, 1940. Jg. 4, Hf. 1/2; Idem. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken : zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956. Автором книги использовано издание 1956 г.

свидетельствует о высокой научной значимости труда О. Трайтингера. Его сочинение по постановке проблемы, по исследовательским оценкам соответствует требованиям науки начала XXI в. Исследование в основном подчинено идее избрания императора «через Бога» и представлено двумя большими разделами «Избрание через Бога» и «Божественный избранный на троне» (разделы, в свою очередь, детализированы параграфами). В центре внимания О. Трайтингера находятся церемониальные акты, отражающие «императорскую идею». Однако следует заметить, что рассматриваемое сочинение опирается преимущественно на «Книгу церемоний» и труды византийских историков. Так, в первой части исследования, посвященной церемонии коронации, при 46 ссылках на «Книгу церемоний» лишь 8 ссылок — на сочинение Псевдо-Кодина, хотя, как известно, именно из-под его пера вышло самое подробное описание коронационной церемонии. Примерно такое же, если не более контрастное, соотношение использования материалов двух обрядников присуще большинству исследовательских статей по проблеме византийского церемониала.

Обратившись к старой русской историографии по рассматриваемой проблеме, прежде всего назовем имя Д. Ф. Беляева. Его детальное исследование византийского церемониала⁵⁰ не отмечено строгим концептуальным единством, нашедшим отражение, к примеру, в книге О. Трайтингера, однако оно значительно превосходит ее детальным рассмотрением как отдельных сюжетов, так и предметного ряда, что позволяет считать книги Д. Ф. Беляева первой (по времени их появления и по их значимости) энциклопедией византийского церемониала. В центре внимания исследователя — «Книга церемоний» X в. Псевдо-Кодин же (Кодин) упоминается крайне редко,

⁵⁰ Беляев Д. Ф. Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891; Его же. Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X в. СПб., 1893; Его же. Byzantina III. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя : с портретом автора, двумя таблицами и 27 рисунками в тексте. СПб., 1906.

мимоходом, без стремления систематизировать эти отсылки к обряднику XIV в.

Еще более нарративный характер присущ сочинению иеромонаха Иоанна (Рахманова)⁵¹. Его труд менее известен, чем сочинения Д. Ф. Беляева, однако в его манере дескрипирования есть свой полезный смысл. Основной акцент в названном исследовании сделан на роли церкви и церковных обрядов в жизни двора по обряднику времени Константина VII Багрянородного.

«Книге церемоний» X в., а также отдельным ее сюжетам посвящены за последние сто лет многочисленные исследования⁵². Во многих работах церемониальная тема по материалам обрядника Константина Багрянородного поднималась и поднимается в контексте других проблем⁵³.

⁵¹ Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора (*De cerimoniis aulae Byzantinae*) как церковно-археологический источник. М., 1895.

⁵² См., например: Diehl Ch. Sur la date de quelques passages du livre des cérémonies // *Revue des études Grecques*, 1903. Vol. 16. P. 28—41; Bury J. B. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos // *The English Historical Review*. 1907. Vol. 22. P. 209—227, 417—439; Ebersolt J. La grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies. P., 1910; Eadem. Sainte-Sophie de Constantinople: études de topographie d'après les cérémonies. P., 1910; Boak A. E. P. Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries // *Harvard Studies in classical Philology*. 1919. Vol. 30. P. 37—47; Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches: Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen // *Byz.* 1932. Bd. 7. S. 185—233; Guillard R. Autor du livre des cérémonies de Constantin VII Porphyrogénète // *REG.* 1946/1947. Vol. 59/60. P. 255—258; Piltz E. Middle Byzantine Court Costume // *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* / ed. by H. Maguire. Washington, 1997. P. 39—52; и др.

⁵³ См., в частности: Белозерская Н. Царское венчание в России : ист. очерк. СПб., 1896; Савва В. Московские цари и византийские василевсы : к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; Айналов Д. В. Княгиня Ольга в Царьграде // Тр. XII археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 3. С. 12—20; Diehl Ch. *Etudes byzantines*. P., 1905; Gelzer H. *Byzantinische Kulturgeschichte*. Tübingen, 1909; Ebersolt J. *Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines*. I. *Etudes sur la vie publique et privée de la cour byzantine* // *Revue de l'histoire*

Если же обратиться к вопросу о степени изученности трактата «О должностях» Псевдо-Кодина, то пальму первенства, без сомнения, следует отдать издателю текста этого сочинения Ж. Верпо. Наряду с презентацией и переводом текста им представлена история и собственная оценка проблемы авторства, датировки сочинения, а также классификация источников и рукописных традиций трактата⁵⁴. Значимость обработки Ж. Верпо текста трактата Псевдо-Кодина увеличивается за счет выявления параллельных мест в других источниках — сочинениях поздневизантийских историков, юридических текстах и даже (редко) в «Книге церемоний» X в. Определенную ценность имеют расположенные в подстрочнике комментарии к отдельным наименованиям должностей, деталей одежды, убранства стола (с отсылками к другим источникам, исследовательской литературе, словарям), хотя автор оговаривает, что он интерпретирует лишь наиболее изученные термины, оставляя подобного рода работу другим исследователям трактата⁵⁵.

Доклад Андре Грабара «Псевдо-Кодин и церемонии византийского двора в XIV в.», сделанный им на коллоквиуме в Венеции в 1968 г., точно соответствует по своему названию проблеме,

des religions, 1917. Vol. 76. P. 3—105; Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929; Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. *Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient*. P., 1936; Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // *ВВ.* 1981. Т. 42. С. 35—48; Morrisson C. Le modiolos: couronne impériale ou couronne pour l'empereur? // *Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires*. P., 2002. Vol. 14. P. 499—510; Бибииков М. В. «Великие василевсы» византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // *Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти*. М., 2006. С. 29—51; Majeska G. P. The Emperor in His Church: Imperial Ritual in the Church of St. Sophia // *Byzantine Court Culture...* P. 1—12; Featherstone J. M. *De cerimoniis and the Great Palace* / ed. by P. Stephenson. L.; N. Y., 2010. P. 162—173.

⁵⁴ См.: Verpeaux J. Introduction // *Ps.-Kod.* P. 21—127.

⁵⁵ См.: *Ibid.* P. 24—25.

которая рассматривается в этой книге⁵⁶. Докладчик отдает дань признания автору обрядника, которого он называет «уникальным», а его сочинение — отмеченным печатью индивидуальности⁵⁷. Вряд ли следует понимать эту характеристику в прямом смысле: скорее, А. Грабар хотел сказать, что время от времени в тексте трактата обнаруживается авторская ремарка, что делает обрядник отличным от сухого протокола какой-либо церемонии.

В заслугу автора трактата А. Грабар ставит наличие у него чувства времени, стремление написать несколько слов о прежних функциях называемой им должности или об истории какой-либо детали костюма⁵⁸.

А. Грабар отметил, что в трактате Псевдо-Кодина роль императора по сравнению с прежними временами «опускается до человеческого уровня» (*au niveau d'un homme*)⁵⁹. Исследователь понимает в данном случае то, что императорское абсолютное молчание сменяется правилом изречения ряда словесных формул.

А. Грабару принадлежит сравнение придворных кругов с военной структурой, с иерархическим закрытым обществом («мужским братством»)⁶⁰. Императорский двор А. Грабар справедливо определяет как «государство в государстве» — с той его особенностью, что главой обоих государств является один и тот же император⁶¹.

Наряду с этими точными по их адекватности характеристиками византийского двора XIV в. А. Грабар пишет, что сравнения сочинения Псевдо-Кодина с «Книгой церемоний» X в. «настолько малополезны, что от них нельзя ничего ожидать»⁶². Однако он,

⁵⁶ См.: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine... P. 195—221.

⁵⁷ Ibid. P. 196.

⁵⁸ Ibid. P. 197.

⁵⁹ Ibid. P. 199—200.

⁶⁰ Ibid. P. 206—207.

⁶¹ Ibid. P. 207—208.

⁶² Ibid. P. 197.

вопреки этому выводу, сравнивает ряд церемоний именно с соответствующим ритуалом «Книги церемоний»⁶³. Несмотря на отмеченную непоследовательность, доклад А. Грабара многое добавляет к нашему пониманию значимости обрядника XIV в.

По материалам сочинения Псевдо-Кодина выполнена работа Элизабет Пильтц «Официальный костюм византийских сановников в эпоху Палеологов»⁶⁴. Целью исследования автора является не столько церемониальная культура, сколько включенный в обрядник список византийских чинов с описанием их одеяний. Для сочинения Э. Пильтц характерно стремление к выявлению иерархии архонтов, разделенных автором — в соответствии с их костюмами — на три класса (или на два класса и один субкласс)⁶⁵.

Из давних работ по поздневизантийскому церемониалу следует вспомнить статью М. А. Андреевой, посвященную описанию и анализу такой составляющей придворного ритуала, как «явление» императора⁶⁶. Эта статья, будучи рассмотренной в контексте книги М. А. Андреевой о византийской придворной культуре⁶⁷, многое дает для реального видения принятых при дворе ритуалов и обычаев. В названной статье автор, описывая церемонию прокиписиса, проводит некоторые аналогии с предшествующей эпохой, а также вводит описание этого ритуала в широкий исторический контекст. Статья о прокиписисе М. А. Андреевой не потеряла значения и поныне.

⁶³ Grabar A. Op. cit. Not. 47, 54, 61—65, 68, 73—76, 78—81, 83, 87.

⁶⁴ Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994.

⁶⁵ Ibid. P. 92—93. В противоположность наблюдениям Э. Пильтц, мы придерживаемся принципа классификации чиновников, исходя прежде всего из церемониального ритуала (см.: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 157—160).

⁶⁶ См.: Андреева М. А. О церемонии «прокиписис» // SK. 1927. Т. 1. P. 157—173.

⁶⁷ См.: Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Praha, 1927.

Ритуал коронации императора по материалам сочинения Псевдо-Кодина исследуется в статье Г. А. Острогорского «Эволюция византийского обряда коронавания»⁶⁸. Церемония коронации императора XIV в. рассмотрена автором в сравнении с предшествующей эпохой, начиная с V в. Для эпохи Палеологов отмечено, что «религиозный, культовый характер коронационного обряда еще более усилился»⁶⁹, а это соответствовало процессу «теократизации самой царской власти».

Отдельные сюжеты церемониальной культуры XIV в. рассматривались в статьях автора этой книги⁷⁰; в несколько модифицированном виде они войдут в ее текст.

⁶⁸Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронавания // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура: сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 33—42.

⁶⁹Там же. С. 38.

⁷⁰См., например: Поляковская М. А. К спорам о скаранике // АДСВ (Симферополь). 1995. Вып. 27. С. 41—45; Ее же. Византия, византийцы, византилисты... С. 101—108; Ее же. Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV—XV вв. Центр и периферия: тез. докл. XV Всерос. науч. сессии византистов. Барнаул, 1998. С. 63—65; Ее же. Византия, византийцы, византилисты... С. 97—100; Ее же. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X—XIV в) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 157—172; Ее же. Византия, византийцы, византилисты... С. 136—155; Ее же. Византийская чиновная лестница...; Ее же. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 314—321; Ее же. Итальянские посольства в контексте поздневизантийского церемониала // Византия в контексте мировой культуры: науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк: тез. докл. СПб., 2006. С. 29; Ее же. Женщина в византийском придворном церемониале XIV в. // *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 51—57; Ее же. Поздневизантийский чин коронавания василевса // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 5—24; Ее же. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 4 (66). С. 229—237; Ее же. Праздник Рождества Христова в рамках византийского церемониала: эволюция ритуала // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. С. 549—55. (Тр. Гос. Эрмитажа; т. 43).

В последние полтора-два десятилетия активно разрабатывается византинистами (равно как и медиевистами)⁷¹ близкая к церемониальной проблематике тема придворной культуры⁷². В ее эстетической составляющей эта тема примыкает к идее церемониального спектакля. Придворная риторика, прежде всего музыка и литературная риторика⁷³, вплетались в особо праздничные дни жизни двора в общую ткань церемониала. Несомненно, придворная и церемониальная культуры в своих проявлениях являются взаимопроникающими. Диффузия этих сфер культуры столь очевидна, что их, казалось бы, нельзя разделить. Однако при этом понятия «церемониал» и «придворная культура» не являются синонимами.

Архитектура и декор дворца, интерьер храма⁷⁴, где проходил высший акт церемониала — коронавание императора, — все это, не оговоренное специально в обрядниках, составляло тот фон, ту атмосферу, которую можно назвать контекстом церемониального пространства.

Заметим, что все названные работы по византийской придворной культуре относятся к допалеологовскому времени. По исследованию придворной культуры поздневизантийской эпохи делаются лишь первые шаги.

⁷¹См.: Blumke J. *Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft in hohen Mittelalter*. München, 1986 (in English: Bumke J. *Courtly Culture: Literature and Society in the High Middle Ages*. N. Y.; L., 2000); Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда: сб. ст. М., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал: сб. ст. М., 2004. Из старых работ по придворной культуре эпохи Палеологов см.: Heisenberg A. *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit* // SBAW. Phil.-hist. K. 1, Abh.10. München, 1920.

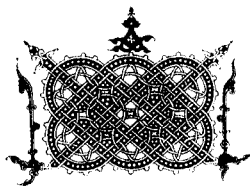
⁷²См.: Schreiner P. *Charakteristische Aspekte der byzantinischen Hofkultur. Der Kaiserhof in Konstantinopel* // *Höfische Kultur in Südosteuropa. Bericht der Kolloquien der Südosteuropa-kommission 1988 bis 1990* / hrsg. von R. Lauer und H.-G. Majer. Göttingen, 1994. S. 11—24; Restle M. *Hofkunst-höfische Kunst Konstantinopels in der mittelbyzantinischen Zeit* // *Ibid.* S. 25—41; см. также сборник статей: *Byzantine Court Culture...*

⁷³См.: Dennis G. *Imperial Panegyric: Rhetoric and Reality* // *Byzantine Court Culture...* P. 131—140.

⁷⁴См.: Majeska P. *The Emperor in His Church ...* P. 1—11.

Прав П. Шрайнер, написавший, что представления о византийской придворной культуре должны были бы быть представлены в объемной монографии, которой еще не существует⁷⁵.

Разумеется, идея исследовать византийский церемониал в контексте всех аспектов придворной культуры представляется заманчивой. Но, осознавая, что это было бы несколько преждевременным, обратимся к исследованию византийского церемониала XIV в. прежде всего на основании «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина, лишь иногда, по ходу рассматриваемых придворных ситуаций, выходя за его пределы.

⁷⁵См. об этом: Schreiner P. Charakteristische Aspekte der byzantinischen Hofkultur... P. 11.

Юстиниан I с придворными. VI в. Мозаика собора Сан-Витале в Равенне

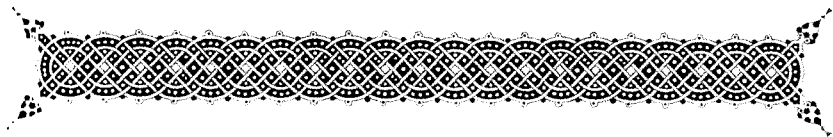
Сцена на ипподроме
Мадридская рукопись сочинения Иоанна Скилицы. Конец XII в.

Василевс на фоне ойкумены
Мраморный диск. XII в. Думбартон Окс, Вашингтон

Провозглашение Феофила императором
Мадридская рукопись сочинения Иоанна Скилицы. Конец XII в.

ГЛАВА 1

ПРОСТРАНСТВО ЦЕРЕМОНИАЛА ЭПОХИ ПАЛЕОЛОГОВ

Пространством византийского церемониала всегда являлся императорский дворцовый комплекс с его зданиями, галереями, портиками, площадями, храмами и святынями. История придворной жизни Византийской империи связана прежде всего с Большим императорским дворцом (τὸ Μέγα Παλάτιον), берущим свое начало со времен Константина I (324—337). Отраженные в «Книге церемоний» дворцовые обряды разворачивались на территории Большого императорского дворца, который был представлен многочисленными дворцовыми сооружениями в омываемой водами Босфора и Пропонтиды юго-восточной части столицы. В состав Большого дворца, помимо резиденции императора — Золотой палаты (ὁ Χρυσοτοίκλιος), также входили такие дворцы, как Магнавра, Дафна, Халка и примыкающий со стороны Мраморного моря Вуколеон¹.

¹ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891; Ebersolt J. La grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies. P., 1910.; Mamboury E., Wiegand T. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel. Berlin, 1934; Diehl Ch. Le palais impérial et la vie de cour a Byzance // La Revue de Paris, 1935. Vol. 42. P. 82—98; Dagron G. Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1996. P. 106—138; Bolognesi Recchi-Franceschini E., Fetherstone M. The Boundaries of the Palace: De cerimoniis II.13 // Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires. P., 2002. P. 37—46.

Ко времени реставрации в 1261 г. Византийской империи после пяти с лишним десятилетий латинского владычества Большой императорский дворец обветшал и лишь иногда использовался в церемониальных акциях в качестве ритуальной остановки по пути в храм Св. Софии. Постоянной же резиденцией Палеологов (1261—1453) стали Влахерны (αἱ Βλαχέρναι).

Начальная история Влахерн

Что же такое Влахерны? Если бросить взгляд на карту Константинополя, то очертания города можно условно сравнить с неким треугольником², в вершину которого вписан маленький треугольник Влахерн. Русский паломник Зосима, посетивший столицу Византии в начале XV в., так описал свои впечатления о Константинополе: «Царьград стоит на 3 углы, 2 стѣны от моря, а 3-я от западу... в первом угле от Бѣлого моря Студийский монастырь, во 2-м угле святаго Юрья монастырь Монган... в 3-м угле стоит церковь Лахерна, от лимения повыше мало чарева палата, а за лименем стоит фряжеской град Галата...»³

По отношению к прибосфорской части Константинополя Влахерны находились в северо-западной стороне столицы. Этот район долгое время был предместьем Константинополя, местом отдыха императорской семьи.

Официально Константинополь делился на 14 регионов, и Влахерны являлись последним, четырнадцатым, регионом⁴, от-

² Бенедиктинский монах XII в. Одо Дейльский, духовник франкского короля Людовика VII, сравнивал также очертания Константинополя с парусом корабля (см.: Odo de Diogilo. De profectioe Ludovici VII Francorum regis in Orientem / ed. by V. G. Berry. N. Y., 1948. L. IV; далее — De profectioe).

³ Хождение и бытѣ гръшнаго инока Зосимы, диякона Сергиева монастыря // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984. P. 191.

⁴ Schneider A. M. Die Blachernen // Oriens. 1951. Vol. 4. S. 86—88; Mango C. The XIVth Region of Constantinople // Studies on Constantinople. Brookfield, 1993; Idem. La mystère de la XIVe région de Constantinople // Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires. P., 2002. Vol. 14. P. 449—455.

деленным пустырями от остальной территории столицы. Если обратиться к топографии города, расположенного, как и Древний Рим, на семи холмах, то Влахерны находились за шестым из них (частично на его наиболее удаленном от города склоне)⁵.

Влахерны были довольно живописным районом. Одна из сторон «треугольника» представляла собой берег залива Золотой Рог, другая, западная, его сторона примыкала к полям и рощам, а на севере, за вершиной «треугольника», находилось Серебряное озеро (ἡ Ἀργυρὰ, λίμνη Γυρολίμνη). Этимология названия района не совсем ясна. Вернее всего, его имя происходило от залива на северо-западном берегу Золотого Рога⁶.

Константин I в целях обороны столицы возвел стены вокруг пяти ее холмов: Влахерны в начальный период византийской истории оказались за пределами городских стен. Феодосий II (408—450) усилил Константинову стену и продлил ее дальше. Стены Феодосия тянулись от Мраморного моря до Влахерн. Это был двустенок со множеством башен, башенок и с широким рвом⁷.

Император Ираклий (610—641) продолжил Феодосиевы стены с тем, чтобы полностью оградить Влахерны от угрозы нападений с суши. Ираклиева стена шла сначала на север от Феодосиевой, а затем поворачивала на восток до Золотого Рога. Таким образом, в начале VII в. весь район Влахерн оказался защищенным с суши городскими стенами. Ираклиева стена — одностенок (ὁ μονότειχος) — была выше и толще Феодосиевой. Правда, рва перед ней не было, видимо, из-за обилия оврагов⁸. В начале IX в. Лев V Армянин (813—820) перед той частью Ираклиева одностенка, который подходил к берегу Золотого Рога, построил небольшое ограждение протяженностью

⁵ Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950. P. 54.

⁶ См.: ODB. Vol. 1. P. 293; Janin R. Constantinople byzantine... P. 303.

⁷ См.: Дестунис Г. С. Топография средневекового Константинополя // ЖМНП (СПб.). 1883. Февр. Ч. 225. С. 250; Janin R. Constantinople byzantine... P. 38.

⁸ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С.15.

до 100 метров (стена Льва). Стены вдоль Золотого Рога не были такими же основательными, как сухопутные. Надо полагать, что море и флот заменяли вторую цепь стен.

Застройка территории Влахерн, в античные времена славившихся своими целебными источниками, началась с середины V в., когда по велению императрицы Пульхерии, супруги Маркиана (450—457), была возведена трехнефная базилика в честь Пресвятой Богородицы (*Παναγία τῶν Βλαχερνῶν*), где некоторое время спустя после завершения строительства церкви будут храниться привезенные из Палестины риза Богородицы и мафорий — плат, покрывавший некогда ее голову и плечи⁹.

Почти одновременно с возведением этого храма в середине V в. началось строительство дворцовых сооружений, храма-реликвария Св. Раки, где в саркофаге хранились святые, а также Св. Купели (*ἄγιον λουστρά*)¹⁰ на месте источника. Дворцовые и храмовые постройки с их святынями рассматривались как единый комплекс¹¹. Храм Богородицы был соединен с дворцом, как считают, переходным портиком.

Первой дворцовой постройкой был триклиний Св. Раки (*τρικλινος τῆς Ἁγίας Σοφοῦ*). Построенный при Льве I (457—474) триклиний, находившийся в катихумениях церкви Св. Раки, состоял из зала приемов, спальни и часовни¹².

Второй императорской резиденцией был триклиний Данувия (*τρικλινος ὁ καλούμενος Δανούβιος*)¹³, расположенный

⁹См.: Janin R. Constantinople byzantine... P. 124. Святые будут привезены во Влахерны в 473 г. — см.: Idem. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantine. Pt. 1: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. Vol. 3: Les églises et les monastères de Constantinople. P., 1953. P. 169; Влахерны // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 124 (далее — ПЭ).

¹⁰См.: Janin R. Les églises et les monastères... P. 169; Высоцкий А. М. Церковь Богородицы Влахернской в Константинополе, ее отражение на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 212.

¹¹См.: Papadopoulos J. B. Les palais et les églises des Blachernes. Athènes, 1928.

¹²См.: Janin R. Constantinople byzantine... P. 124.

¹³См.: Schneider A. M. Die Blachernen... S. 98—99.

немного далее в сторону залива: от триклиния Раки нужно было подняться по двум лестницам.

Триклиний, построенный императором Анастасием I (491—518), носил его имя. Чтобы дойти до триклиния Анастасия, нужно было, выйдя из триклиния Данувия, пройти портиком Иосифиака (*πόρτιξ Ἰωσήφιακός*). Портики и переходы соединяли отдельные триклинии.

Четвертый из ранневизантийских влахернских триклиниев — Океан (*Ὠκεανός*), также построенный в период правления Анастасия I, получил название, как полагают, по морскому стилю его декорирования¹⁴. Эта императорская резиденция использовалась для приема большого количества высоких гостей, прежде всего в праздник Сретенья.

Влахернские постройки V—VI вв., как дворцовые, так и храмовые, имели недолгую жизнь. Храм Богородицы несколько раз перестраивался — сначала при Юстине I (518—527)¹⁵, а затем при Юстине II (565—578)¹⁶. Во времена Юстиниана, согласно Прокопию Кесарийскому, интерьер храма имел следующий вид: «и нижние, и верхние этажи его высаты на глыбах паросского мрамора, стоящих тут обделанными в виде колонн. В остальных частях храма колонны стоят прямыми рядами, посередине же они отступают внутрь. Всякий, кто входит внутрь этого храма, может особенно удивляться, видя, как эта громада не производит впечатления, что она может обвалиться, а его великолепие чуждо безвкусности»¹⁷.

События начала VII в. принесли особую славу Влахернам, прежде всего церкви Богородицы и иконе Божьей Матери Влахернской. В 626 г. в отсутствие императора Ираклия Константинополь оказался под осадой авар. Забота о защите столицы

¹⁴См.: Schneider A. M. Op. cit. S. 98—99.

¹⁵См.: Procopius Caesariensis. De Aedificiis / Procopii Caesariensis Opera Opnia. Leipzig, 1962—1964. I. III. I; Прокопий Кесарийский. О постройках / пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4(9). I. III. I. С. 213—214.

¹⁶См.: Janin R. Les églises et les monastères... P. 169.

¹⁷Прокопий Кесарийский. О постройках... I. III. 3—4.

пала на плечи сына императора юного Константина и патриарха Сергия. Они, обойдя стены Константинополя с иконой Влахернской Богоматери, просили ее о защите. Штурм авар, осадивших Влахерны и с суши, и с моря, был отбит, и аварский хан оставил мысль о дальнейшей осаде Константинополя. В сознании осажденных жителей столицы это чудесное освобождение от нападения авар было знаком заступничества Богородицы Влахернской. Ее мафорий стал главной святыней не только Влахерн, но и Константинополя. К защите столицы мафорием Богородицы Влахернской константинопольцы всегда обращались во времена будущих осад столицы.

Так, при императоре Романе I Лакапине (920—944), когда болгарский царь Симеон угрожал независимости Византийской империи, мирный исход конфликта также приписывали влахернским святыням. Продолжатель Феофана так описывал эту ситуацию: «Царь же, прибыв во Влахерны вместе с патриархом Николаем, вошел в святую усыпальницу, простер руки в молитве, а потом пал ниц и, орошая слезами святой пол, просил всеславную и непорочную Богородицу смягчить несогбенное и неумолимое сердце гордого Симеона и убедить его согласиться на мир. И вот открыли они святой кивот, где хранился святочитимый омофор пресвятой Богородицы и, накинув его, царь словно укрыл себя непробиваемым щитом, а вместо шлема водрузил свою веру в непорочную Богородицу и так вышел»¹⁸. Переговоры о мире завершились удачно: во Влахернах был подписан договор между болгарами и ромеями. В 971 г. император Иоанн I Цимисхий (969—976) просил у Влахернской Божьей матери помощи в его походе против росов¹⁹.

¹⁸ Theophanes Continuatus. Chronographia. Bonn, 1838. 260; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 169; см. также: Janin R. Les églises et les monastères... P. 171.

¹⁹ См.: Leonis Diaconi Historiae libri decem. Bonnae, 1828. 129; Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко, вступ. ст. М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М., 1988. С. 68.

В обряднике Константина Багрянородного (кн. 2, гл. 12) подробно описан ритуал омовения императора и его семьи в священной агиасме Влахерн²⁰, что являлось одним из главных обычаев, связанных с Влахернами²¹.

С Влахернами докомниновского времени были связаны многие события из жизни императорской семьи. Можно вспомнить, к примеру, что в Богородичной церкви во Влахернах, бывшей к тому времени одним из самых роскошных храмов Константинополя, была проведена собравшая цвет знати столицы праздничная церемония усыновления императрицей Зоей ее фаворита Михаила (будущего императора Михаила IV) и возведения его в сан кесаря²².

Одним из памятных печальных событий было самоубийство патрикия Константина Диогена, сделавшего свою военную карьеру при императоре Василии II Болгаробойце (976—1025) и женатого на племяннице Романа III Аргира (1028—1034). Обвиненный в заговоре и отданный под следствие Константин не стал дожидаться решения суда и погиб, бросившись со стен Влахернского дворца²³.

Зачастую Влахернский дворец докомниновского периода использовался как место временного отдыха, где можно было вдали от шума столицы провести переговоры или просто потрапезничать.

²⁰ Подробнее об этом см. в главе «Парадная жизнь императорского двора».

²¹ См.: Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006. С. 36.

²² См.: Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / texte établi et trad. par E. Renauld I—II. Paris, 1926—1928. IV. XXIII; Михаил Пселл. Хронография / пер., вступ. ст. и прил. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 41.

²³ См.: Михаил Пселл. Хронография... С. 296. Коммент. 5.

Влахерны времени Комнинов

Новый период в истории Влахерн связан с императорской династией Комнинов²⁴. После пожара 1069 г., уничтожившего влахернские дворцовые постройки, Алексей I Комнин (1081—1118) начал строительство нового дворца, который при нем и стал основной императорской резиденцией. Анна Комнина написала, что ее отец Алексей I с самого начала правления перебрался *πρὸ τὰ ἐν Βλαχέρωναις παλάτια*²⁵, как считают, подалеже от страстей ипподрома. Из стен дворца за зубчатыми стенами были видны спускающиеся к саду Филопатион равнины, подходящие для верховой езды²⁶.

Внук Алексея Комнина Мануил I (1143—1180) построил во Влахернах новый дворец, самый роскошный из всех прежних дворцовых построек²⁷. По свидетельству франкского летописца Одо Дейльского, дворец имел роскошный экстерьер с обилием золота и камня различных оттенков. Улица перед дворцом представляла поистине ковер из различных пород мрамора²⁸. Известные нам остатки дворцовых стен с арочными проемами окон могут в какой-то степени воссоздать наши представления об архитектурном стиле дворца.

Внутри дворца, в зале приемов, стены были украшены фресками с сюжетами военных подвигов императоров. В главном зале находился золотой трон, украшенный драгоценными

²⁴Runciman S. Blacherna Palace and its Decoration // Studies in Memory of David Talbot Rice. Edinburgh, 1975. P. 278; Magdalino P. Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 533, 535.

²⁵См.: Anne Comnene Alexiade / ed. and trans. by V. Leib. Vol. 1—3. Paris, 1937—1945 (II. 5); Анна Комнина. Алексиада / вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 92.

²⁶См.: Nicetae Choniatae Historia / ed. I. Bekker. Bonn, 1835. P. 10. 16—19 (далее — Nic. Chon); Maguire H. Gardens and Parks in Constantinople // DOP. 2000. Vol. 54. P. 251—264.

²⁷См.: Runciman S. Blacherna Palace... P. 279.

²⁸См.: De profectione... L. IV; Janin R. Constantinople byzantine... P. 125—126.

камнями. Как пишет Одо Дейльский, «по красоте, богатству и строению этот дворец превосходит все дворцы земли»²⁹. Никита Хониат назвал это сооружение дворцом немецкой императрицы (*τῆς ἐξ Αλαμάνων δεσποίνης*)³⁰. Р. Жанен полагает, что дворец был построен в честь первой жены Мануила Берты Зальцбахской³¹.

Современники эпохи Комнинов и Ангелов называли дворец высоким (или даже превысоким). Это нашло отражение в сочинениях как путешественников, так и крестоносцев, позднее завоевавших Константинополь. Одо Дейльский писал: «Там стоит дворец, называемый Влахернским, и хотя он возведен в низком месте, но, будучи построен с роскошью и изяществом, он поднимается довольно высоко и благодаря тройному соседству — моря, полей и города — доставляет своим обитателям тройное удовольствие взирать на все это попеременно»³². Жоффруа де Виллардуэн называл резиденцию Исаака II Ангела «высоким Влахернским дворцом»³³. Робер де Клари заметил, что с холма, на котором был расположен Влахернский дворец, «можно было отлично видеть поверх стен корабли, столь он высок»³⁴.

Исследованиями греческого ученого А. Г. Паспати, проведенными в последней четверти XIX в.³⁵, были обследованы остатки фундамента в районе бывшей Св. Купели (в момент обследования — родника освященной воды). Фундамент

²⁹De profectione... L. IV.

³⁰Nic. Chon. P. 44. 3—7.

³¹См.: Janin R. Constantinople byzantine ... P. 127; Schneider A. M. Die Blachernen... S. 99—100; Runciman S. Blacherna Palace...P. 279.

³²De profectione... L. IV.

³³Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984. С. 93—94.

³⁴Клари Р. де. Завоевание Константинополя / пер., ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. С. 149, 319.

³⁵Βυζαντιναὶ μελεταὶ τοπογραφικαὶ καὶ ιστορικαὶ μετὰ πλυσίων ἔκδοτων ὑπὸ Α. Γ. Πασπατῆ. Κοσστ., 1877; Дестунис Г. Топографии средневекового Константинополя... С. 256—258.

ограничивал заполненное землей пространство площадью в 24 тысячи кв. метров. Одной из сторон фундамента была Ираклиева стена, здесь высота земли достигала 17 м, а на других сторонах огороженного стенами пространства — от 12 до 14 м. А. Г. Паспати отказался от мысли, что стены дворца были наполнены землей в турецкую эпоху и на ней были сооружены жилища турок и разбиты сады. Ученый пришел к выводу, что местность, на которой строился дворец, была низменной и овражистой, полной крутых откосов. В связи с этим византийские строители возвели стены, которые могли укрепить искусственный холм, и на нем был построен дворец, из окон которого можно было видеть весь Константинополь вплоть до храма Св. Софии, корабли в водах Золотого Рога, поля и сады за западными стенами Влахерн (у Паспати ссылка на Киннама). А. Г. Паспати справедливо полагал, что стены возводились не для охраны дворца, а для выравнивания уровня местности за шестым из холмов Константинополя. Кстати, современная топонимика сохранила название дворца Мануила I Комнина: турки назвали ворота в морской стене Влахерн Эйван-серай-капусу (или Айвасара-капусу), т. е. «ворота Высокого дворца».

Дворец Мануила Комнина современники называли не только высоким, но и драгоценным (ὕψιφερῆς δόμος, ὃς Πολύτιμος λέγεται)³⁶. Крестonosцы были в изумлении от богатств византийских дворцов, прежде всего Влахернского. Жоффруа Виллардуэн написал, что во Влахернах были поселены рыцари, чтобы стеречь обнаруженные там сокровища. Вспоминая о константинопольской добыче, он писал о золоте, серебре, утвари, драгоценных камнях, шелковых одеждах и материях, мехах соболей и «разных богатствах, когда-либо на земле существовавших»³⁷. Именно в этом дворце был оказан прием французскому королю Людовику VII Юному³⁸.

³⁶ ПЭ. Т. 9. С. 125.

³⁷ Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя... С. 250.

³⁸ См.: De profectio... L. IV.

В 80-х гг. XII в. император Исаак II Ангел построил рядом с дворцом Мануила высокую башню, напоминавшую — в соответствии с характерной для элиты этого времени модой на западный стиль — замки средневековой Европы. Башня должна была защищать находившийся рядом с ней Влахернский дворец. Современники не были склонны к одобрению строительного размаха Исаака II Ангела. Так, Никита Хониат написал: «Когда он решился построить еще во Влахернском дворце башню, частью, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частью и для собственного помещения, то разломал несколько церквей, исстари спокойно стоявших на берегу моря, обратил в развалины множество отличных домов в столице, основания которых отчасти и доселе представляют вид, невольно вызывающий слезы, и совершенно сравнял с землей великолепное здание государственного казначейства»³⁹.

Вблизи от башни Исаака Ангела (на северо-восток от нее) возвышалось мрачное здание башни — тюрьмы Анема (ὁ πύργος τοῦ Ἀνεμᾶ), в которой проводили дни заточения многие знатные узники⁴⁰. Тюрьма, находившаяся под башней Анемы, получила свое название, как полагают, от имени знатного узника Михаила Анемы, заключенного здесь при Алексее Комнине.

Церковь Влахернской Божьей Матери по-прежнему играла большую роль в жизни императорской семьи, являясь домовою церковью. Анна Комнина описывает влахернское чудо, когда по пятницам после захода солнца поднималось покрывало иконы Богоматери⁴¹. Анна Комнина пишет, что когда однажды Влахернская Богоматерь не явила «обычного чуда», император Алексей I воздержался на четыре дня от намеченной встречи

³⁹ Nic. Chon. P. 442. 11—17. Русский перевод см.: Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина (1186—1206). СПб., 1862. Т. 2. С. 120.

⁴⁰ См.: Анна Комнина. Алексиада... С. 334. Комментарий. 1264.

⁴¹ Grunel V. Le «miracle habituel» de Notre-Dame des Blacherne a Constantinople // EO. 1931. Vol. 30. P. 129—146.

с Боэмундом, одним из предводителей I Крестового похода. По истечении этого времени он, «войдя вместе с немногими спутниками в святой храм Богородицы, исполнил там обычные песнопения и усердно сотворил молитву. Затем, после того как свершилось обычное чудо, он с благими надеждами вышел из храма...»⁴².

Нельзя удержаться, чтобы не привести живописное и риторически драматизированное эссе, вышедшее из-под пера Г. Шлюмберже: «Внутренняя дверь Влахернской церкви⁴³ по интересу, ею представляемому, могла бы сравняться с лестницей Версаля! Сегодня там император на носилках, окруженный то своими знаменитыми варягами, то свитой евнухов или длинным рядом священников и монахов, бросающий беспокойный взгляд на толпу сановников, среди которых он ежеминутно ищет грядущего убийцу и счастливого своего заместителя, который прикажет бросить на арену цирка его изуродованный труп... тут торопливо ведут в церковь принцесс, матерей, жен или дочерей какого-нибудь убитого или свергнутого императора, чтобы остричь им волосы, сорвать с них пурпурные расшитые жемчугом туники и отвести в темных монашеских одеждах в какой-нибудь монастырь, их новое жилище до конца их дней»⁴⁴. Представленные воображением Г. Шлюмберже картины соответствуют представлениям Западной Европы о Византийской империи (хотя, заметим, средневековые интриги при французском дворе были, как кажется, более изощренными и порой более жестокими).

Комнины, считавшие Влахерны своей резиденцией, не жили, однако, здесь постоянно, перебираясь время от времени в Большой императорский дворец.

⁴² Анна Комнина. Алексиада... XIII. 1. С. 340.

⁴³ Имеется в виду дверь, соединяющая церковь с внутренней территорией Влахернского дворца.

⁴⁴ Schlumberger G. Les îles des Princes, le palais et l'église des Blachernes. La grande muraille de Byzance. P., 1884 (цит. по: Эссад Дж. Константинополь от Византии до Стамбула / предисл. Ш. Дилия; пер. П. Безобразова. М., 1919. С. 151).

Влахерны в истории латинян

Во время IV Крестового похода при взятии Константинополя латиняне активно атаковали Влахерны. Жоффруа де Виллардуэн писал, что этот район столицы подвергался нападению как с суши, так и со стороны Золотого Рога⁴⁵. Робер де Клари, описывая действия латинян, заметил, что они «раскинули свои палатки супротив Влахернского дворца, который принадлежал императору...»⁴⁶. в хронике Виллардуэна мы читаем: «Генрих, брат Бодуэна, графа Фландрского и Энно, стоял у камнеметов напротив Влахернского дворца... А против них император Алексей выставил три отряда, которые должны были выйти через трое ворот»⁴⁷. И в конце концов латиняне одержали верх, «Влахерн сдался Генриху, брату Бодуэна Фландрского, за жизнь укрывавшихся в нем»⁴⁸. Взятие Влахерн обычно связывают с именем Балдуина (Бодуэна) I Фландрского. Хотя на первых порах Влахернский дворец не стал резиденцией латинян, они старались подчеркивать преемственность своего правления. Так, в праздник Сретенья, 2 февраля, как всегда ранее это делали византийские императоры, «Генрих шел в процессии к храму Пресвятой Девы во Влахернском дворце...»⁴⁹

В латинскую эпоху в церкви Влахернской Богородицы находилась община каноников, но еще до освобождения Константинополя она была выкуплена православными и находилась под юрисдикцией Константинопольского патриарха в Никее⁵⁰.

⁴⁵ См.: Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя... С. 85.

⁴⁶ Клари Р. де. Завоевание Константинополя... С. 91.

⁴⁷ Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя... С. 250.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 169.

⁵⁰ См.: Janin R. Constantinople byzantine...P. 172.

Влахерны при Палеологах

В поздневизантийскую эпоху Влахерны были пространством византийского «театра власти». Этим пространством были не только императорский дворец и храм Влахернской Богоматери. В пространство церемониала нужно включать и площадь между дворцом и храмом, где проходила самая яркая церемония «явления» императора на прокиписе. Церемониальной «сценой» была и Влахернская гавань, где торжественно встречали прибывших по водам Золотого Рога почетных гостей императорского дома. Прибытию во Влахернскую гавань заморской невесты посвящена в церемониальной книге Псевдо-Коллина специальная глава. По сути дела, всю территорию 14-го региона можно считать церемониальным пространством.

Однако в более широком аспекте территорией, где можно было наблюдать «театр власти», были улицы и площади Константинополя, когда из Влахернского дворца выезжала императорская кавалькада, а также храм Св. Софии и столичные монастыри в дни религиозных праздников и особых событий в жизни императорской семьи.

Все это будет рассмотрено в последующих главах. Здесь же приведены факты, связанные с историей Влахерн эпохи Палеологов.

Никейский император Михаил VIII Палеолог, бывший одним из носителей идеи реставрации Византийской империи и решившийся на прямое столкновение с латинянами, по Георгию Акрополиту, «остановился в монастыре Космидийском, лежавшем неподалеку от Влахерн. Переночевавши здесь, он на следующее утро и совершил вступление» в Константинополь⁵¹. В этот момент император латинян Балдуин II находился во Влахернском дворце⁵².

⁵¹ См.: Georgii Acropolitae Opera / rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. (далее — Асгор.); Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2005. С. 138.

⁵² См.: Georgii Pachemeris De Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII / rec. I. Bekker. Bonnae, 1835. Vol. 1—21. P. 199. 2—16 (далее — Pach.).

Войдя в Константинополь и восстановив (по сути дела, без больших военных столкновений) Византийскую империю, Михаил VIII Палеолог не захотел оставить в качестве императорской резиденции Влахернский дворец, который, по свидетельству Георгия Пахимера, был «закопчен итальянцами, сотрапезниками Балдуина»⁵³. Подобная же оценка ситуации выбора резиденции императора нашла отражение и в «Римской истории» Никифора Григоры. Он написал об этих днях: «Войдя в город, он [Михаил] занял дворец, находившийся у самого ипподрома⁵⁴, потому что Влахернский дворец был давно заброшен и покрыт копотью и пылью. Самая столица представляла не иное что, как равнину разрушения, наполненную обломками и развалинами...»⁵⁵

Но по истечении недолгого времени Влахерны были приведены в надлежащий вид, в то время как Большой дворец все более ветшал и лишь изредка — чтобы соблюсти традицию — использовался для коротких остановок в ходе церемониального действия. Влахерны становятся единственной резиденцией императоров эпохи Палеологов вплоть до крушения империи под ударами турок в середине XV в.

С Влахернским дворцом и церковью Влахернской Божьей Матери связан при Палеологах церемониал двора и основные исторические события этой эпохи⁵⁶. В храме в 1285 г. проходил церковный собор, на котором империя отказалась от Лионской унии 1274 г. и был осужден патриарх Иоанн XI Векк⁵⁷.

⁵³ Pach. P. 219. 7—8.

⁵⁴ Т. е. Большой императорский дворец.

⁵⁵ Nicephorus Gregoras Byzantina historia. Bonnae. 1829—1855. Vol. 1—3. IV. 2 (далее — Greg.); Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Рязань, 2004. С. 84.

⁵⁶ См.: Tinnefeld F. Der Blachernenpalast in Schriftquellen der Palaiologenzeit // Λιόόστρωτον. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcelle Restle. Stuttgart, 2000.

⁵⁷ См.: Laurent V. Les signataires du second synode des Blachernes (été 1285) // EO. 1927. Vol. 26. P. 129—149.

Далеко не всегда была спокойной жизнь Влахерн в XIV в. Во время Галатской войны 1347 г. генуэзцы, используя метательные орудия (*μηχανήμα*), установленные на кораблях, забрасали камнями храм Богородицы во Влахернах и их окрестностях⁵⁸.

После землетрясения, случившегося в ночь на 19 мая 1346 г., когда была разрушена апсида храма Св. Софии⁵⁹, все акты императорского церемониала и религиозные праздники стали проводиться во Влахернском храме Богородицы. Влахернский храм в палеологовский период соперничал славой с храмом Св. Софии⁶⁰ и был известен далеко за пределами Византийской империи⁶¹.

Во Влахернах в мае 1347 г. состоялась коронация Иоанна VI Кантакузина и его супруги Ирины,⁶² весной 1354 г. коронация сына Иоанна Кантакузина Матфея, а также венчание императора Иоанна V Палеолога и Елены Кантакузины⁶³. В октябре 1403 г. император Мануил II Палеолог принял во Влахернском дворце испанское посольство, направлявшееся ко двору Тимура. Руи Гонсалес де Клавихо, входивший в делегацию, написал о приеме: «Застали его [императора] во дворце, дослушивающего

⁵⁸ См.: *Λόγος ιστορικός* / ed. A. Papadopoulos-Kerameus // *Ανάλεκτα ἱεροστολυμνικῆς σταχυολογίας. Ἐν Πετρούπολει*, 1891. Т. 1. С. 151. 28—33.

⁵⁹ См.: Kiruses St. J. *Αἱ ἀντιλήψεις περὶ τῶν ἐσχάτων τοῦ κόσμου καὶ ἡ κατὰ τὸ ἔτος 1346 πτῶσις τοῦ τροῦλλου τῆς ἀγίας Σοφίας* // *ΕΕΒΣ*. 1969—1970. Т. 37. Р. 229.

⁶⁰ См.: *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV* / Cura L. Schopeni. Vol. 1—3. Bonnæ, 1828—1832. III. 30.3—15 (далее — Cant.): «царские службы проходили во Влахернах...».

⁶¹ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора (*De cerimoniis aulae Byzantinae*) как церковно-археологический источник. М., 1895. С. 64—68.

⁶² См.: Cant. III. 29.17—30.

⁶³ См.: Greg. I. 130. 171—172; Janin R. *Les églises et les monastères...* Р. 172. См. также сведения Хронографа (по рукописи 426 Московского государственного исторического музея, собрание Синодальной библиотеки) в статье: Горянов Б. Т. Неизданный анонимный хронограф XIV в. // *ВВ*. 1949. Т. 2 (27). С. 292—293.

обедню; он был в окружении народа. Принял он их [посольство] очень хорошо и удалился с ними в особое помещение. Император восседал на небольшом возвышении, усталом маленькими коврами, на один из них была брошена шкура леопарда, а на спинке лежала ковровая подушка золотого шитья. Пробыв с посланниками достаточно времени, [император] отослал их в подготовленное помещение и велел отнести им большого оленя, привезенного охотниками; вместе с императором [на приеме] была императрица, жена его, и три маленьких сына, старшему из которых было около восьми лет»⁶⁴.

Русские паломники, прибывавшие в Царьград, стремились посетить одну из его главных святынь — церковь Влахернской Божьей Матери. Свои записи об ее реликвиях оставили Стефан Новгородец, Игнатий Смоленский, диакон Зосима. Приведем одну из дневниковых записей, принадлежавших перу Стефана Новгородца: «И оттоле идохом в Лакерну в церковь святя Богородица, идѣже лежить риза и пояс и скуфия, иже бѣ на главѣ ея, лежит в олтари на престолѣ в ковчезѣ запечатано також, якож и страсти Господни, и твержи того приковано желѣзом, ковчегже сътворен от камени хитро велми; и цѣловахом грѣшнии. Ту лежит святы Потапии и святая Анастасия и святяго Пантелѣмона мощи, цѣловахом грѣшнии. И оттоли идохом к церкви святяго Николы: ту лежит глава святяго Григория и святяго Леонтия»⁶⁵.

Руи Гонсалесом де Клавихо был описан как одна из достопримечательностей Константинополя интерьер церкви Влахернской Богородицы: «...нефы этой церкви, главный и прочие, были сооружены так, что находились на высоких колоннах из зеленой яшмы, а основания, на которых они покоились, и основания [колонн] были из белого мрамора, украшенного разной отделкой и фигурами. Верх этих нефов и стен до половины были

⁶⁴ Клавихо Руи Гонсалес де. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)* / пер. со староспан., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 32—33.

⁶⁵ От странника Стефанова Новгородца // *Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington, 1984. P. 45.

покрыты плитами разноцветной яшмы, искусно расписанной узорами и прекрасно украшенной. Верх главного нефа был богаче других и сделан из деревянных перекрытий и балок. И весь свод, перекрытия, балки покрыты чистым золотом»⁶⁶.

В результате пожара (ὁ ἐμπρησμός τῆς Βλαχέρνας) в январе 1434 г., по сведению Малых хроник, Влахернская церковь Богородицы сгорела дотла (ἀφανισμός)⁶⁷. Георгий Сфрандзи написал об этом событии: «В январе же, в ночь на 29, в третьем часу, в Константинополе, во Влахернах, сгорел прекрасный божественный храм Богородицы, о чем мы услышали по дороге туда на реке, называемой Места, 1 февраля, в час после вечерни большого церковного праздника Сретения. И мы сочли это ложью, так как рассказавший был нам незнаком. И проехав дальше, мы ничего не слышали об этом в пяти монастырях, а в шестом монастыре, в Редестосе, мы узнали точно, как и когда случилось это невероятное событие»⁶⁸. Исидор Киевский написал монодию на этот пожар, уничтоживший одну из красивейших церквей столицы⁶⁹.

Влахернский дворец и церковь Пресвятой Влахернской Богородицы как пространство поздневизантийской придворной жизни исчезли, по сути дела, вместе с Византийской империей. Сохранились лишь остатки фундаментов дворца Мануила I Комнина, башни Исаака II Ангела и подвалы тюрьмы Анемы. Чудесным образом была обретена позднее замурованная

⁶⁶Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия... С. 141.

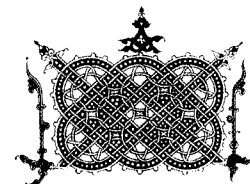
⁶⁷См.: Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975. Т. 1 : Einleitung und Text. Chr. 97/7. S. 639; Chr. 102. 2. S. 656. А. М. Шнайдер называет еще четыре пожара, предшествовавшие указанному выше: церковь Влахернской Богородицы пережила пожары 1069, 1203, 1303, 1308 гг. (см.: Schneider A. M. Die Blachernen... S. 119).

⁶⁸Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes. Weber, Bonn, 1838. 158 (далее — Phrantzes). Русский перевод: Георгий Сфрандзи. Хроника / пер. и примеч. Е.Д. Джагацянян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Т. 5. С. 203.

⁶⁹Mercati G. Due nuove memorie della basilica di S. Maria delle Blacherne // Atti Pontificia Accademia Romana di Archeologia. Ser. 3. Memorie I. 1. 26—30. Opere Milori IV. Vatican, 1937. P. 181—192.

в нише мечети одна из главных святынь Влахерн — икона Божьей Матери⁷⁰. На месте прежнего дворцового комплекса Влахерн возникли турецкие жилища, сады и мечети⁷¹.

Итак, от поздневизантийских Влахерн не осталось каких-либо строений, а фрагментарные свидетельства современников эпохи не дают оснований для реконструкции этого замкнутого «островка» некогда блистающей роскошью дворцовой жизни. Может быть, именно потому, что от Влахерн, как от ушедшей под воду Атлантиды или разрушенного Кносского дворца, ничего (или почти ничего) не сохранилось, память о Влахернах овеяна дымкой некоего романтизма, отражением которого могут быть стихотворные строки: «...В предрасветных мутных фонарях / еще видны уснувшие Влахерны...»⁷²

⁷⁰С 1653 г. икона Влахернской Богородицы нашла приют в России (празднование дня Влахернской Богородицы 7/20 июля) — см.: ПЭ. Т. 9. С. 119.

⁷¹Дворец Текфур-Сарай, который иногда отождествляют с Влахернским дворцом, не входит территориально в пределы прежнего Влахернского комплекса, будучи расположен значительно южнее.

⁷²Андреев К. Сны Византии [Электронный ресурс] URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=373868>.

ГЛАВА 2

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА

В эпицентре византийского церемониального пространства находилась фигура императора, через которого транслировалась имперская политическая идеология, ориентированная на идею величия державы. Ритуал коронования возносил василевса на уровень Божественности, придавая ему недостижимую харизму. Но эта сверхзначимость образа императора не могла быть определена актом коронования на продолжительное время. Пребывание у власти требовало каждодневного подтверждения значимости василевса: правитель во имя власти оказывался «заложником» церемониала. Буквально любой церемониальный акт был сориентирован на императорский образ и служил средством перманентного обновления репрезентативных впечатлений, должных сохранять идею великой империи.

Инсигнии власти императора

Презентации власти служат прежде всего инсигнии — предметы, призванные ее представлять¹.

¹См. об этом: Di Cosmo A. P. Regalia Signa. Iconografia e simbologia della potesta imperiale // PORFYRA. Rivista dell' Associazione Culturale Bisanzio. Anno VI. Suppl. 10. 2009. Nov. P. 3.

Смысл инсигний неоднозначен по их месту в контексте политической идеологии, выражаемой через ритуал. В силу этого необходимо внести некоторую градацию, выделив приоритеты в системе политических ценностей. Отдавая первенство понятию «инсигнии», обратимся к трехчленной градации: собственно инсигнии, символы, атрибуты. Заметим при этом, что автор поздневизантийского обрядника использует только понятие «символ», что объяснимо: из трех предложенных здесь терминов лишь избранное Псевдо-Кодином является грекоязычным. Однако, в силу необходимости проведения некоей классификации, проведения ранжирования предметных проявлений власти, сохраним и латиноязычные термины, к тому же широко используемые в научных штудиях. При этом следует оговориться, что проведенное членение верховного понятия «инсигнии» является весьма условным: возможно «переползание» наполняющих «ячейку» предметов, что, без сомнения, вызывает некоторую «вибрацию» наших терминов, но, думается, это все же лучше, чем жесткая схема. Наполним наши «ячейки» соответствующими им названиями предметов, олицетворяющими власть василевса.

Собственно инсигниями являются предметы, составляющие торжественное коронационное одеяние императора, — от короны (ἡ στέμμα) и костюма (σάκκος καὶ λῶρος) до обуви (τὰ ὑποδήματα), а также императорский жезл. Поскольку Псевдо-Кодин не называет скипетра, рискнем предположить, что функции презентации власти василевса выполнял императорский жезл-диканикий (τὸ δικανίκιον). Можно было бы добавить к ячейке собственно инсигний и крест (ὁ σταυρός), тем более что императорский жезл на парадных портретах, где и представлены инсигнии, выделенные нами в первую группу, часто бывает круцижированным — с навершием в виде креста. Однако оставим его, вслед за автором поздневизантийского обрядника, в группе символов. Они компактно представлены Псевдо-Кодином в главе 4. Крест в правой руке василевса символизирует святость власти и империи; акакия (ἡ ἀκακία), мешочек из шелка, связанный с платком

(τὸ μανδύλιον) и наполненный землей и прахом, был знаком смирения правителя и бренности человеческой жизни. Платок, связанный с акакией, означал неустойчивость и переменчивость. Большая горящая императорская свеча (ἡ λαμπάς) была символом добрых дел правителя во имя Христа, а меч императора (σπάθη τοῦ βασιλέως) представлял василевса как защитника и победителя.

Собственно инсигнии (стемма, саккос, лор, гиподиматы, жезл) и инсигнии-символы (крест, акакия, платок, свеча, меч) могли варьироваться в ритуалах в зависимости от значимости события, дня недели, наличия траура во дворце. Но неизменным для торжественных дней был крест в правой руке василевса и акакия в левой. Наряду с этими инсигниями могли одновременно присутствовать и другие. Так, в праздник Вайи василевс, возглавляя церемонию галереи, держал в правой руке крест, а в левой мешочек с землей и большую свечу. Сочетание креста и акакии как признаков императорского достоинства среди других инсигний подчеркивает их концептуальную значимость. Свеча в левой руке усиливает общее ощущение святости императора.

К третьей из названных нами групп инсигний относятся атрибуты власти. Если собственно инсигнии и символы представляли те предметы, которые были парадной одеждой императора и тем, что он в рамках ритуальных действий держал в руках как свидетельства его достоинства, то атрибуты, находясь в церемониальном пространстве и подчеркивая значимость императорской власти, могут восприниматься и отдельно от фигуры правителя. Это все те предметы обрядника, которые имели эпитет «императорский». Можно назвать как атрибут власти императорское знамя, императорский щит, императорские фламулы, императорский трон.

Императоры династии Палеологов. Миниатюра из рукописи «Истории»
 Иоанна Зонары. XV в. Библиотека Эстензе, Модена

Хрисовул Михаила VIII Палеолога
Лицевая и оборотная стороны. XIII в. Государственный Эрмитаж

Андроник II Палеолог, подносящий Христу хрисовул. 1301
Византийский музей, Афины

«Возвышение» василевса как форма презентации власти

В арсенале церемониальных методов наивысшего воздействия на окружение (от участников действия до его зрителей) находились прежде всего ритуалы «возвышения» императора, его «явления» и «отдаления». Начнем изложение этого вопроса с акта «возвышения», происходившего либо на анавафре, либо на прокипсисе.

Что же такое анавафра?² Слово ἡ ἀναβάθρα этимологически происходит от глагола ἀναβαίνω (всходить, подниматься). В древнегреческом словаре оно обозначается как «сходни», «помост». Из византийских текстов видно, что это специально — для определенного церемониального акта — построенное из дерева, обитое со всех сторон алой шелковой тканью и имеющее ступени возвышение, на котором стоял императорский трон (или троны для членов императорской семьи)³. Основной составляющей анавафры являлись ступени. Самую содержательную информацию о них сообщает в своем описании коронации Мануила II паломник Игнатий Смоленский⁴. Он отмечает, что «ступени»⁵ имели ширину две

²См. об этом: Поляковская М. А. К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007. С. 254—263.

³Если обратиться к традиции, восходящей к «Книге церемоний» Константина Багрянородного, то в текстах первой книги анавафра, названная в главах 1 (5 раз) и 19 (4 раза), имеет все ту же характеристику: деревянная, покрытая алой тканью. Упоминается также размер анавафры (большая, малая). Все упоминания относятся к пространству храма Св. Софии (De cerim. I. 23. 609—611; см. также: Беляев Д. Ф. Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 94).

⁴См.: Хождение Игнатия Смолнянина // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984. P. 105—113.

⁵Срезневский И. И. Материалы словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1903. Т. 3. С. 511. Срезневский ссылается на текст Игнатия Смоленского.

сажени⁶, что составляет 2,84 м. Анавафра могла быть, судя по источникам, большой, средней и малой. Ступени, как следует полагать, должны были быть пологими (приблизительно 10 см в высоту): иначе трудно было бы представить многократные подъемы и спуски с анавафры императора и членов его семьи в длинных тяжелых одеяниях. При пологих ступенях высота анавафры, видимо, была 1,5—2 м. Иногда, чтобы сделать видимыми всем собравшимся на празднество восседающих царственных особ, к тронам вели дополнительные четыре-пять ступеней, названные как Иоанном Кантакузином, так и Псевдо-Кодином. Думается, что размер анавафры мог варьироваться применительно к торжественному акту.

При характеристике анавафры встает вопрос и о так называемом «домике для переодевания», упоминаемом Иоанном Кантакузином и Псевдо-Кодином при характеристике обряда коронования. По Игнатию Смоленскому, названный им чертог и служил цели смены коронационной одежды. А троны стояли «на немже». Он добавляет некоторую информацию о местонахождении анавафры в храме и ее размерах. По словам Игнатия, она находилась «под палатами по правой руць», т. е. справа от амвона. Это не противоречит описанию тех передвижений (алтарь — солея — амвон — анавафра), которые совершает василевс во время акта коронации⁷. Во дворце анавафра устанавливалась в императорском тронном зале.

Пытаясь реконструировать по данным источников внешний вид анавафры, мы не разрешили окончательно всех вопросов. Обращает на себя внимание, к примеру, то, что Хр. Лопарев, комментируя текст Псевдо-Кодина, пишет: «василевс вошел в анавафру», «сидит в анавафре» и «вышел из анавафры»⁸.

⁶Разумеется, здесь маховая сажень (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. СПб. ; М., 1882. С. 129).

⁷См. главу о короновании василевса.

⁸Лопарев Хр. К чину царского коронования в Византии // Сб. ст. в честь Димитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 4. Вероятнее всего, слова Хр. Лопарева следует отнести к анавафре с занавесями.

Хотелось бы предположить, что передняя стенка анавафры прикрывала нижние ступени, но об этом не преминул бы написать Игнатий Смоленский, бывший свидетелем коронации Мануила II в храме Св. Софии.

Другим сооружением, служившим цели «возвышения» императора, был прокиписис (ή πρόκιψις), устанавливавшийся накануне Рождества Христова на площади между дворцом и Влахернским храмом. Прокиписис представлял собой некую сцену, пол которой опирался на столбы. Все это строение вместе с помещением, где василевс мог переодеться, было декорировано тканями, а сама сцена имела занавеси. Поскольку помост прокиписиса служил цели представления зрителям большого количества лиц (императора и его окружения), его строили не в помещении, а во дворе либо храма, либо дворца. Иоанн Кантакузин назвал его даже воздушным домиком⁹.

По наблюдениям М. А. Андреевой, прокиписис был генетически связан с римскими триумфами и кафисмой императоров¹⁰. Основанием как для кафисмы, так и для прокиписиса являлись колонны, бывшие в римские времена стационарными, мраморными, а в поздневизантийское время — временными, деревянными. Анавафра же (или, по Андреевой, шатер¹¹, построенный в катихумениях Св. Софии) возводилась не на колоннах, а на ступенях¹².

Как можно видеть, между анавафрой и прокиписисом (как постройкой) было много общего. Оба сооружения были специально построенными для конкретного торжественного акта деревянными помостами. Анавафра, как и прокиписис, могла иметь занавеси. Эти две постройки, по сути дела, являлись сценой, служившей цели пропаганды императорской идеи.

⁹См.: Андреева М. А. О церемонии «прокиписис» // СК. 1997. Т. 1. С. 160.

¹⁰Там же. С. 172.

¹¹Видимо, М. А. Андреева имела в виду анавафру с занавесями.

¹²Андреева М. А. Указ. соч. С. 173.

Однако анавафре и прокиписису было отведено разное место в поздневизантийском церемониале. Об этом свидетельствует, к примеру, то, что в трактате Псевдо-Кодина нигде не совпадают фрагменты текста, сообщающие об анавафре¹³ и о прокиписисе¹⁴.

Можно обратить также внимание на то, что в переводе текста сочинения Псевдо-Кодина, осуществленном Ж. Верпо, слово «анавафра» переводится как «une estrade», а «прокиписис» — как «la tribune de présentation» или просто «la tribune». Это, несомненно, передает различие представлений византийцев об этих видах сооружений. В целом, можно счесть место прокиписиса как постройки более значительным не только по размерам сцены, но и по его церемониальному назначению. Самая яркая церемония времени Палеологов не случайно получила название церемонии прокиписиса (о ней пойдет речь в следующем подразделе этой главы). Первый же этап этой церемонии, когда василевс под бряцание секир стражников поднимается на прокиписис, представляет рассматриваемый нами церемониальный акт «возвышения». Однако не будем отделять его от церемонии прокиписиса с тем, чтобы представить ее целиком в подразделе «Явление императора».

Ритуал «возвышения» на анавафре мог проходить, как уже отмечалось, либо в храме, либо во дворце. Так, в ходе коронационного ритуала, проходившего в храме Св. Софии, император с императрицей и родителями (если они были на церемонии) сидели на тронах, поднятых на высоту примерно десяти-двенадцати ступеней, чтобы быть видимыми собравшемуся в храме народу. Существовал соответствующий протоколу порядок, когда император и сопровождающие его члены императорской семьи спускались, поднимались на анавафру

¹³Ps.-Kod. P. 239.27, 257.4, 260.8, 261.9, 262.19, 263.1, 267.7, 269.3, 269.12, 272.24—25, 278.14, 279.23—24, 280.9.

¹⁴Ibid. P. 181.1, 183.13, 195—198, 202.26, 203.16, 208.21, 209.23, 226.26, 227.5.

(несколько раз в ходе ритуала) или, не спускаясь, вставали¹⁵. Все это красочное действо сопровождалось звучанием гимнов, чтением евангелических текстов и провозглашением здравицы в честь императора и императорской семьи и возгласением здравицы в честь василевса и его семьи.

«Возвышение» на анавафре могло происходить и во дворце. В качестве примера можно привести ритуал выдвижения кандидата к избранию в патриархи, когда триклиний делился занавесами на три части, в одной из которых на анавафре восседал на троне василевс, невидимый собравшимся до тех пор, пока не раскинутся занавесы¹⁶.

На анавафре мог, в качестве редкого случая, происходить и ритуал «явления» императора. Но об этом будет написано в следующем подразделе. Вообще, следует отметить, что такие методы презентации власти правителя, как церемониальные «возвышение» и «явление», очень близки и дополняют друг друга. Впрочем, «возвышение» может состояться без «явления», а «явление» императора предполагает обязательность его «возвышения».

«Явление» императора

Одной из наиболее ярких церемоний, служивших цели презентации императорской власти и создания высокого образа василевса, была, несомненно, церемония прокиписиса, некое театрализованное «явление» императора. Ж. Верпо назвал ритуал прокиписиса остатком «солнечной церемонии» и «ритуала поклонения» (*reste de cérémonie solaire et de rite d'adoratio*)¹⁷.

¹⁵Ps.-Kod. P. 259—262.

¹⁶См. далее в соответствующем подразделе главы 4.

¹⁷См.: Ps.-Kod. P. 171. n. 1; см. также: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken : zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956. S. 112; Dagron G. Trônes pour un empereur // Βυζαντινο κράτος και κοινωνία. Μνημη Νίκου Οικονομιδη. Αθήνα, 2003. P. 181.

Прокиписис можно назвать одним из наиболее изученных ритуалов поздневизантийского церемониала¹⁸.

Псевдо-Кодин в «Трактате о должностях» неоднократно обращался к церемонии прокиписиса¹⁹, но в каждом из фрагментов речь идет о церемонии на Рождество Христово — с оговоркой, что и в праздник Крещения проводится подобный ритуал. Мы знаем также о том, что церемония прокиписиса была апогеем торжеств на свадьбах дочерей императора²⁰, но Псевдо-Кодин об этом не упоминает.

Восстановим церемонию «явления» императора, следуя тексту обрядника Псевдо-Кодина. Накануне Рождества во дворе Влахернского дворца²¹ устанавливалось специальное возвышение — прокиписис, представлявшее собой некую сцену, пол которой опирался на столбы. Все это строение вместе с помещением, где василевс мог переодеться, было декорировано тканями, а сама сцена имела завеси.

Преамбулой церемонии являлось постепенное заполнение пространства площади. После праздничной литургии начиналось движение в сторону возвышения. Первыми выстраивались непосредственно перед прокиписисом группы архонтов²², державших в руках императорские фламулы (τὰ βασιλικά φλάμυλα)²³. Это были парные хоругви; Псевдо-Кодин назы-

¹⁸См.: Heisenberg A. Aus Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // SBAW. 1920. Abh. 85. S. 85—97; Андреева М. А. О церемонии «прокиписис»... С. 157—173; Treitinger O. Oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 112—119; Koukoulès Ph. Βυζαντινῶς βίος. Athènes, 1951. P. 134—136. См. также: Барбу Д. Византийский образ: создание и способы использования // Анналы на рубеже веков : антология : пер. с франц. М., 2002. С. 58—78.

¹⁹См.: Ps.-Kod. P. 171.17, 181.1, 183.13, 195—198, 202.26, 203.16, 208.21, 209.23, 226.26, 227.5.

²⁰См. подраздел «Василисса и “мир женщин” двора».

²¹Guilland R. Mélanges Merlier. Athen, 1956. Vol. 1. P. 36.

²²М. А. Андреева заметила, что архонтов, державших царские фламулы, сопровождали «отдельные отряды воинов» (с. 158). Видимо, имеются в виду отряды дворцовой стражи, о которых Псевдо-Кодин пишет несколько позднее (см.: Ps.-Kod. P. 197).

²³См.: Ps.-Kod. P. 195.29.

вает шесть пар таких стягов: с изображениями архистратига Михаила, святых иерархов, св. мучеников Димитрия, Прокопа и двух Феодоров, св. Георгия, дракона²⁴. Фламула с изображением святых иерархов имела восемь языков (ὀκτάγλωσσοῦ) и называлась поэтому ὀκταπόδιον. Хоругвь с изображением четырех святых имела форму креста. Многие из этих фламул были традиционными, прежде всего фламула с драконом. Во всяком случае, в X в. упоминаются драконарии как отдельный чин²⁵. В целом, традиция выноса знамен являлась неперменной при всякой торжественной процессии и церемонии как в Позднем Риме, так и в Византии различных эпох²⁶.

Перед рядом групп архонтов с фламулами стоял скутерий, в обязанности которого входило ношение в торжественных случаях, в том числе и при церемонии прокиписиса, дивеллия (διβέλλιον τοῦ βασιλέως)²⁷. Дивеллий, по комментарию Ж. Верпо, был личным знаком василевса²⁸. Позади императорских фламул были видны фламулы деспотов и архонтов; завершающим рядом были фламулы димархов, формально бывших главами городских организаций (пожалуй, к этому времени уже исчезнувшими)²⁹.

Вид отрядов архонтов с фламулами перед прокиписисом был, по всей вероятности, весьма впечатляющим зрелищем как по своей яркости (драпированное красной тканью строение, многокрасочные костюмы архонтов, разнообразные по колору и форме фламулы), так и по его многолюдности.

²⁴См.: Ibid. P. 195.31—196.11.

²⁵Беляев Д. Ф. Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X в. СПб., 1893. С. 12, 70, 71.

²⁶Там же. С. 70—71. Примеч. 1.

²⁷См.: Ps.-Kod. P. 196.13—15.

²⁸Ps.-Kod. P. 183. Not. 2. Ж. Верпо предостерегает от возможности идентифицировать дивеллий с *labarum*, государственным знаменем Рима, введенным Константином I Великим.

²⁹Ibid. P. 196.28—33.

Псевдо-Кодин замечает, что раньше за каждой из фламул (а их было не 12, а 500) стоял отряд в шесть тысяч человек³⁰. В описанное Псевдо-Кодином время перед прокиписом собиралось по меньшей мере до тысячи человек: церемониальное пространство при Палеологах значительно сократилось.

После завершения литургии, как только василевс покидал церковь и направлялся к прокипису, духовенство в праздничных одеяниях вставало перед хоругвями. Между рядов архонтов с фламулами и духовенством появлялись музыканты (παῖνιῶται) — трубачи, вукинаторы, играющие на духовом инструменте, цимбалисты и флейтисты (σαλπυκταί, βυκινάτορες, ἀνακαριστὰι καὶ σουρούλισταί)³¹.

Одновременно с приближением к трибуне василевса высокие чины архонтов в своих праздничных нарядах занимали места около нее в соответствии со своим рангом — так, как они встают во время приема в триклинии³². Около колонн прокиписа встают варанги — один из отрядов императорской стражи. Стражники-кортинарии стояли у самого помоста: их роль была подчеркнута декоративной, т. к. одежда стражников была сшита из той же красной ткани, которой был обит прокипис³³.

Как только участники церемониала занимали свои места в соответствии с ритуалом, начиналась сама церемония прокиписа, которую можно разделить на три этапа в соответствии с тем церемониальным жестом — взмахом

³⁰Ps.-Kod. P. 196.17—21.

³¹Ibid. P. 197.14—17. Затруднительно утверждать, что в музыкальном фоне церемонии звучал орган, т. к. Псевдо-Кодин пишет о τῶν λεπτῶν ὄργάνων, что может быть переведено как «маленькие органы». Но слово τὰ ὄργανα означает прежде всего любой музыкальный инструмент. Ж. Верпо переводит это слово во всех фрагментах именно как «музыкальные инструменты» (см.: Ps.-Kod. P. 172. 12. 17; 197. 18; 203. 25, 28; 204. 13; 297. 2; 401 (Index)).

³²Ps.-Kod. P. 197.19—21.

³³Ibid. P. 180.24—181.1.10—19.

пилатикиев (τὰ πυλατίκια), которые держал в правой руке протовестиарий. М. А. Андреева, вслед за Гоаром, определяет пилатикии как «род флажка, привешенного к палочке, ипе banderolle...»³⁴. Псевдо-Кодин ведет происхождение пилатикиев от времен Древней Персии, эллинистической Греции и Древнего Рима³⁵.

Первому взмаху пилатикиев предшествовал момент, когда василевс поднимался на трибуну вместе с деспотами и лампадарием, несшим золотой дивампул (τὸ χρυσοῦν διβάμπουλον), канделябр с двумя ответвлениями и большой свечой, украшенной киноварью, с золочеными листьями посередине и красными крестами в кругах³⁶. Поднимающегося по ступеням императора приветствовали только варанги, вскидывавшие свои секиры на плечо³⁷. Это был этап «возвышения», предшествовавший церемонии «явления».

Как только василевс поднимался на прокипис, спускали занавеси (τὰ βηλόθυρα), что было завершением подготовительного этапа ритуала.

Протовестиарий, взмахнув флажком, оповещал о начале церемонии, первый этап которой проходил за закрытыми занавесями. В специальном месте постройки находилась заранее доставленная императорская одежда, и протовестиарий, принимая ее из рук служителя, помогал василевсу облачиться в праздничный костюм и возложить на его голову стемму. Подобная процедура переодевания была традиционной и всегда сопровождалась праздничным выходом императора.

Далее наступал второй этап церемонии прокиписа: протовестиарий вновь взмахивал пилатикиями³⁸, занавеси медленно раскрывались, и император предстал в своем торжественном одеянии, с крестом в правой руке и с акакией

³⁴ Андреева М. А. О церемонии «прокипис»... С. 162.

³⁵См.: Ps.-Kod. P. 204.25—206.8.

³⁶Ibid. P. 191.10—16.

³⁷См.: Ibid. P. 297.23—28.

³⁸См.: Ibid. P. 202.16—17.

(ἡ ἀκακία) — в левой³⁹. Сын императора, иногда присутствовавший на церемонии, также был в императорской одежде, если он был уже коронован как соправитель; в противном случае он был в обычной одежде, украшенной драгоценными камнями и жемчугом, и с венцом (ὁ στέφανος) на голове. Император был виден собравшимся начиная с колен (видимо, он стоял на возвышении), а деспотов было видно только по грудь. На этом этапе «явления» император как образ власти предстал в окружении деспотов, правящей элиты империи. Крест в правой руке василевса символизировал святость власти и империи; акакия же, мешочек из шелка, связанный с платком (μετὰ μανδύλιου) и наполненный землей, прахом, был знаком смирения правителя и бренности человеческой жизни⁴⁰. Короткий миг «явления» завершался падением занавеса.

Далее по знаку флажка протовестиария ткань снова поднималась и наступал доминантный момент церемонии прокипсиса. Взорам свидетелей акта предстал император — один, без сановников и родственников. Видны были лишь большая горящая свеча (ἡ λαμπράς) и меч императора (σπάθη τοῦ βασιλέως), но те, кто их держал, оставались вне поля зрения⁴¹. В этом «явлении» император предстал как защитник и победитель (меч), а горящая свеча символизировала свет добрых дел во имя Христа. Псевдо-Кодин приводит слова из Евангелия: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16)⁴².

Одновременно с открытием занавеса, когда «явление» василевса становилось апофеозом церемонии, певчие (οἱ ψάλται) запевали многолетие, музыканты играли на своих инструментах, пока василевс не остановил последних медленным

³⁹ См.: Ps.-Kod. P. 202.25—29.

⁴⁰ О возможных интерпретациях акакии см. в комментарии Ж. Верпо (Ibid. P. 201. Not. 2).

⁴¹ Ps.-Kod. P. 203.13—24.

⁴² Ibid. P. 202.10—14.

взмахом платка⁴³ (τὸ μανδύλιον)⁴⁴. Лишь певчие продолжали петь — это были стихи (στίχοι) на праздник Рождества, а также прославления в адрес василевса. Затем следовала эвфимия в честь императоров и деспотов, завершающаяся исполненным псалтами полихронием. Псевдо-Кодин замечает, что прославление продолжалось «достаточное время», но вряд ли эта часть церемонии затягивалась надолго, т. к. «явление» императора было некой живой «картинкой», остановленным «кадром», а пение, музыка, прославляющие возгласы и пожелания многолетия были тем аудиофоном, который был призван усилить зрительное впечатление от «явления» императора, когда время на несколько мгновений останавливалось. Церемония прокипсиса проводилась только по самым большим праздникам, что еще более поднимало значимость церемонии, когда василевс как победитель и защитник предстал перед тысячной толпой — в ней были как участники церемонии, так и обычные зрители, многие месяцы (а может быть, и годы) ждавшие возможности лицезреть правителя.

Церемонию «явления» правителя можно увидеть и в ритуале его «возвышения» на анавафре в ходе его коронации. После причащения царствующая чета восходила на анавафру и, будучи закрыта от взоров золотыми занавесями, ожидала дважды повторенного возгласия певцов-псалтов: «Восстаните!» (ἀνατείλατε)⁴⁵. Этот обращенный к правителю возглас — как к солнцу или звезде («Взойди!») — был традиционным⁴⁶. Когда вслед за возгласием раздвигались занавеси, все находившиеся в храме приветствовали императора и его супругу. Используемая в восклицаниях формула ἀνατείλατε может, как кажется, более или менее адекватно отразить тот эмоциональный накал, который был присущ участникам

⁴³ Платок (мандилий) был связан с мешочком — акакией.

⁴⁴ См.: Ps.-Kod. P. 203.24—31.

⁴⁵ Ibid. P. 269.2—19.

⁴⁶ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 119.

церемониального действия, которые представляли «народ»⁴⁷. Подтверждением теофанической ориентированности приветственных восклицаний во время приемов во дворце может служить фрагмент так называемой «флорентийской» рукописи⁴⁸, описывающий чествование только что коронованных в храме Св. Софии василевса Мануила II Палеолога и его супруги Елены. Императорскую чету проводили в отделенную красным занавесом часть дворцового зала, где они поднимались на троны, стоящие на возвышении — анавафре⁴⁹. Наконец среди полной тишины псалты восклицали: «ἀνατείλατε, ἀνατείλατε, ἀνατείλατε βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων»⁵⁰ («встаните, встаните, встаните, цари Ромейские»), после чего занавесы раскрылись — и собравшийся в зале «народ» мог лицезреть стоящих василевса с супругой, что вызывало общее ликование, сопровождавшееся возгласами эвфимии.

Формула «ἀνατείλατε» имеет различные переводы⁵¹. Вариант «Встаните» (или «восстаните») имеет иерусалимское происхождение. В силу этого в «Книге церемоний» X в., ориентированной на константинопольский типикон, в подобных ситуациях использовалась формула «κελεύσατε» («повелите»), имеющая, как мы видим, иной смысл⁵².

⁴⁷Ps.-Kod. P. 269.11—19.

⁴⁸Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 1—11. Текст источника переиздан Ж. Верпо: Ps.-Kod. P. 353—361.

⁴⁹Поляковская М. А. К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра... С. 254—263.

⁵⁰Ps.-Kod. P. 360.1—3.

⁵¹Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича. М., 2008. С. 495.

⁵²Смысл этой формулы формировался постепенно. В X в. «повелите» — после данного василевсом знака — произносилось препозитом и было приглашением покинуть зал в связи с окончанием приема (см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 25. Примеч. 1).

«Отдаление» правителя

Одним из методов презентации императорской власти было создание церемониалом определенной дистанции между правителем и подданными. «Отдаление» было не только пространственным: оно создавало соответствующую эмоциональную атмосферу. Этот церемониальный прием, без сомнения, присутствовал в уже рассмотренных ритуалах «явления» и «возвышения». Не составляя же самостоятельной церемонии, этот прием постоянно можно наблюдать почти в каждом церемониальном акте. Его условно можно назвать «отдалением», или «отдаленностью». О. Трайтингер выразительно назвал этот метод «die Absonderung des Kaisers»⁵³.

Прежде всего заметим, что целям «отдаления», равно как «явления» и «возвышения», служил императорский трон (θρόνος τοῦ βασιλέως). В обряднике он назван 19 раз⁵⁴, в основном в ситуации, когда император сидел на троне (лишь дважды трон назван, когда император стоял около него). Известен также и двойной трон (σύνθρονον) — василевса и августы⁵⁵, василевса и патриарха⁵⁶, василевсов — отца и сына⁵⁷. По своей значимости императорский трон с римских времен имел особое предназначение в создании образа правителя и постепенно приобретал культовое значение⁵⁸.

Императорский трон, «являя», «возвышая» и «отдаляя» василевса, имел также различные презентационные функции, определяемые характером церемонии и, в связи с этим, местом расположения трона. Ж. Дагрон, основываясь на материалах «Книги церемоний» X в., при исследовании проблемы

⁵³Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 49 ff.

⁵⁴Ps.-Kod. P. 153.17; 155.13; 158.19; 191.5.29; 222.7; 234.14.18; 236.2; 238.13; 246.12; 260.9; 267.16; 274.3.5.17; 279.17.25; 358.20.

⁵⁵Ibid. P. 355.28; 359.19; 361.8.

⁵⁶Ibid. P. 280.14.

⁵⁷Ibid. P. 257.8.10; 269.4; 355.28.

⁵⁸Treitinger O Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 56—58.

власти императора через функциональные назначения его трона выделил три типологических его варианта: это троны 1) *d' épiphaneie*, 2) *d' autocratie*, 3) *de représentation*⁵⁹. Материалы обрядника Псевдо-Кодина позволяют, вслед за Ж. Дагроном, выделить эти три типа функционального назначения трона. Троном прославления может быть назван тот, который использовался в церемонии прокипсиса, проводимой на площади перед храмом Влахернской Богородицы. Трон власти имел инаугурационное значение, будучи установленным на анавафре, возведенной для церемонии коронации в храме Св. Софии. И, наконец, трон репрезентации можно назвать тот, который стоял в триклинии Влахернского дворца, где проводились все дворцовые приемы.

По трактату Псевдо-Кодина мы знаем, что императорский трон, находившийся в триклинии или в храме на особом возвышении и имевший ступени, был золотым. Так, во время коронационного чина на анавафре храма Св. Софии были установлены золотые троны (*θρόνοι χρυσοί*)⁶⁰. Игнатий Смоленский, присутствовавший на церемонии коронации Мануила II Палеолога, написал, что троны императора и императрицы, установленные на возвышении в храме Св. Софии, были золотыми («Два стола златы») ⁶¹. К сожалению, автор не дал описания трона: мы не можем вслед за «Книгой церемоний» Константина Багрянородного говорить о великолепии золотого трона, а также о золоченых креслах (*χρυσοσελλίον*) слева и справа от трона для менее масштабных приемов⁶². Умолчание, правда, не означает их отсутствия, поскольку Псевдо-Кодин вообще довольно лаконичен в своем изложении и многие детали опускает.

В обряднике Псевдо-Кодина и во фрагменте обрядника из флорентийской библиотеки при описании церемоний отмечалось, что стоящий в триклинии императорский трон отделялся

⁵⁹ См.: Dagron G. Trônes pour un empereur... P. 170—203.

⁶⁰ Ps.-Kod. P. 257.8.

⁶¹ Цит. по: Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 107.

⁶² См.: Беляев Д. Ф. Byzantina I... С. 14.

от остального пространства приемного зала, где стояли архонты, занавесями, которые распахивались в соответствующий ритуалу момент, являя собравшимся сидящего на троне императора⁶³. Надо полагать, что значимость этого момента была столь велика, что изображение интронизированного императора было деталью костюма ряда высоких сановников⁶⁴. Роль занавесей в ритуале дистанцирования императора от подданных была значительной на всех этапах византийской истории⁶⁵. Эта традиция восходит как к Позднему Риму, так и к Востоку.

Псевдо-Кодин называет две разновидности занавесей: 1) *τὰ βηλόφυρα* и 2) *διάφραγμα*. И те и другие он называет золотыми. Однако какого-либо описания типа занавесей в обряднике XIV в. нет. В силу этого мы не можем определить, были ли они раздвижными (*βῆλον συρτόν*) или подъемными (*βῆλον αἰρόμενον*), как в «Книге церемоний» Константина Багрянородного⁶⁶. Автор обрядника четко разделяет занавесы по названию, в котором и должна, по всей вероятности, заключаться информация о них. Мы лишь можем сделать вывод, что *τὰ βηλόφυρα*⁶⁷, использовавшиеся только в церемониях прокипсиса и анавафры (в том и другом случае это была сцена), видимо, напоминали театральные занавесы. *Διάφραγμα*⁶⁸ же использовалась в триклинии при делении пространства зала на две или три части в зависимости от церемониальной ситуации. Занавеси по своему назначению были многофункциональны: они «являли» императора, но прежде всего «отдаляли» его.

Наряду с перечисленными способами отдалять василевса (трон, занавеси) можно назвать абсолютную тишину, ритуальное молчание (*σιωπή μεγάλη καὶ ἡρεμία*)⁶⁹, которое могло

⁶³ Ps.-Kod. P. 274.2—6; 359.11 — 360.12.

⁶⁴ Ibid. P. 153.17; 155.13; 158.19.

⁶⁵ Tretinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 55.

⁶⁶ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 62.

⁶⁷ Ps.-Kod. P. 198.7.13; 203.17.18; 204.13; 269.12.16.

⁶⁸ Ibid. P. 274.3—4.18; 275.16; 278.27; 279.6—7.26; 280.17.

⁶⁹ Ibid. P. 258.3—5.

действовать эффективнее, чем величальные речи и пафосная музыка. Молчание, тишина всегда входили в число способов презентации власти: не случайно в ранние периоды византийской истории была такая должность, как селенциарий — блюститель тишины⁷⁰. Ритуальное молчание могло порождать волнующее ощущение священной отдаленности от объекта поклонения.

Можно предположить, что запланированное сценарием церемониального акта подчеркнуто замедленное движение возглавляемой императором процессии тоже могло оказывать на свидетелей акта подобное впечатление. Во время церемонии Великого входа⁷¹ в пространстве храма Св. Софии василевс в сопровождении духовенства, архонтов и варангов обходил подкупольное пространство храма вплоть до солеи, как написал паломник Игнатий Смоленский, в течение трех часов: «бысть шестие царево толико тихо три часа от предних врат до чертога»⁷².

Наиболее очевидным актом «отдаления» императора является его место на торжественном пиру — за отдельным, «императорским» столом (ἡ βασιλική τράπεζα)⁷³ и даже со специальной императорской скатертью, которую снимали в знак окончания пиршества⁷⁴. Именно с этого стола и раздавали

⁷⁰См.: Беляев Д. Ф. Byzantina I... С. 57—60; 117—119; Его же. Byzantina II... С. 30—33; 200—201, 209.

⁷¹Ibid. P. 263.21—265.3.

⁷²См.: Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople ... P. 107. П. Шрайнер заметил, что в другой редакции текста названа иная продолжительность времени — один час, что также может свидетельствовать о чрезвычайной замедленности движения процессии (см.: Schreiner P. Hochzeit und Krönung Kaiser Manuels II. im Jahre 1392 // BZ. 1967. Bd. 60, Hf. 1. S. 82. Anm. 64). Направление движения процессии внутри пространства Св. Софии могло быть именно таким, как его описывает паломник. Но, с другой стороны, вполне возможно, что его впечатления не во всем соответствуют сценарию акта.

⁷³См.: Ps.-Kod. P. 211.2; 216.26—27; см. также: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 101.

⁷⁴Ps.-Kod. P. 207.11—13; 217.21—22.

милостью императора блюда присутствующим архонтам в зависимости от их ранга.

Итак, «явление», «возвышение» и «отдаление» были основными формами прославления императорской власти, адресованными к большому количеству зрителей. Вся гамма эстетико-эмоционального воздействия предстала в этих ритуалах в концентрированном виде: яркость одежд, музыка, пение, речитатив, возгласы, а также императорские символы: крест, горящая свеча, акакия, фламулы, дивеллий. Однако наряду с грандиозными, но эпизодическими акциями презентации власти необходимы были и средства повседневного поддержания авторитета власти.

«Впечатление»

как способ создания имиджа василевса

Методы презентации власти и ее носителя, императора, давно привлекают внимание ученых. В современной классификации наук это исследовательское направление получило название потестарной имагологии⁷⁵. При реконструкции образа правителя ушедшей эпохи учитывается та «слабоструктурированная» информация, которая может быть передана словом впечатление⁷⁶. М. А. Бойцов наряду с другими составляющими образа, воссоздаваемого на основе впечатлений, выделяет обонятельные, акустические, визуальные, речевые и прочие⁷⁷.

Вслед за имагологами обратимся прежде всего к визуальному образу как средству презентации императорской власти. Визуальный образ византийского василевса XIV в. многогранно представлен в описанных выше церемониях «явления»

⁷⁵См.: Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Ключевые проблемы изучения и преподавания Средних веков. М., 2006. С. 250—290.

⁷⁶Там же. С. 256.

⁷⁷Там же. С. 257—259.

и «возвышения». Если выделить из всей суммы возможных впечатлений от этих церемоний визуальный образ императора, то следует обратиться к его одежде. Императорской одежде как в Древнем Риме, так и в Византии всех веков ее существования уделялось усиленное внимание, создававшее определенный культ костюма прежде всего потому, что он точно определял место человека в обществе и в придворной иерархии.

В Византии XIV в. парадный императорский костюм, надеваемый в особо торжественные дни, был представлен саккосом и стеммой. Саккос имел многовековую историю. Во времена Константина VII Багрянородного это была называемая дивитисием туника, длинный и узкий в подоле наряд с довольно широкими, свободными внизу рукавами. Позднее этот наряд стал называться саккосом⁷⁸. Д. Ф. Беляев определяет саккос как узкий мешок с отверстиями для головы и рук⁷⁹. Саккос как форма парадной одежды надевался в дни особых торжеств — на коронацию, на Рождество, на церемонию прокипсиса, на Вербное воскресенье.

К сожалению, Псевдо-Кодин лаконичен при описании цвета парадной императорской одежды. Надо полагать, что для праздничных дней предпочтительным оставался пурпур как традиционно императорский цвет. «Книга церемоний» Константина Багрянородного более информативна в этом отношении. На Рождество Христово, Рождество Богородицы и на праздник Преображения василевс облачался в пурпурные одежды. В Крещение, поскольку это праздник света, а также на Благовещение полагались белые облачения, но без лоров. В Великую субботу одежды императора были темными⁸⁰. В обряднике XIV в. назван цвет саккоса на церемонии прокипсиса

⁷⁸ См.: Ps.-Kod. P. 200.4; 201.11; 224.27; 256.25; 264.2; см.: Piltz E. *Trois sakkoi byzantins*. Fig. 17. Stockholm, 1976.

⁷⁹ См.: Беляев Д. Ф. *Byzantina II*... С. 52—55. Примеч. 1.

⁸⁰ Там же. С. 43. Д. Ф. Беляев отмечает, что указания на цвет одежды для определенных праздников в обряднике не всегда совпадают (с. 43, примеч. 2).

в сочельник перед Рождеством Господним: он был черным, символизируя таинство императорской власти (*διὰ τοῦ σάκκου μέλανος ὄντος τὸ τῆς βασιλείας κρῦφιον*)⁸¹.

В самые торжественные праздники саккос василевса дополнялся лором. Обычно при описании изображения императора на монетах употребляют формулу «*σάκκος καὶ λῶρος*»⁸². История лора насчитывает много веков, восходя к трабее (*trabea*) римских консулов⁸³. Первоначально это было полотнище одинаковой ширины, которое шло от подола до правого плеча, затем под рукой переходило на левое плечо и свешивалось с левой руки. Позднее, в силу увеличения на нем украшений, лор стал тяжелее и гораздо толще — его было затруднительно обвивать вокруг шеи. Лор стали делить на части: оплечье, вертикальная передняя полоса и пояс. Так что со временем лор стал соответствовать своему названию: слово означает именно пояс. В поздневизантийском императорском парадном костюме он был непременной инсигнией власти⁸⁴. У Псевдо-Кодина мы не находим информации о лоре. Вместо упомянутой формулы «*σάκκος καὶ λῶρος*» в обряднике используется словосочетание *σάκκος καὶ στέμμα*.

Стемма (*ἡ στέμμα*) была атрибутом поздневизантийского парадного костюма — саккоса⁸⁵. Этот венец представлял собой широкий золотой обруч с покрытием полусферической формы. Во времена XI—XII вв. императорская корона еще называлась диадемой, являясь прообразом стеммы. Анна Комнина так описывала ее: «диадема была украшена жемчугом и драгоценными

⁸¹ Ps.-Kod. P. 201.10—12.

⁸² См.: Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*. Abschn. I: *Die Kaiserurkunden*. München, 1968. S. 42.

⁸³ См.: Беляев Д. Ф. *Byzantina II*... С. 212; Ball J. L. *Byzantine Dress. Representations of Secular Dress in Eighth to Twelfth Century Painting*. N. Y., 2005. P. 16—19.

⁸⁴ См.: Piltz E. *Loros — ett byzantinskt insignium* // *Byzantina*. Nordisk tidskrift för byzantinologi. 1972. Vol. 1. P. 8—15.

⁸⁵ Ps.-Kod. P. 198.18; 199.4.13; 200.2; 202.7; 224.26; 225.16; 259.3.12; 264.7; 268.5.19; 272.23; 274.16; 278.23; 355.7.13.21.

камнями, одни из которых вставлялись в нее, другие подвешивались; с каждой стороны у висков, слегка касаясь щек, свисали цепочки из жемчуга и драгоценных камней»⁸⁶. Комментируя текст Анны Комниной, Я. Н. Любарский отмечает, что речь идет о стемме, носить которую было привилегией императоров⁸⁷. В поздневизантийское время стемма имела более высокий обруч и тулью (ἀήρ), напоминающую персидскую тиару⁸⁸. Дугообразные перекрытия короны увенчивались крестом из драгоценных камней⁸⁹.

Императорские одеяния были довольно тяжелы ввиду златотканого декора и драгоценных камней. Может быть, именно поэтому в церемониале был предусмотрен ритуал переодевания. Вспомним, что перед коронацией император облачался в парадные одежды уже в храме, скрытый от глаз присутствующих на церемонии специальным строением при анавафре. На церемонии прокиписиса переодевание было ее первым этапом.

Разумеется, в многочисленных выходах за пределы Влахерн василевс не мог сесть в узком и тяжелом саккосе на коня. Да и сам саккос имел другое предназначение, являясь символом высоких презентаций. Иногда для выходов или выездов императора необходимо было брать несколько различных облачений.

Псевдо-Кодин не сообщает, как транспортировались одежды, предусмотренные для переодевания василевса. По «Книге церемоний» это были продолговатые коробки (ταβλία). Венцы же доставлялись в цилиндрических ларцах (κορνίκλια)⁹⁰.

⁸⁶ Анна Комнина. Алексиада... III. 4.

⁸⁷ См.: Любарский Я. Н. [Комментарий] // Анна Комнина. Алексиада... С. 479. Примеч. 310.

⁸⁸ См. об этом: Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории... С. 219; Ebersolt J. La miniature byzantine. P., 1926.

⁸⁹ На раннем этапе византийской истории императорская корона имела крест в очелье (см.: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 208).

⁹⁰ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 44. Примеч. 1.

Наряду с парадным одеянием по особо торжественным праздникам император во всех других церемониальных ситуациях имел право выбора в отношении костюма и головного убора (ὁ μὲν βασιλεὺς φορεῖ παλὶν ἀπὸ τῶν αὐτοῦ φορεμάτων οἶον ἂν βούλοιο)⁹¹.

В обряднике довольно часто вместо названия типа костюма упоминается «одеяние на каждый день» (τὰ συνήθη καθ' ἡμέραν φορέματα)⁹² или «обыкновенный наряд» (τὴν καθημερινὴν στολήν)⁹³. Чаще всего это был рух: туника — обычно красного цвета — с вышивкой⁹⁴ и драгоценными камнями⁹⁵. Из-за характера декора она неоднократно названа Псевдо-Кодином «жемчужным рухом» (ρόυχον μαργαριταρεῖνον)⁹⁶. Руху соответствовал венец с цветами лилии и четверолистником по краю обруча⁹⁷. Каждодневному костюму мог соответствовать и такой головной убор, как скиадей⁹⁸, представлявший собой венец с верхом из златотканой материи, вышитой жемчугом, и с подвесками (τὰ σεῖα)⁹⁹. В императорском гардеробе была и калиптра (καλύπτρα) — высокая шапка, покрытая дорогой тканью, украшенная жемчугом и драгоценными камнями. Псевдо-Кодин не назвал ее в своем трактате, но в трудах византийских историков она упомянута не единожды¹⁰⁰. Названа калиптра и Матфеем Властарем¹⁰¹.

⁹¹ Ps.-Kod. P. 229.21; 231.19—21; 232.14—16.

⁹² Ibid. P. 212.19.

⁹³ Ibid. P. 195.12—13.

⁹⁴ См. комментарий Ж. Верпо (Ibid. P. 143. Not. 3).

⁹⁵ Ibid. P. 203.5.

⁹⁶ Ibid. P. 195.16; 212.20—21.

⁹⁷ Ibid. P. 195.18—20 (см.: Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 221).

⁹⁸ Ibid. P. 195.11—13.

⁹⁹ Ibid. P. 142—143.2.

¹⁰⁰ См.: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 206.

¹⁰¹ Ps.-Kod. P. 333.20.4—8.

Наряду с рухом следует назвать такой часто называемый наряд, как каввадий (*καββάδιον*)¹⁰². Он представлял собой платье с длинными, застегивающимися донизу полами, по всей вероятности, восточного происхождения¹⁰³. Каввадий император всегда носил с таким головным убором, как фиал¹⁰⁴. Фиал (*φιαλίν*)¹⁰⁵, по определению Н. П. Кондакова, напоминал фонтан из перьев и драгоценных камней. От такого венца, покрытого гроздьями рубинов и сапфиров, тянулись вверх тонкие, вогнутые внутрь лучи из листового золота. К матерчатой подкладке обруча прикреплялись с двух сторон по шесть перьев, также согнутых внутрь¹⁰⁶.

Такой наряд из императорского гардероба, как эпилурик, сочетался с головным убором, называемым факеолидой. Эпилурик (*ἐπιλούρικον*) — одежда из шелка или хлопка наподобие камзола, имеющая по преимуществу военное назначение¹⁰⁷. Псевдо-Кодин оговаривает, что этот тип одежды, ведущий свое происхождение от персов¹⁰⁸, надевался по определенным дням. Например, в праздник Входа Господня в Иерусалим василевс был облачен — в случае траура — в белый эпилурик и факеолиду¹⁰⁹.

Факеолида (*φακεωλίδς*), как и эпилурик, имела, по Псевдо-Кодину, персидское происхождение¹¹⁰. В литературе этот вид головного убора часто называют тюрбаном¹¹¹. Заметим, что по поводу типов головных уборов, называемых в обряднике XIV в., много споров. Да и сам Псевдо-Кодин написал, что не

¹⁰² См. комментарий Ж. Верпо (Ps.-Kod. P. 146. Not. 1).

¹⁰³ См.: Kondakov N. P. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byzantion. 1924. Vol. 1. P. 48.

¹⁰⁴ Ps.-Kod. P. 200.6—7.

¹⁰⁵ Ibid. P. 200.7; 203.5; 225.19.

¹⁰⁶ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории... С. 260.

¹⁰⁷ См. комментарий Ж. Верпо (Ps.-Kod. P. 158. Not. 1).

¹⁰⁸ Ibid. P. 205.6—13; 206.17—22.

¹⁰⁹ Ibid. P. 227.26—27.

¹¹⁰ Ibid. P. 205.1—13.

¹¹¹ Ibid. P. 145—146. Not. 2; 159. Not. 1.

ставит себе задачей определить «форму каждого из этих головных уборов»¹¹².

Еще одним одеянием из императорского гардероба была гранатца (*γρανάτζα*). Псевдо-Кодин замечает, что она имела ассирийское происхождение¹¹³. В обряднике XIV в. написано следующее: «Одна из одежд принадлежала правителям Ассирии и сохраняется по традиции у василевсов и ныне — она называется *γρανάτζα*; император ее носит без пояса, и рукава свешиваются до лодыжек. Эту одежду может носить любой сановник, но с поясом, длина рукава должна быть на уровне пояса. Эта одежда, которую носили императоры, называют *γρανάτζα*, а для архонтов [она называется] *λαπάτζας*»¹¹⁴.

Псевдо-Кодином далеко не всегда называется цвет одежды. Как уже отмечалось, предпочтительными были пурпурный и золотой цвета. Однако в зависимости от случая василевс мог носить одежды других цветов. Например, на фреске Беноццо Гоццоли Иоанн V Палеолог одет в зеленый ездовой кафтан с декором из шитых золотом флеронов¹¹⁵. Мануил II Палеолог как на приеме, оказанном ему французским королем, так и во время поездки в Англию был облачен в белое шелковое одеяние¹¹⁶.

В наши задачи не входило уточнение всех деталей церемониальных одежд византийского василевса в XIV в. Полагаем, что тот зрительный образ правителя, который можно воссоздать по материалам обрядника, дает (и давал!) основание для яркого впечатления. Разумеется, в понятие «зрительные впечатления» должны быть включены не только одеяния императора, но и многоцветие костюмов сановников, присутство-

¹¹² Ps.-Kod. P. 200.11—13.

¹¹³ Ibid. P. 218.29—30. Д. Ф. Беляев справедливо опровергает мнение Рейске, что гранатцу можно сравнить с дивитисием: комментатор «Книги церемоний» спутал тексты Константина Багрянородного и Псевдо-Кодина (см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 52—55).

¹¹⁴ Ps.-Kod. P. 218.29—219.12.

¹¹⁵ См.: Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории... С. 259.

¹¹⁶ См.: Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403). СПб., 1912. С. 30.

вавших на церемониях, и роскошь конных выездов, и интерьеры приемных залов дворца, и богатое убранство храмов, и праздничные одежды священников, и блики золотых священных сосудов, канделябров, окладов икон, и трепетный свет многих свечей¹¹⁷.

В церемониальных императорских выходах воспринимаемая их свидетелями «красота» ассоциировалась с роскошью, блеском, великолепием, пышностью, недоступным простому смертному¹¹⁸, что создавало у него восторженное ощущение Божественной недостижимости василевса. Высокий образ императора «лепился» из представлений о великолепии и роскоши, что должно было убеждать в неколебимости власти.

Эффектному «видеоряду», формировавшему образ императора во многих церемониальных актах, проводимых во дворце, в церкви, на дворцовой площади, сопутствовала музыка. Именно она прежде всего вызывала связанные с образом василевса репрезентативные слуховые впечатления.

Для палеологовского времени характерен подъем музыкальной культуры, всплеск музыкального творчества. Эта эпоха оставила имена крупных мелургов, таких как Иоанн Кукузел, Никифор Ифика и другие¹¹⁹. Исследователь византийской музыки Е. В. Герцман пишет о создании в это время «нового музыкального стиля с его развернутыми мелизматическими формами, помпезными и величественными распевами». Этот этап в истории византийской музыкальной культуры исследователи назвали *ars nova*¹²⁰.

¹¹⁷О многом из перечисленного пойдет речь в следующих главах книги; см. также: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins...

¹¹⁸См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 62.

¹¹⁹См.: Герцман Е. В. Музыкальная культура поздней Византии // Культура Византии. М., 1991. Т. 3. С. 528—550.

¹²⁰Там же. С. 535—536. Е. В. Герцман ссылается на работу: Williams E. A. Byzantine «Ars nova», the 14th Century Reforms of John Koukouzeles the Chanting of Great Vespers // Aspects of Balkans continuity and change (Contribution to the International Balkan Conference held at ULCA, Oktober 23—28, 1969). Muton ; Hague ; Paris, 1972. P. 211—229.

Музыка, сопровождавшая церемониал, была представлена как пением, так и игрой музыкальных инструментов. В описанных выше церемониях «явления» и «возвышения» были представлены и певцы, и музыканты.

Среди певцов Псевдо-Кодин называет крактов, псалтов и маисторов. Кракты (οἱ κράκται) в большинстве случаев не были профессиональными певцами. Они собирались обычно из числа придворных для исполнений аккламаций, величальных песнопений, исполняемых двумя хорами. Аккламации в честь императора назывались полихронием («многолетием»). В обряднике XIV в. кракты названы лишь один раз — как участники хоров, сопровождавших пением акт коронования императора в храме Св. Софии. Надо полагать, что их ампула заключалась в речитативном чтении, которое составляло одну из составляющих аккламации. В нашем источнике они названы чтецами (οἱ ἀναγνώσται)¹²¹.

В тексте конца XIV в., посвященном коронованию Мануила II Палеолога, есть описание послекоронационного выступления музыкантов в храме: «За амвоном устроены две деревянные анавафры, одна справа, другая слева — так, чтобы сверху стояли певцы хора (μαῖστορες) с прекрасными голосами, надевшие поверх своих платьев золотые одежды из императорского вестиярия, и распорядители торжеств... Протопсалт и доместик стоят праздно на солее, лампадарий с двойным подсвечником (дивампулом. — М. П.) впереди василевса пониже царской анавафры, протоканонарх же стоит посреди амвона с задней стороны и громко ведет счет строф (κανοναρχεῖ), а маисторы поют после каждого стиха «ей свят»¹²².

Псалты (οἱ ψάλται) были обученными певцами, входившими в хоры духовенства. Такая аккламация, как εὐφημία (прославление), исполнялась обычно псалтами под руководством

¹²¹Ps.-Kod. P. 263.5. В новогреческом языке ὁ κράκτης — крикун. Д. Ф. Беляев переводит это слово как «запевала» (Byzantina II... С. 185).

¹²²Ibid. P. 356.9—357.1; см. также: Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 4.

протопсалта. В обряднике псалты называются довольно часто¹²³. Так, на праздник Рождества Христова, в сочельник, в парадном зале Влахернского дворца устанавливался иконостас, и как только появлялся василевс, псалты исполняли традиционную аккламацию — полихроний. Хорами, певшими антифонно, руководили domestik хора и протопсалт¹²⁴. Канонархи (οἱ κανονάρχαι)¹²⁵, стоя в центре амвона, канонаршествовали стихи, на которые маистор (μαῖστωρ) громогласно отвечал «Ей, свят!».

Среди церковных песенных жанров наряду с канонем¹²⁶ Псевдо-Кодин часто называет тропарь (τροπάριον). Тропари сочинялись ко всем торжественным событиям и занимали заметное место в гимнографии¹²⁷. Певческое исполнение молитвословий называлось псалмодией (ἡ ψαλμωδία)¹²⁸. Литургия, главная церковная служба¹²⁹, включала исполнение гимнов (ὕμνος), среди которых Псевдо-Кодин называет гимн Великого входа¹³⁰, Трисагион¹³¹ и другие.

Литургия была построена на контрастном чередовании молитв, чтений, псалмов, что создавало особенно сильное эмоциональное впечатление. Помимо смены жанров, варьировалась и сила голоса. Так, на заутрене Великого воскресения протопапа, воскурив фимиам, произносил громким голосом (ἐκφωνεῖ) сначала славу Св. Троице, затем трижды тропарь

¹²³ Ps.-Kod. P. 190.8.23; 197.2—3; 203—204; 210.9; 214.7; 221.9; 233.5.10; 269.14.

¹²⁴ Ibid. P. 190.1; 192.24; 214.22—23; 240.20—21; 241.11; 263.3; 265.21.24; 269.14.

¹²⁵ Ibid. P. 189.10; 190.8; 193.2; 214.27; 215.8—9.

¹²⁶ Ibid. P. 230.25—28.

¹²⁷ См.: Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры // Культура Византии. М., 1989. Т. 2. С. 565.

¹²⁸ Ps.-Kod. P. 214.18.

¹²⁹ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 92 и след.

¹³⁰ Ps.-Kod. P. 263.29.

¹³¹ Ibid. P. 237.12; 257.28; 262.25.

«Христос восстал из мертвых», после чего архидиакон говорил тихим голосом и, наконец, протопапа читал очень громко (γεγυωνοτέρῳ φωνῇ)¹³².

Многие церковные песнопения были известны посещавшим храм по начальным словам текста: к примеру, «херувимское песнопение» (χερουβικά), начинавшееся со слов «Иже херувимы»¹³³. Паломник Игнатий Смоленский, присутствовавший на коронации Мануила II Палеолога, дважды называет: «Херувимская пснь»¹³⁴.

За пределами храма церемониальное пение сопровождалось инструментальной музыкой. При описании церемонии «явления» нами уже были названы цимбалы, флейты, трубы, т. е. струнные и духовые инструменты. Придворные торжества зачастую сопровождала музыка органа, что составляло давнюю византийскую традицию¹³⁵.

Пение псалтов не только ласкало слух, но и было прекрасным зрелищем. По обряднику XIV в. протопсалт и domestik хора были в белой одежде, маистор и все псалты — в порфировой, кракты и канонархи были в гиматиях¹³⁶, надетых поверх камизия (καμίσιον)¹³⁷.

Описание одежд певцов в обряднике свидетельствует о том, что слуховые и зрительные впечатления обычно сопутствовали друг другу, усиливая этим эффект церемонии. Игнатий Смоленский, сочинение которого «О Царском Вѣнчании» для нас особенно ценно прежде всего отраженным в нем впечатлением от коронационной церемонии, так описывает его

¹³² Ps.-Kod. P. 232.25—233.21.

¹³³ См.: Герцман Е. В. Становление музыкальной культуры // Культура Византии. М., 1984. Т. 1. С. 624—625.

¹³⁴ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 111.

¹³⁵ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina I... С. 55—56, 115; Его же. Byzantina II... С. 84. Псевдо-Кодин не дает по этому поводу ясной информации.

¹³⁶ Как заметил Ж. Верпо, смысл слова ἱμάτιον не совсем ясен. Во всяком случае, это определено длинное и просторное одеяние (Ps.-Kod. P. 141. Not. 1).

¹³⁷ Ibid. P. 190. 1—3.

через свое зрительное восприятие: «Пѣвциже стояху украшени чудно, ризы имѣяху, аки стихари широци и долзи, а вси опоясани, рукаваже риз их широци, а долзи, овии камчати, овии шидны наплечши с златом и с круживом; и на главах их оскрилци с круживом. И множество их собрани»¹³⁸. Слова паломника «Кому есть мощно исповѣдати красоты тоя!»¹³⁹ могли бы стать эпиграфом к этой главе книги.

Если обратиться к обонятельным впечатлениям образа власти, то прежде всего вспоминается фимиам. Само словосочетание «курить фимиам» означает акт прославления. Традиция воскурения в специальных курильницах ароматических веществ — шишек пиний, листьев лавра, миндального масла, смолы ладанного дерева, мирры, нарда, корицы — появилась еще в позднеантичную эпоху.

Масляные лампы (καυδηλάπτῆς)¹⁴⁰, использовавшиеся для освещения триклиния и других помещений императорской резиденции, наполняли их «дворцовым ароматом». Светильники, заправленные маслом (с фитилем из камыша или из кудели), могли быть висячими или настольными, с одним или несколькими гнездами для плашек с маслом. Светильники были разнообразны по форме: грифон, корабль, верблюд¹⁴¹.

Храм Св. Софии в дни празднеств был освещен сотнями лампад. По свидетельству Робера де Клари, по всему храму «сверху донизу спускалась добрая сотня люстр, и не было ни одной, которая не висела бы на толстой серебряной цепи толщиной в человеческую руку; и в каждой было 25 или более лампад»¹⁴². Надо думать, что в основном они сохранились в ходе погрома латинян в 1204 г. Паломник Стефан Новгородский, посетивший Константинополь в 1348—1349 гг.,

¹³⁸ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 105, 107.

¹³⁹ Ibid. P. 111.

¹⁴⁰ Беляев Д. Ф. Byzantina I... С. 160—161.

¹⁴¹ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 72, 74.

¹⁴² Клари Р. де. Завоевание Константинополя / пер., вступ. ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. Разд. 85. С. 59—60.

описывая красоты храма, упоминает и яркое освещение: «также и кандил множество неисчетно в святой Софии; инаяже в трулах церковных и в комарах, а инии в стѣнах и промежи стѣн и во улицах церковных, идѣже иконы великия стоят, и ту кандила с маслом деревяным горят»¹⁴³.

В практике церемониальных действий в храме было каждение (θυμιατήριον)¹⁴⁴. Кадило (θυμιατόν)¹⁴⁵ представляло собой металлическую чашу, подвешенную на нескольких цепочках: ее заполняли тлеющими углями, ладаном и другими ароматическими веществами. Каждение сопровождало коронацию императора¹⁴⁶. Образ венчанного василевса ассоциировался для всех присутствующих с запахом фимиама¹⁴⁷.

Символическую роль во многих церемониальных актах играла свеча (κηρός, λαμπάς). Λαμπάς (лампада)¹⁴⁸ была большой, толстой, часто особой формы и с декором, κηρός¹⁴⁹ — обычная свеча. Когда императору в каком-либо церемониальном действе вручалась свеча, то в обряднике обязательно оговаривалось, что это была лампада, в то время как окружавшие императора архонты держали обычные свечи. Таков был, к примеру, сценарий церемонии праздника Феофании¹⁵⁰. Свечи служили также символом добрых дел.

В целом, зрительные, слуховые, обонятельные ассоциации свидетелей той или иной церемонии позволяли синтезировать все впечатления, создавая репрезентативный образ императора. Однако если уповать только на эти впечатления, то могла бы оказаться нарушенной общая концепция

¹⁴³ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 33.

¹⁴⁴ Ps.-Kod. P. 353.7.

¹⁴⁵ Ibid. P. 238.21; 265.14; 267.22; 268.3.

¹⁴⁶ Ibid. P. 265.14; 266.11; 267.22—27; 268.3.

¹⁴⁷ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S 67 ff.

¹⁴⁸ Ps.-Kod. P. 191.11.12; 198.5; 202.7; 203.22; 220.22; 225.2; 230.3.8.19; 232.20; 247.5—6.

¹⁴⁹ Ibid. P. 175.25.27; 229.4; 230.6; 232.25; 235.8; 334.27.3.

¹⁵⁰ Ibid. P. 220.20—221.2.

образа императора, в основе которой лежит идея об особой (верховой) сущности власти.

Итак, презентация образа василевса, рассчитанная на «впечатление», включала в орбиту своего воздействия различные чувства свидетеля ритуала и вызывала множественные ассоциации, должны формировать образ правителя. Выделим особо один из аспектов «впечатлений» свидетелей церемониальных «спектаклей» в силу его значимости — заложенную в основу церемониала идею «Император и священник».

Василевс в среде духовенства

Как известно, византийский василевс имел церковный статус: он был «защитником» (δεφένσωρ) и «представителем» (δεποτάτος). В собственноручно написанном Символе веры, который василевс вручал патриарху перед своей коронацией, он клялся, что является и будет слугой и защитником (дефенсором) святой церкви¹⁵¹. Звание дефенсора для императора не было связано с какими-либо функциями, кроме высокой обязанности быть покровителем церкви.

Псевдо-Кодин записал в обряднике, что василевс имеет духовный сан (τάξις ἐκκλησιαστικὴν) депутата¹⁵². Депутат традиционно был одним из священосцев: в его обязанности входило нести свечу перед архиереем на Малом входе — перед Евангелием и на Большом входе — перед несомыми Св. Дарами¹⁵³. Так, во время коронации Мануила II Палеолога при Большом входе василевс, одетый в мантию, нес перед Св. Дарами зажженную свечу¹⁵⁴.

Несмотря на свою незначительность, звания дефенсора и депутата ставили василевса выше мирян, вводя его в катего-

¹⁵¹ Ps.-Kod. P. 253.26.

¹⁵² Ibid. P. 264.9—10.

¹⁵³ Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 165. Примеч. 1; ср.: Majeska G. P. The Emperor in His Church... P. 4, Not. 16.

¹⁵⁴ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 111.

Иоанн VI Кантакузин — император и монах
Миниатюра из Теологических сочинений Иоанна VI Кантакузина
1370—1375. Национальная библиотека, Париж

Портрет Иоанна VI Кантакузина,
председательствующего на соборе 1351 г. Миниатюра
1370—1375. Национальная библиотека, Париж

рию служителей церкви. Литургический статус василевса был равен диакону (хотя реально он ставился в церкви выше этого статуса)¹⁵⁵.

Далеко не все свидетели церковных обрядов, в которых принимал участие император, знали о церковном статусе василевса. Репрезентационный след в осознании приобщенности правителя к священству возникал скорее от реальных впечатлений любого из присутствующих в церкви, тем более обывателей — тех, кого мы называем народом. Несомненно, причастность василевса к священству формировалась фактом вхождения его в алтарь, где он в ритуале коронационного сценария кадил на Св. Престол, на патриарха, после чего тот также кадил на василевса. Должно было производить впечатление и причащение императора Св. Телом и Св. Кровью из рук патриарха, причем причащался он Кровью Господней не из ложки, как миряне, а из чаши, которую держал патриарх, т. е. как священник (*ὡς τε ἄ καὶ οἱ ἱερεῖς*)¹⁵⁶. Принятие причащения от патриарха ставило императора выше его литургического статуса диакона¹⁵⁷. Впечатляющей была и процессия Великого входа во время чина коронавания в храме Св. Софии, когда василевс шел к алтарю впереди священников¹⁵⁸.

Обрядовое поведение василевса в пределах церкви (если выделить только его передвижения) должно было обратить свидетеля обряда к мысли о священстве правителя. Многочасовой ритуал коронавания императора имел сложный «рисунок» его передвижений по территории храма, что, несомненно, не только включало его в священнодействие, но делало его фигуру особо значимой. В различных комбинациях передвижение императора во время обряда проходило в пределах анавафры (справа от амвона), амвона, соли, алтаря,

¹⁵⁵ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 156.

¹⁵⁶ Ps.-Kod. P. 268.4—20.

¹⁵⁷ См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 156. Примеч. 5.

¹⁵⁸ Ps.-Kod. P. 264.20—22; Cant. I. 41.200.5—7.

а также всего пространства храма: процессия во главе с василевсом обходила весь неф (Περιελθόντες δε κατὰ τὴν συνήθειαν τὸν ναὸν) по направлению к солею, откуда император шел один к царским вратам, где его ждал патриарх¹⁵⁹.

Несомненно, участие василевса в исполнении литургических действий в пределах храма повышало его духовную харизму. Но поскольку его функции не были значительными (по сравнению с функциями патриарха), василевс, чья святость была провозглашена, воспринимался все же не как священник, а как василевс и священник¹⁶⁰.

Император как «подобие Бога»

Харизма святости василевса, провозглашенная через ритуал помазания («Свят!»), подтверждалась всей концепцией церемониала. Наиболее яркая ритуальная ситуация, проводившаяся идея о том, что василевс есть подражание Христу, отражена в сценарии омовения (ὁ νιπτήρ) в Великий четверг (ἡ Μεγάλη Πέμπτη) Страстной недели¹⁶¹.

Перед литургией этого дня в императорскую комнату (ἐν τῷ τοῦ βασιλέως κελλίῳ) приводили двенадцать бедняков (πτωχοὺς δώδεκα) — по числу учеников Христа. Их «заранее подготавливали» (вероятно, мыли), надевали на них нателные рубашки (ύποκαμίσα), нижние штаны (κουρτζουβάκια) и башмаки (παπούτσια). В комнате императора находился заранее принесенный ковш (λεκάνη).

Протопапа, находившийся перед дверью императорской комнаты, давал благословение и начинал читать отрывок из

¹⁵⁹Проведенная Г. П. Маджеской на основании «Книги церемоний» реконструкция передвижений императора в пределах храма Св. Софии во время акта коронации в общих чертах совпадает с обрядом, описанным Псевдо-Кодином (см.: Majeska G. P. The Emperor in His Church... P. 1—10).

¹⁶⁰Dagron G. Empereur et prêtre...; Majeska G. P. The Emperor in His Church... P. 11.

¹⁶¹Ps.-Kod. P. 228.10—229.20.

Евангелия. Когда он произносил слова «влил воды в умывальницу» (Ин. 13:5), император наливал воду в ковш. Затем приводили одного за другим бедняков, держащих в руках зажженные свечи. Каждый — один за другим — садился, и протопапа читал текст Евангелия, где говорится «и начал Иисус мыть ноги своих учеников»¹⁶². Эта процедура повторялась столько раз, пока не были все омыты. Василевс мыл правую ступню каждому, вытирал ее тканью, повешенной перед ним, а затем целовал ступню. В завершение церемонии каждому из бедняков вручалось по три золотых монеты (χρυσᾶ νομίσματα τρία). После этого начиналась литургия. Эта церемония зафиксирована только в обряднике XIV в., в «Книге церемоний» ее нет¹⁶³.

Стремление к упрочению веры народа в сакральную природу монарха присуще и другим государствам эпохи абсолютизма, когда иератические признаки власти заметно усилились. Так, Елизавета I Тюдор соблюдала обряд омовения ног в Чистый четверг Страстной недели¹⁶⁴. В этот день королева в голубом платье опускалась перед специально собранными старыми больными женщинами, сидящими на скамьях, омывала каждой из них ноги в серебряном тазу с ароматизированной водой и цветами, вытирала их полотенцем, целовала ступни и осеяла крестным знаменем. После этого каждая из этих бедных женщин получала отрез сукна на платье, туфли, еду, стакан вина и кошелек с медными монетами.

Обычай омовения ног в Чистый четверг был распространен и в высшей католической церковной среде. Иннокентий III и другие папы омывали в этот день ноги двенадцати беднякам¹⁶⁵.

¹⁶²Порядок слов в обряднике немного отличается от текста русского Синодального издания.

¹⁶³См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 127. Anm. 12. Подобный ритуал Чистого четверга в X в. имел место в храме Св. Софии, где он совершался простым священником (см.: Ibid.).

¹⁶⁴Дмитриева О. В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор // СВ. 1995. Вып. 58. С. 159—160.

¹⁶⁵См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 127. Anm. 12.

Названный ритуал, как и другие ритуалы византийского церемониала, способствовал сакрализации образа императора — подражателя Христа.

Энкомий и портрет в создании образа василевса

Церемониальный имидж императора гармонично дополнялся эмоциями, порождаемыми риторикой и иконографией¹⁶⁶. Литературный образ обладает огромной силой воздействия, дополняя систему ритуалов, составляющих содержание церемониала. Литературная лесть в форме хвалебных речей — энкомиев — была изысканным способом политического воздействия на умы слушателей. Энкомий в честь императора был не только необходимым элементом декора дворцовой жизни: он выполнял функции изящно орнаментированной политической пропаганды. Энкомий был необходим двору, двор был необходим энкомиасту. Мечтой каждого образованного византийца была надежда быть услышанным василевсом, что могло в будущем обещать карьеру: литература без придворной должности не давала желанного жизненного комфорта. Энкомий в честь императора для многих становился шансом войти в круг придворной жизни.

Литературная метафора или эпитет для высшего византийского общества, издавна ориентированного на античную словесность, была формой соответствующего эпохе пиара, политической пропаганды власти императора. Можно привести фрагментарно два письма-энкомия известного интеллектуала XIV в. Димитрия Кидониса. Энкомии разделены во времени почти тридцатью годами: один из них адресован будущему василевсу Иоанну VI Кантакузину, второй — коронованному, но еще не правящему Мануилу II Палеологу. Первый из энкомиев (1345) создавал Иоанну Кантакузину реноме

¹⁶⁶Schreiner P. Charakteristische Aspekte der byzantinischen Hofkultur... S. 14—18, 22—24.

правителя, способного привести беспокойную, разрываемую междоусобицами империю к полному благоденствию: «Твоей власти радуются народы и города, острова и континенты. Они прославляют твой характер и воспевают [тебя], победившего всех. Нас же они считают счастливыми, ибо император дружественен нам, и предсказывают, что нам настолько высокое явится счастье, когда все народы будут покорены, все города примут твои законы, все признают единственного властителя, и будет процветать добродетель, будет пользоваться свободой слова мудрость, василевс будет для всех подданных примером всего прекрасного»¹⁶⁷. Второй из названных энкомиев (1373), прославлявший императора Мануила II Палеолога, явно имел целью усилить его авторитет в условиях политической борьбы за власть. В этом энкомии Мануил представлен Димитрием Кидонисом как император, «у ног которого все лежат и которого украшают не только пурпур и диадема, о котором и Платон, если бы он его увидел, сказал бы, что ему больше, чем Зевсу, свойственны царственный разум и царственная душа...». В этом же опусе энкомиаст написал: «ты стал подобен Богу»¹⁶⁸.

Приведенные слова прославления вышли из-под пера талантливого человека: он не мог не учитывать реальную ситуацию в стране и искренне писал слова прославления во имя благополучия страны. Большинство же энкомиев, звучавших при дворе, были словесно изысканными, красивыми литературными штампами, которые создавали ощущение полного счастья под управлением императора — благочестивого, подражающего Богу, любящего подданных, философа, успешного полководца. Эффектный речевой образ формировал образ власти.

Возвеличиванию верховной власти василевса служила не только риторика, но и императорское искусство. Портрет василевса был не просто изображением отдельного

¹⁶⁷Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 206. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2. № 6.16—23.

¹⁶⁸Ibid. Vol. 2. № 192.13—15; 57.

правителя, а скорее выражением самой идеи империи. Фигура василевса «в фас, стоящего на императорском подножии, одетого в парадное платье и держащего традиционные сферу и скипетр»¹⁶⁹ — будь то миниатюра или изображение на печати — была зрительным образом власти. Определенная канонизация образа василевса — всегда «*σάκκος, λῶρος καὶ στέμμα*» — ассоциировалась с незыблемостью империи. Палеологовская эпоха оставила нам целую галерею императорских портретов — от Михаила VIII до Константина XI.

Помимо миниатюр, монет и печатей, можно вспомнить об императорских изображениях на ткани. Прежде всего это известный саккос патриарха Фотия (Государственная оружейная палата, Москва), в нижней передней части которого изображен Иоанн VIII Палеолог с супругой. На скараниках ряда архонтов, как пишет Псевдо-Кодин, впереди было изображение интронизированного императора, сзади — стоящего, с ангелами справа и слева¹⁷⁰. На скаранике великого друнгария сзади был выткан иной иконографический тип портрета василевса — верхом на коне¹⁷¹.

Конное изображение императора (*ἔφυλλον*)¹⁷² было традиционно символом победоносных доблестей императора¹⁷³. Оно, по Псевдо-Кодину, присутствовало не только на одежде архонтов, но и на флагах¹⁷⁴, и на щитах¹⁷⁵.

Несколько «выпадающими» из иконографической традиции XIV в. являются портреты Иоанна Кантакузина (Парижская рукопись 1242), где он представлен и как монарх, во всем величии парадного одеяния, и как монах. Явно иконический характер носит миниатюра той же рукописи, где Иоанн Кантакузин,

¹⁶⁹ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 41.

¹⁷⁰ Ps.-Kod. P. 152.3—7; 153.14—17; 155.8—13; 157.1—5.

¹⁷¹ Ibid. P. 158.17—20.

¹⁷² Ibid. P. 158.20.

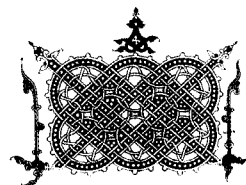
¹⁷³ Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 71.

¹⁷⁴ Ps.-Kod. P. 167.21—23; 196.9—11.

¹⁷⁵ Ibid. P. 273.11—14.

окруженный духовенством и высшими архонтами, возглавляет заседание Собора 1351 г. в Константинополе. Как заметил А. Грабар, василевс — в парадной одежде и с атрибутами больших церемоний — «своей колоссальной фигурой... доминирует над всем собранием», что создает эффект концентрации всей композиции именно на фигуре императора¹⁷⁶.

Возвеличивание императора в риторике и живописи соответствовало канону создаваемого церемониалом образа императора и способствовало его перманентному упрочению. Церемониальный образ василевса, презентуемый целым каскадом ритуальных приемов, доминирующими среди которых были «явление», «возвышение», «отстранение», создавал через многообразные репрезентационные впечатления веру в силу империи и богоданность власти, а также ощущение гармонии мира.

¹⁷⁶ Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 109.

ГЛАВА 3

ПОЗНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ЧИН
КОРОНОВАНИЯ ВАСИЛЕВСА**Коронационный акт и «императорская идея»**

В последние два десятилетия заметен повышенный интерес исследователей к церемониальной культуре. Ритуал как форма политической культуры все чаще становится объектом пристального изучения. Ученых, представляющих это направление, иногда называют неоцеремониалистами, поскольку первая волна научного интереса к церемониалу приходится на конец XIX — первую половину XX в.¹ В изучении византийского церемониала эталонными считаются исследования Д. Ф. Беляева² и О. Трайтингера³.

¹ См.: Bloch M. *Les rois thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. P., 1924; Alföldi A. *Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhof // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. 1934. Bd. 49. S. 3—118; Grabar A. *L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient*. P., 1936.

² Беляев Д. Ф. *Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей*. СПб., 1891; Его же. *Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X в.* СПб., 1893.

³ Treitinger O. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee / Verlag der Frommannschafften Buchhandlung*. Jena, 1938.

Чин коронавания — чаще во фрагментах — неоднократно исследовался многими учеными, но с преимущественным акцентом на материалы «Книги церемоний» эпохи Константина VII Багрянородного. Сочинение же Псевдо-Кодина «Трактат о должностях» середины XIV в., содержащее более полное описание обряда коронавания василевса, исследовано в меньшей степени, в основном на примере отдельных этапов ритуала. В силу этого цельная реконструкция чина не лишена основания.

В акте коронации императора византийский церемониал как форма презентации власти достигал своей кульминации не только в силу особой торжественности ритуала и его парадной эффектности. Значимость коронационного чина определялась скорее тем, что в нем предельно четко была выражена императорская идея, являвшаяся основой официальной политической доктрины.

Акт коронации как апогей средневекового ритуала объединяет церемониальную культуру Византии и других европейских государств. Помазание, венчание, облачение, явление народу — вот ключевые моменты коронации правителя, но в каждой стране, в том числе и в Византийской империи различных эпох ее существования, можно наблюдать свою специфику.

Коронавание в развитых монархических государствах Средневековья придавало государю особую харизматическую значимость⁴ и создавало вокруг его персоны «религиозно-мистическую атмосферу»⁵, способствовавшую восприятию правителя «как избранника, представителя, посланника Христа»⁶. Этот церемониальный акт был в высшей степени отмечен идеей сакральности личности монарха. В ходе чина коронации король, царь или император оказывался вознесенным в высшую сферу,

⁴ См.: Geertz C. *Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages / ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13—16; Круглый стол «Харизма королевской власти» // СВ. 1995. Вып. 58. С. 144—178.*

⁵ См.: Treitinger O. *Die oströmische- und Reichsidee...* S. 32—43.

⁶ Ibid. S. 40.

именуемую Божественной, что наделяло его особыми сакральными качествами и определяло священные основы власти⁷. Санкционирование власти таким институтом, как христианская церковь, придавало этой идее особый авторитет — то кредо, на котором покоилась презентация власти⁸.

Византийская политическая идеология, отраженная в сотнях документов и речей, концентрировала все ее постулаты вокруг значительности для страны и всех ее подданных императорской власти и воплощенной в этой власти императорской идеи⁹. В основе официальной идеологии («тиражируемой» и неофициальной риторикой) лежала мысль о Божественном происхождении власти императора. Этот постулат, идущий от эпох домината и эллинистических государств, с упрочением христианства приобрел завершённый характер.

При исследовании концепции власти Г. Хунгером на основе преамбул (прооимиев) официальных актов им были выделены выражавшие суть политической доктрины сложившиеся словесные формулы. Назовем наиболее точные и яркие из них: власть императора — «от Бога» (ἐκ Θεοῦ), император — «подражание Богу» (μίμησις Θεοῦ), «возлюбленный Бога» (θεοφιλής)¹⁰.

⁷ См., например: Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz ; Wien ; Köln, 1965. S. 61—108; Kantorowicz E. H. The King's two Bodies : a Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957; Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 5—16; Ее же. Король — sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 19—28.

⁸ См.: Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy : Origins and Background. Washington, 1966. Vol. 2. P. 611—850; Runciman S. The Byzantine Theocracy. Cambridge ; L ; N. Y. ; Melburn, 1977.

⁹ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee...; Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204—1330. Cambridge, 2006. P. 10—13, 91—92, 154, 253, 309, 417.

¹⁰ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Aengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Bd. 1. Wien, 1964. S. 49—83.

Наряду с констатацией Божественной природы власти в византийских источниках — как официального характера, так и в риторической литературе — традиционным являлось сравнение правителя с солнцем (ὁ ἥλιος). И если в «Божественной сфере» император являлся пастырем (ὁ ποιμήν) своих подданных, то император-солнце посылал людям свои животворящие лучи¹¹.

Если обратиться к сфере моральных качеств, входивших в «набор» императорских добродетелей, на которые был сориентирован образ василевса, то эти его качества вполне сравнимы с античной шкалой нравственных ценностей¹²: мудрость (σοφία), мужественность (ἀνδρεία), справедливость (δικαιοσύνη), благоразумие (σωφροσύνη).

В каждую из византийских эпох какое-то качество в характеристике правителя становилось — в зависимости от потребностей эпохи — доминирующим¹³: полководец, философ, филантроп. В поздневизантийскую эпоху, пожалуй, превалирующими среди всего набора традиционных характеристик стали человеколюбие (φιλανθρωπία) и благочестие (εὐσεβεία). Вероятно, это было связано, наряду с другими факторами, и с тем, что империи в XIV в., как никогда ранее (а ранее тоже было много трудных ситуаций!), была нужна защита не только императора — помазанника Божьего, но и самого Бога. Доминирующий моральный постулат «човеколюбие — благочестие» гармонично соединялся с идеей Божественного происхождения власти монарха.

¹¹ Hunger H. Op. cit. S. 75—80, 100—108.

¹² См.: Утченко С. Д. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 29; Его же. Политические учения Древнего Рима III—I вв. М., 1977; Чекалова А. А. К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. 1991. С. 13—30.

¹³ См.: Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М., 1991.

Источники

Византийский коронационный чин достиг высшей степени своего исторического развития в XIV в.¹⁴ Сценарий коронации византийского самодержца в XIV в. можно реконструировать на основе четырех источников этого времени¹⁵. Два из них представляют предусмотренный протоколом трафарет чина коронации и не относятся к факту венчания какого-либо конкретного правителя. Это прежде всего «Трактат о должностях» Псевдо-Кодина¹⁶, являющийся самым полным описанием чина коронования, в том числе по сравнению с «Книгой церемоний» эпохи Константина VII Багрянородного¹⁷. Фрагмент изложения чина во флорентийской рукописи, опубликованной и прокомментированной Хр. Лопаревым¹⁸, также следует рассматривать как текст, соответствующий официальному протоколу. Издатель этого текста отметил, что имена императора Мануила II Палеолога и его супруги Елены были вставлены в текст неумелой рукой позднее: вместо *ὁ δεῖνα* — *Μανουῆλ*, вместо *ἡ δεῖνα* — *Ἐλένη*¹⁹. Этот текст, являясь описанием общего коронационного чина, охватывает — в силу своей фрагментарности — лишь вторую его половину.

Два других источника являются записями свидетелей конкретных коронаций: это включенные в текст «Истории» Иоанна Кантакузина его свидетельства о венчании Андроника III

¹⁴См.: Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843—1453). Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 27.

¹⁵О. Трайтингер называет только три источника: он не учитывал записок Игнатия Смоленского (см.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 15).

¹⁶Ps.-Kod. P. 129—287.

¹⁷De cerim. Vol. 1. P. 410—432, 191—196.

¹⁸См.: Лопарев Хр. К чину царского коронования в Византии // Сборник статей в честь Димитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 1—11. Текст источника переиздан Ж. Верпо (Ps.-Kod. P. 353—361).

¹⁹См.: Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 2.

Палеолога (1325)²⁰ и экскурс из паломнических записей иеродиакона Игнатия Смоленского о возложении венца на голову Мануила II Палеолога (1392)²¹. К сожалению, текст Иоанна Кантакузина, написанный много времени спустя после событий коронации Андроника III, воспроизводит протокол обряда коронования и не дает никаких новых деталей, приближаясь по сути дела к типу официального чина²². Игнатий Смоленский же в тексте «О Царском венчании», впечатленный зрелищем, описал лишь отдельные моменты, запомнившиеся ему как особенно яркие и значительные.

Наше описание сценария коронования будет прежде всего ориентировано на сочинение Псевдо-Кодина с учетом материалов названных текстов²³.

Вручение василевсом патриарху Символа веры можно считать первым этапом чина коронования правителя. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. И. Соколов в работе «О византизме...» особо выделил этот момент ритуала возведения к власти, когда василевс «передавал патриарху

²⁰Cant. I. 41.1.196—204.

²¹См.: Хождение Игнатия Смолнянина // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984. P. 105—113.

²²Долгое время исследователи считали, что Псевдо-Кодин позаимствовал описание чина у Кантакузина (см., к примеру: Treitinger O. Op. cit., S. 15. Anm. 27). Но у Ж. Верпо убедительно доказано, что оба эти автора независимо друг от друга пользовались одними и теми же официальными протоколами и к тому же у Кантакузина текст описания лаконичнее, чем у Псевдо-Кодина (см. об этом: Verpeaux J. Introduction // Ps.-Kod. P. 31).

²³Пятым источником условно можно считать сочинения архиепископа Фессалоники Симеона (1416/17—1429) «Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных», «О святом храме и освящении его», «О священной литургии», «О священнодействии св. мира» (см.: Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1994; переизд. кн.: Сочинения... СПб., 1856). Симеон, постоянно живя в Фессалонике, не был свидетелем проходивших в столице коронаций. Скорее, его можно назвать толкователем смысла отдельных этапов чина коронования василевса.

собственноручно написанное исповедание веры, в коем обещался пребывать всегда верным и неизменным рабом и сыном Св. Церкви, защитником и покровителем ее, милостивым и человеколюбивым в отношении к подданным»²⁴.

Символ веры

В канун дня коронации, вечером, василевс с соответствующим случаем сопровождением направлялся из своей постоянной резиденции во Влахернах в Большой императорский дворец, где проводил ночь²⁵. С раннего утра его выхода поджидали высокие сановники, архонты, армия и жители города. Во втором часу дня²⁶ василевс, покинув дворец, направлялся с соответствующим окружением в расположенный неподалеку от дворца храм Св. Софии²⁷. По обычаю, он к тому времени уже написал собственноручно свой Символ веры (τῆς ἑαυτοῦ πίστεως ὁμολογίαν οἰκειίας χερσὶν ἐγγράφως)²⁸. Преамбула символа веры писалась так: «Такой-то, во Христе Боге верный

²⁴Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении... С. 27.

²⁵Игнатий Смоленский пишет, что Мануил II ночь перед коронацией провел в одной из комнат галереи храма Св. Софии: «Ноши тоя царь на полатях бысть и егда приспѣ первые час дни, и снigde царь с полат и вниде в святую церковь предними великими дверми, иже зовуться царскаа» (Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 107). Следует доверять словам паломника, ибо Большой императорский дворец к концу XIV в. уже не мог быть пристанищем императора, а путь от Влахерн до храма Св. Софии был бы слишком далек, если бы василевс остался ночевать во Влахернском дворце (к тому же в 1392 г. был холодный февраль).

²⁶Это же время называет и Иоанн Кантакузин (Cant. I. 41.1.196.15). Второй час дня — это по современному счету времени примерно 8 часов утра (см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 47). В Византии сутки делились на 12 ночных и 12 дневных часов, но их деление на ночные и дневные могло сдвигаться в зависимости от сезона (см: Grumel V. La chronologie. P., 1958. P. 163—165).

²⁷Ps.-Kod. P. 252.2—15.

²⁸Ibid. P. 252.16—18.

василевс и автократор Римлян, написал собственной рукой ὁ vacat»²⁹.

После этих начальных слов Псевдо-Кодин приводит первую фразу текста Символа: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего того, что видимо и невидимо»³⁰. Оговорив далее, что император написал текст Символа «до конца» (μέχρι τέλους)³¹, автор обрядника приводит уверения от лица коронуемого императора: «Кроме того, я принимаю и подтверждаю апостольские и Божественные учения, постановления и каноны семи вселенских соборов и последовательных местных церковных соборов, как и привилегии и обычаи (τὰ προνόμια καὶ ἔθιμα) пресвятой великой Божьей церкви. Также я подтверждаю и принимаю все то, что постановили и устроили наши святейшие и истинно Божественные Отцы разумным, каноническим и безупречным путем. Я обещаю, равным образом, оставаться и быть постоянно верным и истинным слугой и сыном святой церкви; быть, кроме того, ее защитником и мстителем за нее (εἶναι καὶ δεφένωρ καὶ ἐκδικητῆς αὐτῆς); быть для подданных благосклонным и милосердным, как надлежит, воздерживаться от убийств, увечий и подобных вещей по возможности (καὶ ἀπέχεσθαι φόνων, ἀκρωτηριασμῶν καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς κατὰ τὸ δυνατόν), добиваться полной истины и справедливости. И то, что Святые Отцы отвергли и предали анафеме, я тоже это отвергаю и предаю анафеме, и я верю всем своим умом, и душой, и сердцем в святой выше-названный Символ. Я обещаю исполнять все это перед святой,

²⁹Ps.-Kod. P. 252.19—22. В греческом тексте с заглавной буквы написаны лишь слова «Христос» и «Римляне». В нашем переводе учтено современное написание слов, относящихся к теологическому лексикону. Латинские слова «vacat» или «ὁ vacat» означают оставленное пустое место, куда вписывается имя коронуемого василевса или патриарха (см.: Ps.-Kod. P. 252. 21; 254. 21. 24).

³⁰Ibid. P. 253. 4—7.

³¹Ibid. P. 253.8.

кафолической³² и апостольской Божьей церковью. В таком-то месяце, такого-то дня, такого-то индикта, такого-то года»³³.

Написанное коронуемый император дополняет словами: «такой-то во Христе Боге верный василевс и автократор римлян васат, подписав (Символ веры. — М. П.) своей собственной рукой, я передаю его наисвятейшему и ойкуменическому патриарху, господину васат и его Божественному и священному синоду». Мы видим, что дополнение к Символу по форме соответствует императорским хрисовулам.

Дойдя до храма, василевс прежде всего направлялся в одну из патриарших палат, примыкавших к Св. Софии с южной и восточной сторон, — в триклиний *Θωμαίτης*³⁴, выходящий «своим фасадом на площадь Августеон, где стояла вся масса народа с армией...»³⁵ Там василевс вручал патриарху Символ веры³⁶.

³²После раскола 1054 г. западная (римская) церковь стала именоваться католической (всеобщей), а восточная — ортодоксальной (православной). И для западной, и для восточной церквей сохранялось понятие «вселенская» (католическая, кафолическая), соотносимое либо с римско-католическим, либо с православным миром. По И. Мейендорфу, «кафоличность поместной церкви предполагает в особенности, что эта последняя включает в себя всех православных христиан в данном месте» (см.: Мейендорф И. Православие в современном мире. N. Y., 1981). В Символе веры на церковнославянском языке слово «καθολικός» переводится как «соборный» (см.: Успенский Б. Ф. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 487—488).

³³Ps.-Kod. P. 253.9—254.14. Иоанн Кантакузин ничего не сообщает о Символе веры (см.: Cant. I. 41.1.196).

³⁴Ps.-Kod. P. 254.28—255.1; см. об этом: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 137. Примеч. 1; Guillard R. Le Thomaïtes et le Patriarcat // JÖBG. 1956. Т. 5. P. 29—40; Janin R. Le palais patriarcal de Constantinople byzantine // REB. 1962. Vol. 20. P. 144—149.

³⁵Ps.-Kod. P. 254.26—255.1.

³⁶По Симеону Фессалоникийскому, василевс вручал патриарху Исповедание веры после ритуала поднятия на щите (см.: Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных // Соч. блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1994. Гл. 113. С. 198).

Поднятие императора на щите

Перед появлением императора на площади Августеон после его встречи с патриархом один из синклитиков (из заранее назначенных) по поручению василевса бросал в народ монеты³⁷. Это было преамбулой следующего этапа коронационного ритуала — поднятия василевса на щите.

Обычай поднятия на щите возводимого к власти императора (*ὁ ἀναγορευόμενος*)³⁸ восходит к ранневизантийскому времени и отражает раннюю традицию избрания нового правителя как полководца. Источники IV—V вв. свидетельствуют о короновании императоров на военном поле (Евдоме, близ Константинополя, а затем и на ипподроме) военной шейной цепью (*torques*)³⁹ — и последующим поднятием коронуемого на щите. Император воспринимался через этот ритуал как великий полководец, защитник своего народа. Исследователь византийского церемониала О. Трайтингер назвал эту процедуру «eine militärische Krönungszeremonie»⁴⁰. Как пример этого ритуала можно вспомнить коронование Маркиана I, Льва I, Анастасия I, Юстина I, правителей второй половины V — начала VI в.⁴¹ Инсигниями власти были щит и копье⁴².

С коронации Льва I (451—474) в процедуре стал принимать участие патриарх с короткой молитвой. Коронация Анастасия I (491—518) уже была четко представлена двумя этапами:

³⁷Ps.-Kod. P. 255. 1—19. О теме «власть и народ» см.: Поляковская М. А. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 314—321.

³⁸Cant. I. 41.1.196.20.

³⁹См.: Ensslin W. Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // Klio. 1942. Bd. 35. S. 268—298. Возложение шейной цепи на голову коронуемого является германским обычаем, который использовался уже во время провозглашения цезарем Юлиана Отступника (см.: Чекалова А. А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV — первая половина VII в.) // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 10. Примеч. 26).

⁴⁰Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 20.

⁴¹См.: Ibid. S. 21—23; Dagron G. Empereur et prêtre... P. 79—90.

⁴²См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 24.

сначала военное провозглашение, а затем — в триклинии ипподрома — после того, как патриарх сотворит молитву, следовало возложение на василевса «императорской хламиды и украшенного драгоценными камнями венца»⁴³. В этот период роль патриарха была еще второстепенной, но с возрастанием значимости религии и церкви в жизни общества ритуал коронования императора стал меняться в сторону увеличения роли патриарха в нем. Постепенно из обряда инаугурации василевса ушла ее военная составляющая, уступив место церковному чину. Последним из императоров раннего периода, прошедшим через процедуру поднятия на щите и коронования военной шейной цепью, был преемник Юстиниана Великого Юстин II, пришедший к власти в 565 г.

В VII—VIII вв. для Византийской империи наступили времена, именуемые историками «темными веками». Это был обширный кризис — из тех, которые ведут к глубинным переменам. Для империи эти перемены были связаны с постепенными шагами в сторону некоторой феодализации страны. В новых условиях стала возрастать роль церкви, что отразилось и на ритуале коронации: он утратил военные черты и подвергся большей сакрализации. Местом инаугурации становится храм. Чин коронования подвергся сакрализации, совершенно вытеснив воспоминания о военном стереотипе ритуала прихода к власти.

Лакуна в традиции поднятия императора на щите насчитывала семь с лишним столетий и была нарушена в начале XIII в. событиями IV Крестового похода, приведшими к завоеванию Константинополя латинянами и к крушению Византийской империи. Идея возрождения ритуала поднятия императора на щите родилась при дворе никейского императора Феодора I Ласкариса в начале XIII в. Никея была одним из

⁴³De cerim. Vol. 1. P. 412.12; 425.5; 430.12—16; см. об этом: Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 34.

Мануил II Палеолог с семьей, благословляемые Богоматерью
Миниатюра из рукописи сочинений Дионисия Ареопагита
1403. Лувр, Париж

Поднятие на щите коронуемого императора
Мадридская рукопись сочинения Иоанна Скилицы. Конец XII в.

Беноццо Гоццолли. Портрет Иоанна VIII Палеолога (фрагмент фрески)
1459—1460. Капелла палаццо Медичи — Риккарди, Флоренция

«осколков» бывшей Византийской империи наряду с Трапезундом и Эпиром. Именно Никея станет центром «греческого патриотизма»⁴⁴.

В возрождении ритуала был некий элемент соперничества с латинянами. Дело в том, что латинский правитель Балдуин I Фландрский вскоре после завоевания Константинополя решил во имя легитимизации своей власти восстановить старый обычай Восточной Римской империи. Правитель Никеи Феодор I Ласкарис также обратился к этому ритуалу, но побудительные мотивы у никейского императора и правителя латинян были несколько различными. Если Балдуин, как мы смеем предположить, хотел упрочить свое положение в чужой для него стране через заимствование старого обряда эпохи Римской империи, то Феодор Ласкарис ориентировался на ранневизантийскую традицию с целью упрочения именно византийских истоков своей власти. Историческая память византийцев должна была через «реанимированный» ритуал аккумулировать представления о великом прошлом страны.

Псевдо-Кодин так описывает ритуал поднятия императора на щите: «...нового василевса, посаженного на щит (*ἐπὶ σκουταρίου καθεσθείς*)⁴⁵, поднимают вверх, чтобы он был виден стоявшей вокруг толпе (*φαίνεται πᾶσι τοῖς κάτωθεν ἰσταμένοις πλήθεσι*)⁴⁶. Василевс — отец инаугурируемого, если он жив, так же как патриарх, держит переднюю часть

⁴⁴ См.: Irgmscher I. Nikäa als «Mittelpunkt des griechisches Patriotismus» // BF. 1972. Bd. 4. S. 117—119.

⁴⁵ Ps.-Kod. P. 255.21. Иоанн Кантакузин называет щит в данной ситуации словом *ἡ ἀσπίς*. Заметим, что Кантакузин, как и Псевдо-Кодин, пишет о сидящем на щите василевсе: *τοῦ μέλλοντος χρῆσθῆσεσθαι βασιλέως ἐπὶ ἀσπίδος καθεσθέντος* (Cant. I. 41.1.196.19—21).

⁴⁶ Ps.-Kod. P. 255.22. Г. А. Острогорский, рассматривая последнюю ситуацию (император виден всей толпе), ссылается не на Псевдо-Кодина, а на Кантакузина, оговаривая, что «у Псевдо-Кодина этого замечания нет» (см.: Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования... С. 42. Примеч. 26). Однако тексты сочинений Псевдо-Кодина и Иоанна Кантакузина в этом фрагменте совпадают почти дословно (Cant. I. 41.1.197.1: *τοῖς πλήθεσιν ἐπιδεικνύουσι τὸν βασιλέα πάντοθεν περιῖσταμένοις*).

щита; боковые стороны и задняя часть (щита) поддерживаются высшими сановниками, а именно деспотами, севастократорами, кесарями, если у них имеется чин, и менее благородными из архонтов. Если у василевса нет более отца, передняя часть щита удерживается патриархом и наиболее важными из сановников или чинов, задняя часть — теми, о ком мы говорили. В то время, как народ и армия приветствуют его в знак единодушного избрания, он, спустившись со щита, сопровождается в храм Св. Софии, где он должен быть коронован»⁴⁷.

Восстановленный ритуал значительно отличался от прежнего. В отличие от военной ориентированности старого обычая возведения императора к власти, ритуал поднятия на щите, возрожденный к жизни необходимостью сопротивляться победителям-крестоносцам, изменился в соответствии с изменившимся временем. Щит поднимали уже не военачальники, а патриарх и благородные архонты, родственники императора. Император уже не стоял на щите, а сидел, что лишало процедуру прежней ориентированности на образ полководца. Костюм императора раннего времени, состоявший из легкого дивитисия и плаща, сменился на тяжелые златотканые одежды, которые, надо полагать, не позволяли императору стоять на щите. Военные инсигнии — копье и шейная военная цепь — уже не использовались в сценарии.

Существуют разногласия и по поводу того, сидел или стоял василевс на щите. В ранневизантийское время он определенно стоял во весь рост. В пользу ситуации стоящего на щите императора свидетельствует и иконографический материал: это известная миниатюра из мадридской рукописи XIV в., содержащей хронику Иоанна Скилицы⁴⁸. По Псевдо-Кодину же, как показано выше, император не стоял, а сидел на щите.

⁴⁷Ps.-Kod. P. 255.20—256.20.

⁴⁸Collection des Hautes Etudes. 869 (см.: Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin...). О Трайтингер также пишет применительно к ситуации XIV в., что император сидел на щите: «Der Kaiser wird... auf einen Schild gesetzt und in die Höhe gehoben» (см.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 23).

В качестве аргумента в пользу того, что василевс сидел на щите, можно использовать и свидетельства Георгия Акрополита о коронации Михаила Палеолога в 1259 г. в Нимфее: «Итак, посадив на императорский щит, первые гражданские должностные лица и высшие начальники войска провозгласили его императором»⁴⁹. Более военный характер ритуала по сравнению с описанным Псевдо-Кодином, видимо, определяла ситуация: Никея готовилась к освобождению Константинополя от латинян.

Ритуал поднятия на щите в эпоху Палеологов приобрел в некоторой степени «декоративный» характер. Это был уже не прежний ритуал, а скорее напоминание о нем, но с существенными коррективами, соответствующими эпохе. Заметим, правда, что и на первом, и на втором этапе ритуал проходил в присутствии армии и народа, под их ликующие возгласы. Это и было реальным условием возможности закрепления в памяти народа этого обычая, ориентированного в поздний период существования Византии скорее не на идею непобедимости империи, а на более общую и несколько абстрактную идею величия державы. В условиях начавшегося медленного проникновения турок в пределы империи ритуал инаугурации василевса содержал позитивные ценностные ориентиры, которые и должны были закрепиться в социальной памяти народа. Мысль о величии империи, даже не соответствуя реальной ситуации, была призвана укреплять дух народа в крайне сложной для Византии международной расстановке сил.

Ритуал поднятия коронуемого на щите не был исключительно византийской традицией: он известен и раннесредневековой Европе⁵⁰. Однако исторические корни ритуала в европейских регионах были различными. Если для Византии он без

⁴⁹Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин СПб., 2005. Гл. 77. С. 125.

⁵⁰См., к примеру, работу: Польская С. А. Французский монарх, церковь и двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 251.

сомнения был традицией, идущей от времен Восточной Римской империи, то в Западной и Центральной Европе, если там имел место этот ритуал, он восходил к древнему германскому обычаю поднимать вождя на щит, чтобы он был виден всем⁵¹. Первое знакомство с франкфуртским обычаем XIV в. усаживать коронуемого на алтарь лицом к присутствующим вызывает некоторую ассоциацию с поднятием на щите. Однако исследователь этого обычая М. А. Бойцов убедительно доказал, что этот ритуал не имеет военных корней, а полностью подчинен идее сакрализации коронованного правителя⁵².

Акт помазания василевса

Следующий этап церемонии коронавания византийского императора — помазание (χρῖσις) — является ее апогеем. Пройдя именно через этот акт, василевс становился подражанием Богу (μίμησις Θεοῦ), ибо сам Христос (ὁ Χριστός) является помазанником Бога, о чем говорит и его имя.

С момента помазания василевса описываемый Псевдо-Кодином и Иоанном Кантакузином обряд можно сравнивать с флорентийским чином коронавания Мануила II, а также с записями Игнатия Смоленского.

После свершения ритуала поднятия на щите император под приветственные крики народа и армии⁵³ направлялся в храм Св. Софии, где в специальном небольшом деревянном строении его передевали в саккос и диадему, уже освященные архиереями⁵⁴. Игнатий Смоленский написал примерно то же:

⁵¹ Разновидностью этого обычая был ритуал возведения конунгов на камень у скандинавов и кельтов, а также усаживание на коня в Германии (см.: Бойцов М. А. Сидя на алтаре... // Священное тело короля... С. 196).

⁵² См.: Там же. С. 190—262.

⁵³ Когда речь идет о приветственных возгласах в ходе церемоний, упоминание «народ и армия» (ὁ λαὸς καὶ φωσάτων) имеет вид традиционной формулы.

⁵⁴ Ps.-Kod. P. 256.20—26; Cant. I. 41.1.197.3—6.

«Царь же, вшед в чертог, облечется в багряницу и диадиму и вѣнец кесарьский около главы с столпѣчики»⁵⁵. Это происходило на фоне продолжающейся литургии. После облачения в освященные одежды, с диадемой на голове василевс вместе с членами своей семьи (включая старшего императора и его супругу, если они были живы) поднимался по ступеням на установленное в храме деревянное возвышение (анавафру)⁵⁶, где они садились на золоченые кресла.

По Псевдо-Кодину, обряд помазания был определен следующей последовательностью. Перед гимном Τρισάγιον («Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!») патриарх выходил из алтаря и поднимался на амвон вместе с самыми высокими лицами из архонтов церкви, а затем — при установившемся глубоком молчании — приглашал императора (или императоров) на амвон и читал молитвы на помазание⁵⁷. Автор обрядника передает лишь смысл молитвы: «...патриарх читает сложные молитвы для помазания императоров, одни тихо, другие громко; он просит и молит Бога за императора, который скоро будет помазан (χρισθήσεσθαί)»⁵⁸.

По флорентийскому чину этот этап коронации, началом которого был Малый вход, выглядел несколько иначе. Василевс входил в алтарь, иерей снимал с него обычный венец и передавал его вестиарию; патриарх катил на василевса, и затем они вместе выходили на амвон, где патриарх читал молитву на помазание. Во флорентийском чине она приведена полностью: «Царь царствующих и Господь господствующих (1 Тим. 6:15)

⁵⁵ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 109. Замечание о кесарском венце не совсем ясно. П. Шрайнер предполагает, что это не венец, а ὁ πῖλος (шапка) (Schreiner P. Hochzeit und Krönung... S. 82. Anm. 66). В переводе Ж. Верпо ὁ πῖλος — это *le bonnet* (шапка, шляпа) (Ps.-Kod. P. 320.24, 321.38).

⁵⁶ См.: Поляковская М. А. К словарию поздневизантийского церемониала: анавафра // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. 30. С. 254—263.

⁵⁷ Ps.-Kod. P. 257.26—258.3; Cant. I. 41.1.197.19.

⁵⁸ Ps.-Kod. P. 258.11—14.

иже чрез пророка Твоего Самуила, раба Твоего Давида, елеем святым Твоим помазав царя⁵⁹ и главу народа Твоего, сам, Господи, Царю Святой, ниспошли силу Твою от святого жилища Твоего чрез руки мои, грешника, и помажь раба Твоего (Мануила), царя нашего и главу верного народа Твоего, воздвигни во дни его справедливость и множество мира, покори под нозе его все варварские языки, хотящие войн, да и мы, тихое и беспечальное житие проводя, прославим великолепное имя Твое молитвами и заступлением пречистыя Твоея Матери, святого и славнаго пророка Самуила и святого и славнаго богоотца и пророка Давида, святых и боговенчаных великих царей и равноапостольных Константина и Елены и всех Твоих святых. Яко Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков, аминь»⁶⁰.

В отношении дальнейшего хода этапа помазания в приводимых двух чинах тоже есть различия. По Псевдо-Кодину, император обнажал голову, патриарх помазывал ее, выводя знак креста Божественным миром (τῷ θεῖῳ μύρῳ)⁶¹, громко говоря: «Свят!» (ἅγιος). Все те, кто находился вокруг патриарха на амвоне, повторяли, в свою очередь, трижды «Свят!», также и остальные из народа, находившегося в храме, трижды произносили то же слово⁶². По флорентийскому же чину сначала произносилось «Свят, свят, свят!», трижды повторяемое патриархом и клиром, а уже затем патриарх помазывал миром

⁵⁹Ps.-Kod. P. 353.20—21: ἐν ἐλαίῳ ἁγίῳ σου χρίσας βασιλέα. Как кажется, речь должна идти о помазании не елеем, а миром.

⁶⁰Ibid. P. 353.17—354.21. Здесь приводится славянский перевод по рукописи XIV в. (см.: Лопарев Хр. К чину царского коронавания... С. 3).

⁶¹Ps.-Kod. P. 258.21—22. По Симеону Фессалоникийскому, миро «не есть только елей, но слагается из множества других видов благовоний... елей есть символ милости Божией... Миро дается нам как печать и знамение Христово» (см.: Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях... Гл. 33. С. 69; О священнодействии Св. мира. Гл. 41. С. 83).

⁶²Ps.-Kod. P. 258.19—29; Cant. I. 41.1.198.8—11; см.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 15—16.

нарда (τῷ μύρῳ τοῦ νάρδου) императора⁶³, т. е. в названных чинах гимн Трисвятое и помазание поменялись местами.

Итак, помазание, свершаемое в ходе коронавания василевса⁶⁴, придавало правителю ореол святости. Сопровождавшее помазание многократное восклицание «Свят!» определяло некую границу — смысловую и временную — наступления этой святости. Автор XV в. Симеон Фессалоникийский писал по этому поводу: «благочестивый царь свят по помазанию...»⁶⁵

Поскольку помазание василевса в ходе коронационного обряда свершалось не любым священником, а константинопольским патриархом, помазанник Божий получал право, подобно священнослужителю, входить в алтарь и кадить⁶⁶. Б. А. Успенским высказан убедительный тезис, что свершаемое патриархом помазание василевса «придавало этому обряду особый смысл и особую значимость, заставляя воспринимать его в контексте параллелизма духовной и светской власти: подобно тому как духовная власть была сосредоточена в руках одного лица, так и светская власть оказывалась в руках одного человека»⁶⁷.

Обряд помазания василевса не относился к разряду таинств, в отличие от миропомазания, которое следует за таинством крещения. Миропомазание как таинство, наделявшее человека Божественной благодатью, сопровождается помазанием миром лба, глаз, ушей и других частей лица и тела. При возведении же на престол помазуется — в форме креста — лишь голова императора, что дало основание Симеону Фессалоникийскому объяснить это тем, что и сам император является главой всех христиан: иерарх «крестообразно возливает

⁶³См.: Ps.-Kod. P. 354.21—355.7; Лопарев Хр. К чину царского коронавания... С. 8 (nard — растительное масло из валерианы).

⁶⁴См. об этом: Nicol D. Kaisersalbung. The Unction of Emperors in Late Byzantine Coronation Ritual // BMGS. 1976. Vol. 2. P. 37—52.

⁶⁵Симеон Фессалоникийский. О святом храме // Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского... Гл. 186. С. 278.

⁶⁶См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 22—23. Сн. 22.

⁶⁷Там же. С. 120.

на главу его миро, показывая тем, что сам Христос помазует его, что победивший крестом уготовляет и в нем победителя, что имеющий державу вечную и венец славы дарует и ему державу и соделывает главою всех. Поэтому и помазует ему одну только главу. Потом провозглашает: ἄγιος (свят), внушая, что царь освящается от Святого и посвящается Христом в Царя освященных»⁶⁸.

Помазание василевса, в отличие от таинства миропомазания, могло быть повторено в ситуации венчания молодого императора, если на обряде присутствовал его отец, ранее помазанный на власть: в таком случае патриарх после помазания василевса-сына помазует и василевса-отца⁶⁹. Наряду с этим следует заметить, что помазанным мог быть только тот василевс, который в этот момент возводился к власти⁷⁰.

Помазание государя характерно для всех европейских средневековых государств. Из двух тел короля — тела вездесущего и бессмертного и тела обычного человека⁷¹ — первое было олицетворением священной власти правителя. Исполнявший роль посредника между подданными и Богом король был носителем сакральной власти. Помазание елеем было на Западе доминантой королевского посвящения. Практика помазания, начавшая складываться примерно с VI—VII вв., имела в значительной степени германские и ирландские корни⁷². Варвары, в силу уровня их социального развития и ментальности, не могли воспользоваться для усиления власти «культом императоров»⁷³.

⁶⁸ Симеон Фессалоникийский. О святом храме... Гл. 114. С. 199.

⁶⁹ Ps.-Kod. P. 355.9—12: Εἰ δ' ἔστιν υἱὸς βασιλεὺς ἔχων πατέρα βασιλέα, ὁ πατριάρχης χρίει αὐτόν.

⁷⁰ См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 129. Примеч. 26.

⁷¹ Kantorovicz E. H. The King's two Bodies : a Study in Medieval Political Theology. Princenton, 1957.

⁷² См.: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 525—628; Хачатурян Н. А. Король — sacré... С. 22.

⁷³ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 136.

и прибегли к другому способу придания власти особой харизмы — помазанию. Начало устойчивой традиции инаугурационного помазания правителя связывается с именем франкского короля Пипина Короткого. В 751 г. этот майордом был возведен на престол папой Римским именно помазанием, а не коронацией. В названном акте была помазана крестообразно лишь голова Пипина, но позднее традицией католической церкви стало помазание не только головы, но и лица. В источниках также встречаются сведения о помазании елеем также руки, спины, груди⁷⁴.

В русском ритуале помазание на царство не отличалось от таинства миропомазания. Возгласу «Свят!», имевшему место в акте помазания византийского василевса, в русском чине соответствовали слова, которые звучали при таинстве миропомазания: «Печать дара Духа Святаго»⁷⁵. Здесь помазание, в отличие от Византии и средневекового Запада, свершалось не до венчания, а после него. Тем не менее русская церковь пришла к идее помазания под влиянием византийской традиции⁷⁶.

В самой же Византии помазание было введено в чин коронования василевса довольно поздно по сравнению с Западом: лишь в начале XIII в. была заложена эта традиция⁷⁷.

Чем можно объяснить, что изначально христианская Византийская империя обходилась без этой важной составляющей церемонии коронации правителя? Думается, что ромеям было достаточно заимствованной от Рима концепции «императорской идеи», содержащей формулы Божественного происхождения

⁷⁴ См.: Бойцов М. А. Сидя на алтаре... С. 190.

⁷⁵ См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 16—18; Его же. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 26—31.

⁷⁶ Помазание как необходимый элемент русского чина венчания на царство появилось в середине XVI в., в эпоху царствования Ивана IV Грозного. Первым из царей был помазан на царство Федор Иванович (1584).

⁷⁷ См.: Савва В. Московские цари и византийские василевсы : к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 132.

власти. Этот культ «цезарей» сам по себе имел сакральный характер⁷⁸. Традиционно сильная византийская государственность до поры до времени не нуждалась в дополнительном аргументе — помазании — для упрочения императорской харизмы.

Когда же была на время утрачена целостность Византии, когда Константинополь пал под ударами латинских рыцарей во время IV Крестового похода, появилось стремление к самоутверждению. Вполне допустимо, что никейский император Феодор I Ласкарис принял помазание под впечатлением акта коронации первого латинского правителя в Константинополе Балдуина I Фландрского⁷⁹: необходимо было подчеркнуть, что именно византийский император (а Никея была хранительницей византийских традиций) обладает особой харизмой святости.

Следует, однако, иметь в виду, что некоторые исследователи относят традицию помазания византийских василевсов к более раннему времени⁸⁰. М. Блок, к примеру, датирует византийский обряд помазания временем около 1200 г.⁸¹, т. е. до коронации Балдуина I Фландрского. Б. А. Успенский полагает, что помазание на царство появляется в Византийской империи

⁷⁸ См.: Блок М. Короли-чудотворцы... С. 636.

⁷⁹ Помазание Балдуина I Фландрского в храме Св. Софии проводилось по западному (раннему) образцу: «...когда император подошел к алтарю, то опустился на колени, а потом с него сняли сперва накидку, затем паллий; тогда он остался просто в хитоне, и потом у него расстегнули золотые пуговицы спереди и сзади, так что он остался совсем голым до пояса, а потом его помазали...» (см.: Клари Р. де. Завоевание Константинополя... Гл. 96. С. 69).

⁸⁰ См.: Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора... С. 61; Жаворонков П. И. Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. 1988. Т. 49. С. 56—58. О. Трайтингер, суммируя факты более раннего помазания, называет его «картинным» («eine bildische Salbung»), т. е. не ставшим еще непременно ритуалом (Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 29. Anm. 90). Обзор литературы, где отстаивалось более раннее введение в Византию помазания (равно как и поднятия на щите) см.: Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell // Historia. 1955. Vol. 4. S. 246—256.

⁸¹ См.: Блок М. Короли-чудотворцы... С. 634—635.

до завоевания Константинополя крестоносцами и не имеет отношения к коронации Балдуина⁸². Надо полагать, что западный и византийский обряды развивались в основном самостоятельно, но не без взаимного влияния. Коронация же первого латинского правителя лишь поспособствовала утверждению обряда как традиции.

Коронование императора

Следующим этапом чина было коронование (στέψις)⁸³ василевса. По Псевдо-Кодину, корону (стемму) выносили из алтаря на амвон. Патриарх возлагал ее на голову коронуемого⁸⁴, возглашая при этом: «Достоин!» (ἄξιος). Затем следовало тройное повторение этого возглашения сначала стоящими на амвоне, а затем народом, так же как при восклицании «Свят!» в акте миропомазания⁸⁵. Игнатий Смоленский так описал обряд коронования: «...и облекоша царя в фелонець мал, до пояса, багрян, и иде царь на выход, свѣща в руцѣ держа. И створя патриарх вход, взыде на омбон, и царь с нимь. И принесоша царский вѣнец на блюдь, покровен, также и царицин... И положи патриарх вѣнец на царя и даде ему крест в руку»⁸⁶.

Во флорентийском чине, как и в записях Игнатия Смоленского, отмечено, что во время венчания, вслед за возложением

⁸² См.: Успенский Б. А. Царь и император... С. 25—26.

⁸³ Ps.-Kod. P. 357.20.

⁸⁴ Корону мог возлагать император-отец, если он присутствовал.

⁸⁵ Ps.-Kod. P. 259.9—12; Cant. I. 41.1.198.15—18.

⁸⁶ Цит. по: Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 109. Симеон Фессалоникийский так описывает этот сюжет: «Поверх царских одежд возлагается на Царя священное одеяние, составляющее принадлежность Самодержца и знаменующее благоустройство, благосостояние и мир, о которых он приемлет обязанность пеших в отношении Церкви. Еще получает он жезл, не какой-нибудь тяжелый и жесткий, но легкий и мягкий, в знак того, что он будет наказывать с кротостью, не гневно и разрушительно, не сокрушая и не губя (наказуемых)» (см.: Симеон Фессалоникийский. О святом храме... Гл. 117. С. 200).

короны на голову императора, патриарх давал ему в правую руку крест (ὁ πατριάρχης τὸν σταυρὸν δίδωσι ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ)⁸⁷. Хр. Лопарев полагает, что у Псевдо-Кодина отсутствие этого акта является следствием пропуска фразы в тексте⁸⁸.

После коронования василевса, и по Псевдо-Кодину, и по флорентийскому чину, и по записям Игнатия Смоленского, следовало коронование императрицы⁸⁹.

Процедура коронации, по Псевдо-Кодину, сопровождалась чтением гимна Трисагион, Писаний апостолов и Евангелия⁹⁰. По флорентийскому чину, чтению предшествовал полихроний: «Многие вам лета, василевсы ромейские! Многие тебе лета, Мануил, василевс ромейский! Многие тебе лета, Елена, августа ромейская! Сей день Господен велик! Слава, слава, слава в вышних Богу и на земле мир, среди людей благоволение! Слава Богу, венчавшему вас, василевсы ромейские! Многие вам лета, василевсы ромейские!» После каждой строки звучал рефрен «ей, свят» (ναὶ ἅγιε). И далее следовало трижды повторяемое певцами-маисторами пожелание многолетия: πολλὰ, πολλὰ, πολλὰ ἔτη εἰς πολλὰ, πολλὰ ἔτη εἰς πολλὰ, πολλὰ ἔτη εἰς πολλὰ, πολλὰ ἔτη εἰς πολλὰ⁹¹.

Ценность флорентийского фрагмента чина заключается в том, что в нем названы те библейские тексты, которые читались во время литургии, сопровождавшей коронацию императора.

⁸⁷ Ps.-Kod. P. 355.15—17; Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 4. Сн. 1.

⁸⁸ Можно вспомнить, однако, что Псевдо-Кодин в другом месте трактата пишет о кресте, который император держит в правой руке «всегда, когда носит стемму» (см.: Ps.-Kod. P. 264. 4—7).

⁸⁹ См.: Ibid. P. 260.4—262.5; 355.18—25; Cant. I. 41.1.198.24—199.14; Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 109. Этот сюжет рассмотрен в ст.: Поляковская М. А. Женщина в византийском придворном церемониале XIV в. // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики* — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 51—57.

⁹⁰ Ps.-Kod. P. 262.24—28.

⁹¹ Ibid. P. 357.13—358.3.

Псевдо-Кодин лишь замечает (считая, по-видимому, эти тексты общеизвестными), что читают Писания апостолов и Божественное Евангелие, как было указано выше.

Отсутствие у Псевдо-Кодина указания на конкретные библейские тексты имело следствием то, что в русской православной церкви, ориентировавшейся на византийский чин коронования XIV в., где эти тексты не были указаны определенно, читались Послание к римлянам (Рим. 13:1—7) и Евангелие от Матфея (Мф. 22:15—22). Текст же флорентийского чина позволил сделать Хр. Лопареву вывод, что в Византии читались Послание к евреям (Евр. 12:28—13:6) с несколько измененным началом (ἀδελθοί, βασιλείαν θεοῦ παραλαμβάνετε) и Евангелие от Иоанна (Ин. 10:1—16): ὁ μὴ εἰσερχόμενος διὰ τῆς θύρας εἰς τὴν αὐλήν τῶν προβάτων⁹².

По Лопареву, слова из Апостола «Господь мне помощник, и не убоюсь, что сделает мне человек?» соответствовали неспокойной внутривосточной обстановке, когда «императорский престол не был обеспечен от интриг и воцелений претендентов», а слова Евангелия от Иоанна «да будет едино стадо и един пастырь» должны были «укреплять в византийцах веру в единоначалие царской власти и в авторитет этого единоначалия»⁹³. В продолжение всей церемонии коронования император (или императоры) с императрицей сидели на тронах, стоящих на возвышении, вставая лишь при пении гимна Трисагион и при чтении Апостолов и Евангелия⁹⁴.

Византийский обряд венчания восходит к римским временам. Впервые диадема была возложена патриархом на голову нового правителя в 457 г. при короновании императора Льва I

⁹² Ps.-Kod. P. 358.7—8; Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 2, 5—6.

⁹³ Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 5. Лопарев даже полагал, что именно Евангелие от Иоанна должно читаться при коронационной литургии в московском Успенском соборе. Ученый не мог знать, что в России церемония коронации уже не повторится никогда...

⁹⁴ Ps.-Kod. P. 262.22—28.

Великого⁹⁵. Позднее на смену диадеме, носимой в обычное время, возлагалась стемма — золотой обруч с крестом на пересечении дуг⁹⁶. Западный обряд возложения короны, несомненно, был заимствован из Византии⁹⁷. Во многом это было следствием традиции дарения византийскими василевсами императорской короны западным правителям. Можно вспомнить в связи с этим известную — эталонную по форме — святую «корону Стефана», подаренную византийским императором венгерскому королю Гейзе в 70-х гг. XII в.⁹⁸

Правда, европейцы чаще возводили истоки традиции коронования правителей к обычаям германских племен и ранних варварских государств, чтобы подчеркнуть независимость от римских, а тем более византийских традиций. Однако в конце Средневековья образцом становится церемония коронования цезарей Древнего Рима и василевсов Византийской империи⁹⁹. Вполне возможно, что византийская стемма и западная королевская корона имели общий прототип, принятый до разделения церквей в XI в.¹⁰⁰

В русском ритуале возложение венца при возведении на престол принято относить к влиянию византийской традиции. Но, поскольку помазание пришло в Россию довольно поздно, в XVI в., здесь укоренился обычай коронования, отличный от византийского: возложение венца предшествовало помазанию. Видимо, венчание уподоблялось крещению и завершалось миропомазанием¹⁰¹. В связи с такой особенностью русского це-

⁹⁵ См.: Бибиков М. В. «Великие василевсы» византийской империи : к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Священное тело короля... С. 40.

⁹⁶ См.: Блок М. Короли-чудотворцы... С. 143—144; Мареева О. В. Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля... С. 420—421.

⁹⁷ См.: Блок М. Короли-чудотворцы... С. 143, 626.

⁹⁸ См.: Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 27, 35, 50.

⁹⁹ См.: Паламарчук А. А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. // Священное тело короля... С. 409.

¹⁰⁰ См.: Мареева О. В. Генезис венца... С. 426.

¹⁰¹ См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 21.

ремониала царский венец (шапка) возлагался на голову коронуемого вторично после миропомазания и причащения¹⁰². Это было продиктовано стремлением все-таки приблизиться к византийскому обряду. В шапке Мономаха усматривают элементы византийского скиадия, имевшего вид обруча с матерчатый верхом¹⁰³. Позднее, к возведению на престол Федора Алексеевича, когда ориентация на Византию стала еще более определенной, был изготовлен венец (Грамотинский), приближенный по форме к поздневизантийскому образцу короны. Шапка же Мономаха оставалась по-прежнему русским символом венчания на царство. Со времени императора Петра I корона стала ближе к западным образцам (которые, впрочем, также испытали воздействие Византии)¹⁰⁴.

Причащение правителя

Завершающим этапом церемонии коронования было причащение императора. В момент исполнения гимна Великого входа (τοῦ ἐπὶ μεγάλη εἰσοδῶ ὕμνου)¹⁰⁵ самые влиятельные из диаконов церкви вновь приглашали императора, надевали на него поверх саккоса и диадемы золотую накидку (μανδύαν χρυσοῦν)¹⁰⁶, и он шел с ними к престолу, где находились Св. Дары. В правой руке императора был крест, в левой — деревянный ларец (νάθηξ)¹⁰⁷.

Император шел окруженный знатью и почетной стражей, а вслед за ними следовали священники, несущие Тело и Кровь

¹⁰² Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 137—138.

¹⁰³ См.: Мареева О. В. Генезис венца... С. 423—424.

¹⁰⁴ Там же. С. 427.

¹⁰⁵ Ps.-Kod. P. 263.21—23.

¹⁰⁶ Ibid. P. 264.1—4; Cant. I. 41.1.200.5.

¹⁰⁷ Ps.-Kod. P. 264.4—8; Cant. I. 41.1.200.5—7. В переводе Ж. Верпо император держал в левой руке жезл. Вероятно, это ошибка набора текста: *une baguette* (жезл) вместо должного *un baguier* (шкатулка) (см. также: Taft R. F. The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Rome, 1975. P. 201).

Господни. Часть из них обходила вокруг нефа и двигалась по направлению к солею. Император же, пересекая солею, шел навстречу патриарху, стоящему перед священными воротами со стороны алтаря. Стоя друг напротив друга у священных врат (патриарх в алтаре, а василевс со стороны солеи), они наклонном головы приветствовали друг друга.

Один из диаконов кадил на императора, громко (μεγάλη τῆ φωνῆ) произнося: «Пусть Бог, наш Господь, помнит о власти твоего Величества в своем господстве всегда и сейчас и навеки и вовеки веков», добавляя «Да будет так» (ἀμήν)¹⁰⁸. Все диаконы и священники повторяют «Да будет так» за ним. Затем то же самое произносилось по пути их к алтарю и в адрес патриарха: «Пусть Бог, наш Господь, помнит о твоем Святейшестве всегда, теперь и навеки и вовеки веков»¹⁰⁹. После этого реферндарий церкви снимал с императора его накидку, и он, всходя на анавафру, садился на трон, вставая только во время чтения Священного Символа и возвышения Тела Господа¹¹⁰.

При возвышении Св. Даров император вновь приглашался в алтарь, где он, получив кадило, кадил крестообразно Св. Престол — на восток, на север, на запад, на юг. Затем он кадил на патриарха, а тот, взяв кадило из рук императора, кадил на него¹¹¹. Император перед причащением снимал стемму. Сначала причащался Св. Телом и Св. Кровью патриарх, а затем император причащался из рук патриарха Св. Телом и Живительной кровью из святой чаши, которую держал патриарх. Причастившись, император снова возлагал стемму на голову и выходил из алтаря под звуки Божественной литургии¹¹². Во флорентийском чине сюжет причащения рассмотрен более кратко, чем у Псевдо-Кодина¹¹³, и не содержит каких-либо разногласий.

¹⁰⁸Ps.-Kod. P. 266.14—18; Cant. I. 41.1.201.3—5.

¹⁰⁹Taft R. F. The Great Entrance... P. 202.

¹¹⁰Ps.-Kod. P. 266.10—267.13; Cant. I. 41.1.201.9—13.

¹¹¹Ps.-Kod. P. 267.20—268.3; Cant. I. 41.1.201.18—22.

¹¹²Ps.-Kod. P. 268.4—20; Cant. I. 41.1.202.3—8.

¹¹³Ps.-Kod. P. 359.24—359.1.

Игнатий Смоленский так описал увиденный им обряд причащения: «и встав царь, иде в олтарь. И одъша в фелонецъ, и предшествова пред святыми дарми в пренос, свѣщу возжену в руцѣ держа... Елико долго бѣ шествие святым даром, колико Херувимское песни есть. И по входѣ святых даров кадить царь около престола. И пребысть в олтари до святого причащения»¹¹⁴.

Византийский обряд коронационного причащения императора не был неизменным. На начальном этапе, в позднеантичный период, император находился в алтаре в течение всей литургии; позднее же, начиная со времени Феодосия II (379—395), император входил в алтарь лишь для того, чтобы принести Дары Творцу¹¹⁵. По Константину Багрянородному (945—959), василевс причащался на специальном престоле (антиминсе), находившемся на солею перед алтарем¹¹⁶. Патриарх ставил на антиминс вынесенные из алтаря Тело Христово на дискосе и Кровь Христову в чаше. Отдельное причащение Тела и Крови делало императора равным священнослужителям, но, в отличие от них, в этот период он причащался вне алтаря. По Псевдо-Кодину и Иоанну Кантакузину, как мы видели, василевс причащался под обоими видами в алтаре, т. е. как и священнослужители.

На средневековом Западе короли в ходе коронационного обряда, после возложения короны и получения инсигний власти (скипетр, иногда пальмовая ветвь), причащались как священнослужители — под обоими видами. Так, Карл Лысый в 869 г. в завершение обряда коронования был удостоен евхаристии — хлебной облаткой и вином, что являлось привилегией клира¹¹⁷. Нет оснований усматривать в этом ритуале какое-либо взаимное

¹¹⁴Цит. по: Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople...P. 111.

¹¹⁵См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 154. Сн. 3.

¹¹⁶См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 173.

¹¹⁷См.: Польская С. А. «...Прими власть как испытание...»: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков // Священное тело короля... С. 271.

влияние между Западом и Византией. Процесс сакрализации монарха протекал на фоне повышения значимости церкви как в Византии, так и в странах средневековой Европы.

Причащение в русской традиции коронования восходит ко времени поставления на царство Федора Ивановича (1584): в этом обряде царь причащался в то время, когда причащают священнослужителей, что придавало личности коронуемого «особый литургический статус»¹¹⁸. Начиная со второй половины XVII в. царей причащают под обоими видами в алтаре, как служителей церкви.

Несомненно, влияние Византии здесь было значительным: в обряде причащения, как и во всем чине коронования, русский ритуал следовал византийской традиции, хотя совпадение в обряде не было абсолютным. Так, царь Федор Алексеевич (1676—1682) причащался не после патриарха, как василевс, а перед дьяконами (как иподиакон). Здесь, как убедительно предполагает Б. А. Успенский, сказалось влияние трактата Симеона Фессалоникийского, который основывался не на реальной практике причащения во время обряда коронации василевса, а на своем представлении, как оно должно осуществляться¹¹⁹. В целом же русский обряд причащения был ориентирован на византийский чин.

После завершения литургической части коронации¹²⁰ император и члены императорской семьи, поднявшись на возвышение — анавафру, «являли» себя народу, собравшемуся в храме, а затем участвовали в раздаче освященного хлеба — антидорона (ἀντίδωρον)¹²¹. Носящее парадный характер общение с народом завершал отъезд императора в Большой императорский дворец (εἰς τὸ μέγα παλάτιον). Император направлялся

¹¹⁸ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 151—152.

¹¹⁹ Там же. С. 154—155. Примеч. 3. С. 175; см. также: Majeska G. P. Commentaries // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 433. Not. 114.

¹²⁰ Иоанн Кантакузин называет действие в храме не ἡ λειτουργία, как у Псевдо-Кодина, а ἡ μυσταγωγία. Это определение встречается один раз и у Псевдо-Кодина, но в более широком смысле (Ps.-Kod. P. 262.23).

¹²¹ Ibid. P. 268.20—23.

туда верхом на коне, а все остальные — от деспота до самых низов — шли пешком. Во дворце к этому времени был приготовлен праздничный стол¹²². Празднества продолжались в течение десяти или более дней¹²³.

По флорентийскому чину праздничная трапеза проходила только на следующий после коронации день¹²⁴. Вероятно, это соответствовало действительности: империя беднела от десятилетия к десятилетию (а рассматриваемые чины разделяет почти полвека). Надо полагать, что и пиршество проходило не в Большом императорском дворце, а во Влахернах, в резиденции василевса.

Здесь умышленно опущена эмоционально-эстетическая составляющая обряда коронования василевса (тема будет представлена в других главах). В качестве квинтэссенции восприятия этой церемонии приведем лишь слова паломника Игнатия Смоленского: «И бысть вѣнчание его чудно видѣти»¹²⁵.

Были ли отклонения в чине коронования?

Были ли в Византии XIV в. единый чин коронования василевса? Сравнение четырех имеющихся в руках исследователей источников позволяет ответить на этот вопрос положительно. Однако этот чин, общий в основных принципиальных моментах, допускал некоторые отличия. Рассмотрим их в соответствии с этапами чина.

Ритуал поднятия василевса на щите в описании Псевдо-Кодина и Иоанна Кантакузина не содержит каких-либо различий. Чин из флорентийской библиотеки Лоренцо Медичи не может быть использован для сравнения, т. к. он сохранился лишь фрагментарно и начинается с ритуала помазания. Что

¹²² Ps.-Kod. P. 269.19—25.

¹²³ Ibid. P. 271.24—28; Cant. I. 41.1.202.17—19.

¹²⁴ Ps.-Kod. P. 361.4—12.

¹²⁵ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 105.

же касается описания Игнатия Смоленского, то он, казалось бы, должен был стать свидетелем обряда, поскольку он был в храме с самого утра: «Восиавшу дни, приидох и аз тамо»¹²⁶. Даже если Игнатий Смоленский не выходил из храма до начала коронации, он знал бы о ритуале поднятия на щите (если бы тот состоялся). Несомненно, что этого ритуала не было. Почему? Может быть, это было связано с тем, что для Мануила II это была повторная коронация, хотя при первой коронации в сентябре 1373 г.¹²⁷ он короновался как соправитель своего отца Иоанна V Палеолога и не мог быть поднят на щите¹²⁸. Нелепым было бы предположение, что ритуал не состоялся из-за плохой ветреной погоды, о которой написал Димитрий Кидонис в поздравительном письме Мануилу II Палеологу в связи с его воцарением¹²⁹. Вероятнее всего, ритуал поднятия на щите в это время не был неизменным этапом коронации. Но ритуал сохранился и в эпоху последних Палеологов. Так, автор XV в. Симеон Фессалоникийский включал его в церемонию коронования василевса: «При венчании на царство, если получает его по преемству, он первоначально провозглашается от царственных особ, поднимающих его на воинском щите пред народом, что означает военачальство и царскую власть. Потом принимается он высшими сановниками, как соделавшийся началом их и главою. Воины и народ воздают ему честь поклонением и хвалебными восклицаниями, как соделавшемуся их владыкою. Царь раздает им дары, как соделавшийся их обладателем, благодетелем и попечителем. Потом он приходит в Церковь...»¹³⁰

¹²⁶ Majeska G. P. *Russian Travelers to Constantinople...* P. 105.

¹²⁷ Дата первой коронации Мануила II Палеолога спорна (см.: Schreiner P. *Hochzeit und Krönung...* S. 74; Majeska G. P. *Commentaries // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople...* P. 418. Not. 12).

¹²⁸ Равно, как не мог быть и не был помазанным (см.: Schreiner P. *Hochzeit und Krönung ...* S. 73—75).

¹²⁹ См.: Démétrius Cydonès. *Correspondance...* Vol. 2. № 430.

¹³⁰ Симеон Фессалоникийский. О святом храме... Гл. 112. С. 197.

Что же касается различий в описании начального этапа церемонии коронования василевса, то, по Симеону Фессалоникийскому, вручение василевсом патриарху собственноручно написанного Символа веры происходит не до начала процедуры поднятия на щите, как у Псевдо-Кодина, а после нее, когда василевса, вошедшего в храм, встречал патриарх¹³¹.

При совершении акта помазания отличие, судя по официальным обрядникам, заключалось в последовательности ритуалов самого помазания и провозглашения святости императора. Но поскольку святость василевса обретал именно через помазание, то чин, описанный Псевдо-Кодином, представляется более убедительным, чем тот, который содержится во фрагменте рукописи из флорентийской библиотеки. Может быть, во втором чине имелась в виду одновременность помазания и провозглашения святости. Во всяком случае, в византийской традиции осталась та последовательность ритуала, которая описана Псевдо-Кодином.

В описании обряда коронования императора отличием можно считать пропуск Псевдо-Кодином фразы о вручении василевсу креста — вслед за возложением короны (что объяснено Хр. Лопаревым как случайный пропуск в тексте), а также отсутствие расшифровки Псевдо-Кодином читаемых в течение ритуала коронования текстов из Посланий Апостолов и Евангелия. Но, думается, что в последнем случае нужно видеть не разногласия, а уточнение флорентийской рукописью официального чина, составленного в середине XIV в. Как известно, Хр. Лопарев полагал, что речь идет об одних и тех же текстах, лишь не названных Псевдо-Кодином.

Однако уточнение во флорентийской рукописи читавшихся на коронационной литургии текстов нашло иную интерпретацию в статье С. В. Райнерта, который, анализируя политическую ситуацию в империи времени коронации Мануила II Палеолога, находит, что библейские тексты были специально

¹³¹ Симеон Фессалоникийский. О святом храме... Гл. 112. С. 198.

подобраны именно к этому событию¹³². По его мнению, образы, содержащиеся в этих фрагментах из Библии, намекали как на саму ситуацию конфликта Мануила II и его племянника Иоанна VII Палеолога, так и на возможный выход из нее¹³³. Однако вспомним, что чин из флорентийской библиотеки не писался специально для коронации Мануила II: в рукописи вместо имен Мануила и Елены стояло $\acute{\omicron} \delta \epsilon \iota \nu \alpha - \eta \delta \epsilon \iota \nu \alpha$. Что же касается совпадения смысла текстов Священного Писания с конкретным политическим фоном, то можно заметить, что весь четырнадцатый век был заполнен династическими скандалами, борьбой за власть, общей политической нестабильностью: любую из конкретных ситуаций можно подогнать под интерпретируемый текст. Реальнее предположить, что указанные во флорентийском чине библейские тексты читались при всех коронациях василевсов в XIV в.

Обряд причащения в описании изученных источников не содержит больших различий. Можно говорить лишь о большей или меньшей полноте описания ритуала. Некоторые различия проявились при упоминании той мантии ($\mu \alpha \nu \delta \upsilon \alpha \varsigma$), которую надевали на василевса (поверх саккоса) перед причащением. Игнатий Смоленский упоминает эту мантию дважды, на этапе коронования и при причащении. Это повторение может быть связано с тем, что паломник записывал увиденное уже после завершения литургии. Важнее другое, в чем он не мог ошибиться: паломник увидел эту небольшую, до пояса, «фелонь»¹³⁴ багряной, в то время, как оба официальных обрядника пишут о золотой накидке. Зрительное впечатление

¹³² См.: Reinert S. W. Political Dimensions of Manuel II Palaiologos' 1392 Marriage and Coronation. Some New Evidence // *Novum millenium: Studies on byzantine History and Culture* dedicated to P. Speck / ed. by C. Sode and S. A. Takács. Ashgate, 2001. P. 291—303.

¹³³ Ibid. P. 295—300.

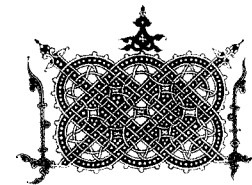
¹³⁴ Фелонь — одежда без рукавов с отверстием для головы. Симеон Фессалоникийский называет его саккосом (см.: Симеон Фессалоникийский. О священной литургии // *Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского* ... Гл. 49. С. 101).

обычно более всего откликается именно на цвет: трудно спутать красный и золотой цвета, если только эта накидка не была златотканой на красной основе. Впрочем, оба цвета являются «царскими», и вполне допустимо, что во время обряда использовалась мантия именно того цвета, который увидел Игнатий Смоленский.

Явные разногласия в сообщениях источников на этапе причащения мы наблюдаем относительно того, что держал в руках василевс, направляясь к алтарю. По Псевдо-Кодину, в правой руке император держал крест, в левой — ларец. Флорентийская рукопись сообщает, что император нес в правой руке ларец. Игнатий же Смоленский написал о зажженной свече в руке царя. Видимо, подобные различия были допустимы. Кроме того, следует иметь в виду, что василевс мог вообще не причащаться, если он к этому не готовился¹³⁵.

Итак, в XIV в. при единых стержневых этапах общего чина коронования императора возможны были небольшие варианты отклонения, не меняющие общей концепции ритуала. Некоторые сомнения вызывает обязательность обряда поднятия на щите, особенно для первой половины XV в., не обеспеченной репрезентативными источниками по изучаемой теме.

Обряд коронования являлся отражением того «византизма», в основе которого лежала концепция императорской идеи великой державы. При последних Палеологах это веками проверенное идеологическое средство уже не могло быть спасительным, а церемониал превратился в спектакль с печальным финалом.

¹³⁵ Ps.-Kod. P. 267.14—18.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Понятие «двор» передается в обряднике XIV в. через слова τὸ παλάτιον (τὰ παλάτια) и ἡ αὐλή (ἡ βασιλική αὐλή). Первое из них определенно означало императорский дворец. Для времени Палеологов это прежде всего Влахернский дворец либо — в редких случаях, ввиду его ветхости — Большой императорский дворец (μέγα παλάτιον). Слово же ἡ αὐλή могло определять либо двор при дворце, где обычно могли разворачиваться некоторые из церемониальных «сценариев», либо придворных, которые были участниками дворцового церемониала¹. Нами будет рассматриваться ἡ αὐλή как совокупность архонтов и всех, кто имел отношение к придворному церемониалу.

Социальный мир двора представлен в обряднике сложной иерархией статусов: император, его семья, придворная элита, «лестница» архонтов, отряды стражи, слуги. Народ, не входящий в понятие «двор», довольно часто упоминается при описании церемоний, создавая их обязательный фон, что издавна соответствовало политической императорской идее. Женщины в социальной картине двора представлены исключительно членами императорской семьи. Священнослужители — от патриарха до диаконов — также не входили в категорию тех, кто представлял императорский дворец, однако участвовали во всех

¹Ps.-Kod. P. 179. I; 381; 402.

церемониях, и представить без них социальную картину двора и церемониальную культуру этого времени в целом невозможно.

Порядок презентации выделенных в главе групп на первый взгляд может показаться не совсем логичным. Обзор начинается с категории «народ», не входившей в понятие «двор». Однако важность для политической жизни двора и империи формулы «власть и народ» определила это предпочтение. Второе место в порядке презентации заняла категория «женщины», поскольку в трактате Псевдо-Кодина она, будучи представлена императорской семьей, ближе всего находилась к василевсу, олицетворявшему собой вершину придворного мира и империи. Затем последуют придворная элита, чины, священнослужители. Завершающий подраздел главы посвящен императорской страже.

Император и народ

Одной из основных идей византийской политической теории, оформившейся еще в ранний период жизни империи, была мысль об единстве народа и власти. Прежде всего это выражалось в наделении столичного населения особыми правами, в том числе правом прославления, просьб, пожелания или порицания. Наиболее ярко эти права народа в раннюю эпоху проявлялись в аккламациях² димов — политических группировок, формировавшихся вокруг ипподрома.

Образ императора складывался в генетической связи с античными и эллинистическими традициями; понятие «народ» прежде всего соотносилось с населением Константинополя³.

²Аккламации — восхваляющие или осуждающие восклицания — были узаконены эдиктом Константина I в 331 г. (см.: Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 163). Выкрики зачастую готовились заранее в форме коротких ритмических фраз, которые легко запоминались.

³См.: Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.-Hist. Klasse. Sitzungsberichte. 1966. Hf. 6. München, 1966; Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

Позднее права народа утратили в политическом сознании прежнее гражданское значение. Однако неверно было бы считать, что византийская политическая теория с течением столетий отказалась от тезиса о значимости избрания императора народом, хотя, несомненно, век от века наполнение постулата о связи власти и народа корректировалось в сторону его формализации и постепенного вытеснения реального содержания в рассматриваемом сегменте власти.

В трактате Псевдо-Кодина «О должностях» народ как участник церемоний и связанных с ними ситуаций упомянут 17 раз и словесно выражен через понятия ὁ λαός, τὸ πλῆθος и лишь единожды он определен как ὁ δῆμος.

Присутствие народа («множества людей», «толпы», «жителей города») в церемониале более всего ощущается в главе 7, посвященной обряду коронации императора (13 упоминаний). По сути дела, народ, по Псевдо-Кодину, присутствует на каждом этапе ритуала коронации. Обобщая, автор церемониальной книги заметил, что «на коронацию, помимо сановников, архонтов, армии, собирается вся остальная толпа жителей города» (τὸ λοιπὸν ἅπαν πλῆθος τῆς πόλεως)⁴.

На первом этапе, после написания императором собственноручно Символа веры, он поднимался в триклиний, перед которым «стоит толпа и армия» (τὸ πλῆθος ἅπαν ἵσταται μετὰ τοῦ φωσσάτου)⁵. Заметим, что на этом этапе народ назван Псевдо-Кодином раньше, чем армия.

Когда один из членов синклита по приказанию императора разбрасывал эпикомпии — «куски ткани, в которые обмотаны 3 золотых номисмы, 3 монеты серебра и 3 обола», объектом его действий был только народ, без упоминаний архонтов и армии: монеты бросались «в народ» (εἰς τὸ πλῆθος)⁶.

На втором, очень важном, этапе коронации василевса поднимали на щите, чтобы «он был виден всей толпе стоявших

⁴Ps.-Kod. P. 252.12.

⁵Ibid. P. 254.29—255.1.

⁶Ibid. P. 255.10—11.

вокруг» (φαίνεται πᾶσι τοῖς κάτωθεν ἵσταμένοις πλήθεσι)⁷. «Приветствуемый народом и армией» (Ἐπιφημίσαντος δὲ τοῦ λαοῦ καὶ τοῦ φωσσάτου)⁸, император, спустившись со щита, направлялся в храм Св. Софии, где он должен был быть коронован. В этом фрагменте трактата армия как непременный участник акта коронации василевса поставлена Псевдо-Кодином также на второе место после народа.

На следующем, третьем, этапе церемонии, после Божественной литургии и помазания василевса «все остальные из народа» (τὸ λοιπὸν τοῦ λαοῦ πλῆθος)⁹ произносили трижды «Свят!» после патриарха и тех, кто находился на амвоне возле него.

Далее, на четвертом этапе церемонии, патриарх с возгласом «Достоин!» возлагал стемму на голову василевса, после чего те, кто находился на амвоне, и остальной народ (τὸ λοιπὸν τοῦ λαοῦ πλῆθος)¹⁰ трижды громко кричали «Достоин!» Этот кульминационный этап завершался молитвой патриарха за василевса, василиссу и весь подданный народ (καὶ παντὸς τοῦ ὑπηκόου λαοῦ)¹¹.

К ритуалу коронации императора примыкали две обязательные акции, присутствие на которых народа являлось непременным. После причащения, составляющего заключительный этап церемонии коронации, император вновь возлагал на голову стемму и, выйдя из алтаря, участвовал в раздаче освященного хлеба-антидорона народу (τῷ λαῷ)¹².

На следующий после коронации день император (или императоры, если короновались отец и сын) направлялся в другие дворцы, где сенаторы снова разбрасывали народу (τῷ λαῷ) эпикомпии¹³.

⁷Ps.-Kod. P. 255.22—23.

⁸Ibid. P. 256.15—16.

⁹Ibid. P. 258.27—29.

¹⁰Ibid. P. 259.20—22.

¹¹Ibid. P. 262.4—5.

¹²Ibid. P. 268.22—23.

¹³Ibid. P. 271.4—5.

Псевдо-Кодин так поясняет значение последней акции: «Смысл этой раздачи номисм заключается в желании императора, чтобы все архонты, и сыновья архонтов, и армия, и народ (τὸν δῆμον) радовались вместе с ним, угощались и пили за счет императора»¹⁴. Видимо, эта фраза отражала не просто ситуацию реального присутствия народа на том или ином этапе коронации (как это было рассмотрено выше), но представляла скорее формулу, отражающую концепцию власти¹⁵. Надо полагать, что именно потому Псевдо-Кодин назвал здесь народ ὁ δῆμος, а не ὁ λαός и не τὸ πλῆθος.

За пределами коронационной главы, главной в обряднике, народ появляется в пределах церемониального пространства еще 4 раза.

В главе 3 обрядника отражена ситуация, которая может быть связана с древним правом народа на просьбу и жалобу. Во время выезда императора за пределы дворца любой человек из толпы мог обратиться к василевсу. Обычно при выездах императорскую кавалькаду сопровождали музыканты с цимбалами, буксинами, а также трубачи, ибо звук именно труб являлся оповещающим о приближении императора и его свиты. Псевдо-Кодин поясняет: «Звук этих инструментов означает, что если кто-нибудь из народа (τοῦ λαοῦ) желает высказать жалобу и просьбу, то, услышав их, он может прибежать и высказать свою жалобу на несправедливость»¹⁶.

Мы знаем, что право жалобы — это древнее право народа. Однако в обряднике есть довольно забавное в своей критичности добавление. Псевдо-Кодин сообщает, что подобные громкие оповещения о приближении императора случались лишь при утренних выездах. Когда василевс покидал пределы дворца

¹⁴Ps.-Kod. P. 271.17—24.

¹⁵Это типичное проявление такой идеи императорской власти, как ἡ φροντίς, где василевс выступает как пастырь подданных (см.: Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Bd. 1. Wien, 1964).

¹⁶Ps.-Kod. P. 172.17—20.

в послеобеденное время, то музыкального сопровождения уже не было. Автор обрядника, отмечая, что причины этого неизвестны, выдвигает следующую версию: «...люди из народа (οἱ τοῦ πλῆθους ἄνθρωποι), утром воздержанные, после обеда же в большинстве (ἐπὶ τὸ πλείστον) напиваются (μεθύουσιν) и становятся более дерзкими». Поэтому-то, по Псевдо-Кодину, трубят только по утрам, а не после обеда, «чтобы кто-либо не приблизился к императору и не повел себя недостойно»¹⁷.

Право народа на порицание и жалобу может быть рассмотрено также и на основании другого фрагмента третьей главы обрядника, хотя там, скорее, речь идет не о реальных правах, а о придворном обычае иметь при выездах императора сопровождающих лошадей. Псевдо-Кодин взял в качестве примера для подтверждения обычая давнюю ситуацию из времен Феофила¹⁸. Однако использование автором этого примера может быть истолковано как подтверждение допустимости для сознания византийца XIV в. проявления подобных прав. Описанная автором обрядника ситуация такова. К василевсу, скакавшему на коне во главе кавалькады, обратилась некая женщина, кричавшая, что лошадь, на которой сидит василевс, принадлежит ей, но эпарх, которому эта лошадь приглянулась, забрал ее, чтобы подарить императору от своего имени. После некоторой заминки было выяснено, что женщина говорила правду, и император тотчас же спустился с лошади и вручил ее владелице, оставшись сам без коня (откуда и пошел обычай иметь сопровождающих лошадей).

В третьей главе обрядника, посвященной придворным праздникам, при описании церемонии торжеств по случаю Рождества Христова, после трехкратного произнесения императором требования «Мой диканикий!» (это было неким сигналом для входа гостей) в зал впускали народ (τὸν λαόν)¹⁹. Таким образом, не только коронационный обряд, но и дворцовые

¹⁷Ps.-Kod. P. 173.7—15.

¹⁸Ibid. P. 170.11—171.7.

¹⁹Ibid. P. 192.12.

празднества требовали, соответственно церемониалу, участия в них «толпы».

Однако, бросая взгляд на общее церемониальное пространство, можно обратить внимание также на следующий ситуационный момент, связанный с выездами василевса. Охранявшие императора воины-вардариоты, находясь перед императорским конем и держа вертикально свои жезлы, разгоняли ими народ (τὸν λαόν)²⁰. Здесь народ назван, казалось бы, лишь как объект полицейских функций вардариотов. Но, с другой стороны, без присутствия народа императорский выезд был бы лишен зрелищности.

Заметим, что понятие «народ» в церемониальных обрядах градуируется. Это и уличная толпа, которой бросали, добываясь ее расположения, монеты. Людьюми из народа были также зрители и возможные жалобщики при императорских выездах за пределы дворца. Бедняки доставлялись во дворец, чтобы быть молчаливыми участниками обряда омовения ног на Страстной неделе²¹. Однако в храме и во дворце народ был представлен архонтами, входившими в чиновную иерархию. На модифицированное прочтение слов λαός и δῆμος обратил внимание еще Д. Ф. Беляев, не разделявший стремления французского ученого Лабарта видеть за этими словами обрядника X в. реальный народ, *le peuple*. Возражение Д. Ф. Беляева в адрес Лабарта можно отнести и к обряднику XIV в. Он писал: «...λαός и δῆμος в обрядах Константина фигурируют в таких случаях и местах, в которых не может быть и речи о народе вообще, о массе народа...»²² Д. Ф. Беляев, обращаясь к терминологии, замечает, что «народ вообще», «массу народа» означают обычно слова πλῆθος τοῦ λαοῦ²³.

²⁰Ps.-Kod. P. 182.5.

²¹Об этом см.: Беляев Д. Ф. Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 67, 69.

²²Там же. С. 67.

²³Там же. С. 69.

Стремясь выявить роль народа в XIV в. в пределах официального ритуала, вспомним об упоминании в четвертой главе «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина такой официальной категории, как димархи (οἱ δῆμαρχοί). Как известно, в табель о рангах (первая глава обрядника) они не входили и, видимо, играли при дворе лишь незначительную роль в парадно-декоративном ритуале праздников Рождества Христова и Крещения. Димархи названы Псевдо-Кодином при описании церемонии прокипсиса в сочельник перед Рождеством: их знаки отличия находились позади фламул деспотов и архонтов²⁴.

Кто же такие димархи? Имели ли они какое-либо отношение к народу? М. А. Андреева полагала, что димархи «сохранились как главари городского населения и в XIV веке. Трудно определить их значение, но, по-видимому, не простая случайность, что сохранились именно они, как представители городской — политической части димов...»²⁵ Думается, что исследовательница сделала несколько надуманный вывод как в вопросе о значимости некоей городской организации в форме димов, так и по поводу значимости димархов. Однако четыре десятка лет спустя после выхода работы М. А. Андреевой Г. Вайс также выделил значение димархов как связующего звена между народом и императором²⁶. Как видим, тезис относительно значимости поздневизантийских димов представлен не единичным высказыванием, хотя, скорее, он производит впечатление мифа. Для дальнейшего рассмотрения этого вопроса понадобились бы новые источники.

В чем, однако, была права М. А. Андреева, так это в утверждении, что определить значение димархов трудно. Действительно, византийские источники XIV в. сохранили лишь крайне скудные сведения о димархах. В письме патриарха Афанасия I

²⁴Ps.-Kod. P. 196.29—33.

²⁵Андреева М. А. О церемонии «прокипсис» // SK. 1927. Т. 1. P. 159.

²⁶См.: Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S.76, 136.

есть упоминание о двух димархах, заботившихся о проблеме продовольствия в столице²⁷. «Просопографический лексикон времени Палеологов» содержит имя одного димарха — некоего Антиохитиса, жившего в 1303—1309 гг.²⁸ К.-П. Мачке усмотрел в димархах пережиток древней народной организации. В конце палеологовской эпохи они, может быть, выполняли функции охраны в городах²⁹.

Как бы то ни было, в пределах церемониального пространства димархи не играли какой-либо заметной роли, участвуя лишь в церемонии прокипсиса.

В целом, представленная Псевдо-Кодином через призму церемониала идея императорской власти содержит в качестве ее основы триаду «архонты — армия — народ», входившую в концепцию власти начиная с ранневизантийских времен³⁰. Можно было бы без тени сомнения сказать о минимизации значения народа в политической практике эпохи Палеологов, но наряду с этим в концептуальной сфере (а церемониал является отражением концепции власти) роль народа представляется репрезентативной. Хотя народу («толпе», «множеству людей», «жителям города») отведена в обряднике скромная роль большой группы статистов, в то же время это была мощная фоновая группа, без которой церемониальный спектакль не мог бы состояться. Не случайно энтузиазм народа планированно поддерживался раздачей денег в форме экикомпиев. Однако в поздневизантийское время в церемониале и политической практике нет даже намек на какое-либо действие, напомнившее бы диалоги императоров и димов. В этот период не было даже заранее заготовленных славословий, как

²⁷ ODB. Т. 1. Р. 603.

²⁸ PLP. № 1032.

²⁹ См.: Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 101—102.

³⁰ См.: Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии, IV — первая половина VII в. М., 1984. Т. 1. С. 107, 115—116.

во времена Константина VII Багрянородного. Лишь дважды слышим мы голос народа в обряде коронации: это рефрены «Свят!» при помазании василевса и «Достоин!» при возложении стеммы на его голову. Народ был включен в подвергшийся значительной христианизации обряд³¹. При несомненной формализации участия народа в этом обряде мы, однако, замечаем, что дважды в перечнях участников ритуала народу было отдано предпочтение перед армией, в том числе, что особенно заметно, в таком важном ритуале, как поднятие коронуемого василевса на щите. На основании «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина мы можем наблюдать, что наиболее важные ритуальные действия приобретают свою значимость в связи с участием в них «толпы», «множества людей». Народ в рамках церемониального пространства был отнюдь не самой главной, но достаточно репрезентативной группой.

Василисса и «мир женщин» двора

А. П. Каждан и М. Мак-Кормик, наблюдая социальный мир византийского двора, поставили вопрос, дав на него и ответ: «Но где же женщины? Женщины всех рангов почти всегда отсутствуют в дворцовых трактатах»³². Авторы статьи замечают, что жизнь знатных дам X в., отделенная от общественной жизни их мужей, была заключена, как можно судить по «Книге церемоний» Константина Багрянородного, в некий «двор женщин»³³. Дамы даже не могли присутствовать на инвеституре введения в должность их супругов. Но, как отмечают А. П. Каждан и М. Мак-Кормик, при Комнинах ситуация

³¹ См.: Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронации // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура: сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 38.

³² Kazhdan A. P., McCormick M. The Social World of the Byzantine Court // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997. P. 182.

³³ Ibid. P. 184.

начала меняться в пользу расширения прав женщин в сфере парадной жизни: они стали принимать участие в выездах императора и в дворцовых банкетах, в чем авторы увидели очевидное отступление от принципа полового разделения и сближение с западноевропейским образом жизни³⁴.

А как эволюционировала в последующие века эта ситуация: в сторону ли расширения прав женщины, или закрепления ее на «комниновском» уровне, или как третий вариант, к сокращению возможностей участия женщин в придворном церемониале?

Немало написано как византийскими историками, так и исследователями этого периода о значимости женщины в социальной жизни империи³⁵. Несомненно, к примеру, воздействие (отнюдь не позитивное), оказываемое второй женой Андроника II Палеолога Ириной (Иолантой Монферратской)³⁶, положившей немало сил на то, чтобы возвести на престол своих сыновей от второго брака и в силу этого не имевших на него прав, а также на возвеличивание своего зятя, сербского крала³⁷. Феодора Палеологина Ангелина Кантакузина³⁸ сыграла заметную роль в политической карьере своего сына Иоанна Кантакузина, была решительным советчиком сыну в самых критических ситуациях. Не без ее сотрудничества были приняты меры к освобождению острова Хиос от генуэзцев в 1329 г.; она помогла

³⁴ Kazhdan A. P., McCormick M. *The Social World of the Byzantine Court...* P. 184.

³⁵ На XIV Международном конгрессе по византиноведению была специально обсуждена проблема «Роль женщины в византийском обществе» (JÖB.1982. Bd. 32/2. P. 423—556); см. также: Laiou A. E. *Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècles*. P., 1992; Herrin J. *The Imperial Female in Byzantium // Past and Present. A Journal of Historical Studies*. 2000. Nov., № 169. P. 3—35; Нуждин О. И. Женщины Византии эпохи первых Палеологов (внешнеполитический аспект деятельности) // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 151—166.

³⁶ PLP. № 21361.

³⁷ Greg. VII, 5. — I. P. 233—237.

³⁸ PLP. № 10942.

раскрыть заговор против одного из союзников ее сына³⁹. Анна Савойская⁴⁰, жена Андроника III и мать Иоанна V, была после смерти мужа проводником политики (не всегда успешной) в трудный для империи период начала гражданских войн, движения зилотов и первых паламитских и антипаламитских соборов. Императорские жены из итальянок в немалой степени способствовали проникновению в политику и культуру двора итальянского влияния. Иоанн Кантакузин написал, что в комнатах молодого Андроника III постоянно можно было встретить несколько человек из Савойи⁴¹. После его смерти центр власти перешел в гинекею — женскую половину дворца.

Хотя в XIV в. среди женщин двора не нашлось второй Анны Комниной, однако в придворных кругах высоко ценилась образованность женщины и ее умение вести себя в обществе. Феодора Палеологина Раулина была в тесном интеллектуальном общении с такими заметными людьми своего времени, как патриарх Григорий Кипрский, Максим Плануд, Мануил Оловол⁴². Дочь Феодора Метохита Ирина⁴³ была хвалима своим учителем Никифором Григорой, отмечавшим, что она «была и даровита, и любознательна»⁴⁴. Евдокия⁴⁵, супруга деспота Константина Палеолога, как пишет Никифор Григора, «...не была лишена светского образования; при случае она свободно разговаривала обо всем... ученые называли ее пифагорейкой Феофано и второй Ипатией»⁴⁶. К Елене⁴⁷, дочери Иоанна

³⁹ Greg. XI, 2. — I. P. 530.5—17; см. также: Kyrris C. P. *La rôle de la femme dans la société byzantine particulièrement pendant les derniers siècles // JÖB*. 1982. Vol. 32/2. P. 467—469.

⁴⁰ PLP. № 21347.

⁴¹ Cant. I, 42. — I. P. 205. 17—18.

⁴² См.: Поляковская М. А., Чекалова А. А. *Византия: быт и нравы*. Свердловск, 1989. С. 228; см. о ней также: PLP. № 21047.

⁴³ PLP. № 17982.

⁴⁴ Greg. VIII, 5. — I. P. 309.15—19.

⁴⁵ PLP. № 21369.

⁴⁶ Greg. VIII, 3. — I. P. 293—294.

⁴⁷ PLP. № 21365.

Кантакузина и супруге Иоанна V Палеолога, неоднократно были обращены Димитрием Кидонисом похвалы по поводу ее литературного дарования. Прочитав написанный еще совсем молодой Еленой энкомий в честь ее отца, Димитрий Кидонис высоко оценил его в письме к своей ученице: «Мы слушали, как в женских устах расцвел звук, который нас очаровал... Мы желаем тебе именно такой красоты — большей, чем красота Елены: красота, которой обладала Елена, однажды уже ей навредила и к тому же принесла гибель героям, которые вели ради нее долгие войны. Но красота слова бессмертна...»⁴⁸ Можно было бы продолжить эту неоднократно поднимаемую в литературе тему, если бы нашей задачей не являлось рассмотрение вопроса, каково же место женщины в церемониальном пространстве византийского двора XIV в.

Для ответа на этот вопрос обратимся к трактату Псевдо-Кодина. В этой церемониальной книге знатные женщины упомянуты немногим более двадцати раз, причем все они, за исключением тех, кто назван в главе 12, василиссы, т. е. жены и матери императора. В указанной главе в описанном церемониальном действии участвуют дамы самого высокого ранга, супруги деспотов, севастократоров, кесарей и других высоких архонтов⁴⁹.

Ситуации церемониала, связанные с участием в них василиссы-матери и василиссы — супруги императора, чаще всего упоминаются в коронационной (седьмой) главе трактата Псевдо-Кодина.

После второго этапа коронации василевса — поднятия его на щите — впервые появляются в церемониальном описании василиссы. Император после переодевания всходит на специальный, отделанный красными шелковыми тканями, помост-анавафру, где стоят высокие, с четырьмя-пятью ступенями, троны для императора, его отца-императора (если он жив) и

⁴⁸ D m trius Cydon s. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 206. Citta del Vaticano, 1956. T. 1; 1960. T. 2. N  389.

⁴⁹ Ps.-Kod. P. 286—287.

для их супруг. Именно в этот момент впервые в главе упоминаются деспины — мать провозглашенного императора и молодая василисса: «Деспины, их супруги, поднимаются с ними и также занимают места на других тронах; деспоты и василиссы находятся, таким образом, наверху рядом друг с другом: мать провозглашенного, уже коронованная, носит стемму, а новая василисса — венец (στ φανος)»⁵⁰.

На четвертом этапе коронации, при возложении патриархом стеммы на голову коронуемого василевса при трехкратных возгласах «Достоин!», коронуемый, спускаясь с амвона, коронует сам свою супругу (если он женат). Мать нового василевса, поскольку она уже коронована, стоит в венце (в случае, если ее муж-василевс жив) и держит в руке золотую пальмовую ветвь, украшенную жемчугом и драгоценными камнями. Если же она вдова, то также держит ветвь, но одета в черный гиматий и вместо венца — фиолетовую накидку (μανδύαν  ξύν)⁵¹. Новая же василисса, сопровождаемая с двух сторон близкими родственниками (или евнухами, если нет родственников), подходит к солее, и василевс надевает на ее голову стемму, полученную из рук патриарха⁵².

Кульминационным моментом в обсуждаемом вопросе о месте женщины в церемониальном пространстве XIV в. является, несомненно, следующий. После возложения императором стеммы на голову новой василиссы «она тотчас опускается на колени перед василевсом, ее мужем, словно признаваясь через проскинизу, что она зависима от него и подчиняется ему (εὐθὺς προσκυνεῖ τὸν βασιλέα καὶ ἄνδρα αὐτῆς, ὥσπερ ὁμολογοῦσα διὰ τῆς προσκυνήσεως ὑπ' αὐτὸν εἶναι καὶ ὑποτετάχθαι αὐτῷ)»⁵³.

⁵⁰ Ps.-Kod. P. 257.17—25.

⁵¹ Ibid. P. 260.5—261.3.

⁵² Ibid. P. 261.4—21. О коронации августы по флорентийскому списку обрядника см.: Лопарев Хр. К чину царского коронавания в Византии // Сборник статей в честь Димитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 4.

⁵³ Ps.-Kod. P. 261.24—28.

К вопросу о коронации императрицы следует добавить, что в случае, если василевс был уже коронован раньше, то его супруга коронуется иначе — во время свершения их бракосочетания, что уже не входило, по Псевдо-Кодину, в церемониальные предписания⁵⁴. Таким образом, коронация василиссы имела значение только как один из актов, составляющих церемонию коронации императора, что лишний раз подчеркивает зависимость всех церемониальных норм от центральной фигуры всего ритуала — императора. Кроме того, сам факт исключения отдельной коронации императрицы еще раз подчеркивает ее опосредованный статус.

После раздачи народу антидорона — освященного хлеба (что входило в коронационный ритуал) новый василевс с супругой, с василевсом-отцом и василиссой-матерью снова поднимаются по ступеням на анавафру, скрытые сначала от взоров золотоканями драпировками. Затем при троекратных возгласах «Восстаните!» занавеси снова раздвинутся, чтобы все могли лицезреть коронованных особ⁵⁵. С завершением церемонии «явления» собравшимся василевсы с василиссами направляются верхом на конях (остальные идут пешком) во дворец, где начнутся десятидневные пиры⁵⁶, но на этом этапе торжеств василиссы и другие дамы двора не упоминаются. Вполне возможно, что они не принимали участия в трапезах, как и во время рождественских празднеств, а на праздничный стереотип Рождества были ориентированы церемонии других праздников двора.

В описании церемонии прокипсиса на Рождество Псевдо-Кодин пишет о «явлении» лишь василевса; василиссе же, наряду с императором, лишь возносится эвфимия⁵⁷. По описанию Псевдо-Кодина, в «картинках» были представлены либо

⁵⁴ Ps.-Kod. P. 262.12—13.

⁵⁵ Ibid. P. 269.2—25. *Ἀνατείλατε* — взойдите (как восходит, восстает солнце).

⁵⁶ Ibid. P. 271.24—272.

⁵⁷ Ibid. P. 204.8—10.

один император, либо с сыновьями и деспотами. Следует полагать, что василисса не принимала участия в церемонии прокипсиса этого празднества.

Неоднократно упоминается в обряднике о трауре по поводу смерти императорской «жены и деспины»⁵⁸. В таком случае Псевдо-Кодин оговаривает некоторые изменения в церемониале: любое празднование становилось скромнее. Так, на праздник Рождества отменялись хоругви, музыкальные инструменты и яркие одеяния. Василевс выходил в траурных белых одеждах и скиадии (архонты же носили по траурным дням черные одежды)⁵⁹.

Рассматривая вопрос о месте василиссы в жизни двора в рамках ритуала, можно обратиться также к сюжету из восьмой главы трактата Псевдо-Кодина. Автор свидетельствует о наличии в ведении паракимомена специальной печати, которую он в случае надобности прилагал к воску по повелению деспины — матери императора, деспины-жены или сына императора. Сам же василевс пользовался другой печатью⁶⁰.

Рассмотрев те фрагменты церемониальной книги XIV в., которые упоминают василиссу, мы видим, что она принимала участие лишь в коронационном обряде императора. В других приведенных ситуациях имя императрицы было связано либо с произнесением эвфимии и полихрония, либо в связи с проявлениями траура по поводу ее смерти. И только наличие специальной печати свидетельствует о некоторой ее деятельности.

Как уже отмечалось, единственной главой, по тексту которой мы имеем возможность наблюдать в пределах церемониального пространства других архонтисс, является глава 12 «О деспине-невесте». Глава четко определяет регламент встречи невесты из другой страны. По сути дела, речь идет о ее парадной встрече по прибытии: если невеста прибывала по суше, то ее встречали в квартале Пиги, если же морским

⁵⁸ Ps.-Kod. P. 226.28—29.

⁵⁹ Ibid. P. 227.1—5.

⁶⁰ Ibid. P. 275.24—32.

путем, то встреча предполагалась близ Влахернского храма, в районе акрополя, у ворот Евгения⁶¹. Невесту-иностранку встречали жених и будущий муж, сопровождаемый отцом-императором (если он жив). После момента встречи оба императора сразу же отбывали во дворец. Между тем «жены сановников, сенаторов и других архонтов, самые высокопоставленные и самые знатные»⁶², которые своим прибытием на место встречи должны были опередить императоров, служили деспине-невесте так, как полагалось служить василиссе. Знатные дамы облачали ее в заранее приготовленные императорские одежды и красные сапожки (ὑποδοῦσιν αὐτῆν τὰ κόκκινα ἢ βασιλίσσαι)⁶³. Невеста, сопровождаемая как василисса, направлялась верхом на коне во дворец, после чего в назначенный день происходила свадебная церемония⁶⁴. Как мы уже знаем, сама церемония свадебных торжеств в обрядник не включена и не сопровождалась церемонией прокипсиса⁶⁵.

Следует полагать, что к основному обряднику, описывающему регламент жизни двора, примыкали десятилетиями (или более того) сложившиеся обычаи. Так, обряд прокипсиса, отсутствующий на императорской свадьбе, был сохранен в свадебных церемониях при выходе замуж царской дочери за иноземного правителя, с тем чтобы оказать ему особую почесть⁶⁶.

Как известно, это «явление» невесты гостям было описано в «Истории» Иоанна Кантакузина в связи с бракосочетанием его дочери Феодоры с турецким правителем Орханом⁶⁷. Прокипсис проходил на равнинном месте близ Селимврии. Деревянный помост был закрыт со всех сторон длинными златоткаными шелковыми занавесями. Невеста еще до появления зрителей,

⁶¹ Ps.-Kod. P. 286.13—16.

⁶² Ibid. P. 286.17—21.

⁶³ Ibid. P. 287.11—12.

⁶⁴ Ibid. P. 287.16—21.

⁶⁵ Андреева М. А. О церемонии «прокипсис»... С. 157.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Cant. III, 95. — II. P. 587—588.

ночью, была скрыта за этими занавесями. Утром состоялось «явление» невесты, когда по поданному знаку занавеси были раздвинуты. Император восседал на коне рядом с помостом, императрица вместе с другими дочерьми находилась на расположенной вблизи сцене. Невеста была видима всем в свете факелов, вспыхнувших в руках коленопреклоненных евнухов, не заметных толпе из-за первых рядов собравшихся: сияние факелов в утреннем свете создавало необычное освещение. Открытие занавесей сопровождалось музыкой: играли флейты, трубы; хор певцов исполнял энкомии в честь невесты, праздничные мелодии. После этого «явления» невесты для всех гостей — и византийцев, и турок — последовало угощение, длившееся несколько дней. И только после этих торжеств невеста отправилась в резиденцию жениха, где состоялся праздничный прием.

Приведенный пример свидетельствует, что знатым дамам, без сомнения, находилось место в парадной жизни византийского двора, однако в основном в церемониальное пространство допускались (с известными ограничениями) прежде всего деспины-василиссы. И только в одном случае в этом замкнутом пространстве мы видим дам самого высокого ранга, в обязанности которых входило выполнения ритуала облачения императорской невесты. Глава 12, последняя в обряднике, воспринимается в силу ее исключительности как дополнительная, не основная, а названные в ней архонтиссы представлены скорее как супруги самых высоких сановников (τῶν ἀξιωματικῶν καὶ συγκλητικῶν καὶ τῶν λοιπῶν ἀρχόντων γυναῖκες)⁶⁸, названные автором обрядника в соответствии с титулом супруга — σεβαστοκρατόρισσαι, καισαρίσσαι.

Подводя итог поднятой теме, можно сказать, что в рамках обрядника место василиссы ограничено преимущественно коронационным церемониалом, при этом подчеркнуто зависимое положение деспины по сравнению с василевсом актом проскинизы, отсутствием василиссы в обряде прокипсиса на Рождество Христово и на главных трапезах двора (в честь

⁶⁸ Ps.-Kod. P. 286.18—20.

праздников Рождества и Крещения), невключением церемонии коронации василиссы (в случае, если василевс уже коронован) в основной церемониальный этикет. Мысль Псевдо-Кодина о том, что коленопреклонение императрицы перед императором должно было показать ее зависимое от супруга положение носит, несомненно, концептуальный характер.

Придворное общество, судя по обряднику Псевдо-Кодина, оставалось сугубо мужским. А. Грабар остроумно характеризует его как «мужское братство» (*une confrérie masculine*), сравнивая «сообщество» придворных с военной структурой⁶⁹.

Отвечая на вопрос, в каком направлении шло развитие ситуации со статусом женщины в придворном церемониальном пространстве, следует из предложенных в начале этого подраздела трех вариантов ответа остановиться на последнем. Роль женщины в церемониях XIV в. стала еще менее заметной, чем даже в «Книге церемоний» X в., хотя и тогда придворное общество было замкнутым пространством с явным мужским приоритетом⁷⁰.

Любопытно отметить, что, помимо обрядника, упоминает о присутствии женщин в церемониальном пространстве паломник Игнатий Смоленский, присутствовавший на коронации Мануила II Палеолога в храме Св. Софии. Он написал, что женщины находились на галереях и были скрыты от взоров присутствующих в храме шелковыми занавесями: «...мужьскы пол внутрь святаы церкви, а женьскы на полатах. И толико хитро есть: вси, иже бяху женска полу, стояху за шидными запонами, а лиць их украшения никомуже от народа не видѣти, имже вся зримая видѣти есть»⁷¹. Разумеется, женщины

⁶⁹ См.: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies P. 206.

⁷⁰ О роли дамы в жизни европейского двора см.: Bumke J. Courtly Culture: Literature and Society in the High Middle Ages. N. Y. ; L., 2000. P. 325—359; Шишкин В. В. Знатные дамы при дворе Анны Австрийской и политическая борьба во Франции в 30—40-е гг. XVII в. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 132—141.

⁷¹ Хождения Игнатия Смолнянина // Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 105.

участвовали во многих актах церемониала, однако церемониальных функций, помимо отмеченных выше, у них не было.

Придворная элита

Византийский четырнадцатый век характеризовался заметной аристократизацией общества⁷². Семейные имена, начавшие складываться в эпоху Комнинов (и позднее), при Палеологах были представлены большими семейными кланами. Родовитость в первые 90 лет палеологовского правления приобрела особое значение и была признаком преемственности в обществе, что было важно после нескольких десятилетий латинского владычества⁷³. К середине XIV в. аристократия была доминирующей общественной силой (не обретшей, однако, каких-либо юридически закрепленных привилегий). Представители аристократических фамилий, имевшие по 3—4 патронима, обладали собственностью как в городе, так и в сельской местности, но наиболее почетно и выгодно было иметь высокую должность при дворе. Хотя некая грань между аристократами и бюрократами ощущалась, однако взаимопроникновение этих двух больших социальных групп в пределах их верхних «этажей» было несомненным. Элита поздневизантийского общества формировалась из аристократии, которую одновременно можно отнести к «правлящему классу» (*the ruling class*)⁷⁴.

Представители родовитых фамилий и составляли к середине XIV в., когда был записан обрядник, придворную элиту. Поскольку понятие «элита» довольно расплывчато, не будем в этом отношении полагаться на Псевдо-Кодина: хотя его

⁷² См.: Matschke K.-P., Tinnfeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln ; Weimar ; Wien ; Böhlau, 2001. S. 18—32.

⁷³ Ibid. S. 54—55.

⁷⁴ См.: Kazhdan A. P., McCormick M. The Social World of the Byzantine Court... P. 167—172.

сочинение и называется «О порядке титулов и должностей» («Περὶ τῆς τάξεως τῶν τε ἀξιωματῶν καὶ ὀφφικίων»), в тексте он их не разделяет. Правда, принципом перечисления для него является порядок значимости от высших до самых низших ступеней. Отнесем к элите три высших ступени иерархической лестницы. Их следует выделить в высший разряд⁷⁵: деспот (δεσπότης), севастократор (σεβαστοκράτωρ) и кесарь (καίσαρ)⁷⁶.

Некоторые из параллельных первой главе обрядника и сопутствующих ему по времени написания списков чинов⁷⁷ разделяют, в отличие от Псевдо-Кодина, титулы и должности. Так, одно из приложений к «Шестикнижию» Арменопула⁷⁸ открывается фразой: «Три имперских титула (ἀξιώματα), которые жалует василевс, [это] деспот, севастократор, кесарь»⁷⁹. Далее в тексте следует перечень должностей (ὀφφίκια τῶν ἀρχόντων). Подобное же деление можно наблюдать и в списке Матфея Властаря: «...после автократора первым является деспот, севастократор — после него и кесарь — после этого»⁸⁰. В смысловом отношении эти тексты повторяет и анонимный стихотворный список XIV в.⁸¹

Из описания церемониальных действий очевидно, что автор трактата выделяет в качестве элиты представленного им списка три первых титула, носители которых были членами импе-

⁷⁵ Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византийцы. Екатеринбург, 2003. С. 156—177.

⁷⁶ Ps.-Kod. P. 133—134.

⁷⁷ Liste de l'appendice à l'Hexabiblios d'Harménopoulos // Ps.-Kod. P. 291—302; Listes du type de l'appendice à l'Hexabiblios // Ibid. P. 303—310; Liste du moine Mathieu Blastarès // Ibid. P. 311—325; Liste anépigraphie en vers // Ibid. P. 327—340; Index et liste anonymes: «l'ordre hiérarchique de l'empereur et des archontes» // Ibid. P. 341—349.

⁷⁸ Ps.-Kod. P. 306—309.

⁷⁹ Ibid. P. 307.1—3.

⁸⁰ Ibid. P. 319.1—320.7.

⁸¹ Ibid. P. 333.20—23.

раторской семьи или близки к ней. При коронации императора деспоты, севастократоры и кесари держали щит, на котором поднимали василевса⁸². В день Рождества Господня они отдельно поздравляли императора в его покоях⁸³. Деспот, севастократор и кесарь особо выделены среди архонтов и на выборах патриарха⁸⁴. Отличают названную группу придворной элиты и их должностные обязанности (несомненно, парадного, номинального характера) — командование войском, что являлось особенно почетным. Значимость этих трех ступеней иерархии подчеркивается в обряднике и наличием специальных глав, посвященных введению деспотов, севастократоров и кесарей в должность. Все перечисленное дает нам основание отнести носителей названных титулов к элитарному слою. Несомненно, что на первых трех ступенях иерархической лестницы находилась высшая титулованная знать.

Особенно значимым в элитной группе был титул деспота⁸⁵, дававший его носителю самый высокий статус после императора. Титул, возникший в XII в., жаловался членам императорской семьи, прежде всего сыновьям, а также зятям и братьям. У сыновей, несмотря на равенство титула, были несомненные преимущества перед другими деспотами. Титул «деспот» мог означать возможность в будущем стать императором. Носители титула обычно имели апанажи — Фессалонику, Мистру,

⁸² Ps.-Kod. P. 256.6—10.

⁸³ Ibid. P. 212.4—14.

⁸⁴ Ibid. P. 279.11—13.

⁸⁵ См., например: Guiland R. Le despote // REB. 1959. Vol. 17. P. 52—89; Ферjanчић Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама / Посебна издања Српска Академија наук и уметности. 336. Београд, 1960; Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin ; Amsterdam, 1967. Т. 2. P. 1—24; Ostrogorsky G. Urum — Despotes. Die Anfänge der Despotenwürde in Byzanz // Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte. Ausgewählte kleine Schriften. Darmstadt, 1973. S. 153—156; Ченцова В. Г. К вопросу о титуле «деспот» в Морее (интерпретация фрагмента из «Истории» Георгия Пахимера) // Господствующий класс феодальной Европы М., 1989. С. 26—38; Failler A. Les insignes et la signature du despote // REB. 1992. Vol. 40. P. 171—186.

Монемвасию, Морею, Селимврию, Веррию. Мог жаловаться титул деспота и правителям соседних государств, связанных с империей как союзническими, так и родственными (через браки дочерей императора) отношениями.

Просопография этой элитарной группы в эпоху Палеологов достаточно репрезентативна. Заметим, кстати, что плотность просопографической информации может служить индикатором знатности человека или группы.

Обычно сыновья имели титул деспота и уделы в управлении. Политическая же судьба давала в будущем власть одному из них, становившемуся соправителем. Из пяти сыновей Андроника II Палеолога от двух браков (с Анной Венгерской и Ириной Монферратской) Михаил IX стал соправителем, а Константин, Иоанн и Димитрий носили титул деспота. Одному из братьев, Феодору, достался по линии матери титул маркиза Монферратского, и поэтому он не имел титула деспота⁸⁶. Трон же достался не Михаилу IX (он ушел из жизни раньше отца) и не его братьям-деспотам, а сыну Михаила Андронику.

Воцарившийся Андроник III, имевший от двух браков (с Ириной Брауншвейгской и Анной Савойской) двух сыновей, передал власть соправителю Иоанну V, а Михаил остался деспотом⁸⁷.

Из четырех сыновей Иоанна V Палеолога в соправители сначала был определен старший, Андроник IV, а Мануил, Михаил и Феодор стали деспотами⁸⁸. Деспотами были также Матфей и Мануил, сыновья Иоанна Кантакузина, тестя и соправителя Иоанна V Палеолога (причем Матфей стал соправителем Иоанна VI). Престол же достался (после предательства Андроника IV по отношению к отцу) Мануилу II, ставшему сначала соправителем, а затем, после смерти отца, василевсом.

Таким образом, на нескольких примерах из истории семей Палеологов и Кантакузинов мы видим, что титул деспота,

⁸⁶ PLP. № 21436, 21456, 21465, 21475, 21499, 21529.

⁸⁷ Ibid. № 21437, 21485, 21521.

⁸⁸ Ibid. № 21438, 21460, 21513, 21522.

Великий логофет Феодор Метохит. Начало XIV в. Мозаика церкви Христа Спасителя монастыря Хора (Кахрие-Джами), Стамбул

Портрет великого дуки Алексея Апокавка. Миниатюра из рукописи Кодекса Гиппократы. Около 1342. Национальная библиотека, Париж

Император Трапезунда Алексей III Великий Комнин и его супруга Феодора
1374. Миниатюра на хрисовуле монастырю Дионисия. Афон, Греция

Император Иоанн VIII Палеолог и его супруга Анна
Деталь «Саккоса Фотия». Первая половина XV в. Атлас, шитье, жемчуг
Оружейная палата Московского Кремля

будучи почетным, не обещал непременно передачи ему императорского престола. Для этого его носитель должен был стать — раньше или позднее — соправителем, что зависело порой от непредсказуемой заранее комбинации политических или просто жизненных ситуаций.

Титул севастократора⁸⁹ ведет свое начало от эпохи Комнинов. Как пишет Анна Комнина, Алексей I, полагая, что старшего из братьев, Исаака, следовало бы почтить более высоким титулом, «образовал новое слово и именовал брата “севастократором” — сложным словом, состоящим из двух частей: “севаст” и “автократор”, и сделал таким образом Исаака как бы вторым императором»⁹⁰. Введенный при Комнинах титул сохранился до конца жизни империи, но при Палеологах носители его уступили деспоту право быть первым после императора.

Обращение к просопографии носителей титула убеждает, что планка знатности здесь гораздо ниже, чем у деспотов. Лишь некоторые из сыновей василевса, прежде чем получить титул деспота, были севастократорами. В число носителей этого титула входили члены родственных Палеологам фамилий — Комнинов, Ангелов, Дук, Асанов, а с середины века и Кантакузинов. Можно вспомнить севастократора Андроника Асана, сына Мануила Комнина Рауля Асана и Анны Комнины Дукины Палеологины Асанины, бывшего воспитанника Иоанна VI Кантакузина, а затем и активного его сторонника⁹¹. Среди севастократоров мы встречаем и названных Псевдо-Кодином⁹² Иоанна Асана и Мануила Комнина Рауля Асана, позднее поднявшихся до титула деспота⁹³. Членом

⁸⁹ См. об этом: Ферјанчић Б. Севастократоры в Византии // ЗРВИ. 1968. Т. 11. С. 141—192; Каждан А. Севастократоры и деспоты в Византии XII в. Несколько дополнений // ЗРВИ. 1973. Т. 14—15. С. 41—45.

⁹⁰ Anne Comnene Alexiade / ed. and trans. by V. Leib. Vol. 1—3. Paris, 1937—1945. III. 4.

⁹¹ PLP. № 1487.

⁹² Ps.-Kod. Cap. II, X.

⁹³ PLP. № 1499, 1506.

императорской семьи был Димитрий Кантакузин, севастократор в 1357—1383/84 гг., являвшийся сыном Матфея Кантакузина, соправителя Иоанна VI Кантакузина, и Ирины Палеологины⁹⁴. Значительной была доля среди севастократоров представителей правящих (или близких к ним) фамилий Сербии⁹⁵ и Албании⁹⁶.

Титул «кесарь»⁹⁷ ведет свое начало со времен домината, когда он предназначался молодому императору, стоящему по своему рангу ниже августа. В XI в. кесарем становился обычно императорский сын, но при Алексее I Комнине этот титул был сдвинут на второе место после севастократора. При Палеологах он занял третью ступеньку в иерархии после деспота и севастократора.

Среди кесарей, судя по просопографическим данным, могли быть родственники правящей фамилии: в качестве примера можно назвать кесаря, позднее ставшего севастократором, Константина Дуку Ангела Комнина Палеолога⁹⁸. Титулом кесаря могли обладать представители близкой к престолу знати, такие как Мануил и Алексей Ангелы Филантропины⁹⁹. Но чаще этот титул жаловался представителям сербского правящего дома, а также знати Сербии¹⁰⁰ или других близких к империи территорий. Несомненно, внутри элиты, как подтверждают просопографические данные, уровень знатности падает от одной ступени к другой.

⁹⁴ PLP. № 10961.

⁹⁵ Ibid. № 6464, 8277, 14888, 21184 и др.

⁹⁶ Ibid. № 19884.

⁹⁷ См.: Bury J. V. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911. P. 36; Guiland R. Le Césarats // OCP. 1947. Vol. 13. P. 168—194; Idem. Recherches... Vol. 2. P. 25—43; Фержанчић Б. Севастократоры и кесары в Српском царстве // Сборник филозоф. фак., 1970. Т. 2. С. 255—269.

⁹⁸ PLP. № 21498.

⁹⁹ Ibid. № 29750, 29771.

¹⁰⁰ Ibid. № 4396, 20691, 23720.

Поскольку одежда носителей названных титулов была определенным кодом¹⁰¹ характеристики сановников, отличительным знаком их места в придворной иерархии, обратимся к содержащемуся в обряднике описанию парадных одеяний придворной элиты.

Парадным платьем представителей элиты, в отличие от всех остальных архонтов, была туника-рух (τὸ ροῦχον) красного, как у императора, цвета¹⁰². Среди других одежд деспота в обряднике назван каввадий (τὸ καββάδιον), кафтанообразное платье, носимое и другими архонтами. У деспота каввадий был фиолетового или алого цвета с украшениями, выполненными жемчужной вышивкой¹⁰³. По обряднику, в гардеробе сановников, входящих в высший разряд иерархической лестницы, названо и такое верхнее платье, как тампарий (τὸ ταμπάριον)¹⁰⁴. У деспота он был алым с орнаментом в виде галунов (μετὰ μαργελλίων)¹⁰⁵. Псевдо-Кодин оговаривает, что ему было неизвестно, каким был тампарий севастократора и кесаря¹⁰⁶.

«Опознавательным» знаком достоинства представителей элиты было, однако, не платье, а прежде всего головной убор, причем не столько его тип, сколько отделка. Деспот, так же как севастократор и кесарь, носили обычно скиадей (τὸ σκιάδιον)¹⁰⁷, шапку с небольшими, поднятыми вверх полями

¹⁰¹ См.: Ball J. L. Byzantine Dress. Representations of Secular Dress in Eighth to Twelfth Century Painting. N. Y., 2005. P. 2.

¹⁰² Ps.-Kod. P. 143.2—5.

¹⁰³ Ibid. P. 146.2—5.

¹⁰⁴ Слово *tamparion* имеет, по всей вероятности, итальянское происхождение. Как тип одежды тампарий четко не определен. Судя по фреске с портретом севастократора Калояна (церковь Бояна, София), это длинная подпоясанная туника из ткани с цветным рисунком (см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994. P. 103. Fig. 63).

¹⁰⁵ Ps.-Kod. P. 143.5—6. Можно было бы перевести μαργελλιον как «бордюры».

¹⁰⁶ Ibid. P. 147.15; 148.1—2.

¹⁰⁷ Этимологически это слово связано с функцией защиты от солнца. По-новогречески ἡ σκιά — тень, τὸ σκιάδι — соломенная шляпа, σκιάζω — заслонять свет, затенять.

и с матерчатым верхом¹⁰⁸. Скиадий деспота — сына императора был полностью покрыт жемчугом (ὀλομάργαρον), а на аире¹⁰⁹ было вышито золотыми нитями имя обладателя титула. Скиадий деспота-зятя, алый или золотой, был украшен вышитыми жемчугом крестами по всему кругу¹¹⁰. Подвески на висках (τὰ σεία) головного убора деспота напоминали подвески на императорской стемме (кроме узла и листьев пальмы)¹¹¹. Скиадии севастократора и кесаря, золотые или алые, также имели подвески, как у деспота-сына¹¹². Заметим, что наличие жемчужных подвесок приближало обладателей головного убора к императору¹¹³ и отдаляло от всех остальных архонтов¹¹⁴.

Особое значение имел венец, который возлагался на голову представителей элиты при возведении их в сан, но об этом будет сказано особо при рассмотрении церемонии их инвеституры.

В праздничные дни деспот мог носить также такой головной убор, как скараник (τὸ σκαράνικον), представлявший собой высокую шапку цилиндрической формы¹¹⁵. Скараник деспота

¹⁰⁸ Головным убором Иоанна VIII Палеолога в изображении на медальоне Пизанелло является, по всей видимости, скиадий (Kunsthistorisches Museum, Вена) — см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 112. Fig. 10.

¹⁰⁹ Видимо, это натянутый на проволочный каркас матерчатый верх («воздух») скиадия — см. комментарий Ж. Верпо (Ps.-Kod. P. 142. Not. 1). Издатель с оговорками переводит ὁ ἀήρ как вуаль, что принято и Э. Пильтц (см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins ... P. 92).

¹¹⁰ Ps.-Kod. P. 147.4—8.

¹¹¹ Ibid. P. 141.3—143.2.

¹¹² Ibid. P. 147.9—12; 148.22—149.2.

¹¹³ В X в. корона кесаря как первого сановника не имела еще жемчужных нитей, поскольку это было прерогативой императора и императрицы (см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 21).

¹¹⁴ Заметим, что подвески были также и у великого domestika, не имевшего, однако, других привилегий, предоставлявшихся элите. О великом domestike см. в подразделе «Чиновная лестница».

¹¹⁵ Форму и декор скараника можно видеть на фреске с изображением деспота Мистры Феодора I Палеолога (церковь Бронтохион, Мистра) — см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 114. Fig. 12.

имел золотой и серебряный орнамент, с драгоценными камнями и жемчугом, вставленным в оправу¹¹⁶. Каким был скараник севастократора и кесаря, как замечает Псевдо-Кодин, ему ничего не известно¹¹⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сочинениях византийских историков эпохи Палеологов мы не встречаем упомянутые в обряднике головные уборы — скиадий и скараник. Авторы хроник отмечают, что и василевс, и архонты носили такой головной убор, как калиптра: принято считать, что это высокая шапка, украшенная жемчугом, драгоценными камнями и покрытая сверху дорогой материей¹¹⁸. Калиптра, а также калимма и пил названы как головные уборы и в «параллельных» обряднику списках архонтов. Думается, что здесь нет противоречия. Слова *καλύπτρα*¹¹⁹, *κάλυμμα*¹²⁰, *πίλος*¹²¹ употреблены в более общем смысле (шапка, шляпа, головной убор), в то время как Псевдо-Кодин стремится назвать тип головного убора, его использование в церемониальных костюмах.

Немаловажным элементом в «знаковой системе» придворного общества был цвет и декор обуви. Чулки (*αἱ κάλτιζαι*) деспота были красными, обувь (*τὰ ὑποδήματα*) — двухцветной¹²², фиолетовой и белой. По боковой части и на шиколотках его сапог-иподиматов были вышиты жемчугом орлы. Орлы, как отмечает Матфей Властарь, были также характерны для

¹¹⁶ Ps.-Kod. P. 145.23—146.2.

¹¹⁷ Ibid. P. 147.1—2; 149. 4—5.

¹¹⁸ См.: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 206.

¹¹⁹ Ps.-Kod. P. 141—142. not. 1; 321. 40; 333. 20/4, 22/5; 334. 35—36; 335. 56—57; 338. 133. Может быть, слово «калиптра» родственно новогреческому ἡ *καλύπτρα*, что означает «покрывало».

¹²⁰ Ibid. P. 141. Not. 1; 320.8. По-новогречески τὸ *κάλυμμα* — покрывало, покров.

¹²¹ Ibid. P. 141. Not. 1; 320.24; 321.38. По-новогречески ὁ *πίλος* — шляпа.

¹²² Образец двухцветной обуви см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 108. Fig. 4—6.

декора обуви севастократоров и кесарей как символ близости к василевсу¹²³. У севастократора чулки и обувь (как и у кесаря) были голубыми¹²⁴. Когда Иоанн Кантакузин хлопотал о должностной карьере своих шуринов севастократоров Иоанна и Мануила Асанов, он просил у императора о красных чулках для них¹²⁵ (мы знаем, что братья Асаны действительно станут вскоре деспотами).

При описании в обряднике элементов костюма деспота постоянно подчеркивается: «как императорский» или «как императорские» (*ὡσπερ καὶ τὸ βασιλικόν; οἷα καὶ τὰ βασιλικά*)¹²⁶. Одежда и венец севастократора сравниваются не с императорскими одеждой, а с соответствующим элементом наряда деспота (*οἷα καὶ τὰ τοῦ δεσπότητος*)¹²⁷. Кесарский же парадный наряд был ориентирован на одеяния севастократора (*οἷον τὸ τοῦ σεβαστοκράτορος*)¹²⁸. Таким образом, внутри элиты была своя иерархия, подчеркиваемая деталями костюма. Деспот-сын был ближе всего к василевсу не только по статусу и по родству, но и по одежде.

Специальные главы сочинения Псевдо-Кодина посвящены инвеституре деспота (гл. 8), севастократора и кесаря (гл. 9). Расположение глав — они идут сразу же за разделом о короновании василевса (гл. 7) — обращает на себя внимание, являясь индикатором значимости носителей этих титулов.

Возведение в должность деспота происходило в главном, тронном, зале дворца — триклинии, что, несомненно, также свидетельствовало об элитарном статусе посвящаемого. Трон к началу церемонии отделялся от остального пространства зала занавесом из золотого шелка. Василевс назначал высокопоставленных архонтов (из числа тех, кто носил красные

¹²³ Ps.-Kod. P. 320.9—12.

¹²⁴ Ibid. P. 147.1—2; 143.3.

¹²⁵ Ibid. P. 147.16—148.3.

¹²⁶ Ibid. P. 142.2—143.1; 143.3—4; 144.7, 145.1.3—4.7—8.

¹²⁷ Ibid. P. 147.11—12; 148.2—3, 6.9.

¹²⁸ Ibid. P. 143.23—149.1.9.13—4.

скараники), которые облачали деспота в фиолетовый или алый каввадий, расшитый жемчугом, и двухцветную обувь. Перед началом инвеституры василевс в парадном одеянии, со стеммой на голове выходил из своей комнаты и при уже раскрытом занавесе направлялся к своему трону. После обязательной для парадных ситуаций полихронии в адрес восседающего на троне императора архонты подводили деспота к трону. Василевс, встав, обращался к деспоту со словами: «Мое величество приветствует тебя, деспот»¹²⁹. Далее снова звучали слова пожелания долгой жизни. После приветствия деспот целовал, склонившись, ногу василевса. Как только он вставал, император надевал на голову посвящаемого венец (*ὁ στέφανος*), украшенный драгоценными камнями и жемчугом. Венец имел четыре небольшие арки (впереди, сзади и по бокам), если возводимый в должность был сыном императора. Если же это был зять, то в венце была только одна арка (впереди), и он назывался стемматогирием (*τὸ στέμματογύριον*)¹³⁰. После возложения венца снова звучала полихрония, занавес закрывался. Император возвращался в свою комнату, а деспот, сопровождаемый всеми архонтами, верхом на коне направлялся в свой дом.

Церемония возведения в сан севастократора и кесаря¹³¹ была сходна с ритуалом инвеституры деспота. Их венцом был также стемматогирий¹³² с одной аркой, как у зятя василевса. Псевдо-Кодин приводит конкретную ситуацию возведения

¹²⁹ Ps.-Kod. P. 274.2. Псевдо-Кодин замечает, что василевс назначал на любую, даже самую незначительную, должность стоя, что свидетельствует о значимости императорской службы (P. 274.28—275.2).

¹³⁰ Слово «стемматогирий» является соединением двух слов: *στέμμα* (венец василевса) и *γύρος* (круг, окружность) — см.: Ps.-Kod. P. 275. Not. 1.

¹³¹ Поскольку в X в. титул кесаря предназначался для сына василевса и соответствовал первой ступени придворной иерархии, процедуре возведения кесаря в сан был посвящен отдельный раздел (см.: De cerim. I. 43. P. 218—220).

¹³² Стемматогирий севастократора Константина Палеолога (брата Михаила VIII Палеолога) можно видеть на миниатюре из Lincoln College Typicon Ms. Gr. 35 (Bodleian Library, Оксфорд) — см.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 102, 151. Fig. 52.

в сан севастократора шуринов императора Иоанна VI Кантакузина — Иоанна и Мануила Асанов¹³³, когда им было разрешено носить венцы с одной дугой, украшенной голубыми камнями и жемчугом¹³⁴.

При всем сходстве церемонии возведения в сан деспота, севастократора и кесаря, ритуал инвеституры деспота, однако, выделен в отдельную главу и описан более детально, что также свидетельствует о некоторых оттенках градуирования статусов внутри элиты придворного общества.

Придворная элита, будучи представлена знатными людьми, находившимися в большей или меньшей степени родства с императорской семьей и близости к ней, имела сходные функции и привилегии при дворе. Главной церемониальной функцией элиты, одновременно являвшейся и привилегией, было участие в обряде коронования василевса на этапе поднятия его на щите. Различия же в статусе представителей элиты были подчеркнуты наиболее точным индикатором значимости человека в придворном мире — деталями его одежды, являвшейся определенным социальным кодом¹³⁵. Просопографический материал позволяет подтвердить репрезентативную точность этого «опознавательного знака»: несомненно, первенство в придворной элите отдавалось деспоту.

Чиновная лестница

Иерархию чинов, на долю которых выпадали значительные ролевые функции как исполнителей, так и статистов придворного церемониала, следует рассматривать в ракурсе определения их значимости, зафиксированной в «Трактате

¹³³ PLP. № 1499, 1506.

¹³⁴ Ps.-Kod. P. 276.

¹³⁵ *Dress codes* — так называется один из разделов книги Й. Бумке, посвященной культуре средневековых европейских монарших дворов (см.: Bumke J. *Courtly Culture: Literature and Society in the High Middle Ages*. N. Y. ; L., 2000. P. 128—199).

о должностях». Вся чиновная лестница представлена Псевдо-Кодином 80 ступенями¹³⁶. Проведем классификацию византийских придворных архонтов, основываясь преимущественно на их участии в церемониальном действии, избегая по возможности выделения классификационных ступеней, как это принято (не без влияния Псевдо-Кодина), на основании различий их парадного костюма.

Так, Э. Пильтц, посвятившая свое исследование официальному костюму придворной знати эпохи Палеологов, делит всю иерархию архонтов на три класса: первый — от деспота до логофета войск (1—49)¹³⁷, второй — от великого диерминевта до протокомиса (50—75) и, наконец, третий класс — от друнгария до папии (76—80)¹³⁸. В другом фрагменте текста книги Э. Пильтц опускает нижнюю границу второго класса до конца иерархической лестницы¹³⁹. Наряду с этим исследовательница допускает мысль о возможности выделить два класса и один субкласс¹⁴⁰. В ключе исследуемой темы Э. Пильтц связывает свою классификацию с отличительными признаками костюма и инсигний каждой группы.

Однако описанная Псевдо-Кодином иерархия костюмов и инсигний не всегда согласуется с иерархией должностей. Так, паниперсеваст (5), входивший в элиту архонтов, не носил соответствующего этой группе головного убора — скиадия. Характерные для первой группы архонтов скараники с изображением императора не носили паниперсеваст (5), протасикрит (28), мистик (30), эпи тон деисеон (44).

Если же ориентироваться при классификации на такую инсигнию, как диканикий, то и здесь можно видеть нарушение

¹³⁶ Guillard R. *Recherches...* Vol. 2 : Troisième partie. P. 233—288.

¹³⁷ В скобках здесь и далее указываются порядковые номера называемого чина в общей иерархии чинов, представленной Псевдо-Кодином (полный список архонтов см. в прил. 2).

¹³⁸ См.: Piltz E. *Le costume officiel des dignitaires byzantins...* P. 92—93.

¹³⁹ Ibid. P. 59.

¹⁴⁰ Ibid. P. 60.

«границы» использования в оформлении золотого и серебряного жезлов, которые были характерны для диканикиев чинов с нижней их границей — до великого этериарха (25). Так, позолоченным был диканикий эпи тон анамнисеон (58); великий миртит (74) имел серебряный жезл с орнаментом из золота и серебра; у доместика схол (31) и великого аднумиаста (46) диканикий был серебряным¹⁴¹.

Как уже отмечалось, Псевдо-Кодином все титулы (*ἀξιώματα*) и должности (*ὀφφίκοι*) представлены единым списком, без членения на разряды. На основании церемониальных функций представителей первых трех ступеней выделим в придворную элиту¹⁴². Грань между элитой и чиновниками последующих высших ступеней не очень четка. В X—XI вв. эта грань тоже была хрупкой, но все-таки более определенной: высшие 12 ступеней были представлены титулованной знатью¹⁴³.

Следующие вслед за элитой остальные чины, по Псевдо-Кодину, делятся на два разряда, или класса. Тот класс архонтов, которому была предоставлена честь первым поздравить императора и, в свою очередь, быть им поздравленными на церемонии презентации в честь Рождества Христова, назван Псевдо-Кодином «первым разрядом архонтов» (*ἡ πρώτη τάξις τῶν ἀρχόντων*)¹⁴⁴. Автор трактата отмечает, что возглавляет его великий доместик¹⁴⁵. Архонты первого разряда входят на церемонию не одновременно, а четырьмя группами. Последуем за Псевдо-Кодином и разобьем первый разряд архонтов на четыре группы, соответственно последовательности их появления на церемонии. Итак, это следующие четыре

¹⁴¹ См.: Поляковская М. А. Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV—XV вв. Центр и периферия: тез. докл. XV Всерос. науч. сессии византинистов. Барнаул, 1998.

¹⁴² См. подраздел «Придворная элита».

¹⁴³ См.: Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884. С. 149—163.

¹⁴⁴ Ps.-Kod. P. 210.14—15.

¹⁴⁵ Ibid.

группы: I — от великого доместика (4) до великого стратопедарха (10); II — от великого примикирия (11) до паракимомена покоев (17); III — от логофета геникона (18) до великого друнгария флота (32); IV — от примикирия двора (33) до логофета тон агелон (49).

Чиновники рангом ниже 49-й ступеньки иерархической лестницы не разделены автором трактата на какие-либо группы. В этот разряд входили архонты от великого диерминевта (50) до конца списка. При описании Псевдо-Кодином их инсигний, участия в церемониальных действиях и их должностных функций (чаще — их отсутствия) чувствуется снижение «веса», а также большая «периферийность» последних представителей иерархической чиновной лестницы от ступени к ступени, особенно к концу списка.

Вероятнее всего, все четыре группы первого разряда (по нашей классификации) также представляли сановников, хотя и меньшей значимости, чем высший разряд. Весомость чина определялась последовательностью групп внутри разряда. Что же касается архонтов второго разряда, судя хотя бы по просопографическому материалу, они не были высокими сановниками. Внутри разряда значимость того или иного чина определялась уровнем занимаемой им ступени в иерархической лестнице.

Обратимся к первой из четырех групп первого разряда чиновников. Она представлена в обряднике семью ступенями архонтов. Все они имели такое добавление к должности, как «великий» либо приставку «пан-»/«прото-»: великий доместик¹⁴⁶, паниперсеваст, великий дука¹⁴⁷, протостратор¹⁴⁸, великий логофет и великий стратопедарх¹⁴⁹.

¹⁴⁶ Guillard R. Recherches... Vol. 1. P. 405—425.

¹⁴⁷ Ibid. P. 547—551.

¹⁴⁸ Ibid. P. 483—490.

¹⁴⁹ Ibid. P. 502—513.

Если оценивать принадлежность к группе по родovitости ее представителей, то можно заметить, что грань между элитой и ними четко не выражена.

В первой группе среди прочих мы видим родственников правящей династии. Правда, это не сыновья василевса, как в группе деспотов, а представители более скромных родственных связей. Среди них можно назвать брата Михаила VIII Палеолога великого доместика Иоанна Комнина Дуку Ангела Палеолога¹⁵⁰, племянника Михаила VIII протовестиария Михаила Палеолога Тарханиота¹⁵¹, зятя Андроника II великого доместика Феодора Ангела Комнина¹⁵², племянника Андроника II великого дуку Палеолога Филантропина Комнина Сиргианниса (находившегося в родственной близости и с Иоанном Кантакузином)¹⁵³. В самом обряднике также отмечена возможность родственных связей с василевсом в первой группе архонтов. Так, в четвертой главе трактата содержится такой фрагмент: великий доместик «обращается к племяннику императора, паниперсевасту...»¹⁵⁴.

По наличию родственных связей с императором великого доместика, паниперсеваста и протовестиария можно причислить к верхушке первого класса. Родственники императора, обладатели названных чинов, довольно быстро проходили по ступеням должностной карьеры. Так, великий доместик Иоанн Комнин Дука Ангел Палеолог войдет позднее в придворную элиту, став деспотом: статус брата императора позволял ему это. Михаил Палеолог Тарханиот, прежде чем стать великим доместиком (4), прошел должностной путь от протосеваста (13) до великого примикирия (11) и затем до протонотария (6), чтобы стать великим доместиком.

¹⁵⁰PLP. № 21487.

¹⁵¹Ibid. № 27505.

¹⁵²Ibid. № 12102.

¹⁵³Ibid. № 27167.

¹⁵⁴Ps.-Kod. P. 215.9—15.

Помимо родственников императора, в состав первой группы первого разряда входили представители родовитых фамилий — Ангелов, Асанов, Дук, Комнинов, Кантакузинов, Палеологов, Раулей, Тарханиотов. В качестве примера можно назвать великих доместиков Андроника Палеолога Кантакузина¹⁵⁵, Иоанна Ангела Комнина Палеолога Кантакузина¹⁵⁶, Дмитрия Палеолога¹⁵⁷, Алексея Рауля¹⁵⁸, паниперсеваста Исаака Палеолога Асана¹⁵⁹, Иоанна Палеолога¹⁶⁰, протовестиариев Иоанна Комнина Дуку Ангела Петролифа Рауля¹⁶¹, Феодора Дуку Палеолога Комнина Синадина¹⁶² и других. Заметим, что высокая знать была представлена в большей степени на первых трех ступенях (из семи) должностной лестницы в пределах первой группы первого разряда.

Некоторое значение для получения высокой должности имела дружба с представителями политических верхов или поддержка, оказанная тому или другому представителю власти во время политического конфликта в стране. Так, Стефан Хрелис¹⁶³ во время распри между Андроником II Палеологом и его внуком, будущим императором Андроником III, поддержал последнего и получил должность великого доместика, а затем даже вошел в придворную элиту, став кесарем. Лев Калофет¹⁶⁴, бывший другом Иоанна Кантакузина, получил почетную должность — сначала протосеваста (13), а затем паниперсеваста (5).

¹⁵⁵PLP. № 10957.

¹⁵⁶Ibid. № 10973. Позднее это император Иоанн VI Кантакузин.

¹⁵⁷Ibid. № 21455.

¹⁵⁸Ibid. № 24109.

¹⁵⁹Ibid. № 1494.

¹⁶⁰Ibid. № 21479.

¹⁶¹Ibid. № 24125.

¹⁶²Ibid. № 27120.

¹⁶³Ibid. № 30989.

¹⁶⁴Ibid. № 10617.

Архонтами первой группы довольно часто становились правители различных областей империи или дружественных с ней территорий. Зачастую эти должности носили почетный характер, не связанный с выполнением каких-либо должностных функций. К примеру, чин великого доместика имел правитель Ахейи¹⁶⁵, паниперсевастами были правители Эпира, Хиоса, Фессалии, Фессалоники¹⁶⁶. Среди протовестиариев можно назвать правителей Янины, Лариссы, Эпира, Фракии¹⁶⁷.

Великие логофеты нередко выходили из ученой среды. Так, Константин Акрополит¹⁶⁸, сын известного писателя Георгия Акрополита, имел, как и его отец, должность великого логофета. Феодор Метохит¹⁶⁹, писатель и учитель известного ученого Никифора Григоры, через многие должностные ступени поднялся до должности великого логофета. Его сын Никифор Ласкарис Метохит¹⁷⁰ также стал великим логофетом. Накануне падения империи должность великого логофета занимал известный писатель Георгий Сфрандзи¹⁷¹.

Должностные обязанности представителей архонтов первой группы были связаны преимущественно с высшими военными и административными функциями.

Великий доместик¹⁷² был главой сухопутной армии. Его резиденция находилась в столице. В период военных действий именно по его приказу трубачи подавали сигнал к началу военных действий (даже если император в это время находился на месте дислокации войск). В обязанности великого доместика входило проведение смотров войска, а также руководство ма-

¹⁶⁵ PLP. № 4359.

¹⁶⁶ Ibid. № 10617, 222, 13184, 21479.

¹⁶⁷ Ibid. № 1723, 19836, 21206, 27120.

¹⁶⁸ Ibid. № 518, 520.

¹⁶⁹ Ibid. № 17982. Чин великого логофета был специально создан императором Андроником II Палеологом для Феодора Метохита.

¹⁷⁰ Ibid. № 17986.

¹⁷¹ Ibid. № 27278.

¹⁷² Ibid. P. 151.11—152.18; 248—251; см.: Guiland R. Recherches... V. 1. P. 405—425.

неврами. Он имел почетное право поднимать свою орифламму раньше, чем будет поднято императорское знамя. Во время боя именно великий доместик осуществлял верховное командование. После военной операции он получал свою часть военной добычи сразу после императора. В службе великого доместика Псевдо-Кодином названы эпи ту страту (29), великий друнгарий стражи (24), великий аднумиаст (46).

Во главе военного флота империи стоял великий дука¹⁷³. Именно на его галере находилось императорское знамя. В ведении великого дуки находились великий друнгарий флота (32), амिरалий (43), протокомит (75), друнгарий (76).

Протостратор был главой императорской конюшни, и в этом качестве он принимал участие и в военных кампаниях¹⁷⁴. Великий стратопедарх был главным интендантом византийской армии¹⁷⁵. Таким образом, в состав первой группы первого разряда входили представители высшего командования империи.

Представитель высшей административной должности — великий логофет¹⁷⁶ — был ответствен за императорскую документацию и внешнеполитическую переписку.

Должность протовестиария, ответственного за гардероб василевса, была традиционно очень важна для императорского двора (хотя названия должности в ранний период империи были различными, меняясь век от века). Протовестиарии в силу характера должности обычно были довольно близки василевсу.

Что же касается паниперсеваста, то он, как и все другие севасты — севастократоры, протосевасты и просто севасты, был со времен Комнинов носителем почетной должности, не связанной с выполнением каких-либо обязанностей.

Чиновная иерархия была представлена и службами по содержанию дворцовых помещений. Паракимомен покоев (17)

¹⁷³ Ps.-Kod. P. 153.11—154.7.

¹⁷⁴ Ibid. P. 168.1—27.

¹⁷⁵ Ibid. P. 174.10—13.

¹⁷⁶ Ibid. P. 174.1—9.

возглавлял штат слуг. Великий друнгариий стражи (24) обеспечивал охрану дворца, в том числе как дневной, так и ночной караул¹⁷⁷. Общая забота о дворцах была в ведении прокафимена Большого дворца (69) и прокафимена Влахернского дворца (70). За общую службу дворцов отвечал примикирий двора (33).

Должности второго разряда были более скромными. В этом должностном пространстве не встречаются чины с добавлением категории «великий»¹⁷⁸. Эти архонты не имели обычно богатой родословной.

Предположительное отнесение нами того или иного чина к определенному ведомству является весьма условным, т. к. нет уверенности, что все перечисленные архонты реально выполняли конкретные должностные обязанности. Не случайно Псевдо-Кодин неоднократно замечал, что тот или иной чин, ранее имевший определенную службу, в XIV в. ее уже утратил. Из 80 чинов у 27 либо не было службы, либо она неизвестна (5, 13, 15, 18, 22, 23, 27, 31, 34—36, 38—40, 45, 47, 49, 52, 56, 58, 63, 71—74, 77—78). Чем ниже ступень в иерархической лестнице, тем чаще она не связывается с какой-либо службой.

Рассмотрев вопрос о должностных обязанностях архонтов, обратимся к их месту в организации церемониальных «спектаклей». Поскольку основной функцией архонтов была презентация императорской власти, назовем ключевые фигуры в пространстве поздневизантийского церемониала.

Распорядителем церемониала был великий примикирий (11). В его службе находились примикирий двора (33), великий заусий (37), проталлагатор (55).

Заметную роль в церемониальной жизни двора играл протовестиарий, в ведении которого находился императорский гардероб. Поскольку церемониал тесно связан с ритуалом костюма и переодеваний василевса в ходе продолжительных

¹⁷⁷ Ps.-Kod. P. 249.11—250.12.

¹⁷⁸ За исключением чина великого диерминевта, переводчика, толкователя текстов (50), и великого диикита, не имевшего службы (52).

«театрализованных» действий, понятно, что протовестиарий курировал одну из важнейших сфер обеспечения дворцовых праздников. В службе протовестиария находился вестиариу (62), обеспечивавший ритуалы смены одежды во время выходов из дворца, поездок и походов.

Под началом протовестиария находился и прокафимен опочивальни (60). Как в любом монархическом государстве, быть спальником правителя считалось весьма почетным¹⁷⁹. Хотя сама ступень в должностной иерархии не была высокой, однако статус архонта, присутствовавшего в «святая святых» — спальне василевса — был престижным.

Важной составляющей придворного церемониала были парадные обеды. Здесь доминирующими фигурами были пинкернвиночерпий (14) и доместик трапезы (20), прислуживавший императору за столом, а также ранжировавший гостей по их достоинству на парадных обедах. Доместику помогал в ходе императорских обедов эпи тис трапезис (21).

Как при всех монарших дворах Европы и Востока, в Византии одним из излюбленных видов отдыха, носивших церемониальный характер, были псовая и соколиная охота. Ответственным за службу по организации императорской охоты был протокиниг (41). Почетной обязанностью протокинига был ритуал подачи императору стремени перед началом охоты. Если во время охоты на императорской одежде появлялись пятна крови, протокиниг получал эту одежду в дар от василевса¹⁸⁰. Под началом протокинига находились стрелки-скулломанги¹⁸¹. На соколиной охоте главой лучников-сокольников являлся протоеракарий (48)¹⁸².

Значительной в рамках церемониала была служба конных выездов императора, которой заведовал протостратор (18).

¹⁷⁹ См.: Элиас Н. Придворное общество : исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 108—109.

¹⁸⁰ Ps.-Kod. P. 183.6—10.

¹⁸¹ Ibid. P. 183.5—6.

¹⁸² Ibid. P. 184.10—11.

Некоторые церемониальные действия вменялись в обязанность отдельных чинов, не имевших для этого штата. Так, провозвестиярхит (19) должен был доводить до сведения императора поступавшие сообщения; skuterij (42) носил оружие императора.

В целом, вся эта 80-ступенчатая лестница архонтов с их большими или меньшими функциями (или без оных) составляла основу всех церемониальных «спектаклей»: здесь были и «главные герои», и лица «на вторых ролях», и «массовка». Архонты второго разряда в основном играли роль «статистов», к тому же не всегда принимали участие в самых торжественных актах. Зачастую они представляли такую категорию, как «народ», если это требовалось по церемониальной ситуации.

Участие архонтов в церемониальных ритуалах имело вид костюмированного действия. Костюм архонта — головной убор, платье, обувь, инсигнии — был неким «опознавательным знаком», позволяющим сразу определить значимость обладателя костюма (а следовательно, и должности) в социальном мире двора. Не случайно Псевдо-Кодин посвятил описанию костюмов специальную (вторую) главу своего трактата.

В семантике костюма были заложены в качестве неких индикаторов, позволяющих определить значимость чиновника, не только фасон костюма, но также и цвет, характер отделки, наличие украшений.

Пожалуй, лидирующее значение среди всех деталей-индикаторов имел головной убор. Псевдо-Кодин, выделяя первый разряд архонтов, называет в качестве отличительной детали их костюма декор головных уборов — скиадия и скараника.

Возьмем выборочно, без какого-либо системного принципа, описания Псевдо-Кодином пяти архонтов различных ступеней чиновной лестницы.

Скиадий великого доместика (4) был алым или золотым с вышивкой и алыми или золотыми подвесками. Его скараник — алый или золотой, вышитый золотыми нитями с изображением императора в короне и с обведенными кругом из

жемчуга (περικυκλωμένους διὰ μαργάρων) ангелами слева и справа¹⁸³.

Скиадий великого примикирия (10) был вышит золотыми нитями, скараник же — абрикосового цвета, тоже вышитый золотом. Спереди на скаранике — портрет стоящего императора, выполненный из цветного стекла (ὑπὸ ὑελίου λεγομένου διαγελάστου), а сзади того же качества изображение сидящего на троне императора¹⁸⁴.

Логофет геникона (18) носил скиадий из белого шелка с галунами. Его скараник из золотого и белого шелка вышит золотыми нитями, впереди и сзади — изображения императора из цветного стекла¹⁸⁵.

Скиадий великого друнгария стражи (24) был украшен вышивкой (цвет и детали вышивки автором не указаны). Скараник этого архонта из желтого и зеленого шелка с вышивкой или золотыми нитями был украшен впереди портретом интронизированного императора, сзади — изображением императора на коне¹⁸⁶.

И, наконец, протоасикрит (28) носил скиадий из двухцветного шелка, фиолетового и белого, с широким галуном, вышитым золотыми нитями; головной убор имел сверху галун в форме трилистника (τύπον τριφύλλου)¹⁸⁷. Скараника у него не было.

В целом, архонты первого разряда, за небольшим исключением, имели два головных убора — скиадий и скараник. Скараник всегда был украшен спереди и сзади портретами императора в различных иконографических вариантах. Чем выше была ступень должности, тем больше было золотого и красного цвета и украшений из жемчуга.

Отклонения от стереотипа головного убора для архонтов первого разряда тоже несли информацию о социальном месте

¹⁸³ Ps.-Kod. P. 151.11—14; 152.1—9.

¹⁸⁴ Ibid. P. 155.1—2; 8—13.

¹⁸⁵ Ibid. P. 156.20—25; 157.1—3.

¹⁸⁶ Ibid. P. 156.11—20.

¹⁸⁷ Ibid. P. 159.17—160.6.

чиновника в иерархии. Так, жемчужные подвески у великого доместика, открывавшего список чинов первого разряда, приближали его к придворной элите. Паниперсеваст (5) был единственным из архонтов, не имевшим головного убора. Надо полагать, что в этом также был свой знак отличия. Логофет дрома (27), протоасикрит (28), логофет частных имуществ (39), великий логариастис (40), эпи ту деисеон (44) и логофет стратиотику (47) вместо скараника носили тюрбан-факеолиду.

Скиадей или скараник соответствовали такому виду одежды, как каввадий, тюрбан соответствовал эпилурику. Архонты первого разряда до 24-й ступени могли носить по желанию либо каввадий, либо эпилурик. Ниже этой ступени архонты должны были носить только каввадий. Кроме того, паниперсеваст и протовестиарий, будучи элитой, носили и такую одежду, как тампарий¹⁸⁸.

В обряднике, столь детально описывающем головные уборы, различные виды платья лишь называются без уточнения их цвета и декора. В качестве редкого исключения можно упомянуть, что каввадий великого доместика был двухцветным. Великий дука мог сам выбрать шелк для каввадия, лишь бы он был одноцветным. Тампарий паниперсеваста был желтым с галунами, протовестиария — зеленый с галунами¹⁸⁹.

В обряднике также прописываются некоторые особенности в дополнениях к костюму. Так, протоиеракарий, ответственный за императорскую охоту, носил за поясом как отличительный знак левую перчатку, имеющую вышитый по краю галун и фиолетовых орлов¹⁹⁰. Скараник великого диерминевта (50) имел маленький алый хохолок наверху¹⁹¹. Подобные детали позволяли различать костюмы, особенно начиная со второго разряда, когда появляется явное единообразие. Формула «скиадей, каввадий и скараник, как у такого-то» часто повторяется. Ска-

¹⁸⁸ Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 103. Fig. 63.

¹⁸⁹ Ps.-Kod. P. 152.11—13; 153.1—2, 9—10.

¹⁹⁰ Ibid. P. 162.25—30.

¹⁹¹ Ibid. P. 163.9—10.

раники у архонтов второго разряда были красными. Некоторая бедность оттенков ткани и декора по сравнению с X—XII вв. компенсировалась обилием красного, золотого и белого цветов, создающих иллюзию роскоши и великолепия¹⁹².

Что касается обуви, то Псевдо-Кодин, помимо сообщений по этому поводу для придворной элиты, дает информацию только для двух высших чинов первого разряда. Обувь паниперсеваста была желтой, равно как его тампарий и седло коня¹⁹³. Зеленными были обувь, тампарий и седло коня у протовестиария¹⁹⁴. Заметим, что строгие правила иногда нарушались, особенно дамами, супругами или фаворитками знатных лиц. Историк Никифор Григора написал, как фаворитка Иоанна Ватаца не только носила красную обувь, но даже попона и поводья ее коня были пурпурными, как у василиссы¹⁹⁵.

Главной инсигнией архонтов поздневизантийского двора был жезл-диканикий, являвшийся символом власти каждой из 80 ступеней иерархии. Диканикий мог быть позолоченным, серебряным с искусными украшениями. Завершающие лестницу чины имели по преимуществу жезлы из дерева, без узлов и иного декора.

Не вызывает сомнения, что все 80 ступеней иерархической чиновной лестницы, представленной Псевдо-Кодином, невзирая на перечисленные автором трактата для некоторых из них определенные службы, были византийской придворной синекурой, в основном занятой в непрерывных (часто длительных по времени и, надо полагать, утомительных) приемах, выходах и празднествах.

Кроме общих функций репрезентации власти, многие имели еще и персональные церемониальные обязанности. Самым низшим чином из имевших индивидуальные функции

¹⁹² Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 229—230.

¹⁹³ Ps.-Kod. P. 152.22—23.

¹⁹⁴ Ibid. P. 153.5—10.

¹⁹⁵ Greg. II.7 — I, 45.

в церемониале был skutерий (42), носивший оружие и щит императора во время церемонии приема. Особые же церемониальные функции, помимо представителей придворного ведомства, падали на представителей первой группы первого разряда, прежде всего на великого доместика (4), бывшего главной фигурой после императора и представителей высшего разряда на приемах. Он был фактически ведущим дирижером церемониального спектакля.

Чиновная лестница XIV в. отражает традиции византийского центрального управления, когда наименования отдельных чинов сохранялись при утрате их реальной значимости. Менялись век от века иерархия отдельных титулов и деление чинов на разряды по их весомости. Но традиционный (в значительной степени) церемониал был тем соединительным стержнем, на котором держалась веками, претерпевая некоторые изменения, вся структура центрального (и частично областного) управления.

Бросив взгляд на чиновную лестницу эпохи Палеологов, мы видим, что по крайней мере пять верхних ступеней были заняты родственниками и свояками императора — сыновьями, братьями, зятьями, а также очень близкими ему людьми. Всех тех, кто находился на самом вершине иерархической лестницы, условно можно назвать семьей. Именно «семья» олицетворяла высшее управление страной.

В целом, всю чиновную иерархию можно определить, как замкнутую корпорацию, причем сильно иерархизованную¹⁹⁶. В акорпорированном византийском обществе эта корпорация была самодостаточной структурой, жившей своей, оторванной от остального общества, наполненной жизнью. Ощущая себя членами сообщества, участники традиционного ритуала прославления императора и императорской власти полагали, что именно их деятельность несет стране стабильность и благополучие.

¹⁹⁶ Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 207.

Патриарх и иереи в императорском дворе

Иереи, формально не являясь придворными в светском смысле этого слова, были постоянными участниками как праздничной, так и повседневной жизни императорского двора. В силу этого представителей духовенства можно считать частью его социального мира.

Нередко в зале императорского дворца проходили церковные службы. Так, в рождественский праздник в центре триклиния устанавливался иконостас с иконой Рождества и с Евангелием на аналое. В этот день прием светских лиц проходил одновременно с церковной службой, которую совершал церковный клир¹⁹⁷. С участием иереев отмечались во дворце и другие религиозные праздники. Согласно протоколу, «патриарх... с архиереями, церковными архонтами, архимандритами и игуменами» в определенные дни направлялся εἰς τὸ παλάτιον¹⁹⁸.

Представители духовенства по сути дела ежедневно появлялись во дворце. Василевс начинал любой будний день с молитвы в придворцовом храме. Его трапеза не обходилась без освящения императорского стола. Первого числа каждого месяца свершалось освящение дворца (ἀγιασμός)¹⁹⁹. Это и многое другое объясняет необходимость постоянного присутствия иереев в жизни двора.

Хотя Псевдо-Кодин не пишет о монахах и их месте в придворной жизни, можно вспомнить свидетельства писателя и месадзона²⁰⁰ Димитрия Кидониса, который написал о дворе Иоанна V Палеолога, поощрительно относившегося к исихазму, что там постоянно появляются исихастующих бородастые монахи, что вызывало у пролатински настроенного Кидо-

¹⁹⁷ Ps.-Kod. P. 189—190.

¹⁹⁸ Ibid. P. 238.7—11.

¹⁹⁹ Ibid. P. 240.5—241.28.

²⁰⁰ Должность «месадзон» понимается в современной историографии как «премьер-министр».

ниса явное неприятие²⁰¹. Позднее император Мануил II Палеолог, описывая в письме Димитрию Хрисолоре ситуацию при дворе, отметит, что в постоянной толпе просителей в стенах дворца немало и монахов²⁰².

Одним из значительных событий дворцовой жизни, связанных с присутствием во дворце большого числа иереев, было избрание нового патриарха²⁰³. Его возведение (ή πρόβλησις)²⁰⁴ проходило в том же главном триклинии²⁰⁵ императорского дворца, что и инвеститура светской элиты — деспота, севастократора и кесаря. Процедура возведения патриарха составляет содержание специальной (десятой) главы сочинения Псевдо-Кодина²⁰⁶.

Возведению предшествовало выдвижение — от имени собравшихся для этого двенадцати (не менее) архиереев — трех кандидатов в патриархи, «которых им Господь внушил» (οὓς ἄν ὁ θεὸς χορηγήσῃ εἰς τὴν γνῶσιν αὐτῶν)²⁰⁷. Список из имен трех достойных претендентов представлялся императору²⁰⁸.

²⁰¹ См.: Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов... С. 48.

²⁰² См.: The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. T. Dennis. Washington, 1977. № 44. 24—26.

²⁰³ Процедура избрания патриарха традиционно определялась церковными канонами и имперскими законами (см. об этом: Скаланич Н. Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884. С. 365—366. Примеч. 3; Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 223—224; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 61—62, 70; Мейендорф И. Византийское наследие в Православной церкви. Киев, 2007. С. 24—25).

²⁰⁴ Придворный обряд возведения И. И. Соколов называет пятым актом (из восьми) избирательного процесса патриарха (см.: Соколов И. И. Избрание патриархов с половины IX до половины XV века (843—1453): ист. очерк. СПб., 1907; переизд.: Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении... С. 175—190).

²⁰⁵ По обряднику Константина Багрянородного, церемония совершалась в Магнавре, где собирались светские и церковные архонты (De cerim. I. P. 565).

²⁰⁶ Ps.-Kod. P. 277—283; см.: De cerim. II, 14.

²⁰⁷ Ps.-Kod. P. 277.13—14.

²⁰⁸ См.: Соколов И. И. Избрание патриархов... С. 55—219.

Именно ему принадлежало право из трех кандидатов избрать одного — «на кого укажет Бог» (ὃν ἄν ὁ θεὸς ἐμβρατεύσῃ εἰς τὴν γνῶσιν αὐτοῦ)²⁰⁹. Архонты церкви должны были донести решение церковников и василевса до избранника. Если он не выражал своего согласия быть патриархом, они отправлялись ко второму из кандидатов, а в случае его отказа — к третьему. Если же и третий не давал своего согласия, процедура избрания трех кандидатов начиналась снова²¹⁰.

После завершения всей процедуры и получения согласия одного из выдвинутых лиц следовал ритуал возведения его в патриархи²¹¹. Эта церемония носила не церковный, а светский характер. Она была выражением согласия императора с выбором церкви. В начале триклиния устанавливалась анавафра, деревянный помост, покрытый алым шелком. Триклиний делили занавесями на три части. Император в торжественном одеянии занимал место на троне, когда архонты — со всеми своими знаками отличия — уже находились за занавесями. В третьей части триклиния стоял голубой трон, покрытый золотым шелком. Кандидат в патриархи занимал там место, сидя лицом в сторону трона императора. Когда занавеси раздвигали, император и кандидат в патриархи вставали, а все присутствующие произносили полихроний²¹².

Затем один из представителей придворной элиты — деспот, севастократор или кесарь — вел кандидата за руки к анавафре. Там, за занавеской, находился патриарший жезл-диканикий. Один из благородных архонтов передавал его императору. Далее следовало произнесение императором («громким голосом»)

²⁰⁹ Ps.-Kod. P. 277.19—20.

²¹⁰ Ibid. P. 277.21—278. 13. О протоколе избрания патриарха см.: Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях... Гл. 157—203. С. 245—300.

²¹¹ Протокол интронизации патриарха не менялся со времени патриарха Феофилакта (933—956) — см.: Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen... S. 187 ff.; Dölger F. Besprechung von Ostrogorsky und Stein Krönungsordnung // BZ. 1936. Bd. 36. Anm. 4.

²¹² Ps.-Kod. P. 278.14—279.9.

формулы возведения патриарха: «Святая Троица, даровавшая нам императорскую власть, благословляет тебя (быть) архиепископом Константинополя, нового Рима, и патриархом ойкумены» (ἡ ἁγία Τριὰς ἡ τὴν βασιλείαν δωροῦσα ἡμῖν προβάλλεται σε ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως, νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸν πατριάρχην)²¹³.

Патриарх, поднявшись на анавафру, получал диканикий из рук императора. По Симеону Фессалоникийскому, в этот момент василевс целовал руку патриарха: царь, «вручив избранному священный жезл собственной рукою, приближается к нему и преклоняет главу, обнажая ее по обычаю, принимает благословение и целует руку избранного»²¹⁴. Далее в адрес занявших места на своих тронах василевса и патриарха звучала эвфимия.

Во время процедуры возведения патриарха все присутствующие — и светские, и церковные архонты — блистали парадными одеяниями. К сожалению, колористический фон в этой главе обрядника (в отличие от других сюжетов) не выписан Псевдо-Кодином в деталях. Назван лишь алый шелк анавафры и покрытый золотым шелком голубой трон патриарха. Поскольку Псевдо-Кодин не привел описания одеяний иереев, обратимся к сочинению Симеона Фессалоникийского «Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных». По Симеону, у иерея семь одежд — по числу семи действий Духа: это стихарь (длинная прямая одежда с широкими рукавами), фелонь (одежда без рукавов, с отверстием для головы), епитрахиль (широкая, сшитая впереди лента, одеваемая на шею), эпигонаций (набедренник), омофор большой или малый (широкая наплечная лента), а также пояс и поручи²¹⁵. Каждой из деталей одежды Симеон Фессалоникийский дает символическую интерпретацию. Белый стихарь знаменует свет и чистоту

²¹³ Ps.-Kod. P. 280.2—7.

²¹⁴ Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях... Гл. 193. С. 286. В тексте Псевдо-Кодина этого сюжета нет.

²¹⁵ Там же. Гл. 47. С. 96; см. также: A Technical History of Costume. L., 1947. Vol. 2. P. 164—176.

Божию, красный — страдания Христа. Епитрахиль означает данную свыше благодать, эпигонаций — победу над смертью и Воскресение Спасителя. Омофор, знаменующий Спасение, обрывает, пересекаясь сзади и на груди, четыре креста, напоминающие распятие²¹⁶.

После величальных возгласов, завершающих процедуру возведения патриарха, при закрытых занавесах император покидал триклиний, удалившись в свои покои, а патриарх на коне, покрытом белой попоной, направлялся в храм Св. Софии в сопровождении архонтов с их инсигниями.

В храме патриарха приветствовали архиереи и архонты церкви. Затем происходило рукоположение (χειροτονία) нового патриарха, на котором присутствовал и император²¹⁷. Хиротония совершалась патриархом Ираклеи (Гераклеи). В отличие от других архиереев, которые рукополагались двойной печатью (малой и большой), патриарх посвящался только большой, т. к. вместо малой печати (ἀντὶ τῆς μικρᾶς... σφραγίδος) проводилось императорское посвящение²¹⁸.

Затем патриарх проводил хиротонию архиереев (после их избрания). Все избранные и посвященные в течение последующих нескольких дней представляли перед василевсом с проскинизой и молитвой за него и всех подданных. Архимандриты, протосинкеллы и игумены наиболее значительных монастырей также проходили через печать патриарха (τὴν σφραγίδα παρὰ τοῦ πατριάρχου)²¹⁹ и затем склоняли в поклоне перед василевсом колени и получали жезл-диканикий из его рук.

Акт возведения и избрания патриарха обращает нас к вопросу о соотношении роли императора и патриарха. Архиепископ Фессалоникийский Симеон дал по этому поводу пространственный комментарий, опровергая утверждение, «будто Царь поставляет патриарха»: «Отнюдь не Царь, а здесь действует

²¹⁶ Симеон Фессалоникийский. Указ. соч. Гл. 47. С. 100—101.

²¹⁷ Ps.-Kod. P. 281.15—20.

²¹⁸ Ibid. P. 281.24—282.7.

²¹⁹ Ibid. P. 282.27—283.

собор; Царь же, как благочестивый, только содействует, как сказано, не только потому, что он есть защитник Церкви и Царь помазанный, но и чтобы, помогая и содействуя, защищать и делать твердыми распоряжения Церкви, так как и это должно соблюдаться у православных для мира Церкви...»²²⁰ Приоритеты в соотношении «император и патриарх»²²¹ определялись значимостью личности того и другого, но концепция симфонии государства и церкви была жива до конца существования Византии. Без императора не могло быть патриарха, и без патриарха не могло быть императора²²².

Пребывание патриарха, архиереев, архонтов и служителей церкви в пределах дворца в связи с различными церемониями делает более полной характеристику социального мира императорского двора.

Императорская стража

Вопрос об императорской страже является одним из составляющих общей картины византийской придворной культуры. Как известно, сценарий дворцовых приемов и выездов был строго регламентирован в соответствии с нормами существующего церемониала. В XIV в., на фоне общей нищеты в империи, жившей в перманентной обстановке как внутренней — политической, социальной и идеологической — борьбы, так и внешней интервенции, сохранение значимости церемониала

²²⁰ Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях... Гл. 192. С. 284—285. Д. Ангелов полагает, что в концепции Симеона Фессалоникийского отражена идущая от патриарха Арсения (1255—1259, 1261—1264) «иератическая идея» о том, что император не мог передать патриарху статус святости, ибо патриарх сам был помазанником Христа и помазывал императора при его коронации (см.: Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204—1330. Cambridge, 2006. P. 184—192).

²²¹ См.: Dagron G. Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1996

²²² См.: Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 514.

было сверхактуально. Стабильность традиций императорского двора должна была создавать иллюзию могущества империи. В придворных церемониальных «спектаклях» отрядам императорской стражи отводилось не последнее место, причем не столько их функциям, сколько внешней атрибутике, должной дополнять необходимый эффект пышности и богатства, на который и был рассчитан церемониал императорского двора.

Ритуал охраны императора и дворца имел многовековые традиции, идущие как от Древнего Рима, так и от прежних византийских времен, что нашло отражение в «Книге церемоний» Константина Багрянородного²²³. Хотя ориентация на пышность церемониала (в том числе и роли отрядов стражи) сохранялась, он был, несомненно, более скромным в силу условий палеологовской эпохи. Кроме того, обрядник XIV в. весьма лаконичен и полон информационных лакун.

Для охраны императора и дворца традиционно использовались отряды варангов (βαράγγοι), вардариотов (βαρδαριώται), законов (τζάκωνες), муртатов (μουρτάτοι) и кортиinarieв (κορτινάριοι). К их функциям относилась охрана дворца, прежде всего императорских покоев и территории, входившей в дворцовый комплекс, а также сопровождение императора при его выходах во Влахернскую церковь, выездах в храм Св. Софии и константинопольские монастыри. Некоторые из названных отрядов, кроме дворцовой службы, могли участвовать и в военных действиях.

В составе охраны дворца использовались преимущественно наемные отряды иностранцев, по поводу этнической принадлежности которых было много споров в научной литературе. Варанги (варяги) рассматриваются прежде всего как норманны, но в поздневизантийский период это могли быть и англосаксы²²⁴.

²²³ См. о дворцовой страже по материалам «Книги церемоний»: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 6, 11, 26, 60, 77.

²²⁴ См.: Васильевский В. Г. Варяго-русские и варяго-английские дружины в Константинополе XI—XV в. // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. 1; Blöndal S. The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978.

Мнения ученых в отношении этнической принадлежности вардариотов также разноречивы. Предполагают, что это были жившие в Македонии, в районе реки Вардар, либо христианизированные арабы, либо венгры, либо турки-сельджуки, но скорее всего вардариотами называли отряды из этнически смешанного населения, обитавшего вдоль названной реки²²⁵. Муртаты были, как считается, военнопленными турками-конвертитами²²⁶. Что касается кортинариев и законов²²⁷, то, вероятнее всего, они были либо греками, либо представляли отряды с этнически смешанными контингентами.

Прежде чем обратиться к определению функций каждого из названных отрядов дворцовой стражи, выделим так называемый «зрительный ряд». Появление отрядов стражи во время различных церемониальных актов было, по сути дела, зрелищем, рассчитанным на высокий эмоциональный эффект. Речь идет прежде всего о внешних атрибутах воздействия на присутствующих, т. е. одежде и символах охранной функции — оружии или других средствах защиты и наведения порядка.

Весьма эффектной была форма вардариотов²²⁸. Их одежда — из ткани ярко-красного цвета с золотыми галунами, на голове — желтый «персидский» колпак в форме ἀγγούρι (огурца) и называвшийся ἀγγουρωτόν. Вардариоты имели в качестве символа их полномочий жезл (диканикий); средством же выполнения ими охранной деятельности был висящий на поясе хлыст

²²⁵ См. об этом: Janin R. Les Turcs Vardariotes // EO. 1930. Vol. 29. P. 437—449; Laurent V. Ο Βαρδαριώτων ἤτοι Τούρκων, Perses, Turcs asiatiques ou Tours hongrois // Сб. в память на проф. П. Никовъ. София, 1940. P. 275—289; ODB. Vol. 3. P. 2153. Псевдо-Кодин называл вардариотов персами, но следует учитывать склонность автора к архаизации (см.: Ps.-Kod. P. 210. 6—8).

²²⁶ Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte // Mitteilungen zur Osmanische Geschichte. Hannover, 1923—1925. Vol. 2. P. 55; см.: Ps.-Kod. P. 180. Not. 2.

²²⁷ Этимология названия «законы» привлекла внимание Э. Арвейлер: Ahrweiler H. Les termes Τσάκωνες — Τσακωνίαι et leur évolution sémantique // REB. 1962. Vol. 20. P. 243—249.

²²⁸ Ps.-Kod. P. 181.23—182.2.

(μαγκλάβιον — sic!)²²⁹, наличие которого позволяет возвести происхождение вардариотов как отряда охраны к манглавитам (маглавитам), выполнявшим сходные функции в XI в. и имевшим подобные хлысты — μαγ(γ)λάβια²³⁰.

Законы выделялись в общей колористике церемониала голубыми панцирями (καπάσια). На панцирях спереди и сзади были изображены фигуры белых львов, поднявших на задних лапах лбом ко лбу. Законы были вооружены дубинками (ἀπελατίκια)²³¹.

Хотя кортинарии занимали нижнее место в субординации дворцовой стражи, участие в торжественном акте прокипсиса определяло яркость их одежды. Она была красной, причем из той же ткани (κόρτη), какой было обито и само возвышение (называвшееся, как и акт, прокипсисом). Красное платье дополнялось красным колпаком типа скуфьи и черными чулками, схожими по цвету и качеству с башмаками кортинариев²³².

О парадной форме варангов Псевдо-Кодин не сообщает, но надо полагать, что она была не менее эффектной, особенно у тех из них, которые представляли элиту императорской охраны. Паломник же Игнатий Смоленский, присутствовавший на коронации императора Мануила II Палеолога, написал об одетых в панцири варангах, сопровождавших василевса во время ритуала Великого входа в храм Св. Софии: «Обапол царя 12 оружника, от глав их и до ногу все желѣзно...»²³³ Оружием варангов были секиры (πελέκεις)²³⁴. Об одежде муртатов в обряднике XIV в. нет информации; вооружены же они были луками (τόξα)²³⁵.

²²⁹ Ps.-Kod. P. 181.31.

²³⁰ Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècle / introd. texte, trad. et comment. par N. Oikonomidès. P., 1972. P. 328. Not. 241; ODB. Vol. 3. P. 2153.

²³¹ Ps.-Kod. P. 180.18—23.

²³² Ibid. P. 181.10—22.

²³³ Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople... P. 107.

²³⁴ Ps.-Kod. P. 197.27; 210.2; 243.23.

²³⁵ Ibid. P. 180.16.

Организационно все названные отряды стражи подчинялись своим командирам. Для варанов это был аколупф (ἀκόλουθος)²³⁶. Название его должности («сопровождающий») произошло от обязанности аколупфа при выходах императора сопровождать его во главе отряда варангов. По придворной субординации он занимал 51-е место (из восьмидесяти) в иерархии чинов²³⁷. Отряд вардариотов возглавлял примикирий вардариотов²³⁸, законов — стратопедарх законов²³⁹ (занимал в иерархии 68-е место)²⁴⁰ и отряд муртатов — стратопедарх муртатов²⁴¹ (его место в иерархии — 67-е)²⁴². Глава кортинариев именовался комитом (κόμης)²⁴³.

Общее руководство дворцовой стражей осуществлял великий друнгариий стражи (24-е место в иерархии)²⁴⁴; во время торжественного приема во дворце верховным распорядителем был великий примикирий двора²⁴⁵ (11-е место в иерархии)²⁴⁶.

Какое отражение нашли функции отрядов стражи в церемониальной книге XIV в.? Прежде всего это, разумеется, была охрана императора и дворца. Во время праздничных приемов по распоряжению примикирия двора, определявшего ход церемонии и участие в ней каждого присутствующего, стража занимала соответствующие места. Варанги имели самую почетную службу — у дверей императорской комнаты (пока

²³⁶ Ps.-Kod. P. 136.32; 153.14—17, 19; 184.20—24.

²³⁷ Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 168.

²³⁸ Ps.-Kod. P. 182.6. В обряднике место примикирия вардариотов не указано.

²³⁹ Ibid. P. 139.16; 165.24—25; 187.19—22.

²⁴⁰ См.: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 171.

²⁴¹ Ps.-Kod. P. 139.14—15; 165.21—23; 187.17—18.

²⁴² См.: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 171.

²⁴³ Там же. С. 171.

²⁴⁴ Там же. С. 164.

²⁴⁵ Ps.-Kod. P. 179.16—23.

²⁴⁶ Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 162—163.

император не вышел) и в зале приема, триклинии. Вардариоты охраняли вход во двор дворцового комплекса. Во дворе находились законы, муртаты, кортинарии, а также не названные нами выше аллагаторы — конники²⁴⁷.

Первенствующее место среди отрядов стражников занимали варанги и вардариоты. Первые выполняли сопровождающие функции, вторые — полицейские. Во время выходов императора за пределы дворца варанги сопровождали не только самого императора, но и несомые перед ним его меч и щит²⁴⁸. Вардариоты же при конных выездах императора шли впереди, неся свои диканикии вертикально и разгоняя собравшийся посмотреть на императорский выезд народ²⁴⁹. Кнут (манглавий) висел на поясе каждого из вардариотов, «чтобы стегать тех, кто этого заслуживает»²⁵⁰.

Особая роль варангов среди других стражников подчеркивается в обряднике их участием в церемонии коронации императора. В момент исполнения гимна Великого входа император по приглашению диаконов входил в храм, сопровождаемый «со всех сторон варангами, вооруженными секирами, а также молодыми представителями знати»²⁵¹. Вслед за императором шли диаконы и священники, несущие священные предметы. Вероятнее всего, варанги сопровождали императора вплоть до солей.

Надо полагать, что императорские отряды стражи, прежде всего варанги, принимали участие в ходе коронации в провозглашениях здравицы в честь императора наряду с возгласами народа. Псевдо-Кодин в своем церемониальном трактате пишет о поддержке избираемого императора народом и армией²⁵².

²⁴⁷ Ps.-Kod. P. 179.16—180.6.

²⁴⁸ Ibid. P. 183.11—20. Оружие императора нес skutерий, занимавший 42-е место в придворной иерархии.

²⁴⁹ Ibid. P. 182.10.

²⁵⁰ Ibid. P. 181.30—182.1.

²⁵¹ Ibid. P. 264.13—265.1; Capт. I. 41.200.5—7.

²⁵² Ps.-Kod. P. 254.29—255.1; 256.15—16; см. об этом: Поляковская М. А. Император и народ в Византии... С. 314—321.

Слово τὸ φωσάτων, означавшее в XIV в. войско, не отражает участия в коронации императора каких-либо конкретных отрядов, но, без сомнения, это была прежде всего императорская гвардия, столичное войско, а отряды стражи принадлежали к нему²⁵³. Они должны были и здесь играть свою «декоративную» роль, необходимую как для соблюдения древних традиций избрания императора с участием народа и армии, так и для придания обряду эффектной торжественности.

При выходах императора во Влахернскую церковь (к примеру, в праздник Всех Святых) охрану несли также варанги. Они сопровождали восседающего на коне императора, неся свои секиры на плече. При подобном выезде императора они сопровождали его либо до ближайшей к церкви территории (τὰ Ὑψηλά)²⁵⁴, либо до самой церкви. При возвращении императора во дворец они окружали его, следуя до того места, где император спешивается («где он ставит ногу на землю»)²⁵⁵. Подобная же церемония сопровождения упоминалась в обряднике в отношении выездов во Влахернскую церковь и в дни других праздников²⁵⁶, а также при выездах в константинопольские монастыри²⁵⁷.

На праздники Рождества Господня и Крещения, когда во дворе Влахернского дворца проходило торжественное «явление» поданным императора²⁵⁸ и его ближайшего окружения, отряды варангов и кортинариев принимали участие в этой церемонии. Пространство вокруг шатрового помоста (прокиписиса) было заполнено знатью, стоявшей в том же порядке, как и во время приемов в триклинии дворца. Перед помостом, где

²⁵³ Известно, что в XI в. варанги и вардариоты входили в столичное войско (см.: Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X — начале XI в. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. Гуманитарные науки. Вып. 7. С. 21, 27).

²⁵⁴ См.: Janin R. Les églises et les monastères... P. 214.

²⁵⁵ Ps.-Kod. P. 243.17—244.8.

²⁵⁶ Ibid. P. 246.1—16.

²⁵⁷ Ibid. P. 244.16—245.2.

²⁵⁸ См.: Андреева М. А. О церемонии «прокиписис»... P. 154—173.

находились хоругви, музыканты и духовенство, около колонн возвышения стояли варанги, держа секиры, которые они по обычаю поднимали на плечо, когда император вступал на ступени прокиписиса²⁵⁹.

Кортинарии, хотя и принадлежали к самому низкому рангу отрядов стражи, во время церемонии прокиписиса стояли у самого подножия помоста (вспомним, что их красная одежда была сшита из ткани, которой обивался помост). Другие отряды стражи не названы Псевдо-Кодином среди участников церемонии прокиписиса.

По церемониалу в дни больших праздников и приемов иностранных послов отрядам варангов и вардариотов оказывалась честь приветствовать императора в парадном зале дворца. Варанги принимали участие в ритуале полихронии после итальянских посольств. Как пишет Псевдо-Кодин, варанги «желают императору долгой жизни на своем родном, английском, языке и ударяют своими секирами, которые гремят с шумом»²⁶⁰. Когда начиналась общая полихрония в честь императора, вардариоты, как и другие участники торжества, выкрикивали свои пожелания долгой жизни, но «на языке своей бывшей родины — персидском»²⁶¹.

Как участники торжественной трапезы, имевшей место во дворце по большим праздникам, из представителей стражи автором обрядника названы только варанги. Примикирий варангов и все варанги вместе с ним получали полагающиеся гостям минсы²⁶² в порядке иерархии, после протонотария²⁶³. Далее минсы получали стратиоты. Текст обрядника не дает возможности определить, кто причислялся к стратиотам. Вполне вероятно, что среди них были представители других отрядов стражи.

²⁵⁹ Ps.-Kod. P. 197.23—28.

²⁶⁰ Ibid. P. 209.26—210.3.

²⁶¹ Ibid. P. 210.4—8.

²⁶² Ibid. P. 216.12—16.

²⁶³ Минсы — блюда с императорского стола.

Просопография императорской дворцовой стражи бедна. В источниках обычно называются только отряды или их командиры (по занимаемой должности, без имени). История Палеологов сохранила лишь отдельные имена. Можно назвать варангов Мануила и Симона. Мануил, варанг Андроника II Палеолога (примерно 1300 г.), известен в связи с тем, что лечился в константинопольском монастыре Пиги²⁶⁴. Имя Симона (1401 г.) осталось в истории в связи с его судебной тяжбой против зятя по поводу приданого его умершей дочери²⁶⁵. «Безумянность» в источниках рассматриваемого пласта понятна: он представлен не отдельными людьми, а отрядами.

В целом же приведенные материалы позволяют отметить, что элитным отрядом стражи были варанги. Их обязанности и права были первенствующими на фоне остальных подразделений. Наряду с реальной несомненной также и декоративная функция отрядов стражи в контексте дворцового церемониала, ориентированного на перманентную трансляцию идеи императорской власти. Включение стражи в общий сценарий придворных ритуалов, во-первых, способствовало пролонгации действия античной политической формулы «армия и народ», а во-вторых — созданию того необходимого репрезентационного впечатления, которое должно было упрочить в период кризисной (или предкризисной) ситуации, присущей империи с середины XIV в., необходимый идейный фундамент византийской автократии.

Итак, трактат Псевдо-Кодина «О должностях» позволяет реконструировать в более или менее адекватном реальности варианте социальный мир императорского двора в XIV в.

Определяющей доминантой этого мира была строго вертикальная структура. Как заметил Андре Грабар, строгая определенность ритуалов подчеркивала сущность придворной иерархии во всем, вплоть до деталей костюма²⁶⁶. Идея вертикально-

²⁶⁴ PLP. № 16739.

²⁶⁵ Ibid. № 25383.

²⁶⁶ Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 206.

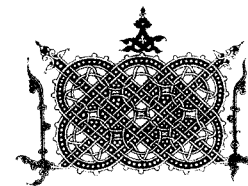
сти, надо думать, должна была соответствовать вертикальности природного и общественного космоса. Внутри вертикально вырисованного в обряднике придворного общества согласно иерархии существовали и горизонтальные группы, выделенные их статусом, функциями, колором и деталями костюмов.

Разумеется, рассмотренные в главе группы не покрывали все поле социального мира двора. За пределами созданной картины двора остался так называемый «низший эшелон»²⁶⁷ — штат слуг, обеспечивавший подчиненную ритуалу жизнь императорского двора.

Императорский двор не выглядел гомогенным в этническом плане. Хотя основным этносом были, без сомнения, греки, но в многонациональной Византии верхние чины зачастую раздавались как иноэтничным византийцам, так и иностранцам — с надеждой на будущую дружбу и союзничество.

Мир двора имел также и колористическую характеристику. Его многоцветность была определенной знаковой системой, позволявшей точно соотнести место каждого в сложной структуре двора. Цветовое разнообразие не было калейдоскопичным, а означало порядок придворной системы отношений.

Придворный мир — это государство в государстве, это отдельный мир, строго организованная синекура, почитавшая за честь и одновременно за тяжелую обязанность каждодневно создавать ощущение стабильности и порядка в империи под эгидой императора и верного ему окружения.

²⁶⁷ Kazhdan A. P., McCormick M. The Social World of the Byzantine Court... P. 177.

ГЛАВА 5

ПАРАДНАЯ ЖИЗНЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Парастасис — императорский прием

Византийская империя, принадлежа к великим по их значимости державам древности и Средневековья, стремилась поддерживать свой авторитет как внутри страны, так и за ее пределами всеми возможными средствами политической идеологии, демонстрацией силы армии и флота, совершенством дипломатии, блистательной роскошью императорского дворца. В эпоху Палеологов, когда страна находилась в условиях затяжного политического и экономического дисбаланса, все эти усилия, нося скорее декоративный характер, были ориентированы прежде всего на создание в стране атмосферы стабильности и ощущение благополучия. Этой цели в немалой степени служил и дворцовый церемониал, являвшийся транслятором идеи могущества империи в условиях ее кризиса. Рассмотрим это назначение церемониала на одном из важнейших парадных ритуалов — парастасисе.

Как и в X в., во времена Константина VII Багрянородного, при Палеологах церемониальный императорский прием был центром парадной жизни дворца. В XIV в. прием (ἡ παράστασις) в стенах тронного зала императорского Влахернского дворца — триклиния — проходил в соответствии с церемониалом в честь какого-либо торжественного события

или праздника. В «сценарий» различного вида приемов — в зависимости от отмечаемого события — в качестве неперменной составной части входило представление императору сановников и архонтов — ритуал, который, собственно, и назывался парастасисом.

Чтобы представить себе, что византийцы XIV в. могли понимать под словом «парастасис», есть смысл обратиться к его этимологии. Судя по словарю древнегреческого языка, жившие в условиях ранней демократии древние эллины относили слово ἡ παράστασις к древнеперсидской государственной практике с ее ритуалом входа подданных персидского царя в тронный зал, где они занимали заранее определенные в соответствии с традицией места. В понятие «парастасис» словарь со ссылкой на Полибия включает также восторг и бурное воодушевление (μετὰ παραστάσεως ἀσπάζεσθαι τινα)¹. В словаре же новогреческого языка слово «парастасис» переводится прежде всего как театральное представление².

Обратившись к церемониальной книге Псевдо-Кодина с тем, чтобы соотнести эти словарные переводы с поздневизантийской церемониальной практикой, заметим а priori, что Византия, занимавшая некое срединное положение на хронологической ленте между античной и современной Грецией, исходила при использовании слова «парастасис» прежде всего из его древнего значения и одновременно подготовила восприятие этого ритуала как политического «театра» нашего времени.

В сочинении Псевдо-Кодина описание парастасиса содержится в третьей, четвертой, седьмой и десятой главах. Попробуем реконструировать один из самых значимых ритуалов поздневизантийского церемониала.

Церемониальные обязанности по проведению обряда входа придворных в тронный зал Влахернского дворца выполнял

¹ Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. Т. 2. С. 1252.

² Новогреческо-русский словарь / сост. А. А. Иоаннидис ; под ред. А. А. Белецкого. М., 1961. С. 506.

протовестиарит, который вместе с великим этериархом и примикирием двора до начала ритуала уже находился в зале, как только император, покинув свою комнату, входил в триклиний и занимал свой трон³. Протовестиарит начинал церемонию, выйдя из зала и пригласив в зал архонтов самого высокого ранга (τοὺς τῶν ἀρχόντων ἐντιμωτέρους)⁴. К ним относились деспоты, севастократоры и кесари⁵. Великий этериарх вслед за протовестиаритом приглашал в зал архонтов первого разряда (ὁὗτός τις τῶν πρῶτων πλείους)⁶. Затем обязанности распорядителя принимал примикирий двора, который, выйдя, приглашал следующую группу архонтов; и, наконец, после церемонии передачи императору жезла этериархи вызывали тех, кто еще оставался из носивших красные скараники, и тех, кто был ниже их (эти две группы были представлены архонтами второго разряда)⁷. Заметим, что с каждой из приглашаемых в триклиний групп архонтов — в соответствии со снижением ее статуса в чиновной иерархии — менее весомым становился и чин лица, выполнявшего церемониальные функции: протовестиарит занимал 19-е место в иерархии, великий этериарх — 25-е, примикирий двора — 33-е, этериарх — 63-е.

Разница в статусах подчеркивалась и тем, что означавший начало приема ритуал передачи василевсу его диканикия, одного из главных символов императорской власти, происходил до входа в зал последней группы архонтов.

Заметим, что прием архонтов императором во времена Константина VII Багрянородного также имел в основе деление

³Ps.-Kod. P. 176.17—23.

⁴Ibid. P. 176.25—27.

⁵См.: Поляковская М. А. Поздневизантийская придворная элита в зеркале церемониала // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 226—236.

⁶Ps.-Kod. P. 176.28—29; см.: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 161—168.

⁷Ps.-Kod. P. 176.30—177.9; см.: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 168—173; Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994. P. 92—93.

чиновников на отделы, называемые вилами (велами), поскольку перед входом каждой очередной группы откидывались занавесы (βῆλα), которые прикрывали дверной проем⁸. В поздневизантийском обряднике слово βῆλα не встречается. Однако в церемониале тех приемов, которые были связаны с посвящением в должность архонтов элитной группы, использовался ритуал отделения от императорского трона шелковым золотым занавесом (διάφραγμα διὰ βλατίων χρυσῶν) выстроившихся по разрядам носителей чинов — в тексте они совокупно названы парастасисом⁹. На церемонии выбора императором кандидатуры нового патриарха (глава 10) троны императора и предлагаемого патриарха также отделялись на первом этапе церемонии от собравшихся в триклинии архонтов¹⁰. В названных ситуациях занавесы названы в церемониальной книге XIV в. διάφραγμα, а не βῆλα.

По Псевдо-Кодину, церемония входа архонтов в тронный зал, начинавшаяся ранним утром, иногда после утренней службы в храме, проходила в замедленном темпе, при полной тишине. Смысл этого действия заключался прежде всего в строгом ранжировании чиновников по их значимости в императорском окружении. Каждый из участников церемонии осознавал свою принадлежность к строго определенной группе архонтов, которой были предписаны согласно правилам двора и последовательность входа в триклиний, и место в зале, где он будет стоять во время приема. Замедленность этой части парастасиса позволяет в какой-то степени ассоциировать ἡ παράστασις с древнегреческим словом παρῶστας («наливать по каплям»). Парадная неторопливость входа архонтов в зал создавала эффект особой торжественности момента.

⁸См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св.Софии в IX—X в. СПб., 1893. С. 60—63.

⁹Ps.-Kod. P. 274. 2—6.

¹⁰Ibid. P. 278. 19—29.

Великолепие костюмов — ярких цветов парча и шелк, богатый декор — также должно было четко соответствовать церемониальному регламенту. Каждый архонт должен был надеть на церемонию парастасиса только строго определенный обрядником костюм, являвшийся отличительным знаком его статуса. Не случайно А. Грабару блистательные одежды византийских архонтов напомнили военные мундиры, а сообщество чиновников — военную структуру¹¹. Надо думать, что за этой внешней гармонией церемониальных действий скрывалось много страстей, тайных мечтаний сменить цвет своей одежды на тот, который повышает статус: разумеется, это была основательно завуалированная регламентом «ярмарка тщеславия»! Однако внешне парастасис четко соответствовал принципу «таксиса» (порядка), служившего идее престижа императорского двора и могущества империи. Магия порядка гипнотически воздействовала на участников церемониального спектакля, вызывая у них, по сути дела, священное чувство выполнения высокого долга во имя Бога, василевса и империи.

Как уже отмечалось, прием открывался ритуалом жезла. Честь передачи императору жезла-диканикия принадлежала великому примикирию (11-е место в иерархии). Получив жезл из рук слуги, великий примикирий проносил его, сделав полкруга по залу (τοῦ τρικλίνιου δμοίρου), и передавал василевсу. Ритуал передачи императору диканикия и, после парастасиса, возвращение императором этого символа власти великому примикирию представлял собой церемониальные рамки приема.

После завершения первой части парастасиса — входа архонтов в тронный зал¹², строго построения их в пространстве

¹¹См.: Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société a Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines a Venise en septembre 1968. Venise, 1971. P. 206.

¹² Парастасис как построение сановников и чиновников по разрядам и группам мог проходить не только в парадном зале императорского дворца, но и во время церемоний за его пределами — на площади (церемония прописиса) или в храме.

парадного зала в соответствии с их значимостью и передачи василевсу диканикия — начиналась вторая неперемнная часть приема, заключающаяся в прославлении василевса, бывшего главной фигурой, центром любого церемониального действия.

Итак, первой частью приема было торжественное последовательное выстраивание придворных архонтов в соответствии с их статусом перед императором. Эта часть приема была ритуализована до мельчайших деталей и являлась основным стержнем парадной жизни двора. Даже праздничный пир выстраивался по церемониальным нормам парастасиса¹³.

Вторая часть дворцового приема была полностью отдана «спектаклю» прославления василевса. Начало приема всегда сопровождалось ритуалом провозглашения многолетия василевсу¹⁴ — это было первым, с чего начиналось его прославление. В тексте сочинения Псевдо-Кодина этот акт отражен многократно (πολυχρόνιον, πολυχρόνισμα, πολυχρόνισω, πολυχρονῶ)¹⁵. Рефреном звучало в тронном зале: «Многая, многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая, многая лета, на многая!»¹⁶.

Ритуал полихрония мог в зависимости от церемониальной ситуации проходить по-разному: либо это было общее провозглашение многолетия в честь императора, либо церемония разбивалась на этапы. Последний вариант может быть рассмотрен на примере императорского парастасиса и рождественской трапезы¹⁷.

¹³См.: Поляковская М. А. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X—XIV в) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 157—172.

¹⁴О ритуале многолетия в X в. см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 80—84 и др.; Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken : zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956. S. 73, 79, 81, 83, 114, 122 f.

¹⁵Ps.-Kod. P. 101.1; 193; 197.3—4; 203.25; 207.21—208.1.15—17; 210.10.13; 212.6. С. 1—11.11, 218.11; 235.11; 236.31; 241; 274.19.26; 275.14—15; 279.9; 280.8 etc.

¹⁶Ibid. P. 357.13—358.3.

¹⁷Ibid. P. 207.17—208.17.

Эвфимия (εὐφημία) как форма выражения восторженных похвал в адрес правителя сопутствовала всем выходам императора и приемам во дворце¹⁸. К сожалению, Псевдо-Кодин скуп на передачу текстов эвфимических возгласов. Разумеется, это были заранее подготовленные слова, ритмика которых была удобна для массовых восклицаний (в дворцовой практике предшествующего времени подобную роль играли аккламации). Общий тон восхвалений задавали обычно псалты, руководимые маисторами. Профессиональные музыканты в соответствии с церемониальными предписаниями регламентировали ритуалы эвфимии. Прославления часто достигали теофанических вершин.

Созданию атмосферы боготворения (теофании — ἡ Θεοφανία) на императорских приемах способствовала их особая торжественность, сопровождаемая глубокой («священной») тишиной. Дворец издавна воспринимался как святыня, а тронный зал — как место культа¹⁹. Предписываемая церемониалом тишина многократно усиливала ощущение вневременности происходящего в зале. Нарушавшие молчание всплески приветствий в адрес василевса создавали особое эмоциональное состояние у присутствующих. Акты ликования были органично вплетены в сценарий презентации власти, усиливая значимость предшествующей им «надвременной» тишины.

Царящая во дворце атмосфера прославления императора поддерживалась и интеллектуалами. Образованная элита была вхожа в придворный мир, и каждый ученый муж считал своим долгом и честью написать в адрес императора «царское слово» (λόγος βασιλικός)²⁰. Жанр похвалы (энкомия) был излюбленным в придворных кругах, а обратившие на себя внимание непомерным прославлением энкомиасты могли надеяться на мо-

¹⁸Ps.-Kod. P.155.1; 204.8; 227.18; 236.12; 237.3; 246.11; 269.17; 279.18; 280.15.

¹⁹Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 85.

²⁰См.: Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов : три очерка. СПб., 1998. С. 20—37, 155—170.

наршью милость в деле получения ими достойной должности, что являлось для них немаловажным²¹. Для Византии всегда было характерно вхождение интеллектуалов во власть²², что импонировало как власти, так и носителям образованности. В поздневизантийский же период, когда над страной зависли темные тучи грядущего крушения, пропитанный верноподданническими чувствами энкомий становился гармоничным дополнением к предусмотренными церемониалом эвфимии и теофании. Как заметил Дж. Деннис, императорский панегирик расцветает, когда империя приходит в упадок²³: магия хвалебных слов, созвучных праздничному антуражу дворца, помогала дистанцироваться от реалий жизни страны.

Адресованные василевсу энкомии в виде речи или письма обычно зачитывались публично, и слова ритора сливалось со строго соответствующими протоколу церемониальными действиями, внося флер интеллектуальности в ритуал императорского приема. Явная гиперболизация в освещении достоинств воспеваемого императора на фоне блистающих роскошью одежд и интерьеров воспринималась как соответствующая общему духу дворцового приема.

Среди достойных похвалы добродетелей василевса — мужественный, мудрый, справедливый, человеколюбивый и, как итог, «самый лучший», «самый сильный» (βέλτιστος πάντων, κράτιστος πάντων)²⁴ — в поздневизантийское время явно доминирующим достоинством правителя становится в устах эн-

²¹См.: Куш Т. В. Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 4 (66). С. 239; см.: Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204—1330. Cambridge, 2006. P. 163.

²²Чекалова А. А., Поляковская М. А. Интеллектуалы и власть в Византии // ВО. 1996. С. 5—24.

²³См.: Dennis G. T. Imperial Panegyric: Rhetoric and Reality // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997. P. 135.

²⁴См.: Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 82.

комиастов благочестие (εὐσεβεία). Мало того, личность правителя соотносилась энкомиастами со статусом и действиями Бога. Можно вспомнить слова из похвалы будущего месадзона двора, известного интеллектуала середины XIV в. Димитрия Кидониса в адрес Иоанна Кантакузина: «...твое имя словно нечто из (сферы) Божественного»; правителям «бог передал заботу обо всех»; «тебе он вручил императорскую власть»²⁵. Подобные слова мы можем встретить в энкомиях и других риторических эпохи Палеологов. Концентрация идеи уподобления василевса Богу соответствовала общим идейным тенденциям, присутствующим в властных структурах.

Воссоздав общую картину традиционных для императорских приемов форм прославления василевса, введем в их контекст ритуал *adoratio*.

Чтобы сразу снять несоответствие латинского названия этого ритуала грекоязычной эпохе Палеологов, заметим, что слово *adoratio* вообще не упоминается в византийской церемониальной книге XIV в. Однако ритуал почитания императоров, в течение нескольких веков известный как *adoratio*, при дворе Палеологов существовал, но в несколько адаптированном виде.

Этот наиболее древний из ритуалов почтения к правителю состоял из проскинизы (коленопреклонение — ὁ προσκύνησις) и аспасма (целование — ὁ ἀσπασμός). Восходя к традициям Древнего Рима²⁶, эти две формы почитания императора обозначались общим для них словом *adoratio* — обожание, поклонение.

В историографии устойчивым является мнение о восточном происхождении этих форм церемониального поведения. Исследователю византийского церемониала О. Трайтингеру они напоминают персидские ритуалы²⁷. Р. Гийан написал по этому

²⁵ D  m  trius Cydon  s. Correspondance... Vol. 1. N   7.50; N   6.5—6, 12—16.

²⁶ См.: Alf  ldi A. Die monarchische Repr  sentation im r  mischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970.

²⁷ См.: Treitinger O. Die ostr  mische Kaiser- und Reichsidee... S. 84—88.

поводу: «Поклонение, как кажется, было заимствовано у двора царей Персии и оставалось обычаем Византийской империи вплоть до последних дней»²⁸. А. Грабару принадлежит следующая оценка: «...византийцы были наследниками Поздней Римской империи, которая сама проистекала из эллинистических государств, а они, в свою очередь, претерпели влияние иранских и семитских монархий»²⁹. Эти наблюдения можно свести к тому, что церемониальное прославление и почитание несомненно восходит к традициям древнеперсидской монархии.

Однако было бы преувеличением усматривать в *adoratio* как форме почитания прямое заимствование римлянами восточных ритуалов. Во времена Поздней республики и принцепата проскиниза была всего лишь проявлением коленопреклоненной просьбы или выражением благодарности за какую-либо милость³⁰. Лишь при Диоклетиане проскиниза вновь стала обозначать преклонение подданных перед императором.

С принятием христианства как государственной религии при Константине I значимость проскинизы в дворцовом церемониале на некоторое время снизилась, поскольку царь не мог быть выше Бога. Ритуал коленопреклонения использовался в это время преимущественно лишь при введении в должность. В связи с этим представляется спорным наблюдение Г. Л. Курбатова: «известное *adoratio*, которое так часто приводят как доказательство династического характера императорской власти, имело несколько иную теоретическую основу. Оно было связано с обожествлением не столько личности самого императора, сколько его места и официального положения в государстве, и шло это не от Востока, а от христианства, от *adoratio* самого Христа и соответственно императора как

²⁸ Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin ; Amsterdam, 1967. Vol. 1. P. 144—150.

²⁹ Grabar A. Pseudo-Codinos et les c  r  monies... P. 211.

³⁰ См.: Alf  ldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am r  mischen Kaiserhof // Mitteilungen des Deutschen Arch  ologischen Instituts. R  mische Abteilung. 1934. Bd. 49. S. 48.

его наместника на земле»³¹. Напротив, с введением официального христианства значимость *adoratio* на первых порах значительно снизилась. В этот период еще очень заметны были римские основы этого института, впитавшего персидское влияние.

Византийская «судьба» проскинизы начинается со времени правления Юстиниана I. По Прокопию Кесарийскому, все сенаторы и патрикии в присутствии императора и императрицы «тотчас падали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги»³².

Традиция ритуала проскинизы сохранялась в течение всей дальнейшей истории Византийской империи. По наблюдениям исследователя византийского церемониала периода Македонской династии Д. Ф. Беляева, в IX—X вв. при дворе были приняты три типа проскинизы: это мог быть поклон до колен, до земли без целования и до земли с целованием³³. В ряде церемониальных ситуаций поклонявшийся императору до земли падал ниц (πίπτει ἐπ' ἐδάφους προσκυνῶν)³⁴. Тип проскинизы определялся характером приема (будничным или праздничным), значимостью праздника, социальным статусом поклонявшегося лица и множеством других церемониальных уточнений.

Ритуал проскинизы по «Книге церемоний» X в.³⁵ совершался во время парадного хода (προέλευσις) императора по залам Большого императорского дворца³⁶, во время акта инвести-

³¹ Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии, IV — первая половина VII в. М., 1984. Т. 1. С. 107.

³² Цитируется по переводу А. А. Чекаловой: Прокопий Кесарийский. Тайная история / Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер., вступ. ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1998. С. 341 (XXX. 23).

³³ Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 19—20. Примеч. 2.

³⁴ De cerim. II. I. P. 520.

³⁵ Guiland R. Recherches... P. 144—149.

³⁶ De cerim. I.16. P. 98; I.20. P. 86—87; I.21. P. 125; I.23. P. 129; I.29. P. 161—162; I.46. P. 242 etc.

туры³⁷ и при выходах за пределы дворца (например, в константинопольские монастыри)³⁸.

Как уже было замечено, проскинизы часто (но не всегда) сопровождалась такой формой почитания василевса, как аспасм (целование). Можно привести множество примеров ритуала аспасма из «Книги церемоний» X в. Представители придворной знати и другие архонты в зависимости от занимаемой ими ступени и ситуации целовали при акте поклонения василевсу его колени, стопы, руки, губы и щеки³⁹. Упоминания о «ногоцеловании» и «коленицеловании» встречаются в «Книге церемоний» значительно чаще, чем другие формы аспасма⁴⁰. Наивысшей и очень редко оказываемой честью было позволение целовать правую часть груди⁴¹.

Сохранилась ли традиция проскинизы и аспасма в поздневизантийское время? В церемониальной книге Псевдо-Кодина как προσκύνησις⁴² (и производные формы от глагола προσκυνῶ)⁴³, так и ἀσπασμός⁴⁴ (с образованными от ἀσπάζομαι глагольными формами)⁴⁵ встречаются многократно.

Коленопреклонением перед императором, согласно Псевдо-Кодину, начинался и заканчивался каждый из пяти наиболее значительных дворцовых приемов: в честь праздников Рождества Христова, Богоявления Господня, Пальмового Воскресения (Вайи), Великого Воскресения Пасхи и праздника Святого Духа⁴⁶. Проскинизы была непременным элементом цере-

³⁷ De cerim. I.47. P. 243; I. 48. P. 249 etc.

³⁸ Ibid. II.12. P. 551; II.15. P. 563 etc.

³⁹ Treitingner O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 93.

⁴⁰ Ibid. S. 92.

⁴¹ Ibid. S. 91.

⁴² Ps.-Kod. P. 235.23—237.5; 261.27; 283.5; 285.15.18.

⁴³ Ibid. P.197.5; 208.2; 209.3.15—16; 218.21—22; 222.9; 236.5; 261.25; 262.18; 282.24; 283.2.8; 360.18—19.

⁴⁴ Ibid. P. 140.4; 235.9.23; 237.1.10.

⁴⁵ Ibid. P. 234.24—26; 235.2.5; 236.5—6; 238.23—24.29—239.1.

⁴⁶ Ibid. P. 220.1—4.

мониального поведения архонтов наряду с праздничными приемами на всех императорских парастасисах.

К сожалению, обрядник XIV в. не корректирует точно «рисунком» проскинизы. Как кажется, это было более или менее низкое коленопреклонение, а не падание ниц. Но, как бы то ни было, проскиниза являлась не только формой поклона императору, но и привилегией, поскольку некоторые, в том числе и иностранные гости (например, венецианцы), были лишены этого права.

Церемония аспасма в поздневизантийское время была характерна прежде всего для церемонии праздника Пасхи. После окончания утренней службы в церкви в этот день начинался императорский прием в триклинии. Когда великий domestik приносил сидящему на троне василевсу шпагу как знак начала приема, архонты — на фоне тихого звучания литургии — участвовали в ритуале аспасма: «все архонты вплоть до последнего, подходя [к трону], целуют вначале правую ступню василевса, затем правую руку и после — его правую щеку»⁴⁷. Через эту церемонию проходили не только архонты (их могло быть многим более ста человек), но и те из присутствующих послы других государств⁴⁸, которым оказывалась честь быть допущенным к ритуалу аспасма⁴⁹.

На пятый день Недели обновления во дворце до начала парастасиса проходил ритуал приветствия василевса церковными архонтами. Патриарх, окулив императора и передав кадило архидакону, освящал императора, целуя его в уста (*ἀσπάζεται τὸν βασιλέα ἐν τῷ στόματι*), на что тот также отвечал поцелуем (*ἀντασπάζόμενος*). После этого церковные архонты по двое целовали василевса сначала в руку, а затем в щеку⁵⁰.

⁴⁷ Ps.-Kod. P. 234.10—27.

⁴⁸ Ibid. P. 235.1—3; 236.5—6.

⁴⁹ См. об этом: Поляковская М. А. Генуэзцы в византийском церемониальном пространстве XIV века // Византия в контексте мировой культуры : к 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк : материалы конф. СПб., 2008. С. 567—568. (Тр. Гос. Эрмитажа ; [т.] 42).

⁵⁰ Ps.-Kod. P. 238.16—230.2.

Ритуал аспасма считался принятым не только в рамках парастасиса, но и в ряде других дворцовых церемоний, прежде всего при введении в сан или должность. В главе восьмой сочинения Псевдо-Кодина подробно описана проводившаяся в триклинии инвеститура деспота. Вводимый в сан, выслушав приветствие стоящего возле трона василевса и ответив на него пожеланием долгой жизни, склонялся и целовал ногу правителя (*τὸν τοῦ βασιλέως κύψας ἀσπάζεται πόδα*)⁵¹.

Приветствие поцелуем было принято внутри императорской семьи. Так, по Иоанну Кантакузину, Андроник III Палеолог при встрече со своим дедом Андроником II целовал его руку (а иногда, склонившись, и ногу), на что старший член императорского семейства кланялся и целовал внука в щеку⁵².

Если сравнить отраженный в церемониальном трактате Псевдо-Кодина ритуал поклонения императору через проскинизу и аспасм с соответствующими церемониальными действиями во времена Юстиниана I или Константина VII Багрянородного, то вариант палеологовской эпохи представляется более скромным. Действительно, проскиниза не была при Палеологах столь частой и не принимала формы падения ниц. Целование императора в уста и в грудь стало в это время исключительным актом — лишь в особой ситуации и для особых лиц.

Казалось бы, в эпоху Палеологов, на фоне падения международного престижа империи и системного кризиса в стране, можно было бы ожидать, напротив, стремления сохранить и усилить традиционные для дворцового церемониала обряды почитания василевса. Действительно, уровень почитания сохранился, но в значительной степени сдвинулся в сторону усиления теофанических моментов на фоне общей сакрализации жизни двора.

Отношение к правителю как к Богу в Византии существовало всегда, но в поздневизантийскую эпоху вокруг императора создавалась особая атмосфера боготворения. Если

⁵¹ Ps.-Kod. P. 245.3—4.

⁵² Guillard R. Recherches... P. 147.

в провозглашаемый на приемах полихроний, предшествующий акту коленопреклонения, была заложена идея земной жизни василевса («Многие лета, многие лета!»), то теофания касалась уже идеи вечности императорской власти⁵³. Разумеется, это не было открытием палеологовского времени, но концентрация идеи вечности в церемониале времени угасания Византии является несомненной.

Апогеем идеи теофании был акт явления императора на прокиписе собравшимся на площади между дворцом и храмом Влахернской Богородицы в сочельник Рождества Христова. Доминантой явления был третий акт, когда на сцене-прокиписе раздвигались занавеси и император на несколько мгновений предстал перед людьми, заполнившими площадь. Видны были лишь большая горящая свеча (ἡ λαμπράς) и меч императора (σπάθη τοῦ βασιλέως), но те, кто их держал, оставались вне поля зрения⁵⁴. В этом «явлении» император предстал как защитник и победитель (меч), а горящая свеча символизировала свет добрых дел во имя Христа. Одновременно с открытием занавеси, когда «явление» василевса становилось апофеозом церемонии, запевали певчие (οἱ ψάλται), музыканты играли на своих инструментах, пока василевс не останавливал последних медленным взмахом платка (τὸ μανδύλιον)⁵⁵. Лишь певчие продолжали петь, это были стихи (στίχοι) на праздник Рождества, а также прославления в адрес василевса. Затем следовала евфимия в честь императоров. Ритуал адорации, сохранившись в несколько стертых формах, в условиях общей сакрализации дворцовой жизни уступил место теофании.

Изменения в «сценарии» парастасиса коснулись не только формы, но и идеологии императорских приемов. Постепенно исчезло из антуража дворцовых праздников то, что было

⁵³Hunger H. Proömion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Bd. 1. Wien, 1964. S. 49—83.

⁵⁴Ps.-Kod. P. 203.13—24.

⁵⁵Ibid. P. 203.24—31. Платок-мандилий был связан с мешочком-акакией.

связано с некоторыми проявлениями «светскости» прежних времен. Отмеченная эволюция императорских приемов в сторону упрочения «монархической религиозности» в целом отражает очевидную тенденцию сакрализации жизни двора. Этому в значительной степени способствовали эсхатологические предощущения, вызванные критическим положением империи. Парастасис как центральный акт театра власти в эпоху Палеологов был отражением иллюзий двора, почитавшего себя олицетворением империи, в оценке ее могущества.

Парадный обед

Культуры различных народов и эпох во многом схожи и различны. Своеобразие выражается в конкретных проявлениях: назначении вещей, деталях декора, аранжировке быта, символике цвета и т. п., — всем, что принято называть знаком культуры, или, в более широком смысле слова, индикатором характеристики общества. Количество подобных знаков, индикаторов, или социкодов, может быть довольно большим. Каждый из них характеризует какую-то отдельную сферу культуры и общественной жизни в целом. Совокупность этих знаков и дает полное представление о специфике культуры определенного народа и определенной эпохи⁵⁶.

Давнее желание автора обратиться к сюжету парадного обеда XV в. как проявлению византийской культуры было стимулировано появлением тома научного сборника «Одиссей. Человек в истории», главной темой которого является трапеза. Эта тема стала, в свою очередь, продолжением темы круглого

⁵⁶См.: Hauck K. Rituelle Speisegemeinschaft im 10. und 11. Jahrhundert // Studium generale. 1950. Bd 3, Hf. 11; Blumenstengel J. Wesen und Funktion des Banketts im Beowulf. Marburg, 1964; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 206—213; Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. Гл. 4 : Обед, социальные микрообщности и принципы стилизации; Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991; Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. СПб., 1996.

стола «Социальность, рожденная за пиршественным столом»⁵⁷. Предлагаемая здесь тема стоит несколько особняком по сравнению с разработкой проблемы участниками круглого стола, как, впрочем, во многом особняком стоит византийская культура в целом.

В анализе эволюции императорского парадного обеда приходится полагаться на традиционно используемые в научных исследованиях источники. Это прежде всего два византийских обрядника — «Книга церемоний» Константина VII Багрянородного (X в.) и «Трактат о должностях» Псевдо-Кодина (середина XIV в.), а также свидетельства иностранцев, посетивших Византию в X—XI в. Будем ориентироваться преимущественно на время, к которому относятся обрядники, хотя, как известно, они содержат и материалы предшествующих веков.

Хотя исследовательских трудов, посвященных парадной жизни Византии, великое множество⁵⁸, эволюция парадного обеда не была предметом специального изучения. Более ста лет назад Д. Ф. Беляев написал: «...так как порядок и процедура царских обедов не входит в нашу настоящую задачу, то мы и не будем излагать теперь чина царских обедов и пиров, тем более что эти обеды совершались по особым правилам, составляющим довольно сложную систему, изложение которой со всеми подробностями может составить предмет особого очерка»⁵⁹. Тема императорского парадного обеда до сих пор остается открытой.

Императорские парадные обеды были составной частью различных церемоний: в честь военной победы, дня рождения

⁵⁷ См.: Одиссей. Человек в истории. М., 1999.

⁵⁸ См., например: Беляев Д. Ф. Byzantina II...; Андреева М. А. О церемонии «прокиписис» // SK. 1927. P. 157—173; Kantorowicz E. H. The King's two Bodies : a Study in Medieval Political Theology. Princetion, 1957; Grabar A. Pseudo-Kodinos et les cérémonies... P. 195 — 221; Ravegnani G. L'ambasceria di Liutprando di Cremona alla corte di Constantino Porfirogeneto e il Libro delle cirimonie // Syndesmos. Studi in onore di Rosano Anastasi. 1994. Vol. 2. P. 323—327.

⁵⁹ Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 211.

императора и членов его семьи, коронации императора, в дни свадеб и крестин, в честь основания Константинополя, приема иностранных послов и гостей, в связи с различными светскими и церковными праздниками.

Регламент императорского парадного обеда прошел за долгие века значительную эволюцию. Поскольку конечной вехой возможных сравнений является сочинение Псевдо-Кодина, а им подробно описан рождественский обед, будем по возможности отдавать предпочтительное внимание трапезам в честь Рождества Христова и Нового года⁶⁰.

В ранний период новогодние празднества с неизменными календами приходились на первые дни января. В императорском дворце проводились пиршества, сопровождаемые шумными зрелищами, которые соответствовали духу календ⁶¹.

Описанный Константином VII Багрянородным рождественский обед⁶² приходился на девятый день послерождественского двенадцатидневья (τῆ ἐννάτῃ ἡμέρᾳ τῆς δωδεκαημέρου)⁶³, т. е. на второе января, обычный день календ, хотя они такими не названы в обряднике. Однако переодевания, маски и шумные пляски проводились, хотя и носили строго определенный и ограниченный регламентом характер.

В названный день близкие императору люди собирались в Большом триклинии на трапезу (ἐπὶ τοῦ δείπνου)⁶⁴, которая еще имела черты римского обеда (не случайно в латинском переводе этого текста приглашение к обеду — *ad coenam*)⁶⁵. На обеде присутствовали также представители партий венов и прасинов, давно потерявших какое-либо политическое значение и ставших в значительной степени декоративными.

⁶⁰ См.: Les listes de préséance byzantines... P. 165—189.

⁶¹ См.: Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 171; Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 179.

⁶² De cerim. L. I. C. 83. P. 381—386.

⁶³ Ibid. P. 384.4.

⁶⁴ Ibid. P. 381.4—5.

⁶⁵ Ibid. P. 381.4—5.

Пиршество собиралось в зале девятнадцати застольных лож (Ἰθ ἀκουσίτων)⁶⁶ Большого триклиния. Само слово, означавшее застольное ложе, восходит к латинскому *accubitus*, что еще раз напоминает о римском обычае возлежать во время трапезы. Венеты во время торжества находились с левой стороны, а прасины — с правой⁶⁷.

Главным зрелищем, представленным собравшимся на рождественское торжество, был так называемый готский танец, напоминавший об эпохе Валента или Феодосия II. Четыре «гота» (по два представителя венетов и прасинов), надев различные маски, держа щиты (σκούτάρια) в левой руке, а в правой — палочки (βεργύια)⁶⁸, ударяли ими о щит и пританцовывали в военном ритме, выкрикивая «τοῦλ τοῦλ», и старались находиться поближе к императорскому столу (πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης)⁶⁹. Остальные «готы», не занятые в военном танце, пели песни, давно уже ставшие ритуальными, так что их латинский текст в X в. был уже настолько искажен, что смысл их представлялся набором неясных слов⁷⁰. Затем хоры «голубых» и «зеленых» пели соответствующие случаю славословия в честь Христа и пожелания многолетия императору.

Итак, в описанном Константином VII Багрянородным рождественском праздничном обеде соединились римские, ранне-византийские, варварские, языческие и христианские традиции.

Близко к описанному Константином VII Багрянородным воспроизводит рождественский пир лангобардский посол Лиутпранд, посетивший Византию по поручению правителя Беренгария II в 949 г. В позднее написанном им сочинении

⁶⁶ De cerim. L. I. C. 83. P. 381.6—7.

⁶⁷ Ibid. P. 381.15—16. Венеты и прасины («голубые» и «зеленые») в ранней Византии были политическими группировками, а к X в. стали дворцовыми декоративными «партиями».

⁶⁸ Ibid. P. 381.13—14.

⁶⁹ Ibid. P. 381. 4—5. В латинском параллельном переводе слово «стол» передается как *mensa*.

⁷⁰ Ibid. P.382.14 — 383.3.

«Антаподосис, или Воздаяние» воспроизводится дворцовая церемония, посвященная Рождеству Христову. Часть текста сочинения Лиутпранда даже воспринимается как пересказ текста 83-й главы первой книги «О церемониях двора» Константина Багрянородного. Лиутпранд пишет: «С северной стороны близ ипподрома есть помещение, которое называется *Decaenneacubita*⁷¹. Название это оно получило не без оснований и по определенной причине: по-гречески “deca” означает “десять”, “ennea” можно перевести как “наклонное” или “изогнутое”. Такое название происходит оттого, что в каждую годовщину Рождества Господа нашего Иисуса Христа в этом зале накрываются 19 столов, за которыми император и его гости пировали не как в прочие дни — сидя, а возлежа. В эти дни на стол ставили не серебряную, а исключительно золотую посуду⁷². Описанный Константином Багрянородным «готский» танец заменен в сочинении Лиутпранда сюжетом циркового представления. Один из артистов держал на лбу шест длиной примерно в 24 фута с перекладиной в верхней его части, а вскарабкавшиеся вверх два мальчика, обнаженные, лишь с набедренными повязками, балансировали наверху, выполняя различные сложные трюки, что вызывало восхищение зрителей, а это, в свою очередь, доставляло удовольствие императору⁷³. Споров относительно «Антаподосиса» существует немало⁷⁴. Надо полагать, что наряду с залом девятнадцати лож для парадной церемонии в честь Рождества использовались

⁷¹ Guiland R. Etudes sur le Grand palais de Constantinople les XIX lits // JÖBG. 1962—1963. Bd. 11—12. P. 85—113; см. план Главного дворца: Dietrich K. Hofleben in Byzanz. Leipzig, 1912. S. 21 (план воспроизводится по книге: Ebersolt J. La grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies. P., 1910).

⁷² Becker J. Die Werke Liutprands von Cremona. Antapodosis. Hannover ; Leipzig, 1915. S. 156.

⁷³ Ibid.; см. также: Dietrich K. Hofleben in Byzanz... S. 59—60.

⁷⁴ См.: Ravagnani G. L'ambasceria di Liutprando di Cremona alla corte di Costantino Porfirogeneto e il Libro delle cirimonie // Syndesmos. Studi in onore di Rosano Anastasi. 1994. Vol. 2. P. 323—327.

более крупные помещения, например Магнавра⁷⁵. Однако лишь описание Лиутпранда подтверждает существование во времена написания его сочинения подобной традиции.

Арабский автор X в. Харун ибн Йахья оставил описание рождественского обеда, местом проведения которого, как считается, тоже был зал девятнадцати лож⁷⁶, однако по размаху празднования и деталям декора это, возможно, была и Магнавра. Харун пишет, что гости сидели за столами (а не возлежали), играл орган, а затем и цимбалы. Арабский путешественник представил рождественскую трапезу как совершенно светский обед.

Константин VII Багрянородный описал вечерний обед в сочельник накануне Рождества⁷⁷. Главным действием этого обеда была церемония поцелуя, когда император целовал патриарха, митрополитов, епископов, носителей высших церковных санов. Чиновники различных рангов обменивались поцелуями в соответствии с их достоинством. Патриарх во время ужина передавал императору священный хлеб. Затем все шли к священному колодцу во дворе перед дворцом. Там их встречали партии «голубых» и «зеленых», которые устраивали императору традиционные приветствия. Пройдя сквозь ряды дворцовой гвардии в большой зал заседаний⁷⁸, где сенат выкрикивал императору долголетие, придворная гвардия перестраивалась, маршируя, в форме греческой буквы П; гвардейцы кричали приветствия по-латински. Таким образом, христианский сценарий рождественского сочельника сочетается с отзвуками ранневизантийского времени. Обед является составной частью парадных действий, связанных с перемещением всех участников празднования по помещениям дворца и дворцовому двору.

⁷⁵ См.: Dietrich K. Hofleben in Byzanz... S. 21.

⁷⁶ Ibid. S. 57—59.

⁷⁷ De cerim. L. I. C. 22. P. 132 sq.

⁷⁸ См.: Dietrich K. Hofleben in Byzanz... S.21.

Трапеза по случаю Пасхи (празднование с пирами продолжалось семь дней) в описании обрядника Константина Багрянородного⁷⁹ соответствовала всем принятым в это время нормам. На пиру в Хрисотриклинии⁸⁰ присутствовало более двухсот человек, среди которых была знать, различные светские и духовные чины, гости, послы. Все присутствующие вставали по рангу с левой и правой сторон, а затем рассаживались по полагающимся им местам. В конце стола сидели справа и слева кандидаты, а далее слева — арабские гости в белых одеждах и без поясов, справа — гости из Болгарии⁸¹. Звучали музыкальные инструменты; на органе исполнялся величальный гимн, завершавшийся словами эвфимии⁸². Обеденные приемы в течение пасхальной недели проходили по схеме первого дня празднования (τελεῖται κλητώριον ἐπὶ τοῦ χριστοτρικλίνου κατὰ τὸ σχῆμα τῆς πρώτης ἡμέρας)⁸³. На пятый день в праздничном обеде принимали участие патриарх, митрополиты, клир⁸⁴. Строго регламентированной была и процедура вставания из-за стола и выхода из зала.

Императорский обед по случаю праздника Пятидесятницы⁸⁵, по описанию «Книги церемоний», проходил в триклинии Юстиниана и Хрисотриклинии⁸⁶. В ходе многодневных пиров, в том числе и названных ранее, почти всегда меняли в ходе торжеств залы Большого императорского дворца для продолжения трапезы. На императорских парадных обедах могло присутствовать до 250—300 человек.

⁷⁹ De cerim. L. II. C. 52. P. 765.17—775.6; Les listes de préséance byzantines... P. 201—211.

⁸⁰ De cerim. P. 767.5.

⁸¹ Ibid. P. 768.11—13.

⁸² Ibid. P.768.14—15.

⁸³ Ibid. P. 769.16—17.

⁸⁴ Ibid. P. 770.20—23.

⁸⁵ Ibid. P. 775—783; Les listes de préséance byzantines... P. 213.

⁸⁶ De cerim. P. 75.13—15; 776.1; 778.23.

Церемониальные приемы иностранных послов завершались обычно трапезой (чаще на другой день после приема), на которой присутствовали император, императрица, члены императорской семьи, в зависимости от ранга представляемого послом государства. Таким был, согласно «Книге церемоний», прием русской княгини Ольги⁸⁷. Прием и торжественный пир в честь княгини, хотя они проходили в сентябре, был организован по рангу праздника Пасхи⁸⁸. Прием Ольги соответствовал регламенту и сопровождался презентацией архонтов (архонтисс), провозглашением долголетия и проскинизой. Во время обеда, проходившего в триклинии Юстиниана, распевались василики, разыгрывались театральные действия, звучали хоры «голубых» и «зеленых»⁸⁹.

Наряду с торжественными обедами сохранились в X в. и те, которые были связаны либо с государственными праздниками, либо с народными обычаями. Таким был, к примеру, праздник в честь дня рождения столицы, отмечаемый ежегодно 11 мая на ипподроме и завершавшийся пиршеством среди зелени и цветов, восходящим к оргиям в честь Дионисия⁹⁰. В ноябре — декабре в императорском дворце широко праздновали брумалии⁹¹.

Любопытно, что непосредственно о еде в ходе торжественных пиршеств не писали ни византийцы, ни иностранцы. Мы информированы из неофициальных источников, что византийцы знали толк в еде: на званом обеде могло быть разнообразие мясных блюд — от фазаньего мяса до индюшатины, обилие сортов рыбы, как морской, так и речной, сыры, много-

⁸⁷ De cerim. L. I. C. 15. P.594.15—598.12.

⁸⁸ См. об этом: Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. 1981. Т. 42. С. 35—48.

⁸⁹ Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары императора» // ВО. 1982. С. 71—92.

⁹⁰ De cerim. P. 340—348; см. об этом: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 183.

⁹¹ Les listes de préséance byzantines... P. 67; 71; 134, п. 103; 223.26—28, п. 269; 225.10; 229.17.

численные виды овощей, ароматические травы, специи, обилие вин и фруктов⁹², сладких десертов⁹³.

Лангобардский посол Лиутпранд в отчете о своем первом посольстве 949 г. в Византию, когда он представлял Беренгария II, восторженно писал, что «после пира приносили плоды в трех золотых вазах, которые из-за их непомерной тяжести доставлялись не людьми, но подвозились на тележках, покрытых пурпуром. А на стол они подавались таким образом: через отверстие в потолке спускалось три каната, обтянутых позолоченной кожей, с прикрепленными к ним золотыми кольцами, которые продевались в петли на краях сосудов и тогда посредством лебедки, находившейся под потолком, и с помощью четырех или более человек, стоящих внизу, вазы ставили на стол и точно так же убирались»⁹⁴.

Во время своего второго посольства в 968 г., уже будучи германским послом, представлявшим Оттона I, совсем незадолго до этого ставшего римским императором, Лиутпранд, найдя со стороны Никифора II Фоки понимания и проявлений гостеприимства, был лишь один из всей германской группы приглашен на торжественное пиршество в честь Св. Троицы и сидел на пятнадцатом (далеко не почетном) месте от «императорской скатерти»⁹⁵. Обед показался ему отвратительным, долго тянувшимся; пища, по его мнению, была слишком жирной («как это бывает у пьяниц»), а запах рыбного маринада он

⁹² См., например: Koukoulez F. Byzantinōn bios kai politismos. Athina, 1954. T. 5. S. 42, 46, 67, 106, 114, 209, 288, 303, 377, 380, 414; Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolographie X—XII Centuries // BZ. 1984. Bd. 77. S. 22—27; Idem. Realia in Byzantine Epistolographie XIII—XIV Centuries // BZ. 1995. Bd. 88. S. 71—77.

⁹³ Les listes de préséance byzantines... P. 181.7, 189.26, 203.35.

⁹⁴ Becker J. Die Werke Liutprands von Cremona... S. 156. Вероятнее всего, эти вазы подавались в Магнавре, а не в зале девятнадцати лож (см.: Ravegnani G. L'ambasceria di Liutpradno di Cremona... P. 326).

⁹⁵ Отдельная скатерть у императора имела важное ритуальное значение и вошла в европейский церемониал (см.: Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. С. 86).

назвал мерзостным⁹⁶. Вполне понятна реакция посла, с которым византийский император, не могущий в этот момент принять довольно дерзкое, с его точки зрения, возвышение Оттона I, разговаривал нелицеприятно и всячески унижал его на этом приеме⁹⁷.

В описании новогоднего пиршества, сделанном арабом Харуном ибн Йахья, отмечается, что на каждом столе стояло одинаковое количество холодных и горячих блюд, и церемониймейстер громко объявил, учитывая привычки гостей-арабов, что среди мясных блюд нет свинины⁹⁸. В своем описании он заметил, что цимбалы играли столько времени, сколько гости ели, «и таким образом они ели двенадцать дней» (т. е. все время от 25 декабря до 6 января — от Рождества до Крещения). Этой фразой арабский автор компенсировал некоторую аскетичность официальных обрядников⁹⁹.

В целом, можно заметить, что в X в. в парадном императорском обеде были соединены разновременные традиции, начиная от римских и ранневизантийских, но уже четко сформировался тип императорского приема и следующего за ним пира, где предпочтительной оказывалась принадлежность к тому или иному разряду, фиксирующему должностью, одеждой, местом за столом социальную значимость участника парадной церемонии. Репрезентативность становилась доминирующей чертой византийской придворной культуры. Парадный обед византийских императоров олицетворял некое иерархическое единство

⁹⁶Qua in coena turpi et obscena, ebriorum more oleo delibuta alioque quodam dererrimo piscium liquora aspera...: Liutprandi Legatio ad Imperatorem Constantinopolitanum Niceforum Phocam // Liutprandi Opera / ed. J. Becker. 1915. P. 11; см.: Koder J., Weber Th. Liutprand von Cremona in Konstantinopel. Wien, 1980. S. 85; Weber Th. Essen und Trinken in Konstantinopel des 10. Jahrhunderts, nach den Berichten Liutprands von Cremona // Koder J., Weber Th. Op. cit. S. 76—98.

⁹⁷Koder J. Στερεότυπα στη Βυζαντινή ιστορία. Ο Λιουτπράνδος Κρεμώνης ως «ιστοριογράφος» και ως αντικείμενο της ιστοριογραφίας // Τò παιχινίδι με την Ιστορία. Θεσσαλονίκη, 1994. Τ. 4. Σ. 29—37.

⁹⁸См.: Dietrich K. Hofleben in Byzanz... S. 57—59.

⁹⁹Ibid. S. 58.

и был средством социальных связей. Декорум обеда и его ритуализованный регламент были призваны демонстрировать роскошь как определенный социокод, соотносимый с могуществом самого императора.

Пир как знаковая реалья культуры, с одной стороны, отражал стандарт социальной жизни верхов общества, а с другой, транслировал далее отраженный в нем код, открывая возможности для его последующей эволюции.

От комниновской эпохи не сохранилось описаний императорских парадных обедов, соответствующих регламенту обрядника, хотя, несомненно, они проходили.

Франкский историк XII в. Одон Дейльский, сопровождавший короля Людовика VII во время Второго крестового похода, побывав в Константинополе по пути в Антиохию, оставил в четвертой книге своего сочинения «О странствовании Людовика VII, короля франков, на Восток» описание торжественного пиршества, проходившего во Влахернском дворце: «Король в сопровождении императора посетил святые места и по возвращении отобедал с ним... Это пиршество, на котором присутствовали знатные гости, удивительное по своей пышности и по изысканности яств и по приятным развлечениям, услаждало одновременно и слух, и уста, и глаза»¹⁰⁰.

С реставрацией Византийской империи Палеологами парадность придворной жизни как символ восстановленного имперского могущества становилась все более рафинированной. Соответствующая ритуалу приемов репрезентативность власти, проявлявшаяся в той или иной парадной акции, стала составлять основное содержание каждой церемонии. Но в связи с ситуацией изменилось место проведения церемоний: императорский двор переместился во Влахернский дворец¹⁰¹. Иной стала и иерархическая лестница знати и чиновничества: исчезло деление на вилы, большинство должностей получило

¹⁰⁰De profectione. C. IV. P. 66.

¹⁰¹См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 259; Андреева М. А. О церемонии «прокиписис»... С.158.

иное название¹⁰². Деление чиновников на «разряды» скорее можно было определить по цвету головного убора, одежды, по типу их декорирования и наличию (или отсутствию) жезладиканикия.

В XIV в., согласно Псевдо-Кодину, количество торжественных императорских обедов сократилось, проводились они лишь по случаю больших религиозных праздников. Так, в «Трактате о должностях» отмечено, что торжественные приемы в триклинии, сопровождаемые обедом, проводились пять раз в году: в праздники Рождества Христова, Крещения, Входа Господня в Иерусалим, Пасхи и праздника Св. Духа (Пятидесятницы)¹⁰³. В качестве некоего образца проведения подобных приемов с трапезой Псевдо-Кодин приводит рождественские дни.

Празднование Рождества Христова начиналась в его канун, 24 декабря. В этот день после утренней службы в храме устанавливался иконостас с иконой Рождества Христова в триклинии и в присутствии императора, духовенства и придворных читались «Царские Часы». После вечерней литургии в храме на площади между храмом и дворцом проводилась торжественная церемония «явления» императора на прокиписисе¹⁰⁴. После гимна «Христос воскрес, чтобы короновали императора» и соответствующих славословий и выкриков церемония завершалась¹⁰⁵.

Вечерняя трапеза в канун праздника Рождества Христова проходила по «сценарию» торжественного приема — парастасиса. Когда император занимал место за столом, начиналась процедура приветствия его различными группами архонтов. Этим «парадом» архонтов руководил протовестиарит (когда же он отсутствовал, его заменяли великий этериарх или примикирий двора)¹⁰⁶.

¹⁰²Ps.-Kod. С. I.

¹⁰³Ibid. С. IV. P. 220.

¹⁰⁴О местопрохождении прокиписиса 24 декабря см.: Heisenberg A. Aus Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // SBAW. 1920. Abh. 85. Anm. 7.

¹⁰⁵Ps.-Kod. P. 204.

¹⁰⁶Ibid. P. 207.25—27.

В триклинии Влахернского дворца, где проходила церемония празднования, первыми из архонтов входили те, «кто носит красно-золотые скиадии (σκιᾶδια χρυσοκόκκινα)»¹⁰⁷. Наряду с элитой, представленной преимущественно родственниками императора — деспотом, севастократором, кесарем¹⁰⁸, в этой группе были верхние чины первого разряда: великий domestik, протовестиарий, великий дука, протостратор, великий логофет и великий стратопедарх¹⁰⁹. Они выкрикивали в адрес императора пожелания многолетия, на что император отвечал тем же. Затем эта группа покидала зал.

Согласно протоколу торжества, в триклиний входили следующие две группы архонтов. Прежде шли те, чьи головные уборы — скиадии — были расшиты золотыми нитями (великий примикирий, великий коноставл, пинкертн, куропалат, паракимомен печати, паракимомен τοῦ κοιτῶνος)¹¹⁰. Из этой группы после соответствующей церемонии приветствий в зале оставался лишь пинкертн, чтобы прислуживать императору в качестве виночерпия¹¹¹. Далее следовали те архонты, скиадии которых были украшены галунами, вышивкой двухцветного шелка или камнями: это группа из пятнадцати ступеней архонтов — от логофета геникона до великого друнгария¹¹². После взаимных приветствий из этой группы оставались прислуживать императору за столом domestik стола и трапезит.

Четвертая группа архонтов¹¹³ — от примикирия двора до логофета (всего 17 ступеней чиновников)¹¹⁴ — входила в триклиний с пожеланиями многолетия императору. После риту-

¹⁰⁷Ps.-Kod. P. 207.5—7; см. об этом также: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 207—208.

¹⁰⁸Ps.-Kod. С. II. P. 141—151.10.

¹⁰⁹Ibid. P. 151.11—154.27.

¹¹⁰Ibid. P. 155.1—156.19.

¹¹¹Ibid. С. IV. P. 207.15—17.

¹¹²Ibid. С. II. P. 156.20—158.24.

¹¹³В «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина отсутствует нумерация групп архонтов. Они лишь выделяются описательно: «те, кто носит...».

¹¹⁴Ps.-Kod. С. II. P. 158.25 — 163.4.

ала обмена пожеланиями и проскинизой эта группа также покидала зал. Далее императора по-английски приветствовали варяги, при этом с шумом ударяя секирами¹¹⁵. За третьей и четвертой группой архонтов входили и приветствовали императора иностранные гости.

Наконец, получали право приветствия все остальные. Среди них были и стражники-вардариоты, которые, по Псевдо-Кодину, произносили слова приветствия «на языке своей родины — персидском»¹¹⁶.

По завершении церемонии приветствий певчие исполняли полихроний и кондак «Святая Дева сегодня производит на свет того, кто будет стоять над миром»¹¹⁷.

Далее начиналась вторая часть приема накануне Рождества — трапеза (без разговения). Доместик стола называл каждого из архонтов, начиная с протовестиария и тех, кто был ниже его по рангу. Все они последовательно получали из рук доместика стола блюдо (минс)¹¹⁸ с императорского стола и затем шли к месту, которое им полагалось по рангу. Там импе-

¹¹⁵Ps.-Kod.C. IV. P. 209.26 — 210.3.

¹¹⁶Ibid. P. 210.6—8.

¹¹⁷Ibid. P. 210.9—13.

¹¹⁸Минс происходит от лат. *mensa* (стол) и означает либо сервировочное блюдо, либо поднос, либо смену блюд (первое, второе блюдо, блюдо с десертом) для IX—X вв. — см.: De cerim. LI.86. P. 388.9; LIII. P. 521.7; LII.3. P. 525.9; L.27. P. 627.1; LII.52. P. 748.12; 751.8 etc.; Les listes de préséance byzantines... P. 163.17, p. 132; 165.1; 177.9; 181.7; 189.11; 203.19.35. См. также: Κουκουλῆς Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός... Σ. 174, 181 etc. В исследовательской литературе переводится как *le plat, le plateau, die Schüssel, der Gang, das Gericht, das Gedeck*. Заметим, что в церковной практике есть понятие «антиминс», означающее «вместопрестолie» (см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 173—175; под императорским антиминсом понимается здесь переносной престол). Поскольку мы лишены возможности апеллировать к памятникам материальной культуры, предположим, что для XIV в. минс выполнял функции блюда-подставки, которое, вынося из зала, можно было использовать при еде вместо стола. В трактате Псевдо-Кодина слово «минс» употреблено 18 раз, из них 17 — при описании рождественского обеда, один раз — при описании коронационного обряда императора (Ps.-Kod. P. 270.23).

раторские слуги забирали блюдо и передавали его людям архонтов. При раздаче блюд выделялись и «те, кто носит красный скараник»¹¹⁹ — чины второго разряда. Как видим, трапеза в сочельник была весьма условна и сводилась к поранговой раздаче блюд с императорского стола.

После этой трапезы, по Псевдо-Кодину, император шел в свою комнату, где принимал поздравления от лиц, составляющих дворцовую элиту, родственников императора — деспотов, севастократоров и кесарей. Затем императора поздравляли сыновья высших архонтов (еще не носящие головного убора) и другие родственники императора¹²⁰.

Торжественный императорский обед происходил в первый день Рождества, 25 декабря. Он начинался с того, что после литургии протопапой или кем-либо из священников освящался императорский престол, что означало, что после 40-дневного поста можно снова есть скоромное (τὴν κρεωφάγον). К сожалению, это единственное упоминание о съестном, и читателю этого протокола «сценария» трапезы приходится только догадываться, что из «скоромного» стояло на рождественском столе. Священник приносил хлеб и минс (ἄρτον καὶ μίνσον) и удалялся¹²¹.

Далее начинался ритуал самой трапезы: протовестиарий (который руководил церемонией приема в сочельник) приглашал к императорскому столу великого доместика, который в течение всего обеденного приема будет держаться первым к императору. Доместик стола и трапезит отвечали за сервировку стола императора и исполняли его пожелания.

¹¹⁹Понятие «скараник» спорно: его признают либо головным убором, либо платьем (см. об этом: Поляковская М. А. К спорам о скаранике // АДСВ (Симферополь). 1995. Вып. 27. С. 4—45). Кстати, К. Дитрих перевел слово «скараник» как «персидское платье» (Dietrich K. Hofleben in Byzanz... S. 61). По Псевдо-Кодину, неизвестно, носили ли скараники в праздничные дни севастократоры и кесари (Ps.-Kod. С. II. P. 147.1—4).

¹²⁰Ps.-Kod. P. 212.4—14.

¹²¹Ibid. P. 212.15—26.

Затем начиналась процедура представления архонтов и раздачи им минсов. Протовестиарий, великий этериарх и примикирий двора звали к представлению (*παράστασις*)¹²², и каждый направлялся к своему месту, согласно рангу.

Приближение непосредственно самой трапезы было украшено приходом певчих, исполнявших праздничный гимн «Μάγοι, Περσῶν βασιλεῖς». Их сопровождал лампадарий, державший в золотом подсвечнике свечу, украшенную киноварью с золочеными листьями и крестами в кругах. Император в это время оставался без еды, а великий domestik, domestik стола и трапезит отходили к стене.

Когда гимн заканчивался, император снова обращался к трапезе, а великий domestik, бывший главным распорядителем обеда, вставал у края императорского стола и последовательно звал по имени протопсалта, лампадаря и руководителя хора. Он передавал им блюда, а они, в свою очередь, всем певчим, и вся эта группа выходила из зала.

Далее великий domestik раздавал блюда чтецам (их брали возвратившиеся певцы: как слуги у архонтов, они прислуживали певчим и выходили).

По завершении процедуры раздачи блюд всем, кто придал обеду рождественскую праздничность, — певцам, лампадарию и чтецам, великий domestik снова обращался к элите двора и родственникам императора начиная с паниперсеваста. Слуги этих знатных людей забирали блюда и несли к соответствующему рангу их господ месту.

Затем великий domestik начинал называть по именам последовательно всех архонтов — тех, «кто носит красный скараник»¹²³: каждый из них, пока остальные находились на своих местах с поклоном в честь великого domestика, выходил и получал блюдо.

Когда завершалась церемония раздачи архонтам сервировочных блюд из рук великого domestика, наступал черед примикирия

¹²²Ps.-Kod. P. 2113.31—214.3.

¹²³Ibid. P. 216.5—8.

варягов, а далее — всех варягов. После них получали блюда из рук великого domestика от имени императора стратиоты, стража и все остальные (получая блюдо, они покидали зал).

После завершения процедуры раздачи минсов всем присутствовавшим великий domestik снова начинал обслуживать императора (пока он был занят, император во время трапезы, если ему что-либо было нужно, обращался к domestiku стола и трапезиту).

Минсы, выданные гостям в соответствии с их рангом, должны были быть возвращены в сокровищницу (*εἰς τὸ βεστιάριον*)¹²⁴. Посуда (*ὁ σκεῦος*), полученная великим domestиком из рук императора лично для него, будь она золотая или серебряная, могла быть взята им в качестве подарка¹²⁵.

После того как убирали скатерть, domestik domestикона приносил хлеб *ἐν παναγαρίῳ*. Император, поднявшись из-за стола, ставил ступню на скамеечку, а один из молодых родственников императора (из тех, кто еще не носит головного убора), поддерживал скамеечку двумя руками, чтобы императору было удобно. Трапезит, взяв панагиарий, поднимал хлеб, называемый панагией¹²⁶, передавал его domestiku стола, тот — великому domestiku, а он подавал хлеб императору. В тот момент, когда император подносил хлеб-панагию ко рту, все выкрикивали пожелания многолетия (*τὸ πολυχρόνιον*)¹²⁷. Пинкерт тотчас приносил императору на подносе кубок вина и полотенце (т. к. скатерть была уже снята).

После этого этапа трапезы император садился; великий domestik, domestik стола и трапезит убирали с императорского стола, который затем уносил domestik domestикона.

В завершение всей процедуры рождественской трапезы¹²⁸, когда все застывали в проскинизе, император громко (*μεγάλη*

¹²⁴Ps.-Kod. P. 217.12—15.

¹²⁵Ibid. P. 217.17—20.

¹²⁶Ibid. P. 218.6—7.

¹²⁷Ibid. P. 218.9—11.

¹²⁸Ibid. P. 218.21—28.

φωνῆ) произносил в адрес великого доместика: «εἰς πολλὰ ἔτη, μέγα δομῆστικε», благодаря его за исполнение всего протокола обеда в качестве ведущего. Затем император просил великого доместика удалиться (ἄπελθε), а вслед за ним удалялись все, кто принимал участие в трапезе.

Итак, побывав на парадном императорском обеде, оставляем его «несолоно хлебавши» — так и не узнав, какие яства стояли на праздничных столах, какие вина пили гости, были ли застольные разговоры, произносились ли речи. Пройдя, вслед за Псевдо-Кодином, всю церемонию рождественского пира, мы убеждаемся, что в ней преобладающей стала репрезентативность и явная сакрализация «сценария». Обед сам по себе оказался скрыт протокольными действиями. Все празднество напоминает хорошо отрепетированный спектакль. Рождественская тема стала очевидной, превратившись в ритуал и не оставив места светским развлечениям в духе календ. Пир, всегда бывший зрелищем, стал спектаклем без импровизаций.

Поскольку в задачи этого подраздела главы входило и выявление эволюции императорского обеда по сравнению с отраженным в «Книге церемоний» временем Константина Багрянородного, приведем некоторые наблюдения, учитывая, разумеется, объемное превосходство источникового материала для раннего периода.

Действительно, византийский императорский обед, проводимый василевсом во дворце и являвшийся проявлением византийской парадной культуры, прошел с X по XIV в. заметную эволюцию.

1. Число парадных пиров существенно сократилось и было сведено к пяти официальным трапезам по случаю основных религиозных праздников.

2. Несомненным отличием парадных пиров времени Палеологов была их скромность по сравнению с предшествующими временами. Обрядник XIV в. не содержит описаний памятников искусства или каких-либо роскошных диковинок, которыми были полны торжественные залы императорского дворца

в эпоху Константина VII Багрянородного. Правда, Псевдо-Кодин упоминает о золотой и серебряной посуде¹²⁹, но, по Никифору Григоре, она была в основном уже заложена и использовалась в редчайших случаях. Так, на пиру в честь коронации Иоанна VI Кантакузина в 1347 г. стол был сервирован оловянной и серебряной посудой¹³⁰. Одаривание гостей, бывшее традиционным, богатым и разнообразным в X в., стало носить единичный характер и не отличалось особой щедростью.

3. Разнообразие типов обедов, наблюдаемое в X в., сменилось официальным приемом-обедом, соответствующим строгому регламенту.

4. Изменилась сама терминология, связанная с парадным пиром. Если понятия ἡ τράπεζα и τὸ δεῖπνον, употребляемые во все века византийской истории, сохранились и в XIV в., то понятие τὸ κλητήριον, так часто встречаемое в «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного, не используется Псевдо-Кодином.

5. Отошли в прошлое традиции народных празднеств, вплетаемые в X в. в ткань императорских парадных обедов.

6. Исчезла политическая декоративность, которая была связана с ранневизантийской историей (например, хоры партий венетов и прасинов, часто упоминаемые Константином Багрянородным в отношении приемов и обедов в императорском дворце).

7. Перемещение во Влахерны императорского двора, в связи с печальным состоянием к XIV в. Большого императорского дворца, во многом ограничило размах проведения торжеств, поскольку размеры площадей Влахернского дворца были гораздо скромнее. Если в X в. проведение многодневных обедов предусматривало перенесение торжеств из одного зала в другой (Магнавра, Хрисотриклиний, палата Юстиниана, зал девятнадцати лож и др.), то в XIV в. обеды проводились

¹²⁹Ps.-Kod. С. IV. P. 217.18—19.

¹³⁰См. об этом: Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы... С. 204.

в парадном влахернском триклинии, который, по всей вероятности, не вмещал всех гостей и в силу этого представлял некую сцену, где из одного входа появлялась группа архонтов, совершала необходимые по регламенту приветствия, получала «блюда» с императорского стола и в зависимости от ритуала сразу или после предусмотренного времени выходила, уступая место следующей группе. Если, как отметил А. Грабар, Большой императорский дворец был внутренним (для Константинополя) городом, комплексом с площадями, улицами, резиденциями¹³¹, то Влахерны представляли одно здание, соединенное с Влахернским монастырем, к тому же довольно далеко расположенное от центра столицы, от храма Св. Софии.

8. Хотя репрезентативный характер присутствия архонтов на парадном обеде определился как один из его элементов еще в X в., в палеологовское время представительство архонтов стало главным стержнем события и декоративно обрамляло процедуру обеда. Если в X в. представительство архонтов совмещалось с различными представлениями, «декором» в виде светских зрелищ и музыки, переходами из зала в зал, то в XIV в. оно стало уже жестким регламентом, канвой празднества, и даже сама трапеза соединилась с акцией представительства и составила с ним единое действо. Парадный обед все более стал напоминать спектакль, где архонтам отводилось место статистов, своим появлением в триклинии и исчезновением декорировавших происходящее и способствовавших развитию сценария парадного обеда.

9. К XIV в. произошла заметная сакрализация парадного обеда. Исчезли светская музыка, развлечения и зрелища. Доминирующей стала религиозная атрибутика, соответствующая отмечаемому пиром празднику.

10. В «драматургии» обеденного празднества главной фигурой все очевиднее становился император. Все действие разворачивалось вокруг фигуры василевса, вокруг императорского стола. Если в X в. он мог на обеде (в отдельные его моменты)

¹³¹ Grabar A. Pseudo-Kodinos et les cérémonies... P. 207.

предстать в виде рачительного хозяина, могущего побеседовать с кем-либо из гостей (лично или через должностное лицо), не руководя одновременно ритуалом обеда, то в палеологовскую эпоху он время от времени своими церемониальными действиями (например, поднося к губам кубок вина) или репликами регулировал то поле действия, которое было передано им великому domestiку как церемониймейстеру. Если в X в. император был безмолвен в ритуальном действии¹³², то в XIV в. в ходе и пиршества, и приема некоторые ситуации инициировались ритуальными репликами императора (к примеру, слова василевса «Мой диканикий!» служили знаком начала эвфимии)¹³³.

Хотя византийские реалии воспринимаются чаще всего традиционными, приведенный обзор, однако, позволяет говорить о значительной эволюции императорского парадного обеда, что, в свою очередь, отражает эволюцию византийского общества и его культуры. Парадная культура, аккумулируя репрезентативное ее содержание, становится все более замкнутой, представляя ирреальный мир.

За кажущимися бессмысленными, а порой и абсурдными ритуалами парадного обеда можно увидеть проявления имперской идеологии. Унаследованный ею древнегреческий тезис «таксиса» трансформирован здесь в идею «порядка» — строгого и неукоснительного соблюдения каждым из архонтов своего места в иерархии («Знай свой шесток!»). Но в то же время эта идея уравнивалась в духе державной политики монаршей милостью: пять раз в году любой из архонтов, вплоть до 80-й ступени, мог быть на парадном обеде публично назван по имени и приглашен к императорскому столу для получения от лица императора своего минса. Это давало низшим архонтам ощущение (может быть, минутное) равенства с теми, кто наверху.

¹³² Grabar A. Op. cit. P. 199.

¹³³ Ps.-Kod. C. IV. P. 192.10.

Усложнение рисунка этикетных форм, некая искусственность эстетизации обрастающей «ритуальными неудобствами»¹³⁴ придворной культуры, с одной стороны, и усложнившийся «ландшафт» общественной жизни империи, с другой, не противоречили друг другу, но, напротив, первое было устремлено на уравнивание второго, создавая впечатление незыблемости и гармонии в разрушающемся мире «вечной» империи.

Итальянские послы на императорском приеме

В «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина при описании торжественных приемов византийских архонтов и иноземных гостей восемь раз (в совокупности) названы подеста Генуи, подеста Галаты¹³⁵ и генуэзцы. Эти фрагменты позволяют восстановить процедуру приема иностранцев в XIV в. Во всех фрагментах речь идет о торжественных приемах в триклинии Влахернского дворца по поводу праздников Рождества Господня, Крещения и Великого Воскресения.

В церемониальной книге несколько раз отмечается, что генуэзцы приравниваются в церемониале к византийским архонтам. Поскольку во время приема архонты, согласно протоколу, делились на группы, то Псевдо-Кодин отмечает, что генуэзцы, прибывшие как из Галаты, так и из Генуи, входят в триклиний после группы, которая завершается великим друнгарием флота (μέγας δρουγγάριος τοῦ στόλου)¹³⁶, т. е. после третьей группы первого разряда¹³⁷.

В канун праздника Рождества Христова подеста (ὁ ποτεστάτος) Галаты был отмечен возможностью присутство-

¹³⁴ Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды... С. 20.

¹³⁵ Галата — генуэзский квартал Константинополя, расположенный вдоль залива Золотой Рог.

¹³⁶ Ps.-Kod P. 208.27—209.1.

¹³⁷ Подробнее см. прил. 1 «Табель о рангах XIV в.».

вать во время церемонии прокипсиса¹³⁸ вместе с другими архонтами и оставаться во дворце вплоть до трапезы¹³⁹, что являлось проявлением большой милости: многие из архонтов после процедуры приветствия покидали дворец.

По описанию Псевдо-Кодина, процедура приема подеста Галаты с сопровождающими его лицами проходила следующим образом. Генуэзцы входили в триклиний, когда архонты третьей группы уже занимали соответствующие места в зале. Входя, группа генуэзцев во главе с подеста провозглашали по-латински пожелание долгой жизни (πολιχρονίζουσι Λατινικῶς) императору, а также преклоняли колена¹⁴⁰. Император, в свою очередь, желал им долгих лет, и подеста, получив из рук императора κολίκιον¹⁴¹, покидал триклиний.

Прием по случаю праздника Феофании проходил точно так же (ἀπαράλλακτως)¹⁴², как и прием в день Рождества Христова. Псевдо-Кодином добавлено лишь то, что составляло специфику этого приема. Патриарх или протопапа, благословляя императора и присутствующих, давал большую свечу василевсу, а также тем, кто был в зале приема, в том числе подеста и тем, кто был с ним¹⁴³.

Генуэзцы как участники торжественного приема во дворце названы автором обрядника также и в день Великого Воскресения. Ритуал этого праздничного приема отличает церемония целования (ὁ ἀσπασμός).

Подеста генуэзской Галаты, вместе с генуэзцами войдя в триклиний, как и другие архонты, целовал правую ступню

¹³⁸ См.: Андреева М. А. О церемонии «прокипсис...» Р. 157—173. Церемония проходила обычно во дворе перед дворцом.

¹³⁹ Ps.-Kod. P. 208.19—24.

¹⁴⁰ Ibid. P. 209.1—4.

¹⁴¹ Ibid. Κολίκιον — от латинского *colis/caulis* — стебель. Ж. Верно переводит это слово как *une couronne de pain*. Следует понимать, что вручение коликия как знака уважения являлось данью латинской традиции. В тексте обрядника это слово встречается только один раз.

¹⁴² Ibid. P. 220.8—10.

¹⁴³ Ibid. P. 220.20—221.2.

императора, правую руку и правую щеку (τὸν δεξιὸν πόδα, τὴν δεξιὰν χεῖρα, τὴν δεξιὰν παρεῖαν)¹⁴⁴. После церемонии целования они покидали триклиний.

Когда на приеме в день Великого Воскресения присутствовал, кроме подеста Галаты, и подеста Генуи, то, если это был его первый визит во дворец после приезда в Константинополь, он должен был не один раз, а дважды склониться в проскинизе: сначала в дверях триклиния, а затем в середине зала. После этого он, как и все архонты, целовал ступню, руку и щеку василевса¹⁴⁵. Так же поступали, согласно ритуалу, и другие генуэзские архонты. Когда подеста Генуи каждодневно прибывал на церемонию проскинизы, он должен был снимать, как и другие генуэзцы, свой καπούτσι¹⁴⁶ и дважды преклонить колено¹⁴⁷.

При прибытии в порт Константинополя кораблей из Генуи (каково бы ни было их число) генуэзцы, находящиеся на кораблях, кричали эвфимию в честь византийского императора¹⁴⁸.

Обобщая содержащиеся в сочинении Псевдо-Кодина лаконичные сообщения о правилах приема генуэзцев, можно заметить, что в ритуал входили в различных вариантах обычные и для приема византийских архонтов (не ниже третьей группы) элементы: проскиниза (поклон), полихроний (пожелание многолетия), аспасм (целование) и эвфимия (прославление). Все эти элементы генетически восходят к ритуалу приемов римскими императорами — от падания ниц (*adoratio*) до целования ног, рук, одежды (*purpurum adorare*)¹⁴⁹.

Чтобы оценить уровень оказываемой генуэзцам чести через ритуал придворной церемонии, сравним его с протоколом

¹⁴⁴ Ps.-Kod. P. 234.23—235.6.

¹⁴⁵ Ibid. P. 235.20—236.6.

¹⁴⁶ Καπούτσιον — головной убор, капюшон.

¹⁴⁷ Ps.-Kod. P. 236.7—10.

¹⁴⁸ Ibid. P. 236.0—13.

¹⁴⁹ Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 19—20. Сн. 2.

приема такой группы иностранных гостей, как представители Венеции.

Венецианцы названы в «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина три раза¹⁵⁰ в связи с церемониями приемов по случаю праздников Рождества Господня и Пасхи.

Венецианцы названы в обряднике после четвертой (а не третьей, как генуэзцы) группы архонтов, завершающейся логофетом τῶν ἀγέλων¹⁵¹. Таким образом, если измерять, вслед за Псевдо-Кодином, место лица или группы лиц по должностной лестнице архонтов, генуэзцы стояли на 17 ступеней выше венецианцев (как и представителей Пизы).

Относительно приема венецианцев по случаю праздника Рождества в обряднике замечено скупое: «Венецианцы приходят на [церемонию] прокипсиса, но не остаются, а уходят»¹⁵². Генуэзцы же, как уже отмечалось, проходили после прокипсиса через ритуал проскинизы и полихрония в помещении триклиния, получали знаки внимания со стороны императора (в форме пожелания многолетия и вручения κολίκιον) и оставались до трапезы. Псевдо-Кодин намеренно подчеркивал различие в статусе генуэзцев и венецианцев, написав: «Причина будет представлена далее»¹⁵³.

Следующий фрагмент «Трактата о должностях», называющий венецианцев, связан с торжествами по случаю празднования Великого Воскресения. Венецианский байло (μπαῖουλος) и другие венецианцы, прибывшие с ним, при первом визите их во дворец преклоняли колена, но не целовали стопы императора. Когда же они снова прибывали во дворец, то лишь снимали свои головные уборы (τὰ καπούτσια), но не сгибали колени (οὐ γονατίζουσι). Согласно установившемуся порядку, они не оставались на церемонии многолетия и поцелуя. Кроме того, на

¹⁵⁰ Ps.-Kod. P. 209.22; 235.10; 236.15.

¹⁵¹ По нашим подсчетам, логофет тон агелон занимал 49-е место в общей иерархии чинов (см. прил. 1).

¹⁵² Ps.-Kod. P. 209.21—25.

¹⁵³ Ibid. P. 209.25—26.

кораблях венецианцев не устраивалась эвфимия в честь императора¹⁵⁴. Таким образом, мы видим, что венецианцам, согласно обряднику, было отказано в процедурах полихрония, аспасма, эвфимии и (при повторном появлении во дворце) проскинизы. Не оставались венецианцы и на праздничную трапезу во дворце.

К счастью для исследователей, Псевдо-Кодин выполнил свое обещание объяснить причину разного уровня приема императором генуэзцев и венецианцев. Если бы не было этого несколько выпадающего из общего контекста обрядника фрагмента, версий у исследователей для объяснений разного статуса представителей итальянских городов при византийском дворе было бы много больше.

Псевдо-Кодин апеллирует в своем пояснении к совершенно конкретным событиям: он называет тот «вечный мир» (ἀγίαση), когда были определены знаки уважения, которые генуэзцы должны были отдавать византийскому императору при их приеме во дворе¹⁵⁵. Далее, обращаясь к более низкому по сравнению с генуэзцами статусу венецианцев, Псевдо-Кодин замечает, что эта ситуация была связана с тем, что император хотел вскоре после заключения мира с Генуей начать войну (μάχην ποιῆσαι) с Венецией. Поскольку византийско-венецианские отношения не имели какого-либо реального завершения в тот момент, то для них не были определены нормы их приема, как для генуэзцев¹⁵⁶.

Несомненно, Псевдо-Кодин имел в виду Нимфейский договор с Генуей от 13 марта 1261 г.¹⁵⁷ Как известно, этот договор позволил генуэзцам свести счеты с их вечными соперниками на Средиземном море венецианцами, сумевшими в свое время искусно использовать результаты Крестовых походов и

¹⁵⁴ Ps.-Kod. P. 236.27—237.4.

¹⁵⁵ Ibid. P. 235.14—19.

¹⁵⁶ Ibid. P. 236.14—21.

¹⁵⁷ Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453 / bearbeit. von F. Dölger. Vol. 1—5 München ; Berlin, 1925—1965. Vol. 3 (далее — Reg.). № 1890.

прочно обосноваться в Константинополе. Когда никейский правитель Михаил Палеолог готовил поход на Константинополь, он, заинтересованный во флоте, заключил в Нимфее договор с генуэзцами на случай противостояния венецианцев, которые сохраняли свои приоритеты в Константинополе. Хотя генуэзский флот не пришлось использовать, Михаил VIII Палеолог оставил за Генуей названные в договоре привилегии. Михаил предоставил им даже тот *palatium*, который до этого принадлежал их соперникам. Как известно, генуэзцы под звуки труб и литавр уничтожили до основания эту резиденцию венецианцев и даже отравили на кораблях камни от разрушенного здания в Геную¹⁵⁸.

Могут ли «генуэзский» и «венецианский» экскурсы в трактате Псевдо-Кодина являться надежными аргументами для исследования проблемы отношений Византийской империи с итальянскими республиками? С момента Нимфейского договора до времени, когда на основе протоколов придворного церемониала был написан трактат, прошло около девяти десятилетий, принесших различного рода изменения. Так, в 1265 г., через три года после заключения договора с генуэзцами, был заключен вечный мир с Венецией, значительно расширивший права этой республики как в Эгееде, так и на территории Византии, в том числе и в Константинополе. Даже в районе Галаты им были выделены два участка земли по их выбору¹⁵⁹. Что же касается отношений с генуэзцами, то за годы, следующие за заключением Нимфейского договора вплоть до времени написания обрядника, они заметно испортились, однако условия договора продолжали действовать.

Несмотря на значительный политический авторитет генуэзцев и их влияние в левантской торговле, отношение к ним со стороны византийских императоров было настороженным. Георгий Пахимер считал, что Михаил Палеолог боялся «морских владык» (τοὺς θαλασσοκράτοῦντας) и

¹⁵⁸ См.: Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 223.

¹⁵⁹ Reg. № 1934.

«ухаживал» за ними¹⁶⁰. Никифор Григора писал о генуэзцах (преимущественно о живших в Галате), что они «бредили гегемонией на море», а их ежегодные доходы примерно в семь раз превышали доходы византийцев¹⁶¹. Помимо чисто экономического приоритета, генуэзцы ловко использовали все перипетии внутривосточной борьбы, помогая либо императору, либо представителям императорской семьи, либо оппозиции¹⁶².

Неприятнь к генуэзцам испытывали не только представители элиты, но и все население Константинополя, которое в поставках зерна и других продуктов было зависимо от Галаты: генуэзцы могли преградить путь к порту грузовым кораблям, если это им было выгодно.

Византийский писатель середины XIV в. Алексей Макремволит, не принадлежавший к интеллектуальной элите и отражавший интересы народа, называл родиной поселенцев в Галате не столько Геную, сколько геенну огненную, обыгрывая внешнее сходство слов Γενουόα и γέεννα¹⁶³. Он, называя генуэзских купцов «родом дерзостным и неумолимым», отмечал, что генуэзцы нагло вели себя на византийской земле, «презирая и оскорбляя автократора [Иоанна Кантакузина]»¹⁶⁴.

Апогеем византийско-генуэзских отношений была так называемая Галатская война (август 1348 — март 1349), развязанная Галатой против Константинополя. Генуэзцы Галаты пытались добиться увеличения льгот в торговле, используя разногласия в правящей элите¹⁶⁵. В огне пожаров, организованных генуэзцами в предместье Константинополя и в гавани,

¹⁶⁰ См. об этом: Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе XIV в... С. 225.

¹⁶¹ Там же. С. 227—228.

¹⁶² Kyrris C. P. John Cantacuzenos and the Genoese 1321—1348 // *Miscellanea storica ligure*. Milano, 1963. Т. 3. Р. 9—48.

¹⁶³ Λόγος ιστορικός / ed. Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεύς // *Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*. Εν Πετρούπολει, 1891. Τ. 1. Σ. 144—159; см.: Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов... С. 228—234.

¹⁶⁴ Λόγος ιστορικός... Σ. 146.13—14.

¹⁶⁵ Kyrris C. P. John Cantacuzenos... Р. 42—43.

где шло строительство византийского флота, были разрушены дома, стены которых, по мнению Алексея Макремволита, украшали ранее Константинополь как ожерелье, а также храмы, святилища, баржи, большие корабли и шлюпки¹⁶⁶.

Таким образом, можно отметить, что, хотя придворный церемониал, традиционно соблюдавший нормы существовавших протоколов, не отражал всех перипетий в неустойчивой политической погоде, однако общая тенденция, нашедшая отражение в обряднике, верно выделяет в целом привилегированное положение именно генуэзцев, а не венецианцев в Константинополе и во всей империи (во всяком случае, до Кьоджской войны 1376—1381 гг.). Однако трудно представить, что во времена Галатской войны могли соблюдаться нормы церемониала в отношении генуэзцев в том объеме, который зафиксирован в «Трактате о должностях».

Это обращает нас к вопросу о датировке обрядника. Ж. Верпо, взвесив все pro et contra, назвал первоначально в качестве *terminus a quo* 1347-й г.¹⁶⁷ Однако отдельные из приведенных им дополнительных аргументов (отсутствие упоминания о месте ἐπί τοῦ κανικλείου в приводимой автором обрядника служебной лестнице, а также умолчание о таком празднике, как второе воскресение Великого Поста)¹⁶⁸, позволило издателю отодвинуть создание трактата к 60—90-м гг. XIV в.¹⁶⁹ Однако события Галатской войны дают основание поставить под сомнение приведенные умолчания как аргументы и отдать предпочтение первой из выдвинутых Ж. Верпо датировок — 1347-му г. Это предположение отнюдь не является категоричным, тем более что реальные события далеко не всегда находили прямое отражение в действующем церемониале.

¹⁶⁶ Λόγος ιστορικός ... Σ. 147.5—15.

¹⁶⁷ Verpeaux J. Introduction // Ps.-Kod. Р. 29.

¹⁶⁸ Их установление относится к 60-м гг. XIV в.

¹⁶⁹ Verpeaux J. Introduction. Р. 30—31.

«Император на коне»: выезд императорской кавалькады

«Император на коне» — так назвал А. Грабар один из параграфов своей монографии «Император в византийском искусстве»¹⁷⁰. Рискнем употребить эту словесную формулу, используя ее как в прямом, так и в расширенном смысле.

Образ императора на коне (ὁ βασιλεὺς ἑφιππος) имел римские корни и был для византийцев символом победы над врагами империи, символом, призванным дать подданным уверенность в своей защищенности и безопасности.

Начиная с VI в., когда конная статуя Юстиниана I украсила центральную площадь Константинополя¹⁷¹, эта триумфальная тема находила позднее воплощение в византийской живописи, скульптуре, резьбе по кости, в металле, в тканых изображениях. В композициях «император на коне» век от века — вплоть до времени Комнинов — менялась стилистика, иконография (император был уже не в римских, а в византийских одеяниях), смысловые акценты (от воина-победителя, поражавшего варвара, до триумфатора после победы и др.)¹⁷².

Что касается поздневизантийской эпохи, то мы располагаем преимущественно почерпнутыми из источников описаниями иконографического типа «император на коне», если не считать фрески Беноццо Гоццолли с конным портретом Иоанна VIII Палеолога, одетого в зеленый ездовой кафтан, декорированный шитыми золотом флеронами¹⁷³, и нескольких монет с конным портретом Мануила II Палеолога¹⁷⁴. Основную же информацию о судьбе этого иконографического типа в поздней Византии мы находим в церемониальной книге Псевдо-Кодина.

¹⁷⁰ См.: Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 64—71.

¹⁷¹ См.: Прокопий Кесарийский. О постройках. I.2 // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 151.

¹⁷² См.: Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 68—70.

¹⁷³ См.: Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории... С. 259.

¹⁷⁴ Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 72.

Беноццо Гоццоли. Портрет Иоанна VIII Палеолога. 1459—1460
Фреска. Капелла палатцо Медичи — Риккарди, Флоренция

Пизанелло. Медаль с портретом Иоанна VIII Палеолога
1438. Бронза. Лувр, Париж

Императорский пир
Мадридская рукопись сочинения Иоанна Скилицы. Конец XII в.

Прежде всего следует отметить три упоминания в названном обряднике об императорских конных портретах. Во второй главе, посвященной описанию официальных костюмов архонтов, названо парадное одеяние военного чина — великого друнгария τῆς βίγλης, включающее скараник из желто-золотого шелка с золотой вышивкой: впереди — интронированного императора, а сзади — императора, сидящего на коне (ἔχον ἔμπροσθεν μὲν τὸν βασιλέα εἰκονικῶς καθήμενον ἐπὶ θρόνον ἀναβατόν, ὀπισθεν δὲ ἔφιππον)¹⁷⁵.

В третьей главе, рассматривающей обязанности каждой из официальных служб, отмечено, что возглавлявший византийский флот великий дука выступал под фламулой с изображением императора на коне (ὁ μέγας δοῦξ τὴν τοῦ βασιλέως στήλην ἴστησιν ἔφιππον)¹⁷⁶.

Третье упоминание образа «император на коне» содержится в коронационной седьмой главе поздневизантийского обрядника. Псевдо-Кодин выделил среди лиц, окружавших василевса во время обряда коронования, четырех архонтов из числа особо почитаемых в государстве (τέσσαρες ἀπὸ τῶν ἐντιμωτέρων ἀρχόντων τῆς πολιτείας)¹⁷⁷. Каждый из них держал в руках круглый щит с изображением василевса на коне (κατέχοντας δὲ ἐν χερσὶν ἕκαστον ἀσπίδα στρογγύλην γεγραμμένον τὸν βασιλέα ἔχουσαν ἔφιππον)¹⁷⁸.

Из сообщений Псевдо-Кодина мы не узнаем ничего нового относительно иконографии образа императора на коне. Информативная ценность рассматриваемого обрядника для изучения заявленной темы заключается скорее в подтверждении «тиражирования» в церемониале поздней Византии римско-ранневизантийского образа императора-полководца, хотя реалии эпохи Палеологов отнюдь не свидетельствовали о военных талантах представителей этой династии. Присутствие

¹⁷⁵ Ps.-Kod. P. 158.14—20.

¹⁷⁶ Ibid. P. 167.21—23.

¹⁷⁷ Ibid. P. 273.6—8.

¹⁷⁸ Ibid. P. 273.11—14.

образа «император на коне» в декоре одежды архонтов, имевших военные чины, на боевых фламулах и на военных щитах придавало церемониалу особую значимость, воплощая идею безопасности империи на поле брани в беспокойное для страны время.

Кроме того, следует заметить, что церемониальная книга XIV в. содержит уникальный материал о парадной императорской кавалькаде с детальной характеристикой элементов декора конной упряжи. Именно последнее обратило автора этой книги к необходимости реконструкции на основе текста сочинения Псевдо-Кодина некоего зрительного образа «экипировки» коня в императорской кавалькаде. Как известно, в произведениях искусства детали декора исчезают, уступая место некой условности, что делает информацию, содержащуюся в церемониальной книге, заслуживающей внимания.

Торжественный выезд императора за пределы дворцового пространства в сопровождении конного эскорта, представленного высшими сановниками империи и приличествующей случаю стражей, являлся одним из важных моментов проявления репрезентативной функции правителя. Обрядник предусматривал церемониальные выезды в главный храм столицы — Св. Софии, в Большой императорский дворец, в столичные монастыри.

Чем параднее была акция, тем более эффектное зрелище представлял конный императорский кортеж. Звуки оркестра сопутствовали движению торжественной кавалькады с того момента, как только василевс садился на коня: «...музыканты ударяют в цимбалы, трубачи трубят, букинаторы играют на своих серебряных инструментах»¹⁷⁹. Музыка звучала и при утренних выездах императора для встреч с населением столицы. В этом случае она служила цели оповещения людей

¹⁷⁹ Ps.-Kod. P. 192.7—14. Трубы, используемые для музицирования в подобных условиях, были особой формы, определяющей специфику звука, способного привлечь зрителей.

о возможности увидеть василевса и в случае необходимости обратиться к нему просьбу или жалобу¹⁸⁰.

Императорская кавалькада была демонстрацией роскоши как одежд её участников — императора, сановников, стражи, так и убранства коней. Обилие ярких красок, златотканые одежды, различных оттенков шелковые ткани, драгоценные камни, богатство декора в убранстве конной упряжи — все это было рассчитано на эффект зрительского восприятия, могущий упрочить авторитет империи и василевса у представителей самых различных слоев населения столицы. Конные выезды императора были своего рода демонстрацией богатства и силы императорской власти. Народ жаждал быть свидетелем этой роскоши, должной уверовать его в богатстве и могуществе империи.

Как уже отмечалось, немалую роль в репрезентативном воздействии на зрителей должен был выполнить декор конного убранства. Описание его мы находим в посвященной парадному костюму придворных 2-й главе трактата. Как дополнение к характеристике официальной одежды автор приводит и перечень элементов декора конной упряжи соответственно статусу обладателя коня.

К сожалению, в трактате отсутствует описание убранства императорского коня. Можно лишь условно его реконструировать, ориентируясь на ремарки типа «как императорская» (ὡς καὶ ἡ βασιλική)¹⁸¹ с добавлением «но без того-то или иного, украшавшего императорского коня», что косвенно повышало градус великолепия убранства коня василевса.

Поскольку в конных выездах императора сопровождали прежде избранные представители придворной знати, Псевдо-Кодин подробно описывает декор упряжи коней, принадлежавших именно высшему классу. Из архонтов первого разряда¹⁸²,

¹⁸⁰ Ps.-Kod. P. 173.7—15.

¹⁸¹ Ibid. P. 144.18—145.1.

¹⁸² См. об этом: Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница... С. 161—162.

стоявших в иерархической лестнице ниже придворной элиты, в рассматриваемом сюжете названы только паниперсеваст и протовестиарий с очень коротким комментарием по поводу убранства их коней.

Итак, выделим смысловое «гнездо слов», составляющих «набор» характеристики конной упряжи. Представим его в той последовательности, какой придерживается автор обрядника. Этот набор включает седло (ἡ σέλλα), ковер для седла (ἡ ἰδρομαχία), попону (τὸ κοπιτοῦριον), стремяна (αἱ σκάλαι), навес или палатку (ἡ τέντα), оголовье (τὸ μετώπος), уздечку (τὸ χαλινάριον). Набор деталей характеристики для каждой социальной ступени был более или менее полным или замечался формулой «как у такого-то».

Появление на улицах Константинополя императорской кавалькады всегда привлекало толпы людей, каждый из которых воспринимал эффектное зрелище либо в целом, либо выхватив взглядом какую-либо одну деталь общей картины великолепия, которую представляла императорская кавалькада.

В состав сопровождающих лиц при конных выездах императора входила прежде всего придворная элита — деспоты, севастократоры и кесари, многие из которых были родственниками василевса¹⁸³. Все они, как и император, были в легких, удобных для верховой езды красных платьях-рухах (τὸ κόκκινον ροῦχον)¹⁸⁴ с декором, соответствующим иерархии. Не останавливаясь на других деталях костюмов сановников, обратимся лишь к их обуви. Дело в том, что в украшении конной упряжи соблюдался принцип повтора цвета обуви и чулок сановников, а также акцентировались отдельные элементы украшений обуви, что позволяло по убранству конной упряжи определить статус его владельца. Обувь наездника была на уровне глаз зрителей, наблюдавших выезд кавалькады, что де-

¹⁸³ Поляковская М. А. Поздневизантийская придворная элита... С. 226—236.

¹⁸⁴ Ps.-Kod. P. 143.2—3; 147.12—13; 149.2—3.

лало именно обувь (и соответствующую ей упряжь) своеобразным маркером статуса наездника.

Обратимся к описанию Псевдо-Кодином обуви деспота. Его сапоги (τὰ ὑποδήματα) — двухцветные, белого и фиолетового (ὀξύς)¹⁸⁵ цвета, с вышитыми жемчугом на щиколотках орлами, а чулки — красные. Ремешки шпор деспота также были двухцветными¹⁸⁶. То, что цвет чулок деспота не совпал с цветом его обуви, свидетельствовало лишний раз о его близости на иерархической лестнице с самим императором (тем более, что деспотами зачастую были сыновья василевса).

Декор упряжи лошадей деспотов был близок к варианту украшений императорского коня. Спецификой же была ориентированность для коней деспотов на сочетание белого и фиолетового цветов в сочетании с вышитыми орлами, т. е. повторялись специфические детали костюма деспота. Седло его лошади было двухцветным — белым и фиолетовым, с вышитыми спереди и сзади орлами. Орлы были вышиты и по четырем углам ковра для седла. Попона была двухцветной и, в отличие от попоны императорского коня, не имела вышивок жемчугом. Стремяна были такими же, как и у коня василевса. Оголовье уздечки было двухцветным, с хохолком из пальмовых веточек, как и у императорского коня. Белый навес был весь усыпан вышитыми маленькими алыми орлятами¹⁸⁷.

Таким образом, обратив внимание на повторы в декоре обуви наездника и в экипировке его коня, отметим, что до-

¹⁸⁵ Ж. Верпо переводит слово ὀξύς как «фиолетовый» (*violette*) (Ps.-Kod. P. 144.2. Not. 1). В своем поиске более адекватной передачи цвета он апеллирует к мнению М. Я. Сюзюмова, отмечая, однако, что другие исследователи (А. Фогт, Д. М. Николь, Ф. Кукулис) этот цвет определяют, как пурпурный, красный или темно-красный. Заметим, что слово ὀξύς ни в древнегреческом, ни в новогреческом словарях не имеет цветовой характеристики («острый», «резкий», «яркий», «ослепительный», «крепкий»). Возможны варианты перевода — как «фиолетовый», так и «темно-красный» (мы отдаем предпочтение фиолетовому цвету).

¹⁸⁶ Ps.-Kod. P. 141.4—144.8.

¹⁸⁷ Ibid. P. 144.8—145.13

минантным колором был фиолетовый, входивший в спектр императорского (красного пурпурного) цвета. Что касается иконографии орла в декоре конной упряжи, то Псевдо-Кодин ее не уточняет. Однако известно, что символом статуса деспота был двуглавый орел¹⁸⁸.

Далее в императорской кавалькаде гарцевали те представители придворной элиты, которые следовали сразу за деспотами и стояли на второй и третьей ступени, — это севастократоры и кесари. Их парадные костюмы были близки к одеяниям императора и деспотов¹⁸⁹. Изображение орлов встречается (но только в меньшем количестве) и в убранстве коней севастократоров, из среды которых порой поднимались деспоты, особенно если они были сыновьями василевса.

Обратим еще раз внимание, что на второй и третьей ступени иерархии принцип повтора цвета чулок и обуви наездника в декоре убранства его коня также соблюдался. Так, у севастократора чулки и обувь были синими, и это определяло преобладающий колор его конной упряжи: седло — синее с четырьмя орлами, попона — тоже синяя, а навес — белый, наполовину сшитый из синей ткани¹⁹⁰. То же самое можно видеть и в наряде кесарей: синими, как и у севастократоров, были чулки и обувь, что определяло в декоре упряжи их коней синий цвет седла и попоны; навес также был белым с четвертью синей ткани, но без орлов¹⁹¹.

Заметим, что синий цвет, характерный как для обуви и чулок севастократоров и кесарей, так и для декора убранства их коней, так же как и фиолетовый, входил по его иерархической принадлежности к императорскому цвету, поскольку карминный оттенок красного содержит синий отблеск.

¹⁸⁸ См., в частности: Solovyjev A. Les emblems heraldiques de byzance et les slaves // Сб. ст. по археологии и византиноведению / Ин-т им. Н. П. Кондакова. Прага, 1935. Вып. 7. С. 119—164.

¹⁸⁹ Ps.-Kod. P. 147.9—148.14.22—149.11.

¹⁹⁰ Ibid. P. 148.7—14.

¹⁹¹ Ibid. P. 149.6—11.

Для участвовавших в императорском выезде архонтов первого класса этот принцип также повторялся. Так, у паниперсеваста обувь была желтой — и такого же цвета было украшенное галунами и вышивкой седло его коня¹⁹². Как мы видим, для экипировки коня архонта, не входившего в состав придворной элиты, избран желтый цвет, по своему месту в иерархии цвета не принадлежавший к императорской колористической группе.

Отойдя от сюжета императорской парадной кавалькады, заметим, что тема «Император на коне» имеет и другие аспекты, связанные со значимостью коня (ὁ ἵππος, τὸ ἄλογον) как единственного транспортного средства¹⁹³ в жизни двора. Верхом на коне выезжал не только василевс, но и августа, и другие члены семьи, а также патриарх и придворные архонты. Глагол καθάλλικεύω («садиться на коня»)¹⁹⁴ и производные от него καθάλλαρίκιον¹⁹⁵ и καθάλλάριος¹⁹⁶ часто встречаются в тексте сочинения Псевдо-Кодина, а также в приложенных Ж. Верпо к изданному им обряднику сочинениях Матфея Властаря и в тексте фрагмента флорентийской рукописи.

Как видим, обрядник XIV в. многократно обращается к сюжетам, связанным с конем василевса, как в парадной, так и в бытовой сферах жизни двора. Следовательно, были и службы, должны обеспечить конное хозяйство. Псевдо-Кодин называет только императорский кавалларикий¹⁹⁷, где содержались лошади.

¹⁹² Ps.-Kod. P. 152.22—25.

¹⁹³ Возможен был еще и водный способ транспортировки. Например, из центра Константинополя можно было добраться до Влахернского дворца, бывшего резиденцией Палеологов, водным путем — по заливу Золотой Рог до Влахернской пристани.

¹⁹⁴ Ps.-Kod. P. 145.19; 168.31—32; 173.9; 182.2—3; 243.21; 359.4; 361.5.

¹⁹⁵ Ibid. P. 169.6.9.

¹⁹⁶ Ibid. P. 183.26; 302.3; 323.104.

¹⁹⁷ Ж. Верпо переводит καθάλλαρίκιον как «манеж» (*le manège*), но четко определить назначение кавалларикия затруднительно.

Ответственным за содержание лошадей в кавалларикии был комит императорских лошадей (κόμης τῶν βασιλικῶν ἵππων)¹⁹⁸. По обряднику, ежегодно к празднику Пасхи обновлялась экипировка императорских лошадей — седла, поводья и полностью вся сбруя¹⁹⁹.

Вполне понятно, что в соответствии с текстом сочинения Псевдо-Кодина в трактате описываются лишь ритуальные обязанности комита. Он должен был всегда держать в готовности к выезду семь лошадей, из которых император выбирал по желанию одну. Другие лошади следовали при выезде за ней — в силу этого их называли сопровождающими (τὰ βασιλικὰ σورتά)²⁰⁰.

Появление сопровождающих лошадей Псевдо-Кодин объясняет случаем из далеких времен императора Феофила, о котором мы уже говорили, когда при выезде императора некая женщина подняла крик, узнав в императорском коне своего. Феофил повелел вернуть лошадь женщине, но продолжить путь ему пришлось на случайной лошади. С тех пор якобы и появился обычай отправляться императору в путь непременно с сопровождающими сюртами — на всякий случай.

Это пояснение (скорее — миф) было для автора церемониальной книги не столько отсылкой к далекому событию, сколько господствовавшим в кругах власти стремлением подчеркивать извечность и неколебимость царивших при дворе обычаев.

Первейшей обязанностью комита императорских лошадей в случае готовящегося выезда правителя являлась подготовка лошадей, должных принять участие в кавалькаде. Комит обязан был подвести к василевсу выбранную им лошадь и держать ее до тех пор, пока тот не сядет верхом. Далее лошадь императора вел за поводья — на расстояние четверти пути до выезда за пределы дворцового двора — протостратор, а затем эта обязанность передавалась великому хартулярию²⁰¹.

¹⁹⁸ Ps.-Kod. P. 168.5; 159.3.18; 170.2—3.

¹⁹⁹ Ibid. P. 169.28—170.5.

²⁰⁰ Ibid. P. 169.2.20; 170.6; 171.4.

²⁰¹ Ibid. P. 168.5—15.

Комиту императорских лошадей разрешалось в присутствии императора (но не без него!) сесть верхом на сопровождающую сюрту, круп которой при выезде был полностью покрыт кольчугой — вплоть до середины седла²⁰².

По обряднику, все действия участников выезда за пределы дворца были строго регламентированы. К примеру, каждый знал, где он может спешиться по возвращении: деспот — там, где ему укажет император, севастократор может ступить на землю во дворе дворца в определенном месте, тетрастилионе (если же за пределами дворцового пространства, то на расстоянии, равном отведенному во дворце); кесарь спешивается недалеко от того места, где ступает на землю севастократор²⁰³.

Вход в императорский кавалларикий был строжайшим образом регламентирован. Даже комит, не говоря уже о ком-то другом из архонтов, не мог ни въехать в манеж верхом, ни покинуть его на коне. Эту «дистанцию» между манежем и двором, откуда совершались выезды за пределы дворца, можно было преодолеть только пешком²⁰⁴.

Надо полагать, что весьма эффектным и зрелищным был императорский конный выезд на охоту. К сожалению, Псевдо-Кодин скуп на подобную информацию: автора церемониальной книги прежде всего занимает иерархия официальных чинов и их обязанности. Мы узнаем из обрядника, что ответственным за службу императорской охоты был протокиниг (πρωτοκυνῆγός): он командовал стрелками-сюлломангами, а за лучников-сокольничих отвечал протоиеракарий (πρωτοιερακάριος)²⁰⁵. Разумеется, эффектный и шумный конный выезд на охоту выполнял наряду с прочими задачами и функцию презентации власти, которая во всех дворцовых ритуалах оставалась наиважнейшей.

²⁰² Ps.-Kod. P. 169.18—25.

²⁰³ Ibid. P. 145.13—15; 148.14—21; 149.11—14.

²⁰⁴ Ibid. P. 169.8—18.

²⁰⁵ Ibid. P. 162.4—6.25—32.

Итак, можно отметить, что церемониальный трактат Псевдо-Кодина содержит некоторый, пусть небогатый, информационный пласт по теме, условно определенной как «Император на коне». Информация, содержащаяся в обряднике, в значительной степени расширяет представления об еще одном срезе жизни императорского двора эпохи Палеологов. Эти представления до сих пор были основаны лишь на изобразительном материале, небольшом по объему и носящем в некоторой степени условный характер.

Вполне понятно, что вопрос о значимости коня в жизни императорского двора освещен в трактате Псевдо-Кодина лишь в аспекте дворцовой церемониальной культуры.

Лейттемой названного информационного пласта явился традиционный с римских времен сюжет об императоре как полководце: он нашел воплощение в изображениях на головных уборах архонтов, на войсковых фламулах и щитах.

Императорская парадная кавалькада, описанная в церемониальном трактате Псевдо-Кодина, наиболее точно соответствовала пропагандируемому образу императора-победителя. Реальный образ «императора на коне», в отличие от подобных изображений на ткани и металле, в условиях Византии XIV в. был более репрезентативен, что соответствовало общим тенденциям церемониала.

Ритуалы, связанные с императорским кавалларикием и функциями комита императорских лошадей, отражают перманентный характер церемониала во внутренних связях двора, когда «театр власти» разыгрывался без зрителей. Надо полагать, что участие в непрерывно длящемся спектакле, где каждый шаг и жест были строго регламентированы, создавало у участников действия ощущение стабильности и убежденности в значимости своего служения василевсу и империи, а это, подчеркнем еще раз, было немаловажно в условиях того системного кризиса, который переживала страна.

Религиозные праздники во дворце

В византийских источниках и византиноведческих исследованиях встречаются такие определения императорского дворца, которые воспринимаются в какой-то степени как формулы: *domus divina*, *sacrum palatium*, Θεῖον παλάτιον, ἱερόν παλάτιον, *Palast als Tempel*, *Palast als Heiligtum*²⁰⁶. Преимущественно это было связано с господствующей политической концепцией, в основе которой лежала идея о Божественной сущности императорской власти. Этот постулат, идущий от эпох домината и эллинистических государств, с упрочением христианства приобрел заверченный характер. Аксиомами имперской идеологии были зафиксированные многими официальными актами определения императора как «подобия Богу», его власть рассматривалась как происходящая «от Бога»²⁰⁷. Таким образом, формула «дворец как храм» рождалась вследствие господства в империи «монархической религии»²⁰⁸.

В поздневизантийское время при сохранении в политической доктрине «императорской идеи» происходит усиливающая ее дальнейшая сакрализация характера дворцового церемониала. Императорский дворец упрочил свой статус Θεῖον παλάτιον, но не только потому, что он был резиденцией, домом императора, но скорее вследствие того, что становился местом проведения некоторых чисто религиозных ритуалов.

Чтобы увидеть эволюцию процесса сакрализации, обратимся к свидетельствам «Книги церемоний» Константина Багрянородного и «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина. Тезис о сакрализации жизни императорского двора будет рассмотрен на материалах наиболее подробно описанных в обряднике XIV в. праздников Рождества Христова, Поклонения Кресту, Входа Господня в Иерусалим (Вайи) и Воздвижения Креста.

²⁰⁶ См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 51.

²⁰⁷ См.: Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee... S. 49—83.

²⁰⁸ См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 51.

Два из них — Поклонение Кресту, праздник триодного круга (с подвижными днями в церковном календаре), и один из двенадцатых праздников, относящийся к синаксарному кругу, — Крестовоздвижение²⁰⁹. Оба праздника связаны образом Креста Господня, являющегося в христианстве величайшей святыней, «Божественной лестницей на небеса» для верующих и «всепобеждающим мечом»²¹⁰. Праздники будут рассмотрены в том порядке (календарном), который соблюден автором обрядника Псевдо-Кодином.

Рождество Христово

Как в обряднике X в., так и в церемониальной книге XIV в. первенствующее значение отведено приходящемуся на 25 декабря празднику Рождества Христова (ἡ ἑορτὴ τῆς γεννήσεως τοῦ Χριστοῦ) и его кануну (παράμονή).

В церемониальных перечнях празднеств императорского двора особое значение отводилось дню Рождества Христова. Этот праздник, находившийся в центре литургического цикла, был отмечен необычайной торжественностью и пышностью.

О месте праздника Рождества Христова в жизни византийского двора свидетельствует то, что описание его ритуала в церемониальных книгах принималось за некий образец, эталон, который полностью или частично повторялся в «сценариях» других религиозных праздников. Первая глава 1-й книги обрядника эпохи Константина VII²¹¹, посвященная описанию общего обряда больших Господних праздников, имела в основе обряд праздника Рождества Христова²¹². Псевдо-Кодин в четвертой главе «О порядке праздников в честь Господа и обычаях при них» также довольно часто апеллирует к рождествен-

²⁰⁹ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 138, 158.

²¹⁰ См.: Скабалланович М. Воздвижение Честного Креста : христианские праздники. Репринт. изд. 1915 г. М., 1995. С. 1—3.

²¹¹ De cerim. I. 1.9.

²¹² Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. XXXVII.

скому ритуалу, описывая другие религиозные праздники (καθ' ὃν εἶπομεν τὺτον ἐν τῇ τῶν Χριστοῦ γεννῶν ἑορτῇ)²¹³.

Выявляя эволюцию ритуала праздника, заметим, что обрядник XIV в. не являлся повторением или несколько измененной копией «Книги церемоний» X в. Латинское владычество на Балканах определило отсутствие прямой филиации константинопольской церемониальной культуры. Вполне вероятно, что Псевдо-Кодин вообще ничего не знал о «Книге церемоний». Ссылаясь на римские и восточные обычаи, он нигде не упоминает о церемониях константинопольского двора предшествующего времени²¹⁴. Традиции империи были получены двором Палеологов, вероятнее всего, из восточных византийских центров — Никеи и Трапезунда²¹⁵, сохранивших, в отличие от Константинополя и европейской части Византии, свою независимость после IV Крестового похода. Однако разновременные источники, «Книга церемоний» и трактат Псевдо-Кодина, довольно близки. Это проявляется не только в религиозном, восходящем к евангельским сюжетам содержании праздника, но и в его идеологической основе — идее презентации императорской власти и ее могущества. На фоне устойчивости христианской традиции и общей для различных периодов византийской истории идеи великодержавности рассмотрим эволюцию церемониальных сценариев празднования Рождества Христова по обрядникам, разделенным во времени четырьмя столетиями.

Согласно придворному церемониалу, сочельник праздника Рождества Господня и в X в., и в XIV в. был днем большого сбора сановников и архонтов всех ступеней в залах императорского дворца. Как василевс, так и сановники и чины

²¹³ Ps.-Kod. P. 231.13—16.

²¹⁴ Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 196—197.

²¹⁵ См.: Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления : очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 216; Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 16.

собирались во дворце в соответствующих празднику одеяниях. Не случайно праздничные дни назывались «днями облачений» (ἡμέραι τῶν ἀλλαξίμων)²¹⁶. В день Рождества Христова, по «Книге церемоний», одеянием императора были дивитисий и хламида пурпурного цвета²¹⁷. В этот праздник и для одежд сановников предпочтительным был также красный цвет.

При Палеологах рождественские дни, как и ранее, были «днями облачений», поскольку официально парадному костюму отводилась особая репрезентативная роль. В колорите одеяний в праздник Рождества Христова доминировали красный и золотой цвета. В сочельник василевс надевал тунику-рух с узорами из жемчуга; его головной убор был украшен лилиями и четверолистниками²¹⁸. В день Рождества император был облачен в самую парадную одежду — саккос, лор и диадему²¹⁹. Архонты были одеты в соответствующие их рангу каввадий с красным скараником или в эпилурик с факеолидой²²⁰.

Основным различием рождественских празднеств X и XIV вв. была прежде всего их сценарная канва. Сценарий X в. был двухчастным (дворец — храм), а в XIV в. — трехчастным (дворец — храм — площадь). Если в обряднике X в. значимость актов сценария была уравновешенной, то в XIV в. апогеем торжества был его третий акт.

По обряднику X в., ранним зимним утром участники празднества заполняли, согласно протоколу, различные помещения Большого императорского дворца вдоль предстоящего пути василевса в храм²²¹. Рождественское шествие начиналось из триклиния Эскувитов, откуда торжественная процессия, возглавляемая императором, следовала по залам дворца

²¹⁶ См. об этом: De cerim. I.1.51.261; Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 42—43.

²¹⁷ De cerim. I. 1.37.190.

²¹⁸ Ps.-Kod. P. 196.15—20

²¹⁹ Ibid. P. 200. 2—4.

²²⁰ Ibid. P. 196. 20—23.

²²¹ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 71—72.

в сопровождении сановников, знаменосцев, придворной гвардии и слуг. Шествие по дворцовым палатам, стены которых были украшены фресками с изображением императорских триумфов, придавало всей процессии некий победный дух. Императорские инсигнии — победоносный крест св. Константина, жезл Моисея, знамя-лабарум — соединяли воедино в сознании свидетелей шествия римские и христианские истоки власти императора-победителя. Прообразом выхода византийских василевсов, вне сомнения, был римский императорский триумфальный вход в столицу после одержанной победы (*reditus imperatoris*)²²².

Как римские триумфальные шествия полководцев-победителей, проходившие через весь город — от Марсова поля через Форум до Капитолия, так и выходы византийских императоров по дворцовым зданиям, разделенным переходами, улицами и площадями, сопровождались восторженными аккламациями присутствующих²²³. Праздничное шествие василевса по территории Большого императорского дворца ассоциировалось с выходом его как триумфатора на улицы столицы или даже с появлением императора в различных территориях всей империи под бурные приветствия жителей.

Церемониальный рисунок праздника был близок, с одной стороны, римской идее ценности победы над врагами, а с другой — идее подражания василевса Богу как победителю. Последнее было сопряжено с евангельским сюжетом значимости явления Христа в земной мир, что и составляло содержание рождественских гимнов, исполняемых во время шествия и церемоний приемов.

Роль ликующего народа была отведена представителям партий ипподрома (οἱ δῆμοι), которые давно утратили связи с демосом, жителями кварталов Константинополя, превратившись в исполнителей церемониальных славословий. Прежнее

²²² См. об этом: Hunger H. Reditus imperatoris // Fest und Alltag in Byzanz / hrsg. von G. Prinzig und D. Simon, München, 1990. S. 17—35.

²²³ См.: Ibid. S. 20, 27.

деление димов на четыре группы (μέρη) сохранялось, но теперь венеты («голубые»), прасины («зеленые»), левки («белые») и русии («красные») не были связаны с политической борьбой в столице. За ними были «закреплены» отдельные дворцовые помещения, по которым проходило праздничное шествие²²⁴.

По пути движения торжественной процессии происходило несколько «приемов». Из триклиния Экскувитов шествие направлялось в дворцовое круглое помещение Лихны, освещенное светом висящих лампад (οἱ λύχνοι), в триклинии Схол, в дворцовое здание Халка. Всего по пути шествия было шесть приемов торжественной процессии, возглавляемой императором.

Вход императора в очередное дворцовое помещение сопровождался пением рождественских гимнов, исполняемых певчими димов. Так, в Лихне певчие венетов пели рождественский гимн «Звезда солнце возвещает в Вифлееме Христа, восшедшего от Девы»²²⁵; в триклинии Схол певчие прасинов пели «Без матери на небеси, без Отца рождается на земли»²²⁶ и другие рождественские стихи. Пение гимнов сопровождалось в каждом зале полихронием. Димархи — после проскинизы до земли и целования ног императора — подносили василевсу обернутой в хламиду рукой λιβελλάριον, книжечку или свиток со стихами и поздравлениями²²⁷. Подобные подношения на этом и других приемах ассоциировались с евангельским сюжетом подношения даров волхвами в связи с рождением младенца Христа²²⁸.

В отдельных залах дворца проходили акты теофании. Император останавливался либо в арке входа, либо на верхней ступени лестницы, либо в центре зала (как в Халке) под

²²⁴ См.: Dagron G. Empereur et prêtre. P. 362, n. 9.

²²⁵ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 79.

²²⁶ См.: Там же. С. 82.

²²⁷ De cerim. I.1.122.

²²⁸ См.: Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 72, 232.

звуки полихрония, что воспринималось присутствующими как обожествление правителя.

Завершалась дворцовая часть праздника выходом на площадь Августеон. Находящаяся на площади конная статуя Юстиниана, держащего в левой руке сферу с укрепленной на ней крестом, также способствовала тому ошущению победы, которое присуще рождественской процессии²²⁹. Это был финал дворцового шествия василевса.

Далее император с торжественным сопровождением входил в храм, что было кульминацией праздничного церемониала, достижением цели императорского выхода²³⁰. Следование императорской процессии по пространству храма было трехэтапным, что означало постепенное восхождение к Божественным высотам. Каждый этап имел некоей границей врата — Красивые (ὡραίαι πύλαι), Царские (βασιλικαὶ πύλαι) и Святые (ἅγια θυρία)²³¹.

Первый этап — это вход императора с сопровождением в нартекс храма через Красивые (Красные) врата. Патриарх с клиром, уже находившиеся в нартексе, с крестом и Евангелием встречали василевса, снявшего корону по входе в храм (в нише, закрытой занавесом)²³². Василевс целовал крест и Евангелие, а затем он и патриарх приветствовали друг друга с проскинизой и аспасмом (προσκυνήσαντες ἀλλήλους καὶ ἀσπασάμενοι κρατήσαντες ἀλλήλων τὰς χεῖρας)²³³.

В Царских вратах патриарх совершал молитву Входа, император молился со свечами в руках, затем целовал крест и Евангелие и вместе с патриархом входил в храм под звуки начавшейся литургии. Это был акт Малого входа, который воспринимался верующими как пришествие Христа в мир. Василевса

²²⁹ См.: Грабар А. Указ. соч. С. 53.

²³⁰ См.: Dagron G. Empereur et prêtre... P.108.

²³¹ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 97.

²³² De cerim. I. 1.122; см. также: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С 144; Dagron G. Empereur et prêtre... P. 109.

²³³ De cerim. I.1.122.

и патриарха сопровождал весь духовный синклит. Впереди процессии несли знамена гвардейских отрядов²³⁴. Вся процессия двигалась в подкупольном пространстве под звуки церковных песнопений по направлению к амвону и солее, вдоль которой с двух сторон ставились знамена.

Третий этап — Великий вход — был выражением конечной цели движения праздничной процессии. После молитвы василевс входил через Святые врата в алтарь. Приложившись с молитвой к покрову Св. Престола, василевс ставил на него поданные ему препозитом дары храму — святыя пелены, два потира, два диска и апокомпий — сосуд с деньгами²³⁵.

По выходе из помещения алтаря василевс направлялся в мутаторий храма, где в триклинии накрывался рождественский завтрак для него и нескольких близких ему людей, занимавших высокие должности²³⁶.

При возвращении императора с его сопровождением из храма (с заменой остановки в Орологии на Св. Кладезь) на территории Большого императорского дворца вновь проходили организуемые димами приемы процессии (в тех же помещениях). Шествие сопровождалось пением рождественских гимнов, славословий и многолетий.

Итак, церемониалом праздника Рождества Христова в X в. в ходе шествия по территории Большого императорского дворца и храма Св. Софии образ василевса создавался путем пересечения римских и христианских ценностей²³⁷. Память о триумфах римских правителей, мозаичные изображения их побед на стенах дворца в сочетании с литургией как высшим выражением христианских ценностей проецировались на образ победоносного правителя, помазанника Христа. Само

²³⁴ См.: Беляев Д. Ф. *Byzantina II...* С. 153.

²³⁵ См.: Там же. С. 154—156; Грабар А. Император в византийском искусстве... С. 122—123.

²³⁶ См.: Беляев Д. Ф. *Byzantina II...* С. 278—279; Dagron G. *Empereur et prêtre...* P. 110.

²³⁷ См.: Жоливе-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии (867—1056) // ВВ. 1988. Т. 49. С. 143—161.

праздничное шествие из императорского дворца в главный константинопольский храм было символом последовательного соединения римской и христианской истории. Литургические песнопения, сияние свечей, лики икон в храме после прохода праздничной процессии по сияющим великолепием залам императорского дворца вводили образ императора в поток золотого солнечного Божественного сияния²³⁸.

Обратимся к «Трактату о должностях» Псевдо-Кодина, позволяющему реконструировать ритуал праздника Рождества Христова, оставшегося и в XIV в. самым торжественным из всех названных в обряднике праздников. Однако пространство Влахернского храма, ставшего резиденцией династии Палеологов после реставрации империи, не позволяло собирать столь масштабные приемы, как во времена Константина VII Багрянородного. Здесь не было, кроме основного дворца, других дворцовых зданий, соединенных галереями парадных залов, атриумов и террас. Псевдо-Кодин называет лишь триклиний (может быть, их было несколько). Думается, что из залов Влахернского дворца лишь один был предназначен для больших приемов.

В канун Рождества с утра в центре триклиния устанавливался иконостас (εἰκονοστάσιον) с иконой Рождества Христова и еще тремя-четырьмя иконами. На аналое перед иконостасом лежало Евангелие²³⁹. В ожидании рождественского приема священники в соответствующих празднику одеждах вставали вокруг аналая. Чтецы-анагносты в длинных гиматиях, одетых на камисии, располагались в центре триклиния — так, чтобы находиться напротив императорского трона. Первый певчий-протопсалт и доместик были одеты в белые одежды, руководитель хора и все певчие — в пурпурные камисии, а канонархи — в гиматии²⁴⁰. Лампадарий, державший золотой

²³⁸ См.: Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культур : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 43—52.

²³⁹ Ps.-Kod. P. 189.10—16.

²⁴⁰ Ibid. P. 190.1—10.

подсвечник с двумя ответвлениями (διβάρπουλον), был также в пурпурной одежде. Возникает колористическая аналогия с миниатюрой рукописи Государственной национальной библиотеки (№ 1.0.58), представляющей образец сюжета Рождества Христова (л. 91 об.)²⁴¹, где участники ситуации (волхвы) облачены в привычные для торжеств гиматии²⁴². У находившихся в триклинии, по всей вероятности, должно было создаваться ощущение некоего единства с изображенными на иконе участниками евангельского сюжета Рождества Христова.

Церковные рождественские песнопения — стихиры — в палеологовскую эпоху получили отражение в настенной живописи²⁴³. Изображение евангельского сюжета сопровождалось текстом стихир, а также портретами императора с членами семьи, священниками и монахами. В. И. Джурич справедливо заметил, что «византийский дворцовый церемониал празднования Рождества сыграл значительную роль в сложении иконографии рождественской стихир»²⁴⁴.

Возвратимся к рождественскому церемониалу во Влахернском дворце. После всех приготовлений в триклинии прото-вестиарий и великий этириарх у входа в зал встречали императора, до этого времени находившегося в своей комнате²⁴⁵. Великий domestik с появлением василевса выносил его жезл-диканикий. В момент появления императора певчие исполняли полихроний, под звуки которого тот подходил к иконам и целовал их, а затем направлялся к трону и вставал около него. Великий domestik занимал место слева от трона, лампадарий зажигал укрепленную в дивампуле большую свечу, украшенную киноварью и золотыми листьями. С началом службы

²⁴¹ См.: Лихачева В. Д. Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия (на примере рукописи ГПБ) // ВВ. 1977. Т. 38. С. 136 — 140.

²⁴² См.: Евсева Л. М. Афонская книга образцов XV в. О методах работы и моделях средневекового художника. М., 1998. С. 261. № 105. 2.

²⁴³ См.: Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin... P. 261. Not. 1.

²⁴⁴ Джурич В. И. Портреты в изображениях рождественских стихир // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа... С. 259.

²⁴⁵ Ps.-Kod. P. 190. 18—19.

Часов великий примикирий передавал императору диканикий, что являлось знаком входа в триклиний архонтов всех рангов. Начинался утренний рождественский прием (ἡ παράστασις).

Звучали Часы (первый, третий — шестой и девятый)²⁴⁶ с тропарями. Канонархи вслед за псалтами повторяли текст Часов и провозглашали полихроний «богоподобному василевсу»²⁴⁷. После слов καὶ νῦν καὶ ἀεὶ («отныне и навеки») архидиакон снова читал псалмы Часов, протопапа первым из священников читал текст из Евангелия, ему следовали другие. В конце чтения Часов император подходил к иконостасу, прикладывался к иконам и удалялся в свою комнату, что означало конец утреннего приема²⁴⁸. После приема во дворце начиналась литургия во Влахернском храме. Василевс мог не присутствовать на ней (в зависимости от дня недели) и появляться в церкви лишь в конце службы.

За службой в храме следовал тот момент церемонии, который можно назвать апогеем праздника: это ритуал «явления» императора, представлявший собой по сути дела акт теофании. «Явление» свершалось на специальной, декорированной тканями сцене (πρόβυσις), представлявшей собой высокий шатер с занавесями. Прокиписис возводился на территории между дворцом и храмом.

После окончания литургии (или вечерни, в зависимости от дня недели) площадь перед прокиписисом постепенно — в соответствии с церемониалом — заполнялась участниками церемонии. Сначала появлялись архонты с парными императорскими хоругвями (τὰ βασιλικὰ φλάμουλα). Перед ними стоял skutерий, державший личный «штандарт» императора — дивеллий. За императорскими знаменами были видны фламулы деспотов и архонтов. Со времен позднего Рима вынос знамен в ходе торжественных церемоний был неизменным и стал

²⁴⁶ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 103.

²⁴⁷ Ps.-Kod. P. 193. 3—16.

²⁴⁸ Ibid. 194. 5—9.

неотъемлемой традицией Византийской империи на все тысячелетие ее существования.

Когда из церкви выходил император, духовенство направлялось к прокиписису и вставало перед хоругвями. Между архонтами и духовенством находились музыканты — трубачи, викинаторы, цимбалисты, флейтисты. Сановники, сопровождавшие василевса, занимали места около сцены — в соответствии со своим рангом. Стражники — варанги и кортинарии — стояли у самого помоста. Начиналась церемония прокиписиса²⁴⁹. Ритуал был трехэтапным. Каждый «момент» ритуала (он действительно был кратким) сопровождался открытием и закрытием занавеса.

Первым этапом было восхождение императора на прокиписис по скрытым тканью ступеням (что создавало ощущение парения в воздухе) при полном молчании: только варанги скидывали в тишине свои секиры на плечо²⁵⁰.

После того, как василевс облачался за занавесью в праздничную одежду, наступал второй акт церемонии. Когда занавеси медленно раскрывались, император предстал перед зрителями в торжественном одеянии с крестом в правой руке и акакией — в левой в окружении деспотов (это были обычно его сыновья и братья). Император был виден с колен, а деспоты — только по грудь (видимо, император стоял на возвышении). Перед зрителями император был явлен как властитель в окружении правящей элиты. Этот короткий миг, который можно назвать «кадром», «картинкой», завершился падением занавеса. Площадь замирала в ожидании главного акта церемонии прокиписиса.

На третьем этапе император предстал перед участниками и зрителями церемониального «спектакля» один, без сановников и родственников. Ярко высвечивались меч императора и горящая свеча: они казались повисшими в воздухе, ибо

²⁴⁹См.: Андреева М. А. О церемонии «прокиписис»...; Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 112—114.

²⁵⁰Ps.-Kod. P. 297. 23—28.

не было видно, кто их держал²⁵¹. В этом «кадре» василевс являлся как защитник, победитель и поборник христианства. Звучала музыка, псалты пели многолетие. Звучало пение рождественского гимна «Христос родился, венчающий тебя, василевс» (ὁ Χριστὸς ἐγεννήθη ὁ στέφας σε βασιλέα). Этот момент был апофеозом рождественской церемонии, носившим явные черты теофании.

Итак, две византийские церемониальные книги, разделенные во времени четырьмя столетиями, дают определенный материал для сравнений. При сохранении общего контекста, ориентированного на евангельский сюжет в сочетании с лежащей в основе византийской политической идеологии императорской идеей, можно видеть существенные изменения в ритуале. Попробуем их суммировать.

Идея обожествления императорской власти достигла при Палеологах своего наивысшего уровня. Если по «Книге церемоний» актами теофании были краткие моменты в ходе движения по залам Большого императорского дворца (остановка императора под звуки эвфимии и полихрония в проеме арки очередного помещения дворца или под сводами зала на порфировой плите), то в XIV в. с этой целью проводился специальный ритуал, получивший название прокиписиса, когда на территории перед дворцом происходил трехактный «спектакль» в виде мгновенных «кадров», являвших императора собравшейся на площади публике. Не случайно Ж. Верпо назвал ритуал прокиписиса остатком «солнечной церемонии» и «ритуала поклонения»²⁵².

Римская идея значимости образа императора-победителя на поле битвы в значительной степени уступила в XIV в. место образу императора-победителя в сфере веры. Как заметил Г. Хунгер, образ императора в «божественной сфере» (*in göttlicher Sphäre*) характеризуется как *τροπαιοῦχος*²⁵³ — император во всем побеждает с помощью Бога.

²⁵¹Ps.-Kod. P. 203. 13—24.

²⁵²Ibid. P. 171.1.

²⁵³Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee... S. 73—75.

В эпоху Палеологов ритуал приобрел явные черты статичности по сравнению с динамическим рисунком праздника, отраженного в «Книге церемоний». В значительной степени это было определено сменой императорской резиденции. В связи с разрушением Большого императорского дворца церемониальным пространством стал Влахернский дворец, который значительно уступал прежнему дворцовому пространству, занимавшему с входившими в единый комплекс зданиями, площадями, переходами и садами значительную часть юго-восточной территории столицы. В связи с этим эффектный выход императора и его шествие с парадным сопровождением по залам дворца был заменен приемом в триклинии Влахернского дворца.

Если по «Книге церемоний» действие праздника было четко разделено на дворцовые и церковные этапы, что символизировало римские и христианские истоки византийской истории, то в палеологовскую эпоху дворец в значительной степени взял на себя функции храма. Вероятно, это в какой-то степени можно объяснить удаленностью от храма Св. Софии. Но, несомненно, перенесение праздничного действия преимущественно на территорию дворца было связано прежде всего с повышением сакрализации дворцовой жизни.

Отмеченные выше черты отличия поздневизантийского рождественского ритуала без сомнения сузили сферу публичности в праздновании главного события церковного календаря — кануна и дня Рождества Христова. Псевдо-Кодин отмечал, что если раньше в подобной праздничной ситуации собиралось до шести тысяч человек, то в XIV в. число участников торжества исчислялось лишь сотнями. К тому же отдаленность района Влахерн ограничивала возможность для обычного горожанина увидеть, как прежде на площади Августеон перед храмом Св. Софии, часть праздничной процедуры.

Несомненно, изменения в ходе ритуала праздника, выразившиеся в повышении сакрализации дворцовой жизни, явились отражением реальной политической и экономической ситуации, в которой оказалась Византийская империя в конечный период ее существования.

Поклонение Кресту

Рассматривая процесс усиления сакрализации жизни императорского дворца в эпоху Палеологов, обратимся далее к эволюции — через сравнение обрядников X и XIV вв. — праздника Поклонения Кресту (*Κυριακῆ τῆς Σταυροπροσκυνήσεως*), проходившему в третье воскресенье Великого поста. По церемониальной книге эпохи Константина Багрянородного²⁵⁴, в X в. в Большом императорском дворце не проводились какие-либо религиозные акты в связи с праздником Поклонения Кресту. Император, как и придворные чины, поклонялся Кресту на праздничной заутрене в храме Пресвятой Богородицы Фара, примыкающему к илиаку (террасе) Хрисотриклиния. Во время песнопений в честь Креста в храме появлялся император, поклонялся Кресту и покидал помещение храма. Затем архонты ожидали в помещении ипподрома наступления времени утреннего входа во дворец. После приглашения придворных в триклинии Юстиниана, как всегда по воскресным дням, проходила трапеза, которую император иногда делил с архонтами. Утренний прием во дворце и трапеза соответствовали церемониям обычного воскресного дня.

По трактату Псевдо-Кодина, в воскресенье Поклонения Кресту в императорском дворце во Влахернах, в отличие от традиции X в., проводился торжественный прием «согласно обычаю праздников» (*κατὰ τὴν συνήθειαν τῶν... ἑορτῶν*). После того, как завершалась утренняя служба в храме Влахернской Божьей Матери, архидиакон в белом праздничном стихаре с фелонью и орарием переносил крест из церкви во дворец. Сопровождавшие его псалты пели тропарь «Спаси, Господи, народ Твой и благослови наследие Свое» (*σῶσον κύριε τὸν λαόν σου καὶ εὐλόγησον τὴν κληρονομίαν σου*). Поскольку каждый праздничный тропарь «в сжатом виде изображает самую суть празднуемого события»²⁵⁵, исполнявшийся

²⁵⁴ De cerim. P. 162—170.

²⁵⁵ Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича. М., 2008. С. 630.

в триклинии тропарь, по мнению М. Скабаллановича, был молитвой, возносимой «об усвоении нами того спасения, которое уже совершено Христом на Кресте, и о даровании соединенного с этим спасением благословения Божия»²⁵⁶. Кроме того, в тропаре, звучавшем в стенах императорского дворца в день Поклонения Кресту, была отражена идея благословения Господом императора как защитника империи против внешних врагов: «Даруй победы василевсам против варваров и охрани крестом твое владение» (*νίκας τοῖς βασιλεῦσι κατὰ βαρβάρων δωροῦμενος καὶ τὸ σὸν φυλάττων διὰ τοῦ σταυροῦ σου πολίτευμα*). Во время исполнения тропаря участники дворцового приема (парастасиса) уже стояли в триклинии в соответствии со своим рангом.

После исполнения тропаря василевс направлялся к входной двери, чтобы встретить крест, лежащий на аналое (*ἐπὶ τοῦ ἀναλογίου τεθέντος*). Момент, когда император прикладывался к кресту и склонялся перед ним с глубокой проскинзой, был одним из напряженных по драматургии моментов праздника. После проскинзы василевс возвращался к своему трону и стоял около него до конца церемонии, пока не наступала новая доминанта ритуала; император снова приближался к кресту и коленопреклоненно целовал его (*προσκυνεῖ αὐθίς καὶ ἀσπάζεται τὸν σταυρόν*). Василевсу тотчас помогали встать с колен, и он сопровождал крест вплоть до двери триклиния. Это было завершением церемониала праздника.

Сравнивая сценарии той части ритуала Поклонения Кресту, которая проходила на территории дворца, можно убедиться, что, по сравнению со временем «Книги церемоний», в XIV в. наиболее значительная часть ритуала — поклонения императора Кресту — происходила в парадном зале императорского дворца при полном праздничном сборе всех архонтов.

²⁵⁶ Скабалланович М. Воздвижение Честного Креста... С. 54.

Вход Господень в Иерусалим

Праздник Входа Господня в Иерусалим (*ἡ εἰσοδὴ τῶν Βαίῶν*), приходящийся на воскресенье перед началом Страстной недели, в X в., как видно из «Книги церемоний», не имел установившегося дворцового церемониала. Накануне праздника, в Лазареву субботу, перед вечерней службой в храме Св. Димитрия в Фаре придворным раздавали ветки с укрепленными на них листьями финиковой пальмы и других растений²⁵⁷. Начало цветonoсной недели ассоциировалось с пальмовыми ветвями, которыми жители Иерусалима, согласно источникам, встречали Иисуса Христа. В силу этого праздник Входа Господня в Иерусалим византийцы называли Вайя (греч. τὸ Βαίον — пальма, пальмовая ветвь). Исследователь византийского церемониала О. Трайтингер отметил, что во дворце «в Пальмовое воскресенье не было никаких особых церемоний»²⁵⁸. Возглавляемую патриархом литию духовенства из дворца в церковь Богородицы в Дафне вряд ли можно отнести к дворцовому ритуалу праздника Вайи²⁵⁹.

В XIV в., как описывает Псевдо-Кодин²⁶⁰, дворцовая часть праздника Вайи была представлена церемонией галереи (*ὁ περίπατος*). Галерея, идущая от императорских покоев через дворец к Влахернскому храму²⁶¹, подготавливалась к церемонии заблаговременно — с середины недели (*διὰ μέσης τῆς ἑβδομάδος*), а в ночь Лазаревой субботы присыпали пол галереи и украшали колонны ветвями мирта, лавра и оливкового дерева. К рассвету праздничного воскресенья, когда из церкви раздавались звуки начавшейся утренней службы, император выходил из своей комнаты в торжественном одеянии, непременно для высоких празднеств, — в саккосе и императорской

²⁵⁷ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 162.

²⁵⁸ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 227. Anm. 77.

²⁵⁹ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 163—164.

²⁶⁰ Ps.-Kod. P. 224.5—226.21.

²⁶¹ См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 126.

стемме на голове, держа в правой руке скипетр, увенчанный крестом, в левой — акакию и большую свечу (ἡ λαμπάς). Начиналась церемония галереи под звуки исполняемого тропаря (τὸ ἰδίόμελον) «Выйдете, народы, выйдете, люди, и любуйтесь сегодня царем небес» (Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε σήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν). Шествие открывал несший большую свечу лампадарий, впереди процессии как образ Христа — Евангелие. За свечой и образом Господа первым шёл император. В шествии галереи принимали участие высшие сановники — деспоты (ими были прежде всего сыновья императора). За ними следовало высшее духовенство: патриарх или патриархи, архидиакон с Евангелием и пять священников с иконами. Шествие следовало до церкви, где к этому времени заканчивалась утренняя служба. Император, предшествуемый лампадарием, возвращался назад. Сорванная императорским слугой ветвь (ὁ κλάδος) являлась знаком желания императора, чтобы галерея была к этому времени пуста.

Несомненно, что сохранённая обрядником XIV в. церемония галереи, бывшая напоминанием о Входе Господнем в Иерусалим, служила презентации василевса как подобия Бога, его земного представителя и наследника, помазанного на царство самим Богом.

Воздвижение Креста

Праздник Воздвижения Креста (ἡ ἑορτὴ τῆς Ὑψώσεως τοῦ σταυροῦ)²⁶², по «Книге церемоний», проходил в главном храме Константинополя — Св. Софии. Выход императора в храм носился к малым выходам (в отличие от главных и средних)²⁶³. Василевс в сопровождении только ближайшей свиты шествовал не через парадные залы Большого императорского дворца, как при больших выходах, а по переходам от дворцового поме-

²⁶² Об истории, традициях и изученности праздника см.: Желтов М., Лукашевич А. А. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня // ПЭ. Т. 9. С. 160—170.

²⁶³ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 36—38.

щения Триконха по направлению к юго-западной части храма Св. Софии. В пределах дворца император был в обычном скарамангии; по входе в храм он в помещении катихумений облачался в парадный дивитисий и хламиду²⁶⁴.

Служба в храме начиналась, по нашему счету, в третьем-четвертом часу утра²⁶⁵. По началу службы²⁶⁶ император входил в Малый секрет, где уже находился патриарх, и поклонялся там Честному Древу (τὰ τίμια ξύλα)²⁶⁷. После этого начиналось шествие от Царских врат (βασιλικαὶ πύλαι) через середину храма. Процессия продвигалась с правой стороны амвона к солее. Василевс держал в руках литийную свечу. Патриарх входил через Святые врата (ἅγια θύρια) в алтарь, помещал Св. Крест на Престол. Император после молитвы также входил в алтарь и поклонялся Кресту и Покрову Св. Престола. Затем патриарх и василевс шли из алтаря к амвону, где патриарх начинал обряд Воздвижения и явления (τὰ ἐμφάνια) Св. Креста — на четырех сторонах амвона, чтобы он был виден всем, как во времена Елены и Константина Великого.

Сюжет праздничного ритуала с поднятием креста патриархом отражен в двух миниатюрах афонской книги образцов²⁶⁸. Как заметила В. Д. Лихачева, «художник следует той иконографии, которая сложилась в византийском искусстве под влиянием описания этого праздника в «Книге церемоний» Константина Багрянородного»²⁶⁹. Миниатюрист изобразил мо-

²⁶⁴ De cerim. I. P. XXXXX; см.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 237.

²⁶⁵ См.: Беляев Д. Ф. Byzantina II... С. 237—238.

²⁶⁶ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 141—142.

²⁶⁷ De cerim. I. P. 29—30, 161—162.

²⁶⁸ См. об этом: Евсеева Л. М. Афонская книга образцов... С. 229. № 69; С. 234. № 75; подробно об иконографии праздника Воздвижения Креста Господня см.: Шалина И. А. Иконография Воздвижения Креста в византийской и древнерусской живописи // Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 133—218.

²⁶⁹ Лихачева В. Д. Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия... С. 139.

мент ритуала, когда патриарх с сопровождением поднимается на амвон, держа в руках Св. Крест. Видны фигуры представителей знати в лиловых одеяниях.

После обряда Воздвижения Креста патриарх и император входили в алтарь для третьего поклонения Кресту, после чего патриарх провожал императора до Св. Кладезя²⁷⁰.

По возвращении во дворец император с сопровождением шествовал от помещения Халки до Триконха. Обычного для каждого дня собрания чинов и утреннего приема во дворце в праздник Воздвижения Креста не было. Отсутствие праздничного обеда, вероятно, было связано с тем, что в праздник Воздвижения Креста объявлялся пост, напоминавший о страданиях Христа²⁷¹.

Таким образом, обратившись к отражению ритуала праздника Воздвижения Креста в «Книге церемоний», мы видим, что местом его проведения был храм Св. Софии, а не императорский дворец.

В XIV в. дворцовая часть празднования дня Воздвижения Креста была весьма насыщенной. В зале приемов — триклинии дворца — строилась анавафра, представлявшая собой деревянное возвышение, обитое алым шёлком (βλατίῳ κοκκίνῳ)²⁷². Это было очень важное событие, поскольку анавафра возводилась во дворце преимущественно по случаю самых больших праздничных ритуалов. В триклинии дворца анавафра упомянута Псевдо-Кодином лишь дважды: в связи с выдвиганием кандидатуры нового патриарха²⁷³ и по случаю праздника Крестовоздвижения²⁷⁴.

Хотя обрядник XIV в. не раскрывает всего чина праздничного действия, оно безусловно было торжественным. Патри-

²⁷⁰ De cerim. P. 124—127, 782.

²⁷¹ См.: Скабалланович М. Воздвижение Честного Креста... С. 117.

²⁷² Ps.-Kod. P. 239. 26—29. Об анавафре см.: Поляковская М. А. К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра... С. 254—263.

²⁷³ Ps.-Kod. P. 270—280.

²⁷⁴ Ibid. P. 239.26—240.4.

арх или — в случае его отсутствия — протопапа, поднявшись на анавафру, чтобы быть видимым всем собравшимся в триклинии, свершал ритуал Возвышения Креста (τὴν τοῦ σταυροῦ ποιεῖ ὑψώσιν)²⁷⁵. Надо полагать, что празднование сопровождалось песнопениями, которые «составляют единый корпус гимнографических текстов, посвящённых Кресту Господню»²⁷⁶. Первое место среди них занимал уже называвшийся тропарь «Спаси, Господи, народ Твой»²⁷⁷.

Особенностью празднования праздника Воздвижения Креста в XIV в. было соединение его с освящением дворца (агиасмом). Обычно дворец освящался первого числа каждого месяца. Лишь дважды в году этот порядок нарушался, и агиасм сопровождал празднества Теофании (5 января) и Крестовоздвижения (14 сентября)²⁷⁸. Это придавало празднику еще большую торжественность.

Церемония агиасма была следующей. Когда василевс вставал в середине триклинии, начиналась служба благословения (ἡ ἀκολουθία τοῦ ἀγιάσμοῦ). По ее завершении протопапа (или тот, кто вел службу) начинал шествие по залу приемов. Его сопровождали архидиакон, несущий крест, и протопсалт с кубком, наполненным освященной водой (κωθώνιον... μετὰ ἀγιάσματος). Император шествовал впереди, перед кубком, на расстоянии примерно двух шагов (μέχρι καὶ οὐργυιῶν δύο ἢ καὶ πλεόν)²⁷⁹. Далее протопапа, взяв крест из рук протодиакона, прикладывал его ко лбу императора и произносил молитву. Император целовал крест под звуки полихрония, произносимого присутствующими в зале. Протопапа, передав крест архидиакону, брал кубок с водой из рук протопсалта и, смочив пальцы, натирал лоб и глаза императора. Василевс выпивал немного освященной воды из кубка, а все присутствующи-

²⁷⁵ Ps.-Kod. P. 240.1—2.

²⁷⁶ Желтов М., Лукашевич А. А. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня... С. 169.

²⁷⁷ См.: Скабалланович М. Воздвижение Честного Креста... С. 54.

²⁷⁸ Ps.-Kod. P. 240.5—12.

²⁷⁹ Ibid. P. 240.27—241.1.

щие желали ему в этот доминантный момент агисма долгой жизни. Затем церковные архонты покидали триклиний. Оставшиеся же в приемном зале участники парастасиса, сановники и чины, восклицали многолетие в адрес василевса, подписывающего полагающуюся в связи с церемониальной ситуацией дарственную простагму. Подписание императором грамоты означало финал праздничного приема во дворце. Без сомнения, введение процедуры освящения императорского дворца в контекст праздника Воздвижения Креста Господня придавало празднику особую значимость.

Праздники Поклонения Кресту и Крестовоздвижения не были исключением, когда часть религиозного ритуала переносилась в пространство императорского дворца. Одна из глав обрядника XIV в., носящая название «О порядке праздников в честь Господа и сопутствующих им обычаям»²⁸⁰, описывает как храмовую, так и дворцовую составляющую и других религиозных праздников (воскресение Вайи, Святой четверг пасхальной недели и другие дни церковного календаря). Наиболее пространно и ярко — как некий праздничный эталон — описан праздник Рождества Христова²⁸¹.

Разумеется, наряду с религиозными праздниками императорский дворец был также пространством светской жизни. Это и ежедневные торжественные приемы сановников и чинов, праздничные пиры как по случаю важных событий в жизни императорской семьи (представление невесты, бракосочетание, рождение наследников), так и в связи с событиями государственной важности (коронация, прием послов). Но, к сожалению для исследователей, об этом у Псевдо-Кодина есть лишь отдельные упоминания вскользь, в отличие от детальных описаний религиозных праздников.

²⁸⁰Ps.-Kod. P. 189—241.

²⁸¹См.: Поляковская М. А. Праздник Рождества Христова в рамках византийского церемониала: эволюция ритуала // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010. С. 549—555. (Тр. Гос. Эрмитажа ; т. 43.)

В византиноведении давно утвердился тезис о постепенной сакрализации дворцовой жизни. Г. А. Острогорский отмечал несомненную «теократизацию царской власти», «религиозный, культовый характер коронационного обряда», фоном которого был «напыщенный дворцовый церемониал поздней Византии»²⁸². По А. Грабару, при Палеологах заметно стремление «постепенно уменьшить маржу светского» (*réduire progressivement la marge du profane*) в церемониале, сводя его по преимуществу к религиозным обрядам и процессиям²⁸³. Однако в качестве основы для выведения тезиса о сакрализации дворцовой жизни в палеологовскую эпоху использовались лишь те фрагменты сочинения Псевдо-Кодина, которые касались обряда коронации василевса. Надо полагать, что представленные в этой статье материалы текста обрядника XIV в., воспроизводя эволюцию ритуала праздников Поклонения Кресту и Крестовоздвижения, позволяют увидеть в более объемном ракурсе процесс сакрализации церемониального регламента. Сравнение текстов обрядников X и XIV вв. явно свидетельствует о значительном увеличении доли дворцовой части праздничного церемониала, что оправдывает использование в названии статьи формулы О. Трайтингера «дворец как храм». Реконструкция ритуальной канвы двух религиозных праздников будет, вероятно, бесполезна с историко-археологической точки зрения. Наряду с этим рассмотренная проблема позволяет соотнести тенденцию сакрализации дворцовой жизни при Палеологах со стремлением власти усилить значимость императора и императорского дворца как гаранта неколебимости и мощи страны в условиях переживаемого ею внутри- и внешнеполитического кризиса²⁸⁴.

²⁸²Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронации... С. 38.

²⁸³Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 217.

²⁸⁴К. В. Хвостова не без оснований определяет кризис в Византийской империи эпохи Палеологов как системный (см.: Хвостова К. В. Роль и значение права прецедентов в системе византийского правопорядка // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 15).

Траурные дни

Проблема смерти, являясь мировоззренческой, всегда волновала ученых²⁸⁵. В среде гуманитариев, исследующих различные сюжеты придворной культуры средневековой Европы, в последние полтора-два десятилетия стала активно разрабатываться тема смерти монарха, его погребения и посмертной судьбы²⁸⁶. В значительной степени эта проблема восходит к давно ставшему классическим исследованию Э. Канторовича о двух телах короля — сакральном теле правителя, являвшегося подобием Бога, и его земном теле смертного человека²⁸⁷.

Средневековые источники, в зависимости от территории их возникновения — западной или восточной части христианской Европы, имея в основе общую религиозную концепцию жизни и смерти, значительно отличаются в описании ритуалов, связанных со смертью монархов. Для западнохристианской Европы характерно очевидное разделение в погребальном ритуале сакрального тела монарха и его физического тела, а также доминирование внимания в погребальном ритуале к сакральному телу. Прежде всего об этом свидетельствует создание «погребального манекена» (эффигии) тела умершего короля.

²⁸⁵ См.: Beck H.-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits. Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität. München, 1979; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

²⁸⁶ См., например: Schaller H. M. Der Kaiser stirbt // Tod im Mittelalter / hrsg. von A. Borst. Konstanz, 1993. S. 59—75; Бойцов М. А. Ритуал императорских похорон в Германии конца XV в. // СВ. 1995. Вып. 58. С. 149—155; Bertelli S. Rituals of Violence Surrounding the King's Body // Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher / hrsg. von L. Kolmer. Paderborn, 1997. S. 263—280; Tinnefeld F. Rituelle und politische Aspekte des Herrschertodes im späten Byzanz // Der Tod des Mächtigen... S. 217—228; Бойцов М. А. Погребение императора Фридриха III в 1493 г. // СВ. 2000. Вып. 61. С. 254—289; Самойлова Т. Е. Власть перед лицом смерти // Королевский двор в политической культуре... С. 495—521; Калмыкова Е. В. Посмертный культ английских королев XIV—XV вв. // Священное тело короля... С. 109—139.

²⁸⁷ См.: Kantorowicz E. H. The King's two Bodies...

М. А. Бойцов, глубоко и всесторонне исследовавший вопрос об уходе средневековых монархов Европы из земной жизни, заключает: «эффигия являет собой тело данного государя, но именно в качестве государя, тогда как его же тело в качестве смертного человека может постепенно разлагаться в гробу, поверх которого положен «парадный манекен». Тем самым благодаря эффигии тело государя удваивается, выражая две стороны его существования — смирение и величие»²⁸⁸.

В византийских источниках, как в хрониках и историях, так и в церемониальных книгах, отсутствует детальное описание похорон и погребения императоров. Хроникеры и историки чаще пишут о болезнях, которыми страдал василевс, о том, как он готовился к смерти, вознося постоянную молитву, исповедуясь, причащаясь и, наконец, приняв монашеский постриг. Констатируя факт наступившей смерти властителя, авторы чаще упоминают лишь о проведенной в связи с этим священной литургии и, в лучшем случае, указывают место его погребения.

В истории византийского погребального обряда можно выделить два далеко не равных по своей временной протяженности периода. В первом из них (IV—VII вв.), называемом позднеантичным этапом, похороны правителей проходили в соответствии с традицией, начало которой восходит к эпохе принципата и достигает кульминации по своей пышности и богатству во времена домината. Можно вспомнить несколько примеров из римской истории. По словам Светония, в день похорон Юлия Цезаря на Марсовом поле был сооружен погребальный костер и возведена постройка, внутри которой «стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом...». Решением сената, объявленным глашатаем, «Цезарю воздавались все человеческие и Божеские почести». Впоследствии на форуме была возведена колонна из цельного нумидийского мрамора (около 20 футов высоты) с надписью

²⁸⁸ Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 444.

«Отцу отечества»²⁸⁹. Траурный ритуал в эпоху цезарей продолжал оставаться пышным и дорогим, порой даже если правитель был ненавистен народу. Погребение Нерона «обошлось в двести тысяч»; после сожжения тела урна с прахом была захоронена в расположенной вблизи Марсова поля родовой усыпальнице, алтарь которой был из этрусского мрамора, а ограда — из фасосского²⁹⁰. В эпоху домината непрерывной составляющей траурного обряда, помимо его пышности, стал возникший еще при цезарях ритуал обожествления умершего правителя.

Церемония похорон первого христианского византийского императора Константина I Великого по сути повторяет (кроме сожжения тела) пышные похороны времени позднего Рима с их превознесением ушедшего из жизни правителя. Константин Великий при жизни распорядился, что он должен быть похоронен в роскошном мавзолее в форме ротонды, где находились символические саркофаги двенадцати апостолов, что можно рассматривать как акт его обожествления²⁹¹. По смерти Константина I как в Риме, так и в Константинополе были установлены восковые фигуры императора в парадном одеянии и с инсигниями власти, около которых выстраивались сановники²⁹². Тело правителя после выноса из дворца сопровождали воины в блистающих доспехах и траурная процессия. На этом светский ритуал прощания завершался, и начиналась литургия в храме. Мы видим, что светский ритуал с элементами обожествления, отделенный от религиозного, содержит ту основу, которая могла повлиять на формирование в Западной Европе

²⁸⁹ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты) / пер. и примеч. М. Л. Гаспарова; вступ. ст. Е. М. Штаерман; отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1993. Кн. 1. Гл. 84—85. С. 32.

²⁹⁰ Там же. Кн. 6. Гл. 49. С. 165.

²⁹¹ См.: Tinnefeld F. Rituelle und politische Aspekte... S. 219. Anm. 10.

²⁹² См.: Chroscicki J. A. Pompa Funerbis. Warszawa, 1974. P. 25—26; Самойлова Т. Е. Власть перед лицом смерти... С. 514; Бибииков М. В. «Великие василевсы» Византийской империи... С. 37.

концепции «двух тел» короля. Без сомнения, западноевропейская традиция восходит ко времени Константина I Великого.

На втором этапе истории византийского траурного ритуала, оформившегося в эпоху «темных веков» (VII—IX вв.) и сохранившегося до конца существования Византийской империи, возобладал религиозный обряд, нашедший отражение в православном «Чине погребения»²⁹³. В «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного есть небольшое по объему, но важное для исследователей — в связи с отсутствием подобной информации в других источниках — описание похорон василевса²⁹⁴.

Тело умершего василевса, одетого в парадную одежду, с диадемой на голове, возлагали в одном из залов Большого императорского дворца на богато убранном погребальном одре. Перед выносом тела в зале появлялось духовенство главного храма Константинополя — храма Св. Софии, и по завершении молитвословия звучал возглас: «Изыди, царю, зовет тя Царь царствующих и Господь господствующих». Погребальный одр с телом умершего василевса несли через дворцовые помещения к выходу. При этом снова трижды звучало произнесенное выполнявшим церемониальные функции паракимоном приглашение «Изыди, царю...». Покинув пределы императорского дворца, похоронная процессия направлялась к храму Св. Апостолов, где свершалась литургия и псалмодия, с последними звуками которых снова звучал возглас «Изыди, царю, зовет тя Царь царствующих и Господь господствующих» с добавлением «отложи венец с главы своей». При этих словах паракимомен (препозит?) снимал с умершего диадему и возлагал на его голову порфиновую повязку. После этого тело покойного погребали в усыпальнице, где находились мраморные саркофаги²⁹⁵. До конца двадцатых годов XI в. погребение василевсов

²⁹³ Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 181—183.

²⁹⁴ De cerim. P. 275—276.

²⁹⁵ См.: Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора... С. 182.

происходило в храме Св. Апостолов²⁹⁶. Поминовение умершего правителя заключалось в посещении места захоронения, зажжении поминальных свечей в усыпальницах и воспоминаниях о нем на третий, девятый и сороковой день после смерти²⁹⁷.

Византийский чин погребения вытеснил светские традиции обожествления умершего императора и безмерной роскоши ритуала погребения. Идея равенства монарха и раба перед лицом смерти отодвигала на время похорон прежнюю традицию обожествления императора. В целом вся церемония ухода правителя из жизни утратила светский характер и находилась по преимуществу в руках клира. Византийский «Чин погребения» был воспринят и другими православными странами. Так, русские исторические источники столь же, как и византийские, немногословны в отношении царских похорон, поскольку те полностью соответствовали принятому церковью чину: это было обычное шествие духовенства, членов семьи правителя и придворных от дворца до собора²⁹⁸. Эта традиция просуществовала в русском церемониале вплоть до начала XVIII в., когда император Петр I стал заимствовать западные ритуалы светского характера²⁹⁹. Похороны самого Петра представляли триумф в духе западноевропейской погребальной культуры. Главными участниками пышной церемонии были уже не клирики, а офицеры. В проповеди Прокоповича Петр был назван Константином, на которого ориентировались — как на носителя римских традиций — все европейские монархи. В придворной культуре России XVIII—XIX вв. похоронный ритуал наряду с коронацией стал одной из главных церемоний правящего дома³⁰⁰.

²⁹⁶ См.: Tinnefeld F. Rituelle und politische Aspekte... S. 221.

²⁹⁷ Greg. L. X. C. 1; L. XI. C. 11.

²⁹⁸ См.: Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856. С. 1—6.

²⁹⁹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра I до смерти Николая I. М., 2002. С. 112—115.

³⁰⁰ Там же. С. 93—112 и след.

Завершив преамбулу к рассматриваемой теме, посмотрим, как она отражена в византийской церемониальной книге середины XIV в. Сразу отметим, что в сочинении Псевдо-Кодина нет ни слова о похоронах василевса или членов императорской семьи. Церемониальная книга являлась протоколом жизни императорского двора, а похороны относились к сфере ведения церкви, строго соответствуя «Чину погребения».

Обращаясь к теме траура в императорском дворце палеологовской эпохи, нельзя не привести слова «Μέμνησθε τοῦ θανάτου» («Помни о смерти»), отражающие позицию смирения и осознания бренности всего земного. Хотя категория «смирение» не входила в официальную императорскую титулатуру³⁰¹, однако она активно транслировалась церемониалом.

Наиболее очевидным выражением концепции христианского смирения и понимания императором неизбежности смерти являлся такой неперенный атрибут его торжественных выходов, как акакия (ἀκακία), мешочек или плат с прахом и землей³⁰², который василевс держал в левой руке как символ бренности земного существования. Псевдо-Кодин подробно пишет об акакии как об одном из императорских символов в главе IV, посвященной описанию праздничных церемоний в честь Господа³⁰³, центральным среди которых был ритуал

³⁰¹ См.: Hunger N. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee... S. 49—83; Rösch G. ΟΝΟΜΑ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ...

³⁰² Иногда земля с прахом могла находиться не в мешочке, а в корбочке. Можно вспомнить оставленное арабом Харуном ибн Йахья в 912 г. описание торжественной процессии из императорского дворца в храм Св. Софии. По его рассказу, император держал в руке и время от времени открывал со слезами маленькую золотую коробочку с горстью земли (см.: Berger A. Imperial and Ecclesiastical Procession in Constantinople // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and everyday Life / ed. by N. Necipogly. Leiden ; Boston ; Köln, 2000. P. 78). Не выполнял ли функцию акакии ларец (ὁ λάρτιξ), который в поздневизантийское время держал в левой руке василевс на одном из этапов коронации (Ps.-Kod. P. 204.8.12; 358.15)? См. также: Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 6. Впрочем, это греческое слово может иметь и другой перевод («жезл»).

³⁰³ Ps.-Kod. P. 189—241.

праздника Рождества Христова. Кульминацией рождественских торжеств была церемония прокипсиса, представлявшая собой трехактное «явление» василевса на сцене-прокипсисе перед «народом», представленным сановниками, клиром, чиновниками всех рангов, воинами и всеми остальными. Трехмгновением «живых картин», сопровождавшимся при открытии и закрытии занавеса пением рождественских стихир и полихрония, предшествовало ритуальное переодевание императора в специальном помещении при сцене. Поскольку Псевдо-Кодин дает объяснение символики отдельных элементов одежды и остальной атрибутики, обратимся к этому фрагменту главы³⁰⁴. Согласно тексту обрядника, василевс в торжественных случаях всегда держал в правой руке крест, а в левой — акакию, шелковый мешочек, связанный с платком. В интерпретации Псевдо-Кодина крест являлся знаком его веры (τὴν εἰς Χριστὸν ἑαυτοῦ πίστιν). Акакия означала, что император должен проявлять смирение и не гордиться величием власти, поскольку он смертен (διὰ τοῦ χρώματος, ὅπερ καλεῖται ἀκακία, ὡς εἶπομεν, τὸ τὸν βασιλέα ταπεινὸν εἶναι ὡς θνητὸν καὶ μὴ διὰ τὸ τῆς βασιλείας ὕψος ἐπαίρεσθαι καὶ μεγαλαυχεῖν). Платок, связанный с акакией, означал неустойчивость и переменчивость (τὸ ταύτης ἄστατον καὶ τὸ μεταβαίνειν ἀφ' ἑτέρου εἰς ἕτερον). Корона (стемма) была знаком достоинства василевса, повязка-диадема означала его военную доблесть, черный саккос — таинство императорской власти, большая свеча, освещавшая «явление» василевса на прокипсисе, была намеком на слова Всевышнего: «Тогда так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). То, что в перечне символов императорского достоинства первыми среди названного автором обрядника указаны крест и акакия, свидетельствует о их концептуальной значимости.

Василевс в особо торжественных случаях всегда появлялся в парадном одеянии — саккосе и стемме, держа в руках крест

³⁰⁴Ps.-Kod. P. 200.17—202.14.

и акакию. Так, в праздник Вайи (Пальмового воскресенья) правитель, возглавляя церемонию галереи³⁰⁵, держал в правой руке крест, а в левой мешочек с землей и большую свечу³⁰⁶.

Как видим, смирение василевса, не нашедшее отражения в официальной императорской титулатуре, через такой атрибут церемониальной символики, как акакия, должной характеризовать нравственное кредо правителя и его понимание соотношения вечного и временного, вошло, по сути дела, в византийскую политическую идеологию.

Хотя в обряднике Псевдо-Кодина отсутствует какая-либо информация о похоронах василевса или членов его семьи, траур (τὸ πένθος) по случаю смерти кого-либо из царственных особ имел свое церемониальное отражение в последовательности отдельных ритуалов, в появлении траурных дней (αἱ πένθιμοὶ ἡμέραι) и траурных одежд (τὰ πένθιμα φορέματα). Например, в праздник Вайи в связи со смертью (διὰ θάνατον) императорской супруги-деспины или сына-василевса церемониал праздника изменялся. Из ритуала галереи были исключены хоругви, музыка и яркие одежды (τὰ μὲν ἄλλα φλάμουλα δηλονότι καὶ ὀργάνων ἤχος καὶ στολῶν λαμπρότης)³⁰⁷. В ритуале прокипсиса, если он приходился на траурный день³⁰⁸, василевс появлялся в белых одеждах и без стеммы, а в скиадии³⁰⁹.

Относительно тех церемоний, в которых должен был принимать участие василевс-отец, Псевдо-Кодин вносит коррективу «если он жив» (ἐάνπερ ζῶν ἦ)³¹⁰. Так, в поднятии императора на щите перед его коронованием в храме отец коронуемого и патриарх должны были держать переднюю часть

³⁰⁵Поляковская М. А. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца... С. 229—238.

³⁰⁶Ps.-Kod. P. 224.27—225.2.

³⁰⁷Ibid. P. 226.27—227.2.

³⁰⁸Ibid. P. 227.5.

³⁰⁹См.: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 92—93, 112. Fig. 10.

³¹⁰Ps.-Kod. P. 256.4.

щита, а деспоты, севастократы и кесари — заднюю³¹¹. Если отца-императора к моменту коронации сына уже не было в живых, то щит вместе с патриархом держал кто-нибудь из савновников или из архонтов³¹². Таким образом, ритуал поднятия василевса на щите мог корректироваться, но только в случае смерти отца-императора. Формула «если он жив» или ее варианты несколько раз встречаются на страницах сочинения Псевдо-Кодина³¹³. Возможность смерти правителя учитывается как нечто неизбежное: император умирал, а церемониал должен был выполнять функцию стабильности, лишь немного изменяясь в связи с обстоятельствами смерти.

Если некоторые изменения в ходе отдельных церемоний разбросаны по тексту обрядника Псевдо-Кодина в виде небольших пояснений к протоколу, то одежде, должной заменить официальные костюмы в дни траура, посвящена специальная глава «О траурных императорских одеяниях» (Περὶ πένθιμων βασιλικῶν φορεμάτων)³¹⁴.

Глава представляет собой предписание по проведению траурных дней, учитывая родственную близость василевса к умершему. Псевдо-Кодин называет три группы родственников и, соответственно их родственному статусу, три варианта церемониальных требований. Первая группа близких василевсу членов семьи — это его отец, мать, жена и сын. Вторая группа — дядя или тетка василевса со стороны отца, брат (если он не является деспотом) или сестра. И, наконец, третья выделенная Псевдо-Кодином группа — это родственники кого-либо из членов императорской семьи (дядя, кузены, племянники или кто-то из их потомства).

В дни траура по кому-либо из ближайших родственников протокол предписывал следующее. Император носил в дни траура белые одежды; причем для него, в отличие от всех

³¹¹ Ps.-Kod. P. 256.2—10.

³¹² Ibid. P. 256.10—14.

³¹³ Ibid. P. 286.10.

³¹⁴ Ibid. P. 284—285.

остальных, срок его траура не лимитировался: он мог по своему желанию поменять по истечении какого-то времени белые одежды на желтые, сначала — без украшавшей края одеяний бордюрной каймы, а затем — с этим декором. В то время, когда василевс носил белые одежды (λευχεῖμονεῖ), все — не только архонты, но и народ (οἱ τοῦ λαοῦ) — были в черном (μελανεῖμονοῦσιν)³¹⁵. Когда василевс был в желтом одеянии, остальные по-прежнему носили черные одежды вплоть до сокового дня, после чего они могли надеть голубые одежды и носить их до того времени, пока император не снимет траур. Траур завершался тогда, когда василевс появлялся в ярких одеяниях, что означало возможность всем вернуться к одежам тех цветов, которые были предусмотрены для каждого савновника и архонта в соответствии с обрядником.

Когда умирал императорский родственник из следующей группы (условно названной нами второй), василевс носил желтые одежды (без бордюрной отделки, а потом с ней). И, наконец, в случае смерти еще более далеких родственников (из третьей группы) траур проводился не во дворце, а в доме умершего. После девятого дня те члены семьи василевса, которые участвовали в проведении траура за пределами дворца, возвращались туда в черных одеждах (но обязательно ночью, чтобы их не видели в черном, поскольку во дворце траура не было). Затем, одетые в голубое, они проходили через ритуал проскинизы перед василевсом.

Итак, поздневизантийский дворцовый церемониал, не касаясь в соответствии с православной традицией темы находившихся в ведении церкви императорских похорон, довольно четко определял протокол церемоний траурных дней, детально оговаривая изменения в «сценариях» отдельных ритуалов и строго определяя цвета траурных одежд не только для правителя, но и для всех, кто был причастен к жизни императорского дворца. Символика цвета определялась как иерархией

³¹⁵ Ps.-Kod. P. 284.16—20.

каждого из членов «дворцового сообщества», так и христианским исчислением этапов траура.

Особое место в отражении церемониалом политической идеологии занимает идея соотношения вечности «императорской идеи» и бренности земной жизни правителя. Крест и акакия являлись символами власти императора, бывшего и подобием Господа, и смертным человеком. Как демонстрирует поздневизантийский церемониал, василевс в своем величии не должен был забывать старую истину: «Μέμνησθε τοῦ θανάτου». Этот постулат воспринимался традиционным в общем контексте римско-византийской политической доктрины и лишь усиливал значимость идеи «вечной империи».

Знаковые элементы официального костюма архонтов

В завершающем подразделе главы, посвященной парадной жизни императорского двора, вспомним снова ту греческую поговорку, с которой начато предисловие к этой книге: «Мир погибал, а моя жена наряжалась». Карл Крумбахер полагал, что эта фраза является наиболее точной характеристикой той атмосферы, которая царил в императорском дворце эпохи Палеологов. Он полагал, что «по иронии судьбы» всем описанным Псевдо-Кодином нарядам и ритуалам суждено было вскоре навеки исчезнуть³¹⁶. Повторивший приведенную К. Крумбахером поговорку А. А. Васильев считал, что все церемониальные переживания были результатом не соответствующего времени «ослепления» правителей: «появление аналогичного трактата в XIV веке, накануне уже для многих явно неминуемой гибели государства, вызывает недоумение и какое-то жуткое ощущение перед тем ослеплением, которое, очевидно, порою царило при дворе византийских василевсов последней династии»³¹⁷.

³¹⁶ См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 425.

³¹⁷ Васильев А. А. История Византийской империи от начала крестовых походов... С. 399.

Оба названных автора отнюдь не одиноки в своих выводах. Однако напомним читателю, что трактат Псевдо-Кодина был написан в конце 40-х гг. XIV в., до гибели империи оставалось немногим более ста лет! Заглянувшему в Древние века исследователю сто лет представляются не столь уж протяженным временем. Жившие же во времена написания трактата византийцы не могли предугадать даже того, что случится с империей в ближайшие годы — землетрясения в Константинополе или эпидемии чумы³¹⁸. А о том, что будет через сто лет — процветание или гибель, большинство людей просто не задумывалось. Разумеется, в трудах интеллектуалов рассматриваемого времени можно найти слова эсхатологического звучания, но у этих же авторов встречаются фразы о величии империи. И именно эта мысль о могуществе Второго Рима могла быть ближе жившим тогда людям, чем утверждение о гибели империи. Старики, вероятно, слышали в своей юности рассказы об освобождении Константинополя и восстановлении империи Палеологами после почти шести десятков лет владычества ненавистных народу латинян. Тезис о «вечном Риме» и лежал в основе византийской политической идеологии, транслятором которой являлся дворцовый церемониал. Поскольку все ритуалы были рассчитаны на зрительское восприятие, костюм «фигурантов» церемониала имел первенствующее значение, а богатство его декора должно было свидетельствовать о могуществе империи.

Читатель, перелистывая страницы этой книги, разумеется, также убедился, что одним из компонентов церемониальных актов, определяющих их идеологическое назначение, была одежда.

Обращение к теме атрибутов костюма придворных не является случайным. Стремясь осветить этот вопрос более или менее адекватно пониманию его Псевдо-Кодином, напомним еще раз, что в сочинении этого автора официальному костюму

³¹⁸ См.: Куш Т. В. Чума в поздней Византии // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 38—56.

чинов посвящена специальная — вторая — глава³¹⁹. Она следует сразу же за открывающим церемониальную книгу списком архонтов всех ступеней иерархической лестницы и предшествует главе, определяющей должностные обязанности чинов. В контексте церемониального «спектакля» официальное одеяние его участников, несомненно, важнее их должностных функций! Костюм был первенствующим элементом всей знаковой системы, определяющей роль каждого из актеров политического «театра» в жизни империи и двора. Немаловажной составляющей любого церемониального «спектакля» были костюмы исполнителей ролей — от императора до самого нижнего чина.

Церемониал предусматривал определенную иерархию атрибутов власти для придворных кругов. Причастность к системе государственного управления, согласно обряднику Псевдо-Кодина, символизировали прежде всего три атрибута, являвшиеся знаковыми элементами официального наряда сановника или любого из придворных чинов: головной убор, платье и жезл. Эти предметы костюма составляли семантическую систему в жизни двора, являя также неперемный dress code.

Однако заметим, что выделенные нами знаковые элементы становятся «читаемым кодом» только через их цвет (с учетом его иерархии), а также через такие детали декора, как аппликации, вышивка золотыми и серебряными нитями, стеклярусом, драгоценные камни в оправе, тип каймы, тканый рисунок или вышитый портрет императора.

Обращаясь к характеристике названных знаковых элементов официального костюма архонтов, вспомним, что в главах нашей книги «рассыпаны» отдельные их характеристики. Прежде всего это касается головных уборов и платья, — поэтому они будут рассмотрены не в полном объеме, а путем суммирования уже проведенных наблюдений³²⁰.

³¹⁹ Ps.-Kod. P. 141—166.

³²⁰ См. подразделы «Придворная элита» и «Чиновная лестница» в гл. 4.

Парадными головными уборами как представителей придворной элиты, так и остальных архонтов были скиадей и скараник. Тип шапки сам по себе еще не являлся отличительным знаком. Скиадей и скараник имели все представители иерархии, вплоть до 74-й ступени лестницы³²¹, о последующих чинах в обряднике нет информации. Статусная градация головных уборов при одинаковой их форме была связана прежде всего с деталями декоративной отделки.

В пределах придворной элиты скиадей и скараник имели следующие статусные отличия. Скиадей деспота — шляпа с небольшими полями и высокой тульей — был полностью вышит жемчугом, а у севастократора и кесаря этот головной убор был ало-золотым. Скиадеи всех трех ступеней элиты имели аир (вуаль?) и жемчужные (как у императора) подвески, должны располагаться в области висков обладателей этих шляп. Жемчуг считался самым элитарным из всех украшений.

Относительно другого головного убора в рамках элитарной группы Псевдо-Кодином оставлено описание лишь скараника деспота (золотой и серебряный орнамент, драгоценные камни в оправе). Автор церемониальной книги признается, что о скараниках севастократора и кесаря ему ничего неизвестно. Судя по описаниям различных церемониальных ситуаций, представители элиты носили преимущественно скиадеи, а не скараники.

Обратившись к характеристике скиадея в рамках чиновной лестницы, заметим, что только у великого доместика, стоявшего на ее верхней ступени, скиадей имел вуаль, как у представителей придворной элиты. Однако подвески его скиадея были уже не жемчужными, а алыми или золотыми.

Чем ниже была ступень архонта в иерархии, тем более скромным был скиадей. Так, в отношении великого друнгария стражи отмечено только, что его скиадей «имел вышивку» и не более того. Последним, кто назван обладателем скиадея, был протокомит. Следовательно, скиадеи имели почти все

³²¹ См. приложения 1—2.

представители чиновной лестницы, однако их декор на низших ступенях уже не имел знаковых отличий.

Что касается второго из названных головных уборов, то отметим, что архонты всех четырех групп первого разряда (с 4-й по 49-ю ступень) носили скараник в форме высокой цилиндрической шапки, имевшей небольшое расширение вверху. Этот головной убор имел в качестве украшения портреты императора различной иконографии — интронированного, стоящего около трона или сидящего верхом на коне. Отличались скараники и цветом, и вышивкой (если она была). Архонты второго разряда носили красные скараники с тульей округлой формы на околыше³²². В обряднике архонты этой группы определены как «носящие красные скараники» (50—70-я ступени лестницы). Официальный головной убор тех, кто был по статусу ниже носивших красные скараники, Псевдо-Кодином не названы (как и их официальное платье). Надо думать, что они имели, как и архонты, предшествующие им, скараник и каввадий, но без какой-либо отделки, что позволяло идентифицировать этих архонтов как нижние чины.

Для основного корпуса архонтов официальным платьем был каввадий, одеяние в пол, с длинными рукавами и вырезом «под горло». Каввадий, в зависимости от занимаемой архонтом ступени, имел такие «отличительные знаки», как качество ткани, ее цвет, рисунок, различного рода отделка (аппликация, вышивка золотыми и серебряными нитями).

Следует учитывать то, что в порядке исключения несколько архонтов имели право надеть другое платье — эпилурик, а не каввадий. Это тоже можно рассматривать как индикатор статуса.

Перейдем к характеристике третьего из названных знаковых элементов (диканикия). Это церемониальный жезл, некий символ власти каждого из чинов в зависимости от его статуса.

³²² См. условную прорисовку головных уборов в исследовании Э. Пильтц: Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 92—93.

Диканикии в описании Псевдо-Кодина различаются по цвету, наличию или отсутствию в их декоре узлов (комп), их количеству и орнаменту, а также по наличию интервалов.

Иерархия цвета, использованного в декоре диканикия, традиционна. Более высокой ступени архонта в системе власти и управления — от великого domestика до великого этериарха (4—25-я ступени в иерархии) — соответствовало большее количество золотых, серебряных, алых и белых деталей. Так, великий domestик имел жезл с тремя интервалами между компами: первый и третий были золотыми, второй — золотой с серебряным орнаментом. Жезл протостратора имел золотые интервалы между золотым и серебряным компами. Жезл великого примикирия был полностью из позолоченного дерева. Наличие золотого цвета в декоре жезла охватывает верхние ступени вплоть до великого этериарха. Следует заметить, что до этого же уровня иерархической лестницы распространяется и право архонта делать выбор в одежде между каввадием и эпилуриком³²³.

В пределах отмеченной группы архонтов³²⁴ — до великого этериарха (25-я ступень иерархии) — в орнаменте жезла наряду с золотом встречаются зеленый цвет (протовестиарий), алый (великий папия и великий друнгарий), белый (паракимомен), черный (трапезит), голубой (великий этериарх). Цвет в орнаменте жезла зачастую перекликался с цветом одежды и обуви. Так, протовестиарий, в орнаменте диканикия которого появился зеленый цвет, имел зеленую обувь и тампарий. Одежда великого папия и великого друнгария, как и их жезлы, были белого и золотого цвета.

Ниже ступени, занимаемой протоспафарием, вплоть до папия, последнего из названных Псевдо-Кодином чинов, золотой и серебряный орнамент встречается лишь четырежды: серебряным был жезл domestика схол и великого аднумиаста,

³²³ Ps.-Kod. P. 158.25—159.2.

³²⁴ Группа выделена по типу орнамента жезла. Ее не следует путать с группами первого разряда архонтов по «Табели о рангах» (см. прил. 1).

позолоченным — у эпи тон анамнесеон; великий миртаит имел серебряный жезл с орнаментом из золота и серебра. В остальном же колористическая гамма, особенно у чинов второго разряда, была менее разнообразной: это белый, алый, голубой, желтый цвета, без зеленого и черного. Но наиболее характерными для этой группы были жезлы из неокрашенного гладкого дерева.

Различия жезлов по количеству и форме узлов менее вариативно. В первой группе — от 2-го до 25-го разряда — все жезлы имели несколько комп, разделенных интервалами. Так, диканикий великого domestика имел не менее пяти искусно высеченных комп. Псевдо-Кодином не всегда оговаривается количество комп и интервалов, а также характер их орнамента.

В отношении архонтов второго разряда в обряднике содержится информация только о наличии комп диканикия domestика схол, великого аднумиаста, великого миртаита. Причем последние два чина имели компы особой формы: великий аднумиаст — в форме голубя³²⁵, великий миртаит — в форме гаммы³²⁶.

Детали декора диканикия, а также его наличие или отсутствие, увеличивали возможность модификации парадного костюма придворных архонтов. Так, логофет геникона при одинаковых с протовестиаритом каввадии и скаранике, в отличие от последнего, не имел жезла³²⁷.

Не все придворные имели диканикий. В первом выделенном нами разряде девять архонтов не имели жезла (паниперсеваст, великий логофет, великий коноставл, протосеваст, пинкерт, куролат, логофет геникона, domestик стола, эпарх). На последующих ступенях иерархии отсутствие жезла являлось более частым, при этом иногда оговаривалось, что его заменяло. Так, заусий носил на поясе слева дротик, называемый салиба³²⁸,

³²⁵ Ps.-Kod. P. 162.19—20.

³²⁶ Ibid. P. 166.17.

³²⁷ Ibid. P. 157.1—11.

³²⁸ Ibid. P. 161.19—20.

проталлагатор — армейскую дубинку — серебряную, с обтянутой алым шелком рукояткой³²⁹.

Наряду с парадно-представительным назначением диканикий имел и «сюжетное» применение. Некоторые церемониальные акты отмечались с его помощью. Так, протовестиарит в знак окончания императорского приема тихо ударял своим диканикием о пол; затем этериарх и те, кто имел деревянные жезлы, должны были сообщить тем, кто вошел в зал после передачи императору его диканикия, чтобы они вышли³³⁰. Византийский церемониал в приведенном и подобных актах запечатлел тот срез ритуальной культуры, который позволил Ж. Ле Гоффу назвать Средневековье «эпохой жеста»³³¹.

В целом, набор индикаторов, позволяющих определить статус архонтов по их головному убору, платью и жезлу, был велик, если учитывать все дополнительные детали декора. Сюда же следует включить возможность замены «знака» или его отсутствие, что тоже имело смысловое назначение. Оговорим, что логика появления или отсутствия некоторых деталей декоративной отделки ключевых предметов далеко не всегда понятна. Надо полагать, что даже завсегдатаям императорских приемов было непросто ориентироваться в столь сложной системе «индикаторов». Вероятно, что из трех знаковых элементов официального костюма архонтов определяющим был все-таки головной убор. В заполненном придворными тронном зале прежде всего была видна шапка. При парадных конных выездах прежде всего акцентировалась обувь. В траурные дни главным индикатором статуса придворного становился цвет.

Итак, знаковые элементы официального внешнего вида архонтов играли заметную роль в обозначении ступеней придворной иерархии. Их назначение можно определить по крайней мере тремя проявлениями — репрезентативным,

³²⁹ Ps.-Kod. P.163.32—164.1—5.

³³⁰ Ibid. P. 177.16—21.

³³¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 90.

рекогносционным (распознавательным) и (для жезла) функциональным.

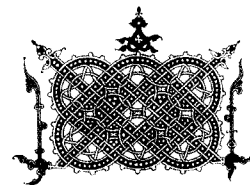
Несомненно, в византийской придворной культуре головной убор, платье и жезл были существенными семантическими знаками в общей знаковой системе³³² византийского церемониала.

Парадная одежда архонтов была существенной составляющей византийского церемониала, задачей которого в конечном итоге была трансляция политической идеологии, основой которой был тезис о могуществе и непобедимости вечной ромейской империи. Разумеется, большинство архонтов, надевая в очередной раз свой парадный костюм, чтобы предстать пред очами василевса, меньше всего думали о судьбах отечества. Архонт из низов иерархии, наверное, был горд, что он причислен к столь высокому сообществу. Чиновник, занимавший ступеньку где-то в середине должностной лестницы, возможно, в какой-то миг ритуала, блистая своим костюмом, испытывал удовлетворенность занимаемым им высоким — по сравнению с низшими чинами — социальным статусом. А может быть, он, напротив, раздумывал, что неплохо было бы поменять свой костюм на другой, поднявшись на ступеньку выше. Однако вне зависимости от суетных помыслов архонтов участники церемониала должны были во имя высокой идеи каждодневно «наряжаться».

Хотя этот завершающий главу подраздел посвящен знаковым элементам официального костюма архонтов, нельзя не вспомнить и парадное одеяние василевса. Если одежда архонтов, ее цвет и декор определяли его место в иерархии, то торжественный наряд императора призван был демонстрировать международный престиж империи. Известно, что со времен Македонской династии (с X в.), в период становления средневековых европейских государств, приношение им в качестве дара парадного императорского одеяния или короны было

³³² См.: Tinnfeld F. Semiotische Aspekte der byzantinischen Gesellschaftsstruktur // XVII Междунар. конгресс византистов : резюме сообщ. М., 1991. Т. 2. С. 1160 — 1161.

желанно правителям многих стран. Собственно, если даже речь не шла о прямом даре, торжественное одеяние западных королей либо кроилось по византийским «лекалам», либо имело скрытые черты сходства с византийским императорским костюмом. В поздневизантийское время это характерно более для православных стран «византийского содружества»³³³. В соответствии с транслируемым церемониалом политической идеологией византийский правитель должен был, вопреки приведенной ранее поговорке, «наряжаться» как раз для того, чтобы «мир не рухнул».

³³³ См.: Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга написана по материалам в сущности одного источника — «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина: остальные источники использовались лишь как дополнительные, иллюстративные, порой сравнительные. С одной стороны, в этом можно усмотреть некоторую исследовательскую ограниченность, но с другой — это позволяет избежать мозаичности выводов.

Исследователи лишь слегка прикасались к источнику, полагая, по-видимому, что он малоинформативен и невыразителен. Автор книги, надо отметить, очень настороженно (по тем же причинам) относился к сочинению Псевдо-Кодина. Протокольный стиль этого сочинения — после многих лет занятий византийской риторикой — казался скучным, а порой и низким. Но мало-помалу пришло привыкание, переросшее сначала в понимание, а затем и в исследовательский интерес. Правда, годами усвоенный метод работы с сочинениями византийских интеллектуалов — «понять изнутри» — здесь не годился. Автор, напротив, оценивал все ритуалы «со стороны», «издалека», оправдывая эту отчужденность историческим опытом и своим собственным.

Следует признать, что источник использован в книге не в полной мере. В качестве сравнительного материала бралась лишь церемониальная книга эпохи Македонской династии как наиболее яркий источник. Но осталось неисследованным необходимое для сравнительных наблюдений

официальное пространство трапезундского¹ и никейского² императорских дворов.

Еще одна неполно отраженная в книге тема — церемониальный предметный ряд. Псевдо-Кодин подробно описывает одежду, обувь, жезлы, троны, посуду, но его характеристики касаются прежде всего цвета и декора, что не позволяет делать выводы, касающиеся формы предмета, а порой — и его назначения. Автор книги пыталась встать на путь поиска, но ограничилась лишь одним докладом³, а также статьей⁴, от выводов которой уже отказалась, хотя сам поиск был увлекательным. Решить все энигмы трактата и идентифицировать названные Псевдо-Кодином артефакты крайне заманчиво.

Читатель может удивиться обилию греческих цитат в тексте и даже сочтет их излишними. Автор книги исходил в данном случае из своих читательских запросов: при чтении любого исследования по истории Византии хотелось бы видеть в качестве дополнительного подтверждения какого-нибудь вывода или наблюдения фрагмент оригинального текста — как в случае своего несогласия с выводом, так и при желании отложить этот материал в свою научную копилку. Цитирование избавляет такого читателя от необходимости идти в библиотеку, тем более что издание Жана Верпо есть не в каждом столичном книгохранилище.

В качестве некоего итога можно еще раз отметить, что византийский церемониал являлся важной составляющей культуры

¹ См.: Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб., 2007; Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204—1461) СПб., 2001.

² См.: Жаворонков П. И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // ВО. 1991. С. 93—98; Его же. Комментарии к «Истории» // Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2005.

³ См.: Поляковская М. А. Энигматичность артефактов поздневизантийского обрядника и историографический опыт их идентификации // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. 2010. № 7. Сер. Интеллектуал. история. Вып. 4. С. 47—55.

⁴ Поляковская М. А. К спорам о скаранике // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 101—108.

общества, как придворной, так и «уличной», массовой, ориентированной на значимость церемониальных «спектаклей», выходявших иногда и за пределы дворца.

Ритуализованность и символизм, присущие церемониалу, роднят его в значительной степени со средневековой европейской культурой.

Лейттемой книги явилось исследование воплощенной в церемониале политической идеологии в условиях нарастающего кризиса общества и утраты страной международного престижа и части ее территорий. Поздневизантийский церемониал являлся не только формой презентации власти Палеологов, но и средством воздействия на общественное мнение с целью упрочения в умах современников идеи могущества империи и непоколебимости власти вассалов.

Изыскание проблемы церемониала в контексте официальной идеологии позволяет глубже осознать, особенно в условиях кризиса страны, корректирующую роль создаваемого придворным церемониалом мифа о благополучии и гармонии общества. Актуальность проблемы в рамках современного византиноведения определяется тем, что исследование воплощенной в церемониале политической идеологии эпохи Палеологов дает основание для последующего анализа внутренних причин гибели Второго Рима.

Неадекватное восприятие представителями власти ситуации в стране и попытка скрыть свою несостоятельность пропагандируемым мифом о могуществе империи позволяют аналитически оценить на примере поздней Византии сущность державной формы власти с присущим ей дефицитом реальной самооценки. Изучение воплощенной в поздневизантийском церемониале идеологии как способа воздействия на общественное мнение в условиях кризисного состояния страны, а также формы трансляции через ритуал идеи незыблемости и могущества страны дают возможность для компаративных наблюдений и моделирования исторических ситуаций в других пространственно-временных рамках.

Второй блок, исследованный в книге, связан с поздне-византийским чиновничеством. Согласно названию трактата Псевдо-Кодина и расположению глав, эта тема в обряднике не была второстепенной. Да и в истории Византии должностные лица всегда были в чести — в зависимости от ранга. По замечанию Г. Вайса, исследовавшего социальную категорию чиновничества по сочинениям имевшего опыт общения с этой средой Михаила Пселла, для Византии нельзя найти аналога среди европейских стран по численности бюрократического аппарата⁵. По справедливому мнению Г. Г. Литаврина, Византийская империя — это «единственная страна классической бюрократии в средневековой Европе»⁶.

Разумеется, в обряднике архонты различных ступеней представлены только в церемониальном пространстве, в качестве исполнителей ролей в «театре власти». Реальные же отношения, присущие бюрократии, остались за кулисами церемониального «театра»: протекции через использование дружеских связей и знакомств, взятки и подношения в надежде на благосклонность вышестоящего чиновника, безмерная лесть в адрес правителя в ожидании повышения по должностной лестнице, соперничество между отдельными архонтами и наушничество как один из путей стать «любимчиком» и занять место «под солнцем» императорской власти⁷. С тем, чтобы приблизить к каждодневности эти «спектакли», где архонты выглядели как некие ирреальные фигуры, приведем уже много раз цитированный фрагмент из письма любимого автором этой книги поздневизантийского писателя Димитрия Кидониса, занимавшего высокий пост в иерархии управления: «Во всем насилии: тебе не позволяют позавтракать, когда ты хочешь;

⁵Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. *Miscellanea Byzantina monacensia* 1. München, 1973. S. 155, 162.

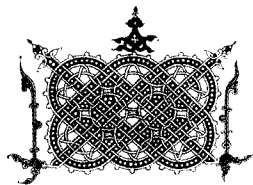
⁶Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992. С. 122.

⁷Поляковская М.А. Мир поздневизантийской бюрократии // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки*. 2010. № 3 (79). С. 16.

после ужина ты не можешь лечь спать, но должен бежать к архонту — по грязи и сквозь глубочайшую темноту, постоянно поскользываясь и проклиная родителей за то, что они не заставили тебя лучше стать ремесленником»⁸.

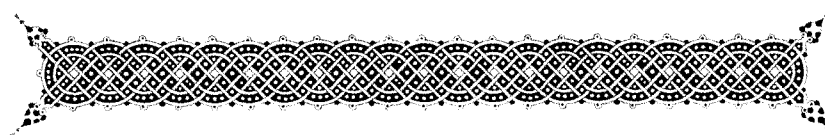
Несмотря на ограниченность сведений, могущих быть почерпнутыми в трактате Псевдо-Кодина, этот источник может дать стартовый материал для изучения каждой из ступеней чиновной иерархии.

Исследуемую в книге тему — «церемониал и власть», или «чиновничество в контексте церемониала», разумеется, нельзя считать исчерпанной. Некоторые из названных Псевдо-Кодином реалий скорее всего станут предметом изучения для автора книги уже после ее завершения. Однако в трактате имеется еще немало энигм, причем не только относящихся к предметному ряду. Взять хотя бы личность самого автора трактата — кто он, этот Псевдо-Кодин? Надо думать, что для изысканий, разгадок и, может быть, реинтерпретаций найдется свой исследователь. Что же касается автора книги, то он заканчивает свой труд традиционной фразой: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes»⁹.

⁸Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 206. Citta del Vaticano, 1956. Т. 1; 1960. Т. 2. № 50. 16—18.

⁹«Я сделал все, что мог, пусть те, кто может, сделают лучше». Эти ставшие позднее крылатыми слова римские консулы по истечении должностного срока произносили при передаче полномочий.

Приложение 1

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ XIV В.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ФУНКЦИИ И СПРАВКА ПО ПРОСОПРОГРАФИИ

Высший разряд

1. Деспот (δεσπότης)

Командующий войском (как севастократор и кесарь). Самый высокий титул после императора, не наследовался. Деспоты — сыновья императора имели преимущества перед братьями и зятьями императора, тоже деспотами.

Ps.-Kod.: 133.3,5,7; 141.3; 147.5; 149.15—18; 150; 167.3—6; 175.32; 196.30; 198.3; 204.10; 212.7; 225.20; 256.6—7; 257.20; 269.24—25; 273.4; 274—275; 276.5,20; 278.21; 279.11; 284.12.

PLP: 10972, 10978, 10981, 21427, 21454, 21456, 21459, 21460, 21470, 21475, 21487, 21499, 21500, 21511, 21513, 21521, 21522, 21528, 91042, 91373, 91374, 91377, 92138.

2. Севастократор (σεβαστοκράτωρ)

Командующий войском (как деспот и кесарь).

Ps.-Kod.: 133; 147.1, 9—17; 149.18—150.1—5; 167.3—6; 212.7; 274—275.

PLP: 195, 208, 212, 1487, 1499, 1506, 3435, 5691, 6464, 8277, 10961, 10986, 14888, 19884, 21184, 21487, 21498, 24018, 29126, 19129, 91369, 91373.

3. Кесарь (καίσαρ)

Командующий войском (как деспот и севастократор).

Ps.-Kod.: 147.2; 148.22—149.14; 167.3—6; 212.8; 274—275.

PLP: 2942, 4396, 20691, 21479, 21498, 23720, 24386, 26894, 29199, 19750, 29771, 30989.

Первый разряд

Группа I

4. Великий domestik (μέγας δομέστικός)

Глава сухопутной армии. Имеет резиденцию в Константинополе. В период военных действий по его знаку трубачи подают сигнал к выступлению войска, даже если император в это время находится на месте дислокации войска. Проводит смотр войска, руководит всеми маневрами. Имеет право поднять свое знамя (орифламму) раньше, чем будет поднято императорское знамя. Во время боя осуществляет верховное командование. Получает свою часть военной добычи сразу после императора.

Ps.-Kod.: 151.11—152.18; 167.7—11; 168.1—2; 175.18; 178.5—6, 14—15; 179.39, 14—15; 184.6—7.

PLP: 196, 1640, 4359, 10011, 10957, 10973, 12102, 17618, 17977, 21455, 21487, 24109, 24111, 25150, 26894, 27468, 27505, 27738, 29809, 30989.

5. Паниперсеваст (πανυπερσέβαστος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 134.18, 21, 25; 135.18—19; 136.1—2, 11, 17, 21, 24; 137.1; 152.22—153.4; 167.12—13; 215.14—15, 19—20; 216.3.

PLP: 222, 920, 1487, 1494, 6417, 8662, 10617, 10622, 13184, 21479, 27742, 29067, 91369.

6. Протоветстиарий (πρωτοβεστιάριος)

Ответственный за императорский гардероб.

Ps.-Kod.: 134.2, 8—9; 135.2—3, 27; 136.11—12, 16, 22; 152.17—18; 153.3—10; 167.7—11; 190.10—11; 198.6, 9, 20; 202.16; 203.13, 18; 207.24—25; 210.23; 215.23—24; 216.2.

PLP: 784, 951, 1723, 5887, 5890, 10011, 15153, 19439, 19512, 19836, 20305, 21206, 21435, 24092, 24110, 24125, 27120, 27505, 30968.

7. Великий дука (μέγας δούξ)

Главкомандующий флотом. На его галере находится императорское знамя.

Ps.-Kod.: 134.10; 135.3; 137.3, 21; 153.11—154.7; 167.14—27; 179.13; 183.21—22.

PLP: 1180, 1494, 8154, 8597, 10010, 14554, 16580, 16711, 20730, 21528, 21905, 24386, 27167, 27305, 27308, 27580, 27753, 27815, 27944, 29751, 30139.

8. Протостратор (πρωτοστράτωρ)

Глава императорской конюшни. Наряду с придворной службой в этом качестве принимает участие и в военных действиях.

Ps.-Kod.: 137; 154.8—14; 168.1—27; 173.16—28; 176.5.

PLP: 203, 949, 1207, 3269 (?), 6666, 7811, 8227, 10979, 19769, 21416, 21432, 21433, 21484, 24700, 24701, 24855, 25084, 26653, 26898, 27120, 27494, 27498, 27504, 27813, 27951, 29559, 29575, 29751, 29815, 30100, 30139, 31190.

9. Великий логофет (μέγας λογοθέτης)

Ответственный за императорскую документацию и внешнеполитическую переписку.

Ps.-Kod.: 137.3, 18; 154.15—19; 174.1—9.

PLP: 518, 520, 784, 8599, 17982, 17986, 19439, 24126, 27278, 27303, 92286.

10. Великий стратопедарх (μέγας στρατοπεδάρχης)

Главный интендант армии, ответственный за снабжение войска провиантом.

Ps.-Kod.: 132.7; 137.5, 20, 26; 154.20—27; 174.10—13.

PLP: 608, 609, 1598, 2057, 2518, 5887, 7811, 13618, 14859, 17618, 17980, 17981, 21428, 21433, 21514, 24105, 24786, 25091, 25146, 27125, 27282, 27399, 27400, 27755, 29774, 30090, 30945, 91128.

Группа II

11. Великий примикирий (μέγας πριμικήριος)

Комендант императорского эскорта в армии, имеет личное знамя (фламулу), распорядитель церемониала.

Ps.-Kod.: 132.78; 137.6, 27; 155.1—15; 174.14—175.11; 177.5; 182.20—21; 191.20—21; 192.2—3, 17—18.

PLP: 179, 203, 609, 1187, 1488, 1506, 2470, 8283, 11346, 14337, 17981, 18077, 21484, 27505, 29129, 29576, 29815, 91128, 92111, 92154.

12. Великий коноставл (μέγας κονοσταύλος)

Командующий отрядом западных наемников.

Ps.-Kod.: 137.7; 155.16—19; 175.12—14.

PLP: 8154, 8283, 10044, 10073, 10984, 19306, 21528, 21580, 27126, 27475, 27504, 27775, 27777, 27818, 29008, 29132, 92111.

13. Протосебаст (πρωτοσέβαστος)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 134.5; 135.28; 137.9; 155.20—26; 175.15—16.
PLP: 10617, 14550, 14551, 17977, 18135, 19439, 20726, 21435, 21494, 21651, 24126, 24127, 27470, 27505, 30989, 92154, 93286.

14. Пинкери (πινκέρης)
Императорский виночерпий.
Ps.-Kod.: 137.10; 155.27—29; 175.17—19; 207.17; 211.22. 218.15.
PLP: 204, 5888, 14518, 14860, 20727, 23097, 23768, 24132, 25082, 25146, 25350, 27167, 27504, 27774, 29123, 29752, 91038, 92513, 92538.

15. Куропалат (κουροπαλάτης)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 137.11; 156.1—3; 175.20—22.
PLP: 8584, 19056, 21163, 27504.

16. Паракимомен печати (παρακοιμώμενος τῆς σφενδόνης)
Ответственный за скрепление императорских документов печатью.
Ps.-Kod.: 132.8; 137.12; 156.4—12; 158.3—4, 175.23—176.5.
PLP: 20201, 25210, 27276, 30954.

17. Паракимомен покоев (παρακοιμώμενος τοῦ κοιτῶνος)
Возглавляет штат слуг императорских покоев, живет во дворце.
Ps.-Kod.: 137.13, 22—23; 156.13—19; 157.3—4; 176.6—14; 186.11—12.
PLP: 2458, 30954.

Группа III

18. Логофет геникона (λογοθέτης τοῦ γενικοῦ)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 137.14—16; 156.20—157.4; 176.15—16.
PLP: 518, 520, 17982, 19439, 31161.

19. Протовестиарит (πρωτοβεστιαρίτης)
Одна из главных фигур придворного церемониала. Сообщает императору все срочные известия.
Ps.-Kod.: 157.5—11; 176.17—178.2.
PLP: 1206, 5509, 6417, 7811, 10956, 11264, 14859, 17981, 21461, 26458, 27278, 91819.

20. Доместик трапезы (δομέστικός τῆς τραπέζης)
Прислуживает императору за столом и ранжирует гостей по достоинству на парадных обедах.

Ps.-Kod.: 138.1; 157.12—14, 17, 24; 178.3—6; 207.13—14; 210.14—15; 218.21; 237.18; 272.

PLP: 10034, 14331(?), 17157, 27120.

21. Эпи тис трапезис (ἐπί τῆς τραπέζης)

Помощник доместика на императорских обедах.

Ps.-Kod.: 138.2; 157.15—22; 178.4—6; 207.14; 210.17; 237.19; 272.12.

PLP: 171, 3248, 4339(?), 6666, 14134, 14331(?), 14513, 20200, 20729, 21411, 29777, 30945.

22. Великий папия (μέγας παπίας)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138.3; 157.23—158.7; 178.7—9.

PLP: 10084, 10973, 20198, 21163, 21493, 27504, 27507, 27748, 27752, 92224.

23. Эпарх (ἐπαρχος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 134.14; 138.4; 158.8—10; 170.18; 178.10—11.

PLP: 1312, 1493, 8283, 19306, 19445, 29129, 29501, 30346, 30410, 92111.

24. Великий друнгарий стражи (μέγας δρουγγάριος τῆς βίγλης)

В военное время — в службе великого доместика, в мирное, по всей вероятности, возглавляет дворцовую стражу. Во время военных действий отвечает за несение дневного и ночного караула, расставляет посты, контролирует работу караула в целом.

Ps.-Kod.: 138.5; 158.11—24; 178.12—15; 179.13—14; 249.11—250.12.

PLP: 19437, 21463, 21537, 22404, 29124, 29131, 29813, 91685, 92398.

25. Великий этериарх (μέγας ἐταιρειάρχης)

Возглавляет отряды иностранной гвардии.

Ps.-Kod.: 138.6; 159.3—8; 176.21—22, 28; 178.16—23; 186.26—27; 190.11—12; 191.9—11; 207.27; 214.1.

PLP: 2452, 5510, 5537, 6081, 10026, 14526, 16850, 19443, 20725, 24901, 25060, 25282, 27469, 29759, 30959.

26. Великий хартулярий (μέγας χαρτουλλάριος)

Вероятно, имеет отношение к службе императорских конюшен.

Ps.-Kod.: 138.7; 159.9—11; 168.12—24.

PLP: 2518, 8596, 10956, 14515, 14858, 17983, 21496, 25155, 29818, 92537.

- 27.** Логофет дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.8; 159.12—16; 178.24—27.
PLP: 4272, 17987.
- 28.** Протасикрит (πρωτασηκρήτις)
Главный судья.
Ps.-Kod.: 139.9; 159.17—160.6; 178.28—33.
PLP: 2183, 3554, 7968, 20091, 20094, 20096, 25154, 26657, 29758, 29770.
- 29.** Эпи ту страту (ἐπί τοῦ στρατοῦ)
Служит в ведомстве великого доместика. В его обязанности входит выбор лагеря во время военного похода.
Ps.-Kod.: 138.10; 160.6—10; 179.1—4; 248.29—249.1—2.
PLP: 6589, 10068, 17141, 19428, 19513, 21097, 24101, 25138, 92644.
- 30.** Мистик (μυστικός)
Глава императорского нотариата.
Ps.-Kod.: 138.11; 160.11—13; 179.5—6.
PLP: 5872, 8643, 11724, 14174, 19295, 21524, 29718, 30153, 30961, 92220.
- 31.** Доместик схол (δομέστικος τῶν σχολῶν)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.12; 160.14—20; 179.7—10.
PLP: 10607, 29632.
- 32.** Великий друнгарий флота (μέγας δρουγγάριος τοῦ στόλου)
Имеет службу в ведомстве великого дуки.
Ps.-Kod.: 138.13; 160.21—24; 179.11—15; 167.24—25; 179.11; 208.27—209.1.
PLP: 3293, 19440, 19447 (?), 92111.
- 33.** Примикирий двора (πριμμικήριος τῆς αὐλῆς)
В службе великого примикирия.
Ps.-Kod.: 138.14; 160.25—161.2; 161.16; 178.1—2; 179.16—24; 181.8; 190.12—13; 207.27—28; 214.2.
PLP: 5692, 20725, 21483.
- Группа IV
- 34.** Протоспафарий (πρωτοσπαφάριος)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.5; 161.3—7; 182.11—14.
PLP: 7426, 8731, 14723, 14742, 26568.

- 35.** Великий архонт (μέγας ἀρχων)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.16; 161.8—10; 182.15—16.
PLP: 190, 10072, 10084, 16621, 17141, 19060, 21911, 24108, 27473, 92224, 92644.
- 36.** Татас двора (τατᾶς τῆς αὐλῆς)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.17; 161.11—13; 182.17.
PLP: 678, 6713, 19306, 27747.
- 37.** Великий заусий (μέγας τζαούσιος)
Имеет службу под началом великого примикирия.
Ps.-Kod.: 138.18; 161.14—20; 162.14; 182.18—21.
PLP: 1313, 6018, 11184, 21164, 21828, 26501, 27748, 30985, 92427.
- 38.** Претор народа (πραιτώρ τοῦ δήμου)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.19; 161.21—24; 182.22—23.
PLP: 518(?), 19620, 24291, 25282, 31163, 91037.
- 39.** Логофет частных имуществ (λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.20; 161.25—27; 182.24—25.
PLP: 241, 7968, 17982, 29350, 91682.
- 40.** Великий логариаст (μέγας λογαριαστής)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 138.21; 162.1—3; 182.26—27.
PLP: 518, 2558, 10010, 14088, 16396, 30346.
- 41.** Протокиниг (πρωτοκунηγός)
Ответственный в службе императорской охоты, командует стрелками, называемыми скулломангами.
Ps.-Kod.: 138.22; 162.4—6; 182.28—183.10.
PLP: 709, 2518, 3016, 13130, 24107, 24265, 24908.
- 42.** Скутерий (σκουτέριος)
Носит оружие императора, в том числе и в пределах расположения войск.
Ps.-Kod.: 138.23; 162.7; 183.11—20.
PLP: 4217, 8208, 11005, 11006, 11009, 11010, 24906, 24145, 30939, 93348.
- 43.** Амиралий (ἀμηράλιος)
Находится под командованием великого дуки.
Ps.-Kod.: 138.24; 162.8; 183.21—23; 167.25; 183.21—23.

PLP: 2735, 4635, 5186, 7813, 8216, 10836, 10887, 11448, 11578, 13495, 15043, 18112, 19408, 19494, 19516, 19580, 22332, 23232, 23644, 26116, 26304, 26365, 26366, 27308.

44. Эпи тон деисеон (ἐπί τῶν δεήσεων)

Принимает ходатайства в адрес императора.

Ps.-Kod.: 138.25; 162.9—11; 183.24—27;

PLP: 3953, 4272, 6092, 13876 (?), 17131, 17979, 20094 (?), 22439, 26204, 29603, 30724, 93633, 93768.

45. Квестор (κοισίτωρ)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138.26; 162.12—14,16; 184.1—3.

PLP: 1633, 30961.

46. Великий аднумиаст (μέγας ἀδνουμιαστής)

Служит в ведомстве великого доместика.

Ps.-Kod.: 138.27; 162.15—20; 184.4—7; 250.13—20.

PLP: 202, 2529, 6462, 11490, 16829, 20095, 29467, 29470.

47. Логофет стратиотику (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138.28; 162.21—24; 184.8—9.

PLP: 10090, 29465, 94143.

48. Протоиеракарий (πρωτοἱερακάριος)

Глава лучников-сокольничих.

Ps.-Kod.: 138.29; 162.25—32; 163.7; 184.10—13.

PLP: 61, 2454, 3016, 14807, 23606, 24896, 26952, 27123, 30346, 92055, 92402, 94378, 30346.

49. Логофет тон агелон (λογοθέτης τῶν ἀγγελῶν)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138.30; 163.1—4; 184.14—16; 209.10—11; 211.10—11.

PLP: 241, 16365, 17982, 22350, 29570.

Второй разряд

50. Великий диерминевт (μέγας διερμινευτής)

Переводчик, толкователь текстов.

Ps.-Kod.: 138.31; 163.5—13; 184.17—19.

PLP: 2673, 13371, 19620, 25282, 27179.

51. Аколуп (ἀκόλουθος)

Глава отрядов варягов.

Ps.-Kod.: 138.32; 163.14—17,19; 184.20—24.

PLP: данные отсутствуют.

52. Великий диикит (μέγας διοικητής)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138.36; 163.18—21; 185.15—16.

PLP: 4215, 5694, 10090, 91427, 91682.

53. Судья ту фоссату (κριτής τοῦ φωσσάτου)

Военный судья, рассматривает в армии споры, возникавшие по поводу оружия, лошадей, добычи и других причин.

Ps.-Kod.: 138.33; 163.22—24; 184.25—31.

PLP: 3364, 5510, 17504, 25041, 25140, 30766.

54. Архонт ту аллагиу (ἄρχων τοῦ ἀλλαγίου)

Находится в службе великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138.34; 163.25—28, 31—32; 185.1—4.

PLP: данные отсутствуют.

55. Проталлагатор (πρωταλλαγάτωρ)

Находится в службе великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138.35; 163.29—164.6; 185.5—14.

PLP: 1571, 23343, 25152, 91580.

56. Орфанотроф (ὄρφανοτρόφος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139.1; 164.7—8; 185.16—17.

PLP: 616, 2183, 3637, 5960, 10487, 11604, 14177, 16718, 23162, 30344, 91847.

57. Протонотарий (πρωτονοτάριος)

Первый секретарь.

Ps.-Kod.: 139.2; 164.9—10; 185.21—24.

PLP: 421, 926, 2118, 2120, 3309, 3549, 3631, 6128, 6188, 7469, 8573, 10056, 10059, 10092, 10255, 10650, 11374, 13188, 13247, 13875, 14431, 14519, 15153, 16121, 17103, 17764, 19525, 19615, 20290, 21108, 21651, 22353, 22354, 22436, 24844, 25034, 26973, 27124, 27341, 27521, 28205, 30015, 30681, 30869, 31108, 31189, 31239, 31241, 91429, 91686, 92240, 93183, 94423.

58. Эпи тон анамнисеон (ἐπί τῶν ἀναμνήσεων)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139.3; 164.11—17; 185.25—186.2.

PLP: 14990, 23042, 26191, 26209, 26456, 26545.

59. Доместик городских стен (δομέστικός τῶν τευχέων)

Заботится о ремонте городских стен.

Ps.-Kod.: 139.4; 164.18—21; 186.3—7.

PLP: данные отсутствуют.

- 60.** Прокафимен опочивальни (προκαφήμενος τοῦ κοιτῶνος)
Глава вестиариев, находится под началом паракимомена опочивальни.
Ps.-Kod.: 139.5; 164.22—25; 165.3—4; 176.10,11; 186.8—12.
PLP: 10371, 24843, 30724.
- 61.** Прокафимен вестиария (προκαφήμενος τοῦ βεστιαρίου)
Глава вестиария, ведает финансовыми вопросами (доходами и расходами).
Ps.-Kod.: 139.6; 165.1—4; 186.13—17.
PLP: 10865, 21652.
- 62.** Вестиариу (βεστιαρίου)
Заведует императорским гардеробом во время морского похода (командует судном, на котором находится императорская одежда).
Ps.-Kod.: 139.7; 165.4—5; 186.18—23.
PLP: 712, 5327, 6514, 16063, 16680, 19516.
- 63.** Этериарх (ἐταρειάρχης)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 139.8; 165.7—12; 177.6,19; 178.2; 185.24—27; 186.21—27.
PLP: 870, 957, 1179, 2829, 3358, 4214, 10340, 14778, 17439, 20307, 21641, 26991, 27950, 93500, 93693.
- 64.** Логариаст двора (λογαριαστής τῆς αὐλῆς)
Контролирует доходы тех воинов, которые находятся при дворе.
Ps.-Kod.: 139.9; 165.13—15; 186.28—29; 187.1—3.
PLP: 215, 11313.
- 65.** Стратопедарх тон монокабаллон (στρατοπεδάρχης τῶν μονοκαβάλλων)
Отвечает за конников в фемах.
Ps.-Kod.: 139.12—13; 165.16—17; 187.4—13.
PLP: 30953.
- 66.** Стратопедарх тон занграторон (στρατοπεδάρχης τῶν τζαγγρατόρων)
Отвечает за воинов-стрелков.
Ps.-Kod.: 139.12—13; 165.18—20; 187.14—16.
PLP: 25394.
- 67.** Стратопедарх тон муртатон (στρατοπεδάρχης τῶν μурτάτων)
Глава воинов-муртатов.
Ps.-Kod.: 139.14—15; 165.21—23; 187.17—18.
PLP: сведения отсутствуют.

- 68.** Стратопедарх тон законон (στρατοπεδάρχης τῶν τζακῶνων)
Отвечает за воинов гарнизонов.
Ps.-Kod.: 139.16; 165.24—25; 187.19—22.
PLP: сведения отсутствуют.
- 69.** Прокафимен больших дворцов (προκαφήμενος τῶν μεγάλων παλατίων)
Забота о состоянии больших дворцов.
Ps.-Kod.: 139.17—18; 165.27—30; 187.23—24.
PLP: сведения отсутствуют.
- 70.** Прокафимен Влахернского дворца (προκαφήμενος τῶν Βλαχερνῶν παλατίων)
Представляет администрацию дворца.
Ps.-Kod.: 139.19—20; 166.1-3; 187.25—26.
PLP: сведения отсутствуют.
- 71.** Доместик фем (δομέστικός τῶν θεμάτων)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 139.21; 166.4—5; 188.1—3.
PLP: 16365, 24842.
- 72.** Доместик западных фем (δομέστικός τῶν δυτικῶν θεμάτων)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 139.24—25; 165.8—11; 188.5—8.
PLP: 1180, 6651, 11641, 26902, 27486, 92363.
- 73.** Доместик восточных фем (δομέστικός τῶν ἀνατολικῶν θεμάτων)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 139.22—23; 166.6—7; 188.5—8.
PLP: 1627(?), 1633, 25029.
- 74.** Великий мургаит (μέγας μурταίτης)
Не имеет службы.
Ps.-Kod.: 139.26; 166.12—17; 188.9—10.
PLP: 23823.
- 75.** Протокомит (πρωτοκόμης)
Первый из комитов императорского флота.
Ps.-Kod.: 139.27; 166.18—20; 167.26; 188.11—14.
PLP: сведения отсутствуют.
- 76.** Друнгарий (δρουγγάριος)
Командует небольшим количеством воинов на море.
Ps.-Kod.: 139.29; 166.21—22; 188.15,19.
PLP: 3233, 10867.

77. Севаст (σεβαστός)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 133.18; 135.21—22; 139.30; 166.23.

PLP: 710, 713, 872, 1158, 1160, 1347, 1632, 3232, 5204, 5420, 5707, 5872, 8093, 10529, 10538, 10559, 10569, 10731, 10832, 11604, 11646, 11718, 11837, 12096, 13048, 14174, 14380, 15210, 15213, 15234, 90020, 90040, 90106, 90211, 90257, 17133, 17201, 17474, 17954, 19134, 19346, 19371, 19442, 19838, 19862, 21027, 21333, 21559, 21593, 21634, 21829, 22293, 22420, 23032, 23623, 23860, 24658, 24915, 24994, 25007, 25044, 25066, 25067, 91041, 91084, 91109, 91115, 91203, 91398, 91427, 91568, 92108, 92220, 92331, 92363, 92418, 93069, 93159.

78. Миртаит (μυρταΐτης)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139.31; 166.24.

PLP: 960, 91817(?)

79. Прокафимен городов (προκαφήμενος πόλεως)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139.32; 166.25—27; 188.20—22.

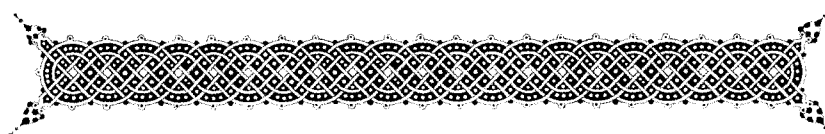
PLP: сведения отсутствуют.

80. Папия (παπίας)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139.28; 166.28—29.

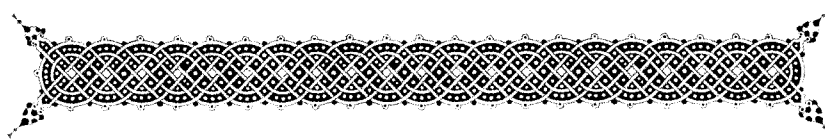
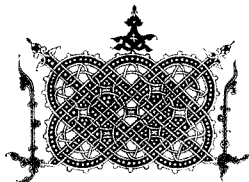
PLP: сведения отсутствуют.

Приложение 2**АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ЧИНОВ**

(С УКАЗАНИЕМ ИХ ПОРЯДКОВОГО НОМЕРА В ИЕРАРХИИ)

Амиралий	43	Доместик трапезы	20
Аколуф	51	Доместик схол	31
Архонт ту аллагиу	54	Доместик фем	71
Великий аднумиаст	46	Доместик восточных фем	73
Великий архонт	35	Доместик западных фем	72
Великий диерминевт	50	Друнгарий	76
Великий диикит	52	Квестор	45
Великий доместик	4	Кесарь	3
Великий друнгарий флота	32	Куропалат	15
Великий друнгарий стражи	24	Логариаст двора	64
Великий дука	7	Логофет тон агелон	49
Великий заусий	37	Логофет геникона	18
Великий коноставл	12	Логофет дрома	27
Великий логариаст	40	Логофет стратиотику	47
Великий логофет	9	Логофет частных имуществ	39
Великий миртаит	74	Мистик	30
Великий папия	22	Миртаит	78
Великий примикирий	11	Орфанотроф	56
Великий стратопедарх	10	Паниперсеваст	5
Великий хартулярий	26	Папия	80
Великий этериарх	25	Паракимомен печати	16
Вестиариу	62	Паракимомен покоев	17
Деспот	1	Пинкern	14
Доместик городских стен	59	Претор народа	38

Примикирий двора	33	Протокомит	75
Прокафимен опочивальни	60	Севаст	77
Прокафимен больших дворцов	69	Севастократор	2
Прокафимен вестиария	61	Скутерий	42
Прокафимен Влахернского дворца	70	Стратопедарх тон монокабаллон	65
Прокафимен городов	79	Стратопедарх тон занграторон	66
Протасикрит	28	Судья ту фоссату	53
Протовестиарий	6	Стратопедарх тон муртатон	67
Протостратор	8	Стратопедарх тон законон	68
Протосеваст	13	Татас двора	36
Протовестиарит	19	Этериарх	63
Протоспафарий	34	Эпарх	23
Протокиниг	41	Эпи тис трапезис	21
Протоиеракарий	48	Эпи тон анамнисеон	58
Проталлагатор	55	Эпи тон деисеон	44
Протонотарий	57	Эпи ту страту	29

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Анна Комнина. Алексиада / вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965.
- Виллардуэн Ж. де. Взятие Константинополя. Песни труверов / Ж. де Виллардуэн. М., 1984.
- Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты) / пер. и примеч. М. Л. Гаспарова; вступ. ст. Е. М. Штаерман; отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1993.
- Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2005.
- Георгий Сфрандзи. Хроника / пер. и примеч. Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Т. 5. Ереван, 1987.
- Клавиho Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406) / Руи Гонсалес де Клавиho; пер. со староиспан., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990.
- Клари Р. де. Завоевание Константинополя / Р. де. Клари; пер., вступ. ст. и коммент. М. А. Заборова. М., 1986.
- Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко; вступ. ст. М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М., 1988.
- Михаил Пселл. Хронография / пер., вступ. ст. и прил. Я. Н. Любарского. М., 1978.
- Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина (1186—1206). СПб., 1862. Т. 2.
- Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Рязань, 2004.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992.
- Прокопий Кесарийский. О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.

Прокопий Кесарийский. О постройках / пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4 (9).

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер., вступ. ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1998.

Симеон Фессалоникийский. О святом храме // Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания Св. Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1994.

Симеон Фессалоникийский. О священной литургии // Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания Св. Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1994.

Симеон Фессалоникийский. Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных // Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания Св. Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. М., 1994.

Anne Comnene Alexiade. Vol. 1—3 / ed. and trans. by B. Leib. P., 1937—1945.

Codini Curopalatae de officialibus palatii Constantinopolitani et de officiis magnae ecclesiae liber / ex recog. I. Bekkeri. Bonn, 1839.

Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies / texte établi et trad. par A. Vogt. Vol. 1—2. P., 1935—1940.

Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / rec. J. J. Reiskii. Vol. 1—2. Bonnae, 1829—1830.

Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 206. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2.

Georgii Pachemeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII / rec. I. Bekker. Vol. 1—2. Bonnae, 1835.

Georgii Acropolitae Opera / rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903.

Georgius Phrantzes, Ioannes Cananus, Ioannes Anagnostes. Bonn, 1838.

Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Cura L. Schopeni. Vol. 1—3. Bonnae, 1828—1832.

Leonis Diaconi Historiae libri decem. Bonnae, 1828.

The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. T. Dennis. Washington, 1977

Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècle / introd., texte, trad. et comment. par N. Oikonomidès. Paris, 1972.

Λόγος ιστορικός / ed. A. Papadopoulou-Kerameus // Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐν Πετρούπολει, 1891. Τ. 1.

Liutprandi Legatio ad Imperatorem Constantinopolitanum Niceforum Phocam // Liutprandi Opera / ed. J. Becker. 1915.

Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / G. P. Majeska. Washington, 1984.

Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077) / texte établi et trad. par E. Renaud. I—II. P., 1926—1928.

Nicephori Gregorae Byzantine historia / Cura L. Schopeni. Vol. 1—2. Bonnae, 1829—1830.

Nicephorus Gregoras Byzantina historia. Vol. 1—3. Bonnae, 1829—1855.

Nicetae Choniatae Historia / ed. I. Bekker. Bonn, 1835.

Odo de Diogilo. De profectioe Ludovici VII Francorum regis in Orientem / ed. by V. G. Berry. N. Y., 1948.

Procopius Caesariensis. De Aedificiis // Procopii Caesariensis Opera Omnia. Leipzig, 1962—1964.

Pseudo-Kodinos. Traité des offices / introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1976.

Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken / P. Schreiner. Wien, 1975.

Theophanes Continuatus. Chronographia. Bonn, 1838.

Справочная литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. СПб. ; М., 1882.

Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. М., 1958.

Новогреческо-русский словарь / сост. А. А. Иоаннидис ; под ред. А. А. Белецкого. М., 1961.

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453. Vol. 1—5 / bearbeit. von F. Dölger. München ; Berlin, 1925—1965.

The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1—3. N. Y. ; Oxford, 1991.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. F. 1—12. Wien, 1976—1994.

Исследования

Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры / С. С. Аверинцев // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

Айналов Д. В. Княгиня Ольга в Царьграде / Д. В. Айналов // Тр. XII археол. съезда в Харькове. Т. 3. М., 1905.

Андреева М. А. О церемонии «прокиписис» / М. А. Андреева // СК. 1927. Т. 1.

Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII веке / М. А. Андреева. Прага, 1927.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. М., 1992.

Барбу Д. Византийский образ: создание и способы использования / Д. Барбу // Анналы на рубеже веков : антология : пер. с франц. М., 2002.

Белозерская Н. Царское венчание в России : ист. очерк / Н. Белозерская. СПб., 1896.

Беляев Д. Ф. Byzantia I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей / Д. Ф. Беляев. СПб., 1891.

Беляев Д. Ф. Byzantia II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX—X в. / Д. Ф. Беляев. СПб., 1893.

Беляев Д. Ф. Byzantia III. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. С портретом автора, двумя таблицами и 27 рисунками в тексте / Д. Ф. Беляев. СПб., 1906.

Бибиков М. В. «Великие василевсы» византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти / М. В. Бибиков // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Блок М. Короли-чудотворцы : очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. М., 1998.

Бойцов М. А. Величие и смирение: очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. М., 2009.

Бойцов М. А. Погребение императора Фридриха III в 1493 г. / М. А. Бойцов // СВ. М., 2000. Вып. 61.

Бойцов М. А. Ритуал императорских похорон в Германии конца XV в. / М. А. Бойцов // СВ. М., 1995. Вып. 58.

Бойцов М. А. Сидя на алтаре... / М. А. Бойцов // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / М. А. Бойцов // Ключевые проблемы изучения и преподавания Средних веков. М., 2006.

Васильев А. А. История Византийской империи от начала крестовых походов до падения Константинополя / А. А. Васильев ; пер. с англ. Н. Г. Грушевого. СПб., 1998.

Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403) / А. А. Васильев. СПб., 1912.

Васильевский В. Г. Варяго-русские и варяго-английские дружины в Константинополе XI—XV в. / В. Г. Васильевский // Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908.

Васильевский В. Обзорные труды по византийской истории / В. Васильевский // ЖМНП. 1888. Сент. Ч. 259.

Влахерны // Православ. энцикл. : в 18 т. Т. 9. М., 2005.

Высоцкий А. М. Церковь Богородицы Влахернской в Константинополе, ее отражение на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху / А. М. Высоцкий // ВВ. 2005. Т. 64 (89).

Герцман Е. В. Музыкальная культура поздней Византии / Е. В. Герцман // Культура Византии : в 3 т. Т. 3. М., 1991.

Герцман Е. В. Развитие музыкальной культуры / Е. В. Герцман // Там же. Т. 2. М., 1989.

Герцман Е. В. Становление музыкальной культуры / Е. В. Герцман // Там же. Т. 1. М., 1984.

Горянов Б. Т. Неизданный анонимный хронограф XIV в. / Б. Т. Горянов // ВВ. 1949. Т. 2 (27).

Грабар А. Император в византийском искусстве / А. Грабар. М., 2000.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. М., 1972.

Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда : сб. ст. М., 2001.

Дестунис Г. С. Топография средневекового Константинополя / Г. С. Дестунис // ЖМНП. 1883. Февр. Ч. 225.

Джурич В. И. Портреты в изображениях рождественских стихир / В. И. Джурич // Византия, южные славяне и Древняя Русь,

Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

Дмитриева О. В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор / О. В. Дмитриева // СВ. 1995. Вып. 58.

Евсеева Л. М. Афонская книга образцов XV в. О методах работы и моделях средневекового художника / Л. М. Евсеева. М., 1998.

Жворонков П. И. Избрание и коронация никейских императоров / П. И. Жворонков // ВВ. 1988. Т. 49.

Жворонков П. И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита / П. И. Жворонков // ВО. 1991.

Желтов М. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня / М. Желтов, А. А. Лукашевич // Православ. энцикл. Т. 9. М., 2005.

Жоливе-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии (867—1056) / К. Жоливе-Леви // ВВ. 1988. Т. 49.

Иоанн (Рахманов), иеромонах. Обрядник византийского двора (De cerimoniis aulae Byzantinae) как церковно-археологический источник / иеромонах Иоанн (Рахманов). М., 1895.

Каждан А. Севастократоры и деспоты в Византии XII в. Несколько дополнений / А. Каждан // ЗРВИ. 1973. Т. 14/15.

Калмыкова Е. В. Посмертный культ английских королей XIV—XV вв. / Е. В. Калмыкова // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Карпов С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. СПб., 2007.

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность / Г. С. Кнабе. М., 1986.

Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя / Н. П. Кондаков. М., 2006.

Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры / Н. П. Кондаков. Прага, 1929.

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал : сб. ст. М., 2004.

Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция / Г. Л. Курбатов // Культура Византии, IV — первая половина VII в. Т. 1. М., 1984.

Куш Т. В. Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии / Т. В. Куш // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 4 (66).

Куш Т. В. Чума в поздней Византии / Т. В. Куш // ВВ. 2008. Т. 67 (92).

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. М., 1992.

Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. М., 1974.

Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. / Г. Г. Литаврин М., 1977.

Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии / Г. Г. Литаврин // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников / Г. Г. Литаврин // ВВ. 1981. Т. 42.

Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары императора» / Г. Г. Литаврин // ВО. 1982.

Лихачева В. Д. Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия (на примере рукописи ГПБ) / В. Д. Лихачева // ВВ. 1977. Т. 38.

Лопарев Хр. К чину царского коронования в Византии / Хр. Лопарев // Сб. ст. в честь Дмитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публ. б-ке. СПб., 1913.

Лотман Ю. М. Великосветские обеды / Ю. М. Лотман, Е. А. Погосян. СПб., 1996.

Мареева О. В. Генезис венца как регалии власти / О. В. Мареева // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Медведев И. П. Была ли в Византии конституция? / И. П. Медведев // Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Мейендорф И. Православие в современном мире / И. Мейендорф. N. Y., 1981.

Мейендорф И. Византийское наследие в Православной церкви / И. Мейендорф. Киев, 2007.

Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X — начале XI в. / А. С. Мохов // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. [Сер.] Гуманитар. науки. Вып. 7.

Нуждин О. И. Женщины Византии эпохи первых Палеологов (внешнеполитический аспект деятельности) / О. И. Нуждин // АДСВ. 2002. Вып. 33.

Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / Д. Оболенский. М., 1998.

Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1856.

Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования / Г. А. Острогорский // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

Паламарчук А. А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. / А. А. Паламарчук // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Петров М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. М., 1991.

Польская С. А. «...Прими власть как испытание...»: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков / С. А. Польская // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Польская С. А. Французский монарх, церковь и двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения / С. А. Польская // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

Поляковская М. А. Византийская империя XIV в.: «театр власти» / М. А. Поляковская // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008.

Поляковская М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов / М. А. Поляковская // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003.

Поляковская М. А. Генуэзцы в византийском церемониальном пространстве XIV века / М. А. Поляковская // Византия в контексте мировой культуры : к 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк : материалы конф. СПб., 2008 (Тр. Государственного Эрмитажа ; т. 42).

Поляковская М. А. Диканикий как атрибут власти византийских архонтов / М. А. Поляковская // Византийское государство в IV—XV вв. Центр и периферия : тез. докл. XV Всерос. науч. сессии византистов. Барнаул, 1998.

Поляковская М. А. Женщина в византийском придворном церемониале XIV в. / М. А. Поляковская // *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005.

Поляковская М. А. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства / М. А. Поляковская // АДСВ. 2003. Вып. 34.

Поляковская М. А. Итальянские посольства в контексте поздневизантийского церемониала / М. А. Поляковская // Византия в контексте мировой культуры : науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк : тез. докл. СПб., 2006.

Поляковская М. А. К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра / М. А. Поляковская // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. 30.

Поляковская М. А. К спорам о скаранике / М. А. Поляковская // АДСВ (Симферополь). 1995. Вып. 27.

Поляковская М. А. Мир поздневизантийской бюрократии / М. А. Поляковская // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2010. № 3 (79).

Поляковская М. А. Поздневизантийская придворная элита в зеркале церемониала / М. А. Поляковская // АДСВ. 2008. Вып. 38.

Поляковская М. А. Поздневизантийский чин коронования василевса / М. А. Поляковская // ВВ. 2009. Т. 68 (93).

Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов : три очерка / М. А. Поляковская. СПб., 1998.

Поляковская М. А. Праздник Рождества Христова в рамках византийского церемониала: эволюция ритуала / М. А. Поляковская // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2010 (Тр. Государственного Эрмитажа ; т. 43).

Поляковская М. А. Сакрализация парадной жизни византийского императорского дворца эпохи Палеологов / М. А. Поляковская // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2009. № 4 (66).

Поляковская М. А. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X—XIV в) / М. А. Поляковская // АДСВ. 2000. Вып. 31.

Поляковская М. А. Энигматичность артефактов поздневизантийского обрядника и историографический опыт их идентификации / М. А. Поляковская // *Imagines mundi* : альманах исслед. всеобщ. истории XVI—XX вв. 2010. № 7. Сер. Интеллектуал. истории. Вып. 4. С. 47—55.

Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник / М. А. Поляковская // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003.

- Поляковская М. А. Византия: быт и нравы / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. Свердловск, 1989.
- Ронин В. К. Византия в системе ранневизантийских представлений раннекарolingских писателей / В. К. Ронин // ВВ. 1986. Т. 47.
- Савва В. Московские цари и византийские василевсы : к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей / В. Савва. Харьков, 1901.
- Самойлова Т. Е. Власть перед лицом смерти / Т. Е. Самойлова // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал. М., 2004.
- Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н. Скабаланович. СПб., 1884.
- Скабаланович М. Воздвижение Честного Креста. Христианские праздники / М. Скабаланович. Репринт. изд. 1915 г. М., 1995.
- Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. / Е. Ч. Скржинская // ВВ. 1947. Т. 1 (26).
- Соколов И. И. Избрание патриархов с половины IX до половины XV века (843—1453) : ист. очерк / И. И. Соколов. СПб., 1907.
- Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843—1453). Вселенские судьи в Византии / И. И. Соколов. СПб., 2003.
- Срезневский И. И. Материалы словаря древнерусского языка по письменным источникам / И. И. Срезневский. СПб., 1903.
- Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича. М., 2008.
- Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра I до смерти Николая I / Р. С. Уортман. М., 2002.
- Успенский Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. М., 2000.
- Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. М., 1998.
- Утченко С. Д. Две шкалы римской системы ценностей / С. Д. Утченко // ВДИ. 1972. № 4.
- Утченко С. Д. Политические учения Древнего Рима III—I вв. / С. Д. Утченко. М., 1977.

- Ферјанчић Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама / Посебна издања Српска Академија наук и уметности ; Б. Ферјанчић. Београд, 1960.
- Ферјанчић Б. Севастократоры и кесари в Српском царству / Б. Ферјанчић // Зб. филозоф. фак. 1970. Т. 2.
- Ферјанчић Б. Севастократоры в Византии / Б. Ферјанчић // ЗРВИ. 1968. Т. 11.
- Хачатурян Н. А. Король — sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) / Н. А. Хачатурян // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.
- Хачатурян Н. А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности / Н. А. Хачатурян // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.
- Хвостова К. В. Роль и значение права прецедентов в системе византийского правопорядка / К. В. Хвостова // ВВ. 2008. Т. 67 (92).
- Чекалова А. А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV — первая половина VII в.) / А. А. Чекалова // ВВ. 2003. Т. 62 (87).
- Чекалова А. А. К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. 1991.
- Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника / А. А. Чекалова. СПб., 1997.
- Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии / А. А. Чекалова, М. А. Поляковская // ВО. 1996.
- Ченцова В. Г. К вопросу о титуле «деспот» в Морее (интерпретация фрагмента из «Истории» Георгия Пахимера) / В. Г. Ченцова // Господствующий класс феодальной Европы М., 1989.
- Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья (Византии и Русь) / И. С. Чичуров. М., 1991.
- Шалина И. А. Иконография Воздвижения Креста в византийской и древнерусской живописи / И. А. Шалина // Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
- Шишкин В. В. Знатные дамы при дворе Анны Австрийской и политическая борьба во Франции в 30—40-е гг. XVII в. / В. В. Шишкин // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995.
- Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204—1461) / Р. М. Шукуров. СПб., 2001.

Шукуров Р. М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) / Р. М. Шукуров // Чужое: опыты преодоления : очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.

Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас. М., 2002.

Эссад Дж. Константинополь от Византии до Стамбула / Дж. Эссад ; предисл. Ш. Дила ; пер. П. Безобразова. М., 1919.

A Technical History of Costume. L., 1947.

Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin / H. Ahrweiler. P., 1975.

Ahrweiler H. Les termes *Τσάκωνες* — *Τσακωνίαι* et leur évolution sémantique / H. Ahrweiler // REB. 1962. Vol. 20.

Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhof / A. Alföldi // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. 1934. Bd. 49.

Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche / A. Alföldi. Darmstadt, 1970.

Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204—1330 / D. Angelov. Cambridge, 2006.

Ball J. L. Byzantine Dress. Representations of Secular Dress in Eighth to Twelfth Century Painting / J. L. Ball. N. Y., 2005.

Beck H.-G. Das byzantinische Jahrhundert / H.-G. Beck. München, 1978.

Beck H.-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits. Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität / H.-G. Beck. München, 1979.

Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich / H.-G. Beck. München, 1959.

Beck H.-G. Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat / H.-G. Beck. // Ideen und Realitäten in Byzanz L., 1972.

Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte / H.-G. Beck // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. 1966. Hf. 6. München, 1966.

Becker J. Die Werke Liutprands von Cremone. Antapodosis / J. Becker. Hannover ; Leipzig, 1915.

Berger A. Imperial and Ecclesiastical Procession in Constantinople / A. Berger // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and everyday Life / ed. by N. Necipogly. Leiden ; Boston ; Köln, 2000.

Bertelli S. Rituals of Violence Surrounding the King's Body / S. Bertelli // Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher / hrsg. von L. Kolmer. Paderborn, 1997.

Bloch M. Les rois thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre / M. Bloch. P., 1924.

Blöndal S. The Varangians of Byzantium / S. Blöndal. Cambridge, 1978.

Blumenstengel J. Wesen und Funktion des Banketts im Beowulf / J. Blumenstengel. Marburg, 1964.

Boak A. E. P. Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries / A. E. P. Boak // Harvard Studies in classical Philology. 1919. Vol. 30.

Bolognesi Recchi-Franceschini E. The Boundaries of the Palace: De cerimoniis II. 13 / E. Bolognesi Recchi-Franceschini, M. Fetherstone // Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires. P., 2002.

Blumke J. Höfische Kultur: Literatur und Gesellschaft in hohen Mittelalte / J. Blumke. München, 1986.

Bumke J. Courtly Culture: Literature and Society in the High Middle Ages / J. Blumke. N. Y. ; L., 2000.

Bury J. B. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos / J. B. Bury // The English Historical Review. 1907. Vol. 22.

Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century / J. B. Bury. L., 1911.

Βυζαντινὰ μελετὰ τοπογραφικὰ καὶ ιστορικὰ μετὰ πλείστων εἰκονῶν ὑπο Α. Γ. Πασπατῆ. Κονστ., 1877.

Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.

Cannadine D. [Introduction] The Divine Rites of Kings / D. Cannadine // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies. Cambridge, 1987.

Chroscicki J. A. Pompa Funerbis / J. A. Chroscicki. Warszawa, 1974.

Dagron G. Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin / G. Dagron. P., 1996.

Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 a 451 / G. Dagron. P., 1974.

Dagron G. Trônes pour un empereur / G. Dagron // Βυζαντινὸ κράτος καὶ κοινωνία. Μνημὴ Νίκου Οικονομίδη. Αθήνα, 2003.

Dennis G. *Imperial Panegyric: Rhetoric and Reality* / G. Dennis // *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.

Di Cosmo A. P. *Regalia Signa. Iconografia e simbologia della potestà imperiale* / A. P. Di Cosmo // *PORFYRA. Rivista dell'Associazione Culturale Bisanzio*. 2009. Nov. Anno 6. Suppl. 10.

Diehl Ch. *Etudes byzantines* / Ch. Diehl. P., 1905.

Diehl Ch. *Le palais impérial et la vie de cour à Byzance* / Ch. Diehl // *La Revue de Paris*, 1935. Vol. 42.

Diehl Ch. *Sur la date de quelques passages du livre des cérémonies* / Ch. Diehl // *Revue des études Grecques*, 1903. Vol. 16.

Dieten J. L. van. *Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen* / J. L. van Dieten // *Zeitschrift für Historische Forschungen*. 1979. Bd. 6, Hf. 1.

Dietrich K. *Hofleben in Byzanz* / K. Dietrich. Leipzig, 1912.

Dölger F. *Besprechung von Ostrogorsky und Stein Krönungsordnung* / F. Dölger // *BZ*. 1936. Bd. 36.

Dölger F. *Byzantinische Urkundenlehre. Abschn. 1 : Die Kaiserurkunden* / F. Dölger, J. Karayannopoulos. München, 1968.

Dvornik F. *Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background* / F. Dvornik. Washington, 1966. Vol. 2.

Ebersolt J. *La miniature Byzantine* / J. Ebersolt. P., 1926.

Ebersolt J. *La grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies* / J. Ebersolt. P., 1910.

Ebersolt J. *Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantins. I. Etudes sur la vie publique et privée de la cour byzantine* / J. Ebersolt // *Revue de l'histoire des religions*, 1917. Vol. 76.

Ebersolt J. *Sainte-Sophie de Constantinople: études de topographie d'après les cérémonies* / J. Ebersolt. P., 1910.

Elias N. *The Court Society* / N. Elias. Oxford, 1983.

Ensslin W. *Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl* / W. Ensslin // *Klio*. 1942. Bd. 35.

Failler A. *Les insignes et la signature du despote* / A. Failler // *REB*. 1992. Vol. 40.

Featherstone J. M. *De cerimoniis and the Great Palace* / J. M. Featherstone ; ed. by P. Stephenson. L. ; N. Y., 2010.

Fenster E. *Laudes Constantihopolitanae* / E. Fenster. München, 1969. (*Miscellanea Byzantina Monacensia* ; Hf. 9).

Geertz C. *Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power* / C. Geertz // *Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages* / ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985.

Gelzer H. *Byzantinische Kulturgeschichte* / H. Gelzer. Tübingen, 1909.

Grabar A. *L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient* / A. Grabar. P., 1936.

Grabar A. *Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle* / A. Grabar // *Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968*. Venise, 1971.

Grumel V. *La chronologie* / V. Grumel. P., 1958.

Grumel V. *Le «miracle habituel» de Notre-Dame des Blachernes à Constantinople* / V. Grumel // *EO*. 1931. Vol. 30.

Guilland R. *Autor du livre des cérémonies de Constantin VII Porphyrogénète* / R. Guilland // *REG*. 1946/1947. T. 59/60.

Guilland R. *Etudes sur le Grand palais de Constantinople les XIXe lits* / R. Guilland // *JÖBG*. 1962—1963. Bd. 11—12.

Guilland R. *Le despote* / R. Guilland // *REB*. 1959. Vol. 17.

Guilland R. *Le Thomaïtès et le Patriarcat* / R. Guilland // *JÖBG*. 1956. T. 5.

Guilland R. *Mélanges Merlier* / R. Guilland. Athen, 1956. Vol. 1.

Guilland R. *Recherches sur les institutions byzantines* / R. Guilland. Berlin ; Amsterdam, 1967. T. 1—2.

Guilland R. *Le Césarate* / R. Guilland // *OCP*. 1947. Vol. 13.

Guillou A. *La civilisation byzantine* / A. Guillou. Paris, 1974.

Hauck K. *Rituelle Speisegemeinschaft im 10. und 11. Jahrhundert* / K. Hauck // *Studium generale*. 1950. Bd 3, Hf. 11.

Heisenberg A. *Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit* / A. Heisenberg // *SBAW. Phil.-hist. Kl. Abh.* 10. München, 1920.

Heisenberg A. *Aus Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit* / A. Heisenberg // *SBAW*. 1920. Abh. 85.

Herrin J. *The Imperial Female in Byzantium* / J. Herrin // *Past and Present : J. of Historical Studies*. 2000. Novemb., N 169.

Hunger H. *Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden* / H. Hunger // *Wiener byzantinische Studien*. Bd. 1. Wien, 1964.

Hunger H. *Reditus imperatoris* / H. Hunger // *Fest und Alltag in Byzanz* / hrsg. von G. Prinzig und D. Simon, München, 1990.

Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur / H. Hunger. Graz ; Wien ; Köln, 1965.

Irmscher I. Nikäa als «Mittelpunkt des griechischen Patriotismus» / I. Irmscher // BF. 1972. Bd. 4.

Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantine. Pt. 1 : Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique, Vol. 3 : Les églises et les monastères de Constantinople / R. Janin. P., 1953.

Janin R. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique / R. Janin. P., 1950.

Janin R. Le palais patriarcal de Constantinople byzantine / R. Janin // REB. 1962. Vol. 20.

Janin R. Les Turcs Vardariotes / R. Janin // EO. 1930. Vol. 29.

Kantorowicz E. H. The King's two Bodies. A Study in Medieval Political Theology / E. H. Kantorowicz. Princeton, 1957.

Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolographie X—XII Centuries / A. Karpozilos // BZ. 1984. Bd. 77.

Karpozilos A. Realia in Byzantine Epistolographie XIII—XIV Centuries / A. Karpozilos // BZ. 1995. Bd. 88.

Kazhdan A. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries / A. Kazhdan, A. W. Epstein. Berkeley ; Los Angeles ; L., 1985.

Kazhdan A. P. The Social World of the Byzantine Court / A. Kazhdan, M. McCormick // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.

Koder J. Liutprand von Cremona in Konstantinopel / J. Koder, Th. Weber. Wien, 1980.

Koder J. Στερεότυπα στη Βυζαντινή ιστορία. Ο Λιουτπράνδος Κρεμώνης ως «ιστοριογράφος» και ως αντικείμενο της ιστοριογραφίας / J. Koder // Το παιχνίδι με την Ιστορία. Θεσσαλονίκη. 1994. T. 4.

Kondakov N. P. Les costumes orientaux à la cour byzantine / N. P. Kondakov // Byzantion. 1924. Vol. 1.

Κουκουλές Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμὸς / Φ. Κουκουλές. Ἀθήναι, 1954.

Koukoulès Ph. Βυζαντινῶς βίος / Ph. Koukoulès. Athènes, 1951.

Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527—1453) / K. Krumbacher. München, 1897.

Kuruses St. J. Αἱ ἀντιλήψεις περὶ τῶν ἐσχάτων τοῦ κόσμου καὶ ἡ κατὰ τὸ ἔτος 1346 πτώσις τοῦ τροῦλλου τῆς ἁγίας Σοφίας / St. J. Kuruses // ΕΕΒΣ. 1969—1970. T. 37.

Kyrris C. P. John Cantacuzenos and the Genoese 1321—1348 / C. P. Kyrris // Miscellanea storica ligure. Milano, 1963. T. 3.

Kyrris C. P. La rôle de la femme dans la société byzantine particulièrement pendant les derniers siècles / C. P. Kyrris // JÖB. 1982. Vol. 32/2.

Laiou A. E. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècles / A. E. Laiou. P., 1992.

Laurent V. Les signataires du second synode des Blachernes (été 1285) / V. Laurent // EO. 1927. Vol. 26.

Laurent V. Ὁ Βαρδαριώτων ἤτοι Τούρκων, Perses, Turcs asiatiques ou Tourcs hongrois / V. Laurent // Сб. в память на проф. П. Никовъ. София, 1940.

Magdalino P. Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development / P. Magdalino // Economic History of Byzantium. Washington, 2002.

Maguire H. Gardens and Parks in Constantinople // DOP. 2000. Vol. 54.

Majeska G. P. The Emperor in His Church: Imperial Ritual in the Church of St. Sophia / G. P. Majeska // Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.

Mamboury E. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel / E. Mamboury, T. Wiegand. Berlin, 1934.

Mango C. La mystère de la XIVe région de Constantinople / C. Mango // Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires. P., 2002.

Mango C. The XIVth Region of Constantinople / C. Mango // Studies on Constantinople. Brookfield, 1993.

Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354 / K.-P. Matschke. Berlin, 1971.

Matschke K.-P. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen / K.-P. Matschke, F. Tinnfeld. Köln ; Weimar ; Wien ; Böhlau, 2001.

Mercati G. Due nuove memorie della basilica di S. Maria delle Blacherne / G. Mercati // Atti Pontifica Accademia Romana di Archeologia. Ser. 3. Memorie I. 1.26—30. Opere Minori IV. Vatican, 1937.

Morrisson C. Le modiolos: couronne impériale ou couronne pour l'empereur? / C. Morisson // Mélanges Gilbert Dagron. Travaux et Mémoires. P., 2002. Vol. 14.

Nicol D. Kaisersalbung. The Unction of Emperors in Late Byzantine Coronation Ritual / D. Nicol // *BMGS*. 1976. Vol. 2.

Ostrogorsky G. Urum — Despotes. Die Anfänge der Despoteswürde in Byzanz / G. Ostrogorsky // Ostrogorsky G. Zur byzantinischen Geschichte. Ausgewählte kleine Schriften. Darmstadt, 1973.

Ostrogorsky G. Zur Kaisersalbung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell / G. Ostrogorsky // *Historia*. 1955. Vol. 4.

Ostrogorsky G. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches: Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen / G. Ostrogorsky, E. Stein // *Byz.* 1932. Bd. 7.

Papadopoulos J. B. Les palais et les églises des Blachernes / J. Papadopoulos. Athènes, 1928.

Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue / E. Piltz. Uppsala, 1994.

Piltz E. Loros — ett byzantinskt insignium / E. Piltz // *Byzantina*. Nordisk tidskrift för byzantinologi. 1972. Vol. 1.

Piltz E. Middle Byzantine Court Costume / E. Piltz // *Byzantine Court Culture from 829 to 1204* / ed. by H. Maguire. Washington, 1997.

Piltz E. Trois sakkoi byzantins / E. Piltz. Stockholm, 1976.

Ravegnani G. L'ambasceria di Liutprando di Cremona alla corte di Costantino Porfirogeneto e il Libro delle cirimonie / G. Ravegnani // *Syndesmos. Studi in onore di Rosano Anastasi*. 1994. Vol. 2.

Reinert S. W. Political Dimensions of Manuel II Palaiologos' 1392 Marriage and Coronation. Some New Evidence / S. W. Reinert // *Novum millenium : Studies on byzantine History and Culture dedicated to P. Speck* / ed. by C. Sode and S. A. Takács. Ashgate, 2001.

Restle M. Hofkunst — höfische Kunst Konstantinopels in der mittelbyzantinischen Zeit / M. Restle // *Höfische Kultur in Südosteuropa* / eds. R. Lauer, G. Majer. Göttingen, 1994.

Rösch G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit / G. Rösch. Wien, 1978.

Runciman S. Blacherne Palace and its Decoratio / S. Runciman // *Studies in Memory of David Talbot Rice*. Edinburgh, 1975.

Runciman S. The Byzantine Theocracy / S. Runciman. Cambridge ; L. ; N. Y. ; Melburn, 1977.

Schaller H. M. Der Kaiser stirbt / H. M. Schaller // *Tod im Mittelalter* / hrsg. von A. Borst. Konstanz, 1993.

Schlumberger G. Les îles des Princes, le palais et l'église des Blachernes. La grande muraille de Byzance / G. Schlumberger. P., 1884.

Schneider A. M. Die Blachernen // *Oriens*. 1951. Vol. 4.

Schreiner P. Charakteristische Aspekte der byzantinischen Hofkultur. Der Kaiserhof in Konstantinopel / P. Schreiner // *Höfische Kultur in Südosteuropa*. Bericht der Kolloquien der Südosteuropakommission 1988 bis 1990 / hrsg. von R. Lauer und H.-G. Majer. Göttingen, 1994.

Schreiner P. Hochzeit und Krönung Kaiser Manuels II. im Jahre 1392 / P. Schreiner // *BZ*. 1967. Bd. 60, Hf. 1.

Schreiner P. Zur Bezeichnung «megas» und «megas basileus» in der byzantinischen Kaisertitulatur / P. Schreiner // *Byzantina*. Thess., 1971. Vol. 3.

Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth Century / I. Ševčenko // *XIVe Congrès International des études byzantines*. Rapp. 1. Bucarest, 1971.

Solovyjev A. Les emblems heraldiques de byzance et les slaves / A. Solovyjev // *Сб. ст. по археологии и византиноведению* / Ин-т им. Н. П. Кондакова. Вып. 7. Прага, 1935.

Stein E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte / E. Stein // *Mitteilungen zur Osmanische Geschichte*. Hannover, 1923—1925. Bd. 2.

Taft R. F. The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom / R. F. Taft. Rome, 1975.

Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates / F. Tinnefeld. München, 1971.

Tinnefeld F. Rituelle und politische Aspekte des Herrschertodes im späten Byzanz / F. Tinnefeld // *Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher* / hrsg. von L. Kolmer. Paderborn, 1997.

Tinnefeld F. Semiotische Aspekte der byzantinischen Gesellschaftsstruktur / F. Tinnefeld // *XVII Междунар. конгр. византинистов : резюме сообщений*. М., 1991. Т. 2.

Tinnefeld F. Der Blachernenpalast in Schriftquellen der Palaiologenzeit / F. Tinnefeld // *Λιθόστρωτον*. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcelle Restle. Stuttgart, 2000.

Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und

Reichsgedanken : zweite unveränderte Auflage / O. Treitinger. Darmstadt, 1956.

Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee : Verlag der Frommannschaften Buchhandlung / O. Treitinger. Jena, 1938.

Treitinger O. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken / O. Treitinger // Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropa. 1940. Jg. 4. Hf. 1/2.

Treu K. Byzantinische Kaiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften / K. Treu // BZ. 1972. Bd. 65.

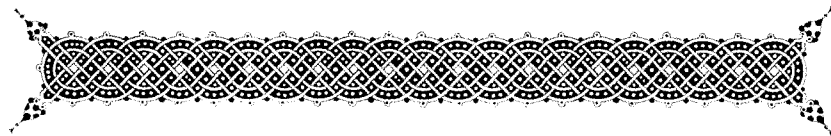
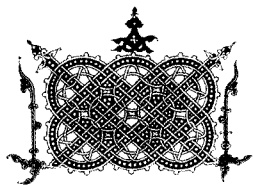
Verpeaux J. Introduction / J. Verpeaux // Pseudo-Kodinos. Traité des offices / introd., texte et trad. par J. Verpeaux. P., 1976.

Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert / G. Weiss. Wiesbaden, 1969.

Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. Miscellanea Byzantina monacensia 1 / G. Weiss. München, 1973.

Williams E. A. Byzantine «Ars nova»: the 14th Century Reforms of John Koukouzeles the Chanting of Great Vesper / E. A. Williams // Aspects of Balkans continuity and change (Contribution to the International Balkan Conference held at ULCA, Oktober 23—28, 1969). Mouton ; Hague ; Paris, 1972.

Zakythinos D. Byzance et les peuples de l'Europe du sud-est: La synthèse byzantine / D. Zakythinos // Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 3.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ*

АВТОКРАТОР — император Византии, самодержец.

АГИАСМ — ритуал освящения дворцовых помещений.

АДОРАЦИО — сохранившийся в Византии с изменениями римский ритуал поклонения правителю с коленопреклонением и поцелуем.

АИР — вуаль на головном уборе.

АКАКИЯ — мешочек с землей, который василевс держал во время торжественных церемоний в левой руке как символ брэнности человеческой жизни и смирения правителя.

АМВОН — примыкающее к центральной части солеи возвышение, с которого читались священные тексты; в ходе чина коронавания василевса на А. свершалось его помазание и возложение короны.

АНАВАФРА — помост, возводившийся во дворце или храме для акта «возвышения» василевса.

АНАЛОЙ — стол, на котором во время богослужения лежат Священное Писание, крест и икона, соответствующая отмечаемому в храме дню.

АНТИДОРОН — освященный хлеб, раздаваемый верующим после литургии.

АСПАСМ — церемониальный поцелуй.

ВАЙЯ — 1) праздник Входа Господня в Иерусалим; 2) богато украшенная золотая пальмовая ветвь, которую василисса держала в руках во время коронавания.

ВАРАНГИ — стражники норманнского происхождения.

ВАРДАРИОТЫ — стражники восточного происхождения.

ВАСИЛЕВС — византийский правитель царь.

* Кроме представленных в приложениях 1—2.

- ВАСИЛИССА (августа, деспина) — супруга василевса.
- ВЕСТИАРИЙ — царская сокровищница.
- ВУКИНАТОР — музыкант, игравший на духовых инструментах.
- ГИМАТИЙ — широкий длинный плащ- накидка.
- ГРАНАТЦА — императорское платье без пояса с рукавами до лодыжек.
- ДЕПУТАТ (ДЕПОТАТ) — церковный статус василевса.
- ДЕФЕНСОР — церковный статус василевса.
- ДИВАМПУЛ — золотой подсвечник с двумя ответвлениями и большой свечой, украшенной киноварью и золотыми лепестками и красными крестами в кругах.
- ДИВЕЛЛИЙ — императорское знамя.
- ДИКАНИКИЙ — жезл как символ власти на различных ступенях иерархии.
- ДИМАРХ — один из «декоративных» глав городских организаций, исчезнувших ко времени правления Палеологов.
- ИСИХАЗМ — связываемое с именем Григория Паламы религиозное учение, оказывавшее заметное влияние на расстановку политических сил в период междоусобиц 40—60-х гг. XIV в.
- КАВВАДИЙ — узкое длинное платье архонтов кафтанообразного типа с длинным рукавом, подпоясанное, с мелкой застежкой.
- КАЖДЕНИЕ — сжигание ароматических смол во время церемоний в храме.
- КАЛИПТРА — высокий головной убор архонтов цилиндрической формы, упомянутый не Псевдо-Кодином, а другими источниками XIV в. (возможно, это скараник для элиты и архонтов первого разряда).
- КАНОНАРХ — участник церковного хора, начинавший каждую строку канона, которую затем повторял хор.
- КОМП — «узел», один из декоративных элементов диканикия.
- КОРТИНАРИИ — стражники с чисто «декоративными» функциями, представляемыми преимущественно в церемонии прокипсиса.
- КРАКТЫ — чтецы речитативного стиля, входившие в состав церковного хора.
- ЛАМПАДАРИЙ — служитель, державший золотой дивампул в ходе особо торжественных ритуалов (церемония прокипсиса).
- ЛАПАТЦА — платье архонтов, сходное с императорской гранатцой, но более короткими рукавами и носимое с поясом.
- ЛОР — в поздневизантийскую эпоху широкий златотканый пояс, носимый с саккосом.

- МЕСАДЗОН — высшее должностное лицо в государственном управлении Поздней Византии («премьер-министр»).
- МИНС — предмет посуды, блюдо, поднос.
- МИРИНФ — шнур, на котором печать прикрепляли к грамоте.
- НОМИСМА — византийская золотая монета.
- ОКТОПЕДИЙ — императорская фламула с восемью «языками».
- ПАРАСТАСИС — построение архонтов по рангам на императорских приемах, на церемонии прокипсиса и в храме.
- ПИЛАТИКИИ — флажки, которыми протовестиарий определял начало последующего этапа церемонии прокипсиса.
- ПОЛИХРОНИЙ — торжественное провозглашение многолетия.
- ПРОКИПСИС — 1) сцена с занавесами перед дворцом или храмом; 2) торжественная церемония «явления» василевса на сцене-прокипсисе.
- ПРООЙМИЙ — преамбула императорской грамоты.
- ПРОСКИНИЗА — различные варианты церемониального поклона.
- ПРОТОПСАЛТ — первый певчий с функциями руководителя церковного хора.
- ПСАЛТ — певчий.
- РУХ — туника красного цвета, легкое платье для императора и придворной элиты.
- САККОС — торжественное одеяние императора.
- СИМФОНИЯ — концепция гармоничных взаимоотношений государства и церкви.
- СКАРАНИК — высокая, богато декорированная шапка цилиндрической формы для представителей элиты и архонтов первого разряда. С. архонтов второго разряда был покрыт красным бархатом и имел округлую форму с «пуговкой» наверху.
- СКИАДИЙ — высокая шляпа с небольшими, поднятыми вверх полями (у императора и представителей элиты — с подвесками).
- СОЛЕЯ — возвышение перед алтарем, отделенное от него алтарной преградой.
- СТЕММА — императорская корона эпохи Палеологов, представлявшая собой одетую на золотой обруч и богато декорированную золотым шитьем и камнями полусферу с крестом в верхней ее части и жемчужными подвесками.
- СТЕММАТОГИРИЙ — венец, возлагаемый на головы севастократора и кесаря во время их инвеституры.

СТЕФАНОС — венец деспота и некоторых членов императорской семьи.

ТАМПАРИЙ — один из типов платья для представителей придворной элиты.

ТЕОФАНИЯ — акт обожествления василевса.

ТРИКЛИНИЙ — приемный зал в императорском дворце (возможно, помещение для приема императором гостей в стенах храма).

ФАКЕОЛИДА — головной убор в форме тюрбана.

ФИАЛ — императорский головной убор, украшенный драгоценными камнями и жемчугом, с поднимающимися вверх золотыми лучами и обрамлением из перьев по низу невысокой тульи в форме полусферы.

ФЛАМУЛА — императорская хоругвь с изображением святых; архонты также имели Ф.

ХИРОТОНИЯ — рукоположение духовного лица в сан.

ХРИСОВУЛ — 1) золотая печать, подвешиваемая к императорской грамоте; 2) византийская златопечатная грамота.

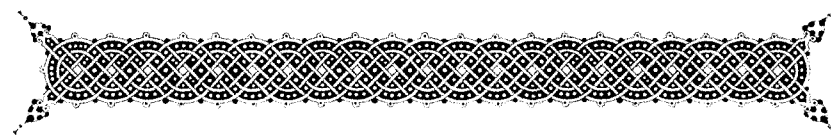
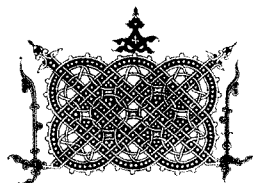
ЭВФИМИЯ — церемония прославления императора.

ЭНКОМИЙ — похвальная речь, панегирик.

ЭПИКОМПИЙ — мешочек с монетами, разбрасываемый в местах скопления народа от имени императора в торжественные дни.

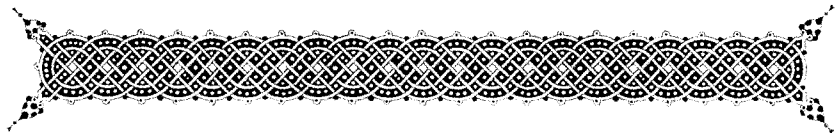
ЭПИЛУРИК — легкое платье из шелка или хлопка, напоминающее камзол.

ЭПИФАНИЯ — церемониальный акт обожествления императора.

СОКРАЩЕНИЯ

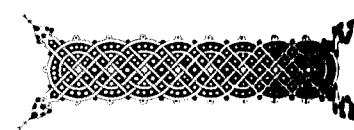
АДСВ	Античная древность и Средние века
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВО	Византийское очерки
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ	Зборник Радова Византолошког Института
СВ	Средние века
BF	Byzantinische Forschungen
BMGS	Byzantine and Modern Greek Studies
BZ	Byzantinische Zeitschrift
Byz	Byzantion
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EO	Échos d'Orient
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JÖBG	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistischen Gesellschaft
ODB	The Oxford Dictionary of Byzantium.
OCR	Orientalia Christiana Periodica
PLP	Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit.
REB	Revue des Etudes Byzantines
SBAW	Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SK	Seminarium Kondakovianum

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Предисловие автора].....	5
Введение. Власть и церемониал	9
Византия: сущность и этапы ее истории.....	9
Значение и смысл церемониала.....	20
Византийские церемониальные книги.....	25
Глава 1 Пространство церемониала эпохи Палеологов	37
Начальная история Влахерн.....	38
Влахерны времени Комнинов.....	44
Влахерны в истории латинян.....	49
Влахерны при Палеологах.....	50
Глава 2. Церемониальный образ императора	56
Инсигнии власти императора.....	56
«Возвышение» василевса как форма презентации власти.....	59
«Явление» императора.....	63
«Отдаление» правителя.....	71
«Впечатление» как способ создания имиджа василевса.....	75
Василевс в среде духовенства.....	88
Император как «подобие Бога».....	90
Энкомий и портрет в создании образа василевса.....	92
Глава 3. Поздневизантийский чин коронования василевса	96
Коронационный акт и «императорская идея».....	96
Источники.....	100
Символ веры.....	102

Поднятие императора на щите.....	105
Акт помазания василевса.....	110
Коронование императора.....	117
Причащение правителя.....	121
Были ли отклонения в чине коронования?.....	125
Глава 4. Социальный мир императорского двора	130
Император и народ.....	131
Василисса и «мир женщин» двора.....	139
Придворная элита.....	149
Чиновная лестница.....	160
Патриарх и иереи в императорском дворе.....	175
Императорская стража.....	180
Глава 5. Парадная жизнь императорского двора	190
Парастасис — императорский прием.....	190
Парадный обед.....	205
Итальянские послы на императорском приеме.....	226
«Император на коне»: выезд императорской кавалькады... ..	234
Религиозные праздники во дворце.....	245
Траурные дни.....	268
Знаковые элементы официального костюма архонтов.....	278
Заключение.....	288
<i>Приложение 1. Табель о рангах XIV в. Должностные функции и справка по просопографии.....</i>	<i>293</i>
<i>Приложение 2. Алфавитный список чинов (с указанием их порядкового номера в иерархии).....</i>	<i>305</i>
Список литературы.....	307
Указатель основных терминов.....	327
Сокращения.....	331

Научное издание

Поляковская Маргарита Адольфовна

**ВИЗАНТИЙСКИЙ
ДВОРЦОВЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ XIV В.:
«ТЕАТР ВЛАСТИ»**

Научный редактор Т. В. Куш

На передней стороне обложки портрет Мануила II Палеолога
Миниатюра из рукописи. 1409—1411
Национальная библиотека, Париж

Редактор и корректор Р. Н. Кислых
Компьютерная верстка Л. А. Хухаревой
Дизайн иллюстраций и обложки Е. Р. Дауровой

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Подписано в печать 10.10.11. Печать офсетная.
Уч.-изд. 18,8. Усл.-печ. л. 20,23. Тираж. 300 экз. Заказ 1363.

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru